

P2
H48

АНДРЕЙ НЕКРАСОВ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

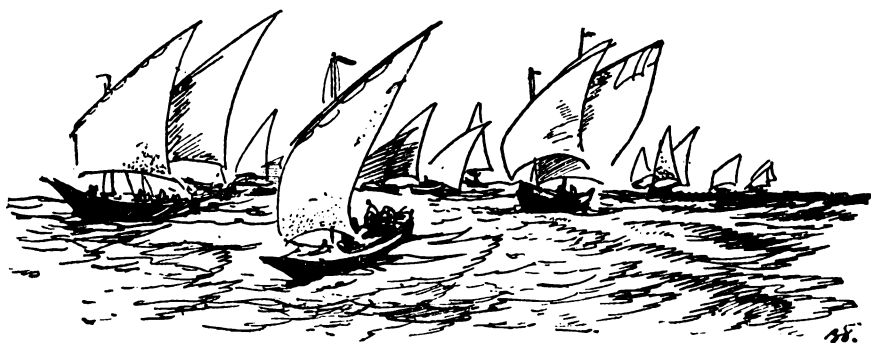
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

АНДРЕЙ НЕКРАСОВ

ПОВЕСТИ
и РАССКАЗЫ

Издательство «Детская литература»
МОСКВА • 1967

P 2

H 48

7-6-2

ОТ АВТОРА

Когда мне исполнилось десять лет, одна девочка, очень хорошая, подарила мне букет голубых незабудок и пожелала спокойной жизни. Цветы я принял с благодарностью, а пожелание меня обидело.

В то время, ровно полвека назад, рушился старый мир и рождался новый.

Мы, мальчишки, каждый день просыпались в радостной тревоге и торопились на улицу. По улицам шли демонстранты, и мы вместе с ними пели песни революции. Если солдаты шагали по мостовой, мы шли рядом, стараясь попасть в ногу. Заслышав стрельбу, мы не прятались в подворотнях. Мы спешили туда, где шел бой, и боялись только, что на нашу долю не хватит ни громких сражений, ни смелых подвигов, ни волнующих приключений, ни славных побед.

О покое мы не мечтали. Мы мечтали узнать все на свете, своими глазами увидеть огромный мир, своими руками сделать то, что делают другие, и то, чего еще никто не делал. Порой несбыточно смелыми казались эти мечты, но они неотступно были с нами, тревожили нас и не давали покоя.

Сейчас мне шестьдесят. Я оглядываюсь назад и благодарю судьбу за то, что не могу вспомнить ни одного спокойного дня в своей жизни.

Я слышал Ленина на Красной площади и морозной январской ночью провожал его в последний путь... Я видел последнего русского царя и первого советского космонавта. При мне строили нашу первую гидроэлектростанцию на Волхове и закладывали самую большую в мире Красноярскую ГЭС на Енисее. Я ловил треску в Баренцевом море, мыл золото на Амуре, бурил нефть на Сахалине, выстаивал трудные вахты у раскаленных топок судовой котельной, бил моржей в Беринговом проливе, добывал китов в Тихом океане, сражался с фашистами под Сталинградом и писал книги о том, что мне довелось увидеть и пережить.

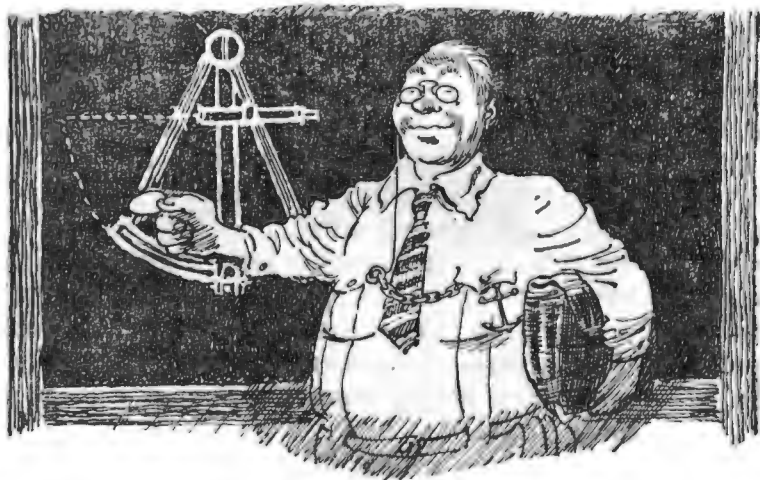
Мои лучшие друзья — мальчишки и девчонки, читатели моих книг,— часто спрашивают меня, почему я стал писателем.

«Потому,— отвечаю я,— что не выучился играть в домино».

Услышав такой ответ, ребята смеются. Им кажется, что это шутка. А это и в самом деле так. Долгие годы я был моряком. У моряков много свободного времени: отстоишь вахту и вроде бы нечего делать. В гости пойти не к кому. Погулять? По палубе особенно не разгуляешься. Кино тогда не было на кораблях. Чтобы скоротать досуг, моряки нередко садились с друзьями за стол и «забивали козла».

Вот этому хитрому искусству я так и не выучился. Отстояв вахту, я от нечего делать много читал, и чем больше читал, тем больше хотелось мне и самому написать что-нибудь. Я завел толстую тетрадку и стал записывать туда все интересные случаи, свидетелем или участником которых мне приходилось быть.

Однажды, вернувшись с Тихого океана в Москву, я принес свою тетрадку в редакцию журнала «Мурзилка». Там почитали мои рассказы, напечатали один, другой, третий... Из этих рассказов собралась моя первая книжка. Потом я написал вторую и навсегда сменил штурманский стол на писательский. И я ничуть не жалею об этом. Мне и сейчас кажется, что подарить людям улыбку, поделиться с ними тем, что знаешь, что видел, что пережил,— самая высокая радость для человека. Многие товарищи моего детства стали большими людьми: есть среди них ученые, сделавшие важные открытия, врачи, спасшие сотни жизней, художники, написавшие отличные картины, архитекторы, построившие красивые дома... Я горжусь своими друзьями, но ничуть не завидую им. А вот вам, моим читателям, которым сегодня по десять лет, я завидую всей душой, потому что самое интересное у меня уже позади, а у вас впереди большая, красивая и, надеюсь, беспокойная жизнь.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАПИТАНА ВРУНГЕЛЯ

П о в е с т ь

Г л а в а I,

*в которой автор знакомит читателя с героем и в которой
нет ничего необычайного*

Навигацию у нас в мореходном училище преподавал Христофор Бонифатьевич Врунгель.

— Навигация, — сказал он на первом уроке, — это наука, которая учит нас избирать наиболее безопасные и выгодные морские пути, прокладывать эти пути на картах и водить по ним корабли... Навигация, — добавил он напоследок, — наука не точная. Для того чтобы вполне овладеть ею, необходим личный опыт продолжительного практического плавания...

Вот это ничем не замечательное вступление послужило для нас причиной жестоких споров и всех

слушателей училища разбило на два лагеря. Одни полагали, и не без основания, что Врунгель — не иначе, как старый морской волк на покое. Навигацию он знал блестяще, преподавал интересно, с огоньком, и опыта у него, видимо, хватало. Похоже было, что Христофор Бонифатьевич и в самом деле избородил все моря и океаны.

Но люди, как известно, бывают разные. Одни доверчивы сверх всякой меры, другие, напротив, склонны к критике и сомнению. Нашлись и среди нас такие, которые утверждали, что наш профессор, в отличие от прочих навигаторов, сам никогда не выходил в море.

В доказательство этого вздорного утверждения они приводили внешность Христофора Бонифатьевича. А внешность его действительно как-то не вязалась с нашим представлением о бравом моряке.

Христофор Бонифатьевич Врунгель ходил в серой толстовке, подпоясанной вышитым пояском, волосы гладко зачесывал с затылка на лоб, носил пенсне на черном шнурке без оправы, чисто брился, был тучным и низкорослым, голос имел сдержанный и приятный, часто улыбался, потирал ручки, нюхал табак и всем своим видом больше походил на аптекаря, чем на капитана дальнего плавания.

И вот, чтобы решить спор, мы как-то попросили Врунгеля рассказать нам о своих былых походах.

— Ну, что вы! Не время сейчас, — возразил он с улыбкой и вместо очередной лекции устроил внеочередную контрольную по навигации.

Когда же после звонка он вышел с пачкой тетрадок под мышкой, наши споры прекратились. С тех пор никто уже не сомневался, что, в отличие от прочих навигаторов, Христофор Бонифатьевич Врунгель приобрел свой опыт домашним порядком, не пускаясь в дальнее плавание.

Так бы мы и остались при этом ошибочном мнении, если бы мне весьма скоро, но совершенно неожиданно не посчастливилось услышать от самого

Врунгеля рассказ о его кругосветном путешествии, полном опасностей и приключений.

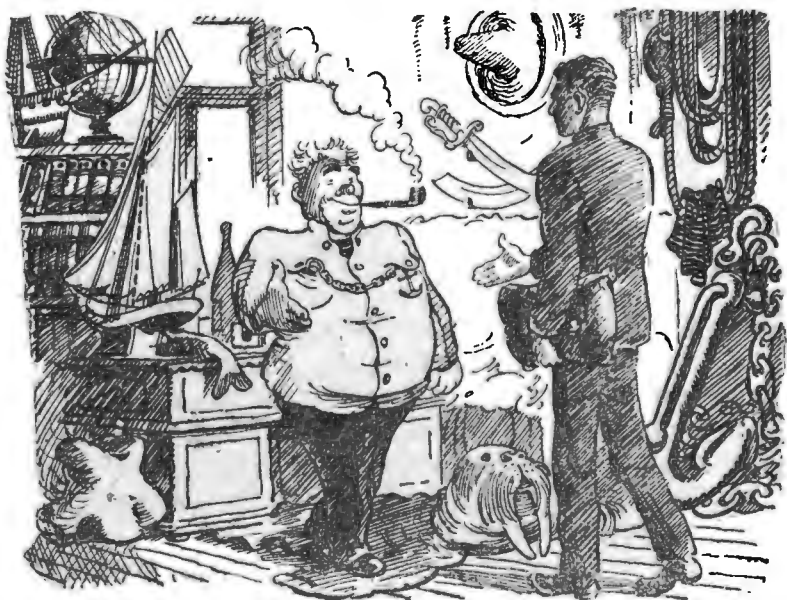
Вышло это случайно. В тот раз после контрольной Христофор Бонифатьевич пропал. Дня через три мы узнали, что по дороге домой он потерял в трамвае калоши, промочил ноги, простудился и слег в постель. А время стояло горячее: весна, зачеты, экзамены... Тетради нужны были нам каждый день... И вот меня как старосту курса командировали к Врунгелю на квартиру.

Я отправился. Без труда нашел квартиру, постучал. И тут, пока я стоял перед дверью, мне совершенно ясно представился Врунгель, обложенный подушками и укутанный одеялами, из-под которых торчит покрасневший от простуды нос.

Я постучал снова, погромче. Мне никто не ответил. Тогда я нажал дверную ручку, распахнул дверь и... остолебенел от неожиданности.

Вместо скромного отставного аптекаря за столом, углубившись в чтение какой-то древней книги, сидел грозный капитан в полной парадной форме, с золотыми нашивками на рукавах. Он свирепо грыз огромную прокуренную трубку, о пенсне и помину не было, а седые, растрепанные волосы клоунами торчали во все стороны. Даже нос, хотя он и действительно покраснел, стал у Врунгеля как-то солиднее и всеми своими движениями выражал решительность и отвагу.

На столе перед Врунгелем в специальной стоечке стояла модель яхты с высокими мачтами, с белоснежными парусами, украшенная разноцветными флагами. Рядом лежал секстант. Небрежно брошенный сверток карт наполовину закрывал сушеный акулий плавник. На полу вместо ковра распласталась моржовая шкура с головой и с клыками, в углу валялся адмиралтейский якорь с двумя смычками ржавой цепи, на стене висел кривой меч, а рядом с ним — зверобойный гарпун. Было еще что-то, но я не успел рассмотреть.

Дверь скрипнула. Врунгель поднял голову, заложил книжку небольшим кинжалом, поднялся и, шатаясь как в шторм, шагнул мне навстречу.

— Очень приятно познакомиться. Капитан дальнего плавания Врунгель Христофор Бонифатьевич,— произнес он громовым басом, протягивая мне руку.— Чему обязан вашим посещением?

Я, признаться, немножко струсил.

— Да вот, Христофор Бонифатьевич, насчет тетрадок... ребята прислали... — начал было я.

— Виноват,— перебил он меня,— виноват, не узнал. Болезнь проклятая всю память отшибла. Стар стал, ничего не поделаешь.. Да... так, говорите, за тетрадами? — переспросил Врунгель и, склонившись, стал рыться под столом.

Наконец он достал оттуда пачку тетрадей и хлопнул по ним своей широкой волосатой рукой, да так хлопнул, что пыль полетела во все стороны.

— Вот, извольте,— сказал он, предварительно

громко, со вкусом, чихнув,— у всех «отлично»... Да-с, «отлично»! Поздравляю! С полным знанием науки кораблевождения пойдете бороздить морские просторы под сенью торгового флага... Похвально, к тому же, знаете, и занимательно. Ах, молодой человек, сколько непередаваемых картин, сколько неизгладимых впечатлений ждет вас впереди! Тропики, полюса, плавание по дуге большого круга... — прибавил он мечтательно. — Я, знаете, всем этим бредил, пока сам не поплавал.

— А вы разве плавали? — не подумав, воскликнул я.

— А как же! — обиделся Врунгель. — Я-то? Я плавал. Я, батенька, плавал. Очень даже плавал. В некотором роде единственный в мире кругосветный поход на двухместной парусной яхте. Сто сорок тысяч миль. Масса заходов, масса приключений... Конечно, теперь времена не те. И нравы изменились, и положение, — добавил он, помолчав. — Многое, так сказать, предстает теперь в ином свете, но все же, знаете, оглянись вот так назад, в глубину прошлого, и приходится признать: много было и занятого и поучительного в том походе. Есть что вспомнить, есть что порассказать!.. Да вы присядьте...

С этими словами Христофор Бонифатьевич подвинул мне китовый позвонок. Я уселся на него, как на кресло, а Врунгель стал рассказывать.

Г л а в а II,

в которой капитан Врунгель рассказывает о том, как его старший помощник Лом изучал английский язык, и о некоторых частных случаях практики судовождения

Сидел я вот так в своей конуре, и, знаете, надоело. Решил тряхнуть стариной — и тряхнул. Так тряхнул, что по всему миру пыль пошла!.. Да-с. Вам, простите, спешить сейчас некуда? Вот и отлично. Тогда и начнем по порядку.

Я в ту пору, конечно, был помоложе, но не так, чтобы вовсе мальчишка. Нет. И опыт был за плечами, и годы. Стреляный, так сказать, воробей, на хорошем счету, с положением, и, скажу вам не хвастаясь, по заслугам. При таких обстоятельствах я бы мог получить в командование самый большой пароход. Это тоже довольно интересно. Но в то время самый большой пароход был как раз в плавании, а я ждать не привык, плюнул и решил: пойду на яхте. Это тоже, знаете, не шутка — пойти в кругосветное плавание на двухместной парусной посудинке.

Ну, стал искать судно, подходящее для выполнения задуманного плана, и, представьте, нашел. Как раз то, что нужно. Точно для меня строили.

Яхта, правда, требовала небольшого ремонта, но под личным моим наблюдением ее в два счета привели в порядок: покрасили, поставили новые паруса, мачты, сменили обшивку, укоротили киль на два фута, надставили борта... Словом, пришлось повозиться. Но зато вышла не яхта — игрушечка! Сорок футов по палубе. Как говорится: «Скорлупка во власти моря».

Я не люблю преждевременных разговоров. Судно поставил у бережка, закрыл брезентом, а сам пока занялся подготовкой к походу.

Успех подобного предприятия, как вы знаете, во многом зависит от личного состава экспедиции. Поэтому я особенно тщательно выбирал своего спутника — единственного помощника и товарища в этом долгом и трудном пути. И, должен признаться, мне повезло: мой старший помощник Лом оказался человеком изумительных душевных качеств. Вот, судите сами: рост семь футов шесть дюймов, голос — как у парохода, необыкновенная физическая сила, выносливость. При всем том отличное знание дела, поразительная скромность — словом, все, что требуется первоклассному моряку. Но был и недостаток у Лома. Единственный, но серьезный:

полное незнание иностранных языков. Это, конечно, важный порок, но это не остановило меня. Я взвесил положение, подумал, прикинул и приказал Лому в срочном порядке овладеть английской разговорной речью. И, знаете, Лом овладел. Не без трудностей, но овладел за три недели.

Для этой цели я избрал особый, дотоле неизвестный метод преподавания: я пригласил для моего старшего помощника двух преподавателей. При этом один обучал его сначала, с азбуки, а другой с конца. И, представьте, с азбукой-то у Лома и не заладилось, особенно с произношением. Дни и ночи напролет мой старший помощник Лом разучивал трудные английские буквы. И, знаете, не обошлось без неприятностей. Вот так однажды он сидел за столом, изучая девятую букву английского алфавита — «ай».

— Ай... ай... ай... — твердил он на все лады, все громче и громче.

Соседка слышала, заглянула, видит: здоровый детина сидит, кричит «ай!». Ну, решила, что бедняге плохо, вызвала «скорую помощь». Приехали. Накинули на парня смирительную рубашку, и я с трудом на другой день вызволил его из лечебницы. Впрочем, кончилось все благополучно: ровно через три недели мой старший помощник Лом донес мне рапортом, что оба преподавателя доучили его до середины, и, таким образом, задача выполнена. В тот же день я назначил отход. Мы и без того задержались.

И вот наконец долгожданный момент настал. Сейчас, возможно, событие это прошло бы и незамеченным. Но в то время такие походы были в диковинку. Сенсация, так сказать. И не мудрено, что с утра в тот день толпы любопытных запрудили берег. Тут, знаете, флаги, музыка, общее ликование... Я встал в руль и скомандовал:

— Поднять паруса, отдать носовой, руль на правую!

Паруса взвились, распустились, как белые крылья, взяли ветер, а яхта, понимаете, стоит. Отдали кормовой конец — все равно стоит. Ну, вижу — нужно принимать решительные меры. А тут как раз буксир шел мимо. Я схватил рупор, кричу:

— Эй, на буксире! Прими конец, черт побирай!

Буксир потянул, пыхтит, мылит воду за кормой, только что на дыбы не встает, а яхта — ни с места... Что за притча?

Вдруг что-то ухнуло, яхта накренилась, я на мгновение потерял сознание, а когда очнулся, смотрю — конфигурация берегов резко изменилась, толпы рассеялись, вода кишит головными уборам, тут же плавает будка с мороженым, верхом на ней сидит молодой человек с киноаппаратом и крутит ручку.

А под бортом у нас целый зеленый остров. Я посмотрел — и все понял: плотники недоглядели, поставили свежий лес. И, представьте, за лето яхта всем бортом пустила корни и приросла. А я еще удивлялся: откуда такие красивые кустики на берегу? Да. А яхта построена крепко, буксир добрый, канат прочный. Как дернули, так полберега и отнесло вместе с кустами. Недаром, знаете, свежий лес не рекомендуется употреблять при судостроении... Неприятная история, что и говорить, но, к счастью, все кончилось благополучно, без жертв.

В мои планы задержка не входила, понятно, но тут ничего не поделаешь. Это, как говорится, «форс-мажор» — непредвиденное обстоятельство. Пришлось встать на якорь и очистить борта. А то, понимаете, неудобно: рыбаков не встретишь — рыбы засмеют. Не годится со своей усадьбой плавать.

Я и мой старший помощник Лом весь день провозились с этой работой. Намучились, признаться, изрядно, вымокли, замерзли... И вот уже ночь спустилась над морем, звезды высыпали на небе, на судах бьют полночную склянку. Я отпустил Лома спать, а сам остался на вахте. Стою, размышляю о

трудностях и прелестях предстоящего похода. И так это, знаете, размечтался, не заметил, как и ночь прошла.

А утром меня ждал страшный сюрприз: я не только сутки хода потерял с этой аварией — я потерял название корабля!

Вы, может быть, думаете, что название роли не играет? Ошибаетесь, молодой человек! Имя для корабля — то же, что фамилия для человека. Да вот, недалеко ходить за примером: Врунгель, скажем, звучная, красивая фамилия. А будь я какой-нибудь Забодай-Бодайло, или вот ученик у меня был — Суслик... Разве я мог бы рассчитывать на то уважение и доверие, которым пользуюсь сейчас? Вы только представьте себе: капитан дальнего плавания Суслик... Смешно-с!

Вот так же и судно. Назовите судно «Геркулес» или «Богатырь» — перед ним льды расступятся сами, а попробуйте назвать свое судно «Корыто» — оно и плавать будет, как корыто, и непременно перевернется где-нибудь при самой тихой погоде.

Вот поэтому я перебрал и взвесил десятки имен, прежде чем остановил свой выбор на том, которое должна была носить моя красавица яхта. Я назвал яхту «Победа». Вот славное имя для славного корабля! Вот имя, которое не стыдно пронести по всем океанам! Я заказал медные литые буквы и сам укрепил их на срезе кормы. Начищенные до блеска, они огнем горели. За полмили можно было прочесть: «Победа».

И вот в тот злополучный день, под утро, я стою один на палубе. На море штиль, порт еще не проснулся, после бессонной ночи клонит ко сну... Вдруг вижу: пыхтит портовый катерок-работяга, подходит прямо ко мне и — хлоп на палубу пачку газет! Честолюбие, конечно, в известной мере порок. Но все мы люди, все человеки, как говорится, и каждому приятно, когда в газете пишут про него. Да-с. И вот я разворачиваю газету. Читаю:

«Вчерашняя авария на старте кругосветного похода как нельзя лучше оправдала оригинальное имя, которое капитан Врунгель дал своему судну...»

Я несколько смутился, но, признаться, толком не понял, о чем разговор. Хватаю другую газету, третью... Тут в одной из них мне бросается в глаза фотография: в левом углу я, в правом мой старший помощник Лом, а посередине наша красавица яхта и подпись: «Капитан Врунгель и яхта «Беда», на которой он отправляется...»

Тогда я все понял. Я бросился на корму, посмотрел. Так и есть: сбило две буквы — «П» и «О».

Скандал! Непоправимый скандал! Но сделать уже ничего невозможно: у газетчиков длинные языки. Врунгеля, капитана «Победы», никто не знает, зато весь мир узнал уже о моей «Беде».

Но долго горевать не пришлось. С берега потянул ветерок, паруса зашевелились, я разбудил Лому и стал поднимать якорь.

И пока мы шли морским каналом, нам со всех кораблей, как назло, кричали:

— Эй, на «Беде», счастливого плавания!

Жалко было красивого имени, но ничего не поделаешь. Так на «Беде» и пошли.

Вышли в море. Я еще не успел оправиться от огорчения. И все-таки должен сказать: хорошо в море! Недаром, знаете, еще древние греки говорили, что море все невзгоды смывает с души человека.

Идем. Тишина, только волны шелестят вдоль бортов, мачта поскрипывает, а берег уходит, тает за кормой. Погода свежеет, белячки пошли по волнам, откуда-то прилетели буревестники, ветерок стал крепчать. Работает, свистит в снастях настоящий морской, соленый ветер. Вот и последний маяк остался позади, берегов как не бывало, только море кругом; куда ни взглянешь — везде море.

Я проложил курс, сдал командование Лому,

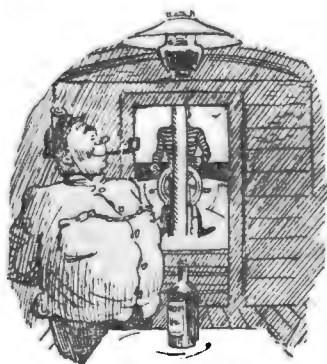
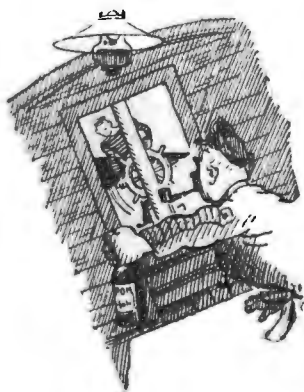

постоял еще минутку на палубе и пошел вниз, в каюту — вздремнуть часок-другой перед вахтой. Недаром у нас, у моряков, говорится: «Не выспаться всегда успеешь».

Спустился, выпил на сон грядущий рюмочку рому, лег на койку и заснул как убитый.

А через два часа, бодрый и свежий, поднимаюсь на палубу. Осмотрелся кругом, глянул вперед... и в глазах у меня потемнело.

На первый взгляд — ничего, конечно, особенно-го: то же море кругом, те же чайки, и Лом в полном порядке, держит штурвал, но впереди, прямо перед носом «Беды», — едва заметная, как серая ниточка, встает над горизонтом полоска берега.

А вы знаете, что это значит, когда берегу полагается быть слева за тридцать миль, а он у вас прямо по носу? Это полный скандал. Безобразие. Стыд и позор для вас! Я был потрясен, возмущен и напуган. Что делать? Поверите ли, я решил положить судно на обратный курс и с позором вернуться к причалу, пока не поздно. А то ведь с таким помощником плавать — так заедешь, что и не выберешься, особенно ночью.

Я уже собрался отдать соответствующую команду, уже и воздух в грудь набрал, чтобы повнушительнее это вышло, но тут, к счастью, все объяснилось. Лома выдал нос. Мой старший помощник все

ремя сворачивал нос налево, жадно втягивал воздух и сам тянулся туда же.

Ну, тогда я все понял: в моей каюте, по левому борту, осталась незакупоренная бутылка прекрасного рому. А у Лома редкий нюх на спиртное, и, понятно, его тянуло к бутылке. Это бывает.

А раз так — значит, дело поправимое. В некотором роде частный случай практики кораблевождения. Бывают такие случаи, не предусмотренные наукой. Я не стал даже раздумывать, спустился в каюту и незаметно перенес бутылку на правый борт. Нос у Лома потянулся, как компас за магнитом, судно послушно покатилося туда же, а два часа спустя «Беда» легла на прежний курс. Тогда я поставил бутылку впереди, у мачты, и Лом больше не сбивался с курса. Он вел «Беду», как по ниточке, и только один раз особенно жадно втянул воздух и спросил:

— А что, Христофор Бонифатьевич, не прибавить ли нам парусов?

Это было дельное предложение. Я согласился. «Беда» и до того шла неплохо, а тут полетела стрелой.

Вот таким образом и началось наше дальнейшее плавание.

Г л а в а III

О том, как техника и находчивость могут возместить недостаток храбрости, и о том, как в плавании надо использовать все обстоятельства, вплоть до личного недомогания

Дальнее плавание... Слова-то какие! Вы задумайтесь, молодой человек, прислушайтесь к музыке этих слов.

Дальнее... даль... простор необъятный... пространство. Не правда ли?

А «плавание»? Плавание — это стремление вперед, движение, иными словами.

Значит так: движение в пространстве.

Тут, знаете, астрономией пахнет. Чувствуешь себя в некотором роде звездой, планетой, спутником, на худой конец.

Вот поэтому и тянет таких людей, как я или, скажем, мой тезка Колумб, в дальнее плавание, в открытый океан, на славные морские подвиги.

И все же не в этом главная сила, которая заставляет нас покидать родные берега.

И если хотите знать, я вам открою секрет и поясню, в чем тут дело.

Удовольствия дальнего плавания неоценимы, что говорить. Но есть большее удовольствие: рассказать в кругу близких друзей и случайных знакомых о явлениях прекрасных и необычайных, свидетелями которых вы становитесь в дальнем плавании, поведать о тех положениях, порой забавных, порой трагических, в которые то и дело ставит вас превратная судьба мореплавателя.

Но в море, на большой океанской дороге, что вы можете встретить? Воду и ветер главным образом.

А что вы можете пережить? Штормы, штиль, блуждания в туманах, вынужденные простои на мелях... Бывают, конечно, и в открытом море различные необычайные происшествия, и в нашем походе их было немало, но в основном про воду, про ветер, про туманы и мели много не расскажешь.

Рассказать-то, положим, можно бы. Рассказать есть что: бывают, допустим, смерчи, тайфуны, жемчужные отмели — мало ли что! Все это поразительно интересно. Ну, рыбы там, корабли, спруты — тоже и об этом можно рассказать. Да вот беда: столько уж об этом порассказано, что не успеете вы рот раскрыть — все ваши слушатели сразу разбегутся, как караси от акулы.

Другое дело — заходы, новые берега, так сказать. Там, знаете, есть на что посмотреть, есть чему удивиться. Да-с. Недаром говорят: «Что город, то норы».

Вот поэтому такой моряк, как я, любознательный и не связанный коммерческими интересами, старается всячески разнообразить своё плавание заходами в чужие страны. И в этом отношении плавание на маленькой яхте представляет бесчисленные преимущества.

А как же, знаете! Встали вы, допустим, на вахту, склонились над картой. Вот ваш курс, справа некое царство, слева некое государство, как в сказке. А ведь там тоже люди живут. А как живут? Интересно ведь посмотреть хоть одним глазком! Интересно? Извольте, полюбопытствуйте, кто же вам не велит? Руль на борт... и вот уже входной маяк на горизонте! Вот так-то!

Да-с. Мы шли с попутным ветром, туман лежал над морем, и «Беда» бесшумно, как призрак, милую за милей глотала пространство. Не успели мы оглянуться, прошли Зунд, Каттегат, Скагеррак... Я не мог нарадоваться на ходовые качества яхты. И вот на пятые сутки, на рассвете, туман рассеялся, и по правому борту у нас открылись берега Норвегии.

Можно бы пройти мимо, но куда торопиться? Я скомандовал:

— Право на борт!

Мой старший помощник Лом положил руль круто направо, и три часа спустя цепь нашего якоря загрохотала в красивом и тихом фиорде.

Вы не бывали в фиордах, молодой человек? Напрасно! Непременно побывайте при случае.

Фиорды, или шхеры, другими словами,— это, знаете, такие узкие заливы и бухточки, запутанные, как куриный след, а кругом скалы, изрытые трещинами, обросшие мохом, высокие и неприступные. В воздухе стоит торжественное спокойствие и нерушимая тишина. Красота необычайная!

— А что, Лом,— предложил я,— не сойти ли нам погулять до обеда?

— Есть погулять до обеда! — гаркнул Лом, да так, что птицы целой тучей поднялись со скал, а

эхо (я сосчитал) тридцать два раза повторило: «Бéда... бéда... бéда...»

Скалы как бы приветствовали приход нашего судна. Хотя, конечно, на иностранный манер, ударе-ние не там, но всё же, знаете, приятно и удиви-тельно. Впрочем, по правде сказать, особенно и поражаться нечему. Там изумительное эхо в фиор-дах... Да одно ли эхо! Там, батенька, сказочные ме-ста и сказочные бывают происшествия. Вы послу-шайте, что дальше случилось.

Я закрепил руль и пошел переодеться в каюту. Лом тоже спустился. И вот, знаете, я уже совсем готов, шнурую ботинки — вдруг чувствую: судно получило резкий наклон на нос. Встревоженный, вскакиваю, пульей вылетаю на палубу, и глазам мо-им представляется печальная картина: нос яхты целиком в воде и продолжает быстро погружаться, корма же, напротив, вздымается кверху.

Я понял, что сам виноват: не учел особенностей грунта, а главное — прилив прозевал. Якорь заце-пился, держится, как влитой, а вода подпирает. И цепь потравить невозможно: весь нос в воде, по-ди-ка ныряй к брашпилю. Куда там!

Едва мы успели задраить наглухо вход в каю-ту, как «Беда» заняла совершенно вертикальную позицию, наподобие рыболовного поплавка. Ну и пришлось смириться перед стихией. Ничего не поделаешь. Спаслись на корме. Так там и переси-дели до вечера, пока вода начала спадать. Вот так.

А вечером, умудренный опытом, я ввел судно в узкий пролив и причалил к берегу. Так-то, думаю, будет вернее.

Да-с. Приготовили скромный ужин, произвели уборку, зажгли огни, как положено, и улеглись спать, уверенные, что не повторится история с якорем. А утром, чуть свет, Лом будит меня и рапортует:

— Разрешите доложить, капитан: полный

штиль, барометр показывает ясно, температура наружного воздуха двенадцать градусов по Цельсию, произвести измерение глубины и температуры воды не представилось возможным за отсутствием таковой.

Я спросонья не сразу и понял, о чем он говорит.

— То есть как это «за отсутствием»? — спрашиваю. — Куда же она девалась?

— Ушла с отливом, — рапортует Лом. — Судно заклинило между скалами и пребывает в состоянии устойчивого равновесия.

Вышел я, вижу — та же песня, да на новый лад. То прилив нас попутал, теперь отлив шутики шутит. То, что принял я за проливчик, оказалось ущельем.

К утру вода сошла, и мы встали на твердый грунт, как в сухом доке. Под килем — пропасть в сорок футов, выбраться нет никакой возможности. Куда там выбраться! Одно остается — сидеть, ждать погоды, прилива, вернее сказать.

Но я не привык тратить время по-пустому. Осмотрел яхту со всех сторон, бросил за борт шторм-трап, взял топор, рубанок, кисть. Заподлицо обтесал борта в тех местах, где остались сучья, закрасил. А когда вода пошла на прибыль, Лом закинул с кормы удочку и наловил рыбы на уху. Так что, видите, даже такое неприятное обстоятельство, если с умом взяться, можно обернуть на пользу делу, так сказать.

После всех этих событий благоразумие подсказывало покинуть этот предательский фиорд. Кто ж его знает, какие он еще готовит сюрпризы? Но я человек, как вы знаете, смелый, настойчивый, даже несколько упрямый, если хотите, и не привык отказываться от принятых решений.

Так и в тот раз: решил гулять — значит, гулять. И как только «Беда» встала на воду, я перевел ее на новое, безопасное место. Вытравил цепь подлиннее, и мы отправились.

Идем между скалами по тропинке, и чем дальше идем, тем поразительнее окружающая природа. На деревьях белки, птички какие-то: «чик-чирик», а под ногами сухие сучья трещат, и кажется: сейчас выйдет медведь и заревет... Тут же ягоды, земляники. Я, знаете, нигде не видел такой земляники. Крупная, с орех! Ну, мы увлеклись, углубились в лес, забыли совсем про обед, а когда спохватились, смотрим — поздно. Уже солнце склонилось, тянет прохладой. И куда идти, неизвестно. Кругом лес. Куда ни посмотришь, везде ягоды, ягоды, одни ягоды...

Спустились вниз, к фиорду, видим — не тот фиорд. А время уже к ночи. Делать нечего, развели костер, ночь кое-как прошла, а утром полезли на

гору. Может быть, думаем, оттуда, сверху, увидим «Беду».

Лезем в гору, нелегко при моей комплекции, но лезем, подкрепляемся земляникой. Вдруг слышим сзади какой-то шум. Не то ветер, не то водопад, трещит что-то все громче, и как будто пахнет дымком.

Я обернулся, гляжу — так и есть: огонь! Обступает со всех сторон, стеной идет за нами. Тут уж, знаете, не до ягод.

Белки побросали гнезда, прыгают с ветки на ветку, всё выше по склону. Птицы поднялись, кричат. Шум, паника...

Я не привык бегать от опасности, но тут, делать нечего, надо спасаться. И полным ходом за белками, на вершину скалы, — больше некуда.

Вылезли, отдышались, осмотрелись кругом. Положение, доложу вам, безвыходное: с трех сторон огонь, с четвертой — крутая скала... Я посмотрел вниз — высоко, даже дух захватило. Картинка, в общем, безрадостная, и единственное отрадное пятно на этом мрачном горизонте — наша «Беда»-красавица. Стоит как раз под нами, чуть качается на волне и мачтой, как пальчиком, манит к себе на палубу.

А огонь все ближе. Белок кругом видимо-невидимо. Осмелели. У других, знаете, хвосты в огне пообгорели, так те особенно храбрые, нахальные, проще сказать: лезут прямо на нас, толкаются, нажимают, того и гляди, спихнут в огонь. Вот оно как костры-то разводить!

Лом в отчаянии. Белки тоже в отчаянии. Признаться, и мне не сладко, но я не подаю виду, креплюсь — капитан не должен поддаваться унынию. А как же!

Вдруг смотрю — одна белка нацелилась, хвост распушила и прыг прямо на «Беду», на палубу. За ней другая, третья и, гляжу, — как горох, посыпались. В пять минут у нас на скале стало чисто.

А мы что, хуже белок, что ли? Я решил тоже прыгать. Ну, искупаемся в крайнем случае. Подумаешь, велика важность! Это даже полезно перед завтраком — искупаться. А у меня так: решено — значит сделано.

— Старший помощник, за белками — полный вперед! — скомандовал я.

Лом шагнул, занес уже ногу над пропастью, но вдруг извернулся, как кошка, и назад.

— Не могу, — говорит, — Христофор Бонифатьевич, увольте! Не буду прыгать, я лучше сгорю...

И я вижу: действительно сгорит человек, а прыгать не станет. Естественная боязнь высоты, болезнь своего рода... Ну что тут делать! Не бросать же беднягу Лома!

Другой бы растерялся на моем месте, но я не таков. Я нашел выход.

У меня с собой оказался бинокль. Прекрасный морской бинокль с двенадцатикратным приближением. Я приказал Лому поставить бинокль по глазам, подвел его к краю скалы и строгим голосом спрашиваю:

— Старший помощник, сколько белок у вас на палубе?

Лом принялся считать:

— Одна, две, три, четыре, пять...

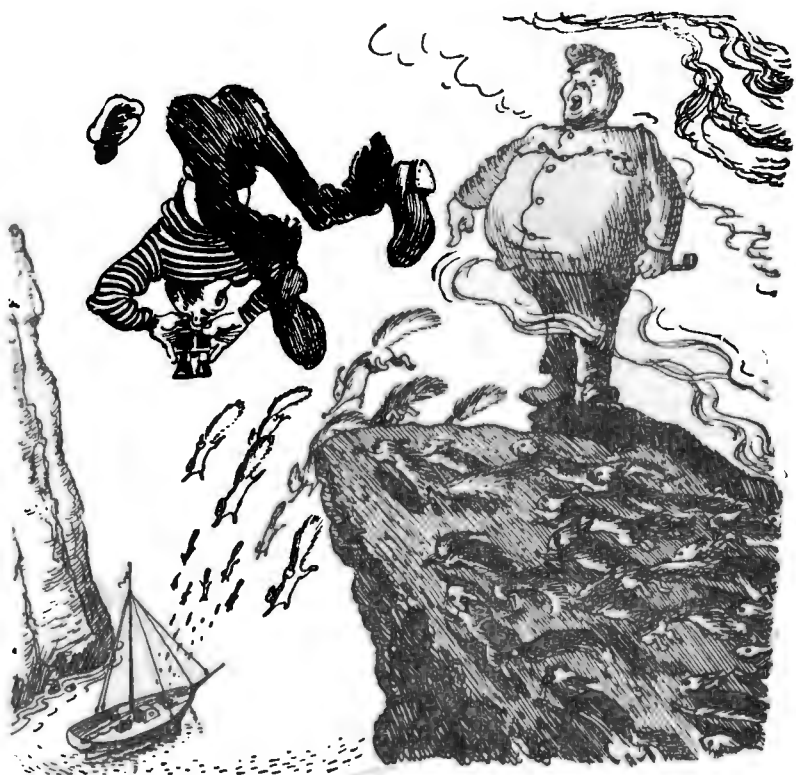
— Отставить! — крикнул я. — Без счета принять, загнать в трюм!

Тут чувство служебного долга взяло верх над сознанием опасности, да и бинокль, как ни говорите, помог: приблизил палубу. Лом спокойно шагнул в пропасть...

Я глянул вслед — только брызги поднялись столбом. А минуту спустя мой старший помощник Лом уже вскарабкался на борт и принялся загонять белок.

Тогда и я последовал тем же путем. Но мне, знаете, легче: я человек бывалый, могу без бинокля.

А вы, молодой человек, учтите этот урок, при

случае пригодится: соберетесь, к примеру, с парашютом прыгать, непременно возьмите бинокль, хоть плохонький, какой-никакой, а все-таки, знаете, как-то легче, не так высоко.

Ну, прыгнул. Вынырнул. Забрался и я на палубу. Хотел Лому помочь, да он парень расторопный, один справился. Не успел я отдышаться, а он уже захлопнул люк, встал во фронт и рапортует:

— Принято без счета полный груз белок живьем! Какие последуют распоряжения?

Вот тут, знаете, подумаешь, какие распоряжения.

На первое время ясно: поднимать якорь, ставить паруса да уходить подобру-поздорову от этой горящей горы. Ну его к дьяволу, этот фиорд. Смот-

реть тут нечего больше, да и жарко стало к тому же... Так что по этому вопросу у меня сомнений не возникло. А вот что с белками делать? Тут, знаете, похуже положение. Черт их знает, что с ними делать? Хорошо, еще вовремя в трюм загнали, а то, знаете, проголодались негодные зверюшки, принялись грызть снасти. Еще бы чуть — и ставь заново весь такелаж.

Ну конечно, можно бы ободрать с белок шкурки и сдать в любом порту. Меха ценный, добротный. Не без выгоды можно бы провести операцию. Но это как-то нехорошо: они нас спасли, во всяком случае указали путь к спасению, а мы с них последние шкурки! Не в моих это правилах. А с другой стороны, везти с собой всю эту компанию вокруг света — тоже удовольствие не из приятных. Ведь это значит кормить, поить, ухаживать. А как же — это закон: принял пассажиров — создай условия. Тут, знаете, хлопот не оберешься.

Ну, я решил так: дома разберемся. А у нас, у моряков, где дом? В море. Макаров, адмирал, помните, как говорил: «В море — значит дома». Вот и я так. Ладно, думаю, выйдем в море, а там подумаем. Запросим в крайнем случае инструкции в порту отправления. Да-с.

Вот и пошли. Идем. Встречаемся с рыбаками, с пароходами. Хорошо! А к вечеру ветерок закрепчал, начался настоящий шторм — баллов десять. Море бушует. Как поднимет нашу «Беду», как швырнет вниз!.. Снасти стонут, мачта скрипит. Белки в трюме укачались с непривычки, а я радуюсь: «Беда» моя держится молодцом, на пять с плюсом сдает штормовой экзамен. И Лом — героем: надел зюйдвестку, стоит, как влитой, у руля и твердой рукой держит штурвал. Ну, я постоял еще, посмотрел, полюбовался на разбушевавшуюся стихию и пошел к себе в каюту. Сел к столу, включил приемник, надел наушники и слушаю, что там в эфире творится.

Чудесная это штука — радио. Нажмешь кнопку, повернешь рукоятку — и на-ка, все к твоим услугам: музыка, погода на завтра, последние новости. Другие, знаете, болеют насчет футбола — так тоже, извольте: «Удар! Еще удар!.. И вратарь вынимает мяч из сетки...» Словом, не мне вам рассказывать: радио — великая вещь! Но я в тот раз как-то неудачно попал. Поймал Москву, настроился, слышу: «Иван... Роман... Константин... Ульяна... Татьяна... Семен... Кирилл...» — точно в гости пришел и знакомишься. Прямо хоть не слушай. А у меня еще зуб был с дуплом, разболелся что-то... должно быть, после купанья, — так разболелся, хоть плачь.

Ну, я решил прилечь, отдохнуть. Совсем было

снял наушники, вдруг слышу: никак, «SOS»? Прислушался: «Т-Т-Т... Та, Та, Та, Т-Т-Т...» Так и есть: сигнал бедствия. Судно гибнет, и здесь где-то, близко. Я замер, ловлю каждый звук, хочу узнать поподробнее: где? что? В это время накатила волна, да так поддала «Беду», что она, бедняжка, совсем легла на борт. Белки взвыли. Но это бы еще ничего. Тут гораздо хуже получилось: приемник прыг со стола, сорвался, знаете, хлоп о переборку и разлетелся в куски. И вижу: не соберешь. Передачу, конечно, как ножом отрезало. И такое тяжелое чувство: рядом кто-то терпит бедствие, а где, кто — неизвестно.

Надо идти выручать, а куда идти — кто его знает? И зуб еще хуже разболелся.

И вот представьте: он-то меня и выручил! Я недолго думая хватаю конец антенны — и прямо в зуб, в дупло. Боль адская, искры из глаз посыпались, но зато прием опять наладился. Музыка, правда, не слышно, да мне, признаться, тут музыка и ни к чему. Какая там музыка! А морзе зато — лучше и не придумаешь: точка — кольнет незаметно, как булавочкой, а уж тире — точно кто шуруп туда закручивает. И никакого усилителя не нужно, и никакой настройки — больной зуб с дуплом и без того обладает высокой чувствительностью. Терпеть трудно, конечно, но что поделаешь: в таком положении приходится жертвовать собой.

И, поверите ли, так всю передачу до конца на зуб и принял.

Записал, разобрал, перевел. Оказывается, почти рядом с нами норвежский парусник потерпел аварию: сел на мель на Доггербанке, получил пробоину, вот-вот пойдет ко дну.

Тут думать некогда, надо идти выручать. Я забыл про зубную боль и сам стал распоряжаться спасением. Поднялся на палубу, стал к штурвалу.

Идем. Ночь кругом, холодное море, волны хлещут, ветер свистит...

Ну, с полчаса прошли, отыскиали норвежцев, осветили ракетами. Я вижу — дело дрянь. Вплотную, борт о борт, не встанешь — разобьет. Шлюпки у них все снесло, а на концах перетаскивать людей и такую погоду тоже рискованно: перетопишь, чего доброго.

Зашел с одной стороны, зашел с другой — ничего не выходит. А шторм разыгрался пуще прежнего. Как накатит на это суднишко волна, так его и не видно совсем. Перекатывает через палубу, одни мачты торчат... Стоп, думаю, это нам на руку.

Я решил рискнуть. Зашел на ветер, повернул оверштаг и вместе с волной на всех парусах пошел фордевинд полным ходом.

Расчет тут был самый простой: у «Беды» осадка небольшая, а волны — как горы. Удержимся на гребне — как раз и проскочим над палубой.

Ну, знаете, норвежцы уже отчаялись, а я тут как тут. Стою в руле, правлю так, чтобы не зацепить за мачты, а Лом ловит потерпевших прямо за шиворот, сразу по двое. Восемь раз так прошли и вытащили всех — шестнадцать человек во главе с капитаном.

Капитан немножко обиделся: ему последнему полагается покидать судно, а Лом в спешке да в темноте не разобрал, подцепил его первым. Некрасиво получилось, конечно, ну да ничего, бывает... И только сняли последнюю пару, смотрю: катит девятый вал. Налетел, ухнул — только щепки полетели от несчастного суднишка.

Норвежцы сняли шапки, стоят дрожат на палубе. Ну, и мы посмотрели... Потом развернулись, легли на курс и пошли полным ходом назад, в Норвегию.

На палубе теснота — не повернешься, но норвежцы ничего, довольны даже. Да и понятно: конечно, и тесно и холодно, а все лучше, чем купаться в такую погоду.

Да... Выручил, спас норвежцев. Вот тебе и

«Беда»! Для кого беда, а для кого чудесное, так сказать, избавление от гибели.

А все находчивость! В дальнем плавании, молодой человек, если хотите быть хорошим капитаном, никогда не теряйте ни одной возможности, используйте все для пользы дела, даже личное недомогание, если к тому представится случай. Вот так-то!

Глава IV

*О нравах скандинавских народов, о неправильном произношении
некоторых географических названий и о применении
белок в морском деле*

Пришли назад в Норвегию, в город Ставангер. Эти моряки оказались благородными людьми и приняли нас великолепно.

Меня и Лома поместили в лучшей гостинице, яхту за свой счет покрасили самой дорогой краской. Да что там яхту,— белок и тех не забыли: выписали на них документы, оформляли как груз, а потом приходят и спрашивают:

— Чем прикажете кормить ваших милых животных?

А чем их кормить? Я в этом деле ничего не понимаю, никогда белок не разводил. Спросил у Лома, тот говорит:

— Точно не скажу, но, помнится, орехами и сосновыми шишками.

И вот, представляете, какая случайность: я свободно объясняюсь по-норвежски, а вот эти два слова забыл. Вертятся на языке, а вспомнить не могу. Как отшибло. Думал, думал: как быть? Ну и придумал: послал Лома вместе с норвежцами в бакалейную лавочку.

— Посмотрите,— говорю,— может быть, и найдете что подходящее.

Пошел он. Потом вернулся, доложил, что все в порядке: нашел, мол, и орехи и шишки. Меня, при-

инаться, несколько удивило, что в лавке торгуют шишками, но, знаете, в чужой стране чего не бывает! Может, думаю, для самоваров или, там, елки украшать, мало ли для чего?

А вечером прихожу на «Беду» — посмотреть, как идет окраска, заглянул в трюм к белкам — и что бы вы думали! Лом ошибся, но до чего же удачно ошибся!

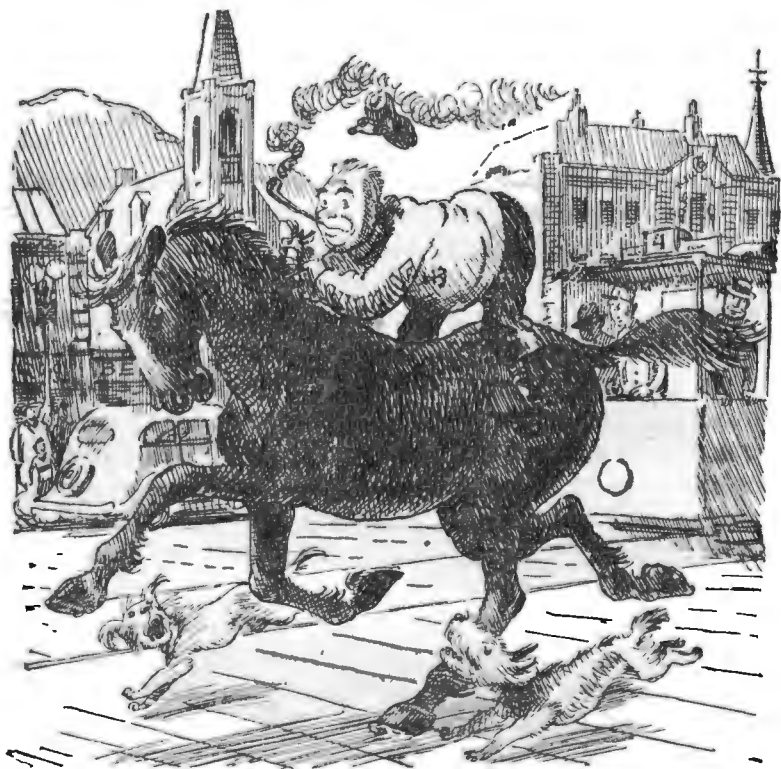
Гляжу: сидят мои белки, как на именинах, и за обе щеки уплетают ореховую халву. Халва в банках, и на каждой, на крышке, нарисован орех. А с шишками еще лучше: вместо шишек привезли ананасы. Ну и действительно, кто не знает, легко может спутать. Ананасы, правда, размером побольше, а в остальном похожи, и запах тот же. Лом там, в лавочке, как увидел, ткнул пальцем туда-сюда, — вот оно так и получилось...

Ну, стали нас водить по театрам, по музеям, показывать различные достопримечательности. Показали, между прочим, живую лошадь. Это у них большая редкость. Ездят там на автомобилях, еще больше ходят пешком. Пахали в то время своими силами, вручную, так что лошади были им ни к чему. Каких помоложе — повывезли, постарше — так передохли, а которые остались, так те стоят в зоопарках, жуют сено и мечтают.

И если выведут лошадь на прогулку, сейчас же собирается толпа, все смотрят, кричат, нарушают уличное движение. Все равно как у нас пошел бы жираф по улице, так тоже, я думаю, старшина не знал бы, какой свет на светофоре зажигать.

Ну, а нам лошадь не в диковинку. Я даже решил удивить норвежцев: схватил ее за холку, вскочил, пришпорил каблуками.

Норвежцы ахнули, а на другое утро все газеты поместили статью о моей храбрости и фотографию: мчится лошадь вскачь и я на ней. Без седла, китель расстегнулся, трепещет на ветру, фуражка сбилась, ноги болтаются, а у лошади хвост трубой...

После я понял: неважная фотография, недостойная моряка, но тогда сгоряча не обратил внимания и был даже доволен.

И норвежцы остались довольны.

Вообще нужно сказать, приятная эта страна. И народ там хороший, такой, знаете, тихий народ, приветливый, добродушный.

Я там, в Норвегии, не раз, конечно, и прежде бывал, и смолоду, помню, такой у меня вышел случай.

Высадились мы в одном порту, а оттуда мой путь лежал по железной дороге.

Ну-с, прихожу на станцию. Поезд не скоро. С чемоданами гулять, прямо скажем,—затруднительно и неудобно.

Разыскал я начальника станции, спрашиваю:

— Где тут у вас камера хранения?

А начальник, славный такой старичок, развел руками.

— Извините, — говорит, — специального помещения для хранения ручной клади у нас не предусмотрено. Но это ничего, вы, — говорит, — не стесняйтесь, оставьте тут ваши чемоданчики, они никому не помешают, уверяю вас...

Вот так-то. А недавно дружок мой оттуда прибыл. Многое, говорит, изменилось и в нравах и в обхождении. Ну как же, знаете: в войну немцы там побывали — новый порядок наводили. Сейчас американцы поднимают образ жизни на должную высоту. Ну, и, конечно, пообтерся народ, стал порасторопнее. У дружка моего, не успел он оглянуться, прямо из поезда, из запертого купе чемодан унесли. Культура!

Ну, а в то время жили там еще по старинке. Тихо жили. Но не все. Были и тогда в Норвегии люди, так сказать, передовые, вкусившие от древа познания добра и зла. Вот, допустим, владельцы крупных магазинов, заведений, фабрик. Эти и тогда понимали, где что плохо лежит.

И меня это тоже коснулось самым, так сказать, непосредственным образом. Есть там фирма одна — производит телефоны, радиоприемники... Так вот, пронюхали эти фабриканты про мой зуб и забеспокоились. Да и понятно: ведь если все станут на зуб принимать, никто и приемников покупать не будет. Урон-то какой! Тут забеспокоишься. Ну, и решили недолго думая завладеть моим изобретением, да и моим зубом заодно. Сначала, знаете, так это, по хорошему, прислали деловое письмо с предложением продать мой дефектный зуб. А я рассудил, думаю: «С какой же стати?» Зуб еще ничего, кусать можно, а что с дуплом, так это уж, извините, мое дело. У меня вот один знакомый есть, так он даже любит, когда зубы болят.

— Конечно,— говорит,— когда болят, действительно и больно и неприятно, но зато, когда пройдут, уж больно хорошо!

Да. Ну, я ответил, что не продаю зуб, и все тут...

Так, думаете, они успокоились? Как бы не так! Решили выкрасть мой зуб. Появились какие-то негодяи, ходят по пятам за мной, заглядывают в рот, шепчутся... Ну и стало мне не по себе: хорошо, как один зуб, так уж и быть, а ну как для верности заберут совсем, с головой? Куда я без головы пойду плавать?

Вот я и решил уйти от греха. Запросил в порту отправления инструкции по вопросу о белках, а сам, чтобы защититься от злоумышленников, принял особые меры: взял дубовую сходню, один конец засунул под ворота пакгауза, другой под дверь кубрика и приказал Лому грузить «Беду» балластом.

Яхта осела до фальшборта, сходня согнулась, как пружина, одним только краешком держится под дверью. Я перед сном осмотрел, проверил готовность этого сооружения и спокойно улегся спать. Даже вахту не выставил: незачем. И вот, знаете, под утро пришли. Я слышу осторожные шаги, скрип двери, потом вдруг — трах! — сходня выскочила из-под двери, разогнулась...

Я выхожу — и вижу: подействовала моя катапульта, да еще как! Тут на берегу была радиостанция, так этих негодяев забросило на самую верхушку, на мачту. Они там зацепились штанами, висят и орут на весь город.

Как уж их снимали, не могу вам сказать — не видел.

Тут как раз пришел и ответ из порта с предписанием сдать белок в Гамбург. Был там знаменитый зоопарк Гаденбека, так он скупал различных зверей.

Я вам уже имел случай докладывать о некоторых преимуществах спортивного плавания. В спор-

тивном плавании сам себе хозяин: куда хочешь, туда и идешь. А уж если связался с грузом, тогда все равно как извозчик: вожжи в руках, а везешь— куда прикажут.

Вот, допустим, Гамбург. Да разве я пошел бы туда по своей охоте! Чего я там не видел? Шуцманов, что ли? Ну, и опять же, знаете, усложняется плавание, появляется всяческая коммерческая переписка, соображения сохранности груза, таможенные формальности, тем более в Гамбурге... Народ там, не в пример норвежцам, тертый, невежливый — того и гляди, обдерут, как липку.

Кстати, знаете, никак не пойму, почему это у нас твердо так произносится: «Гамбург»? Неправильно это, тамошние жители называют свой город «Хамбург». Оно и звучит помягче, а главное, больше соответствует действительности.

Да, но раз приказано, надо подчиняться. Привел в Гамбург «Беду», поставил у стенки, сам оделся почище и пошел разыскивать Гаденбека. Прихожу в зверинец. Там, знаете, и слоны, и тигры, и крокодил, и птица марабу, и белка эта самая висит тут же в клетке. Да какая еще белка, не моим чета! Мои, бездельницы, сидят в трюме, обедаются халвой, а у этой сделана вертушка, и она там все время, как заводная, как белка в колесе, так и прыгает, так и вертится. Заглядишься!

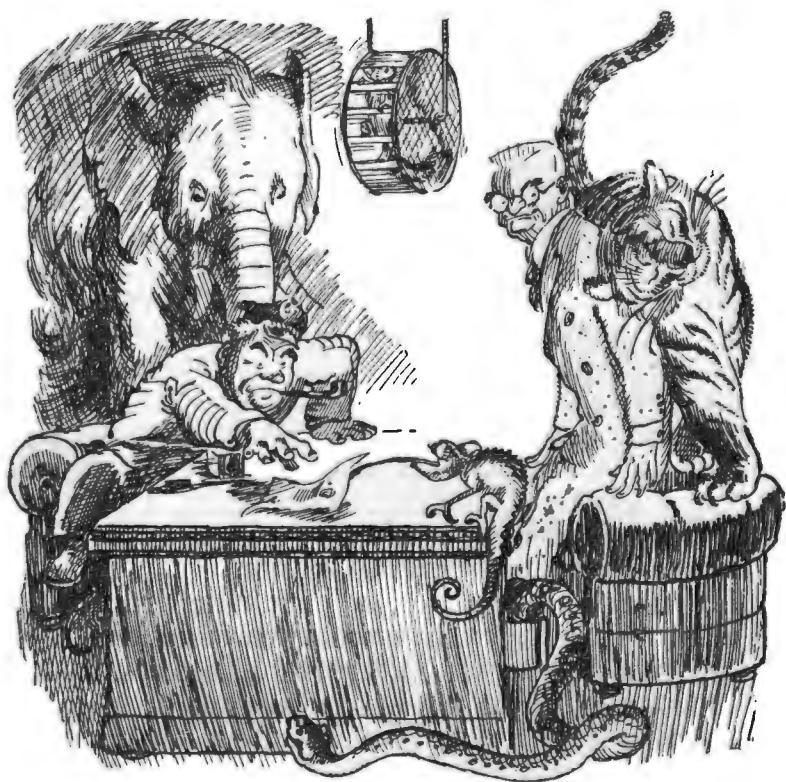
Ну-с, разыскал я самого Гаденбека, представился и объяснил, что имею на борту полный груз белок, живьем, по сходной цене.

Гаденбек посмотрел в потолок, сложил руки на животе, покрутил пальцами.

— Белки,— говорит,— это такие с хвостиками и с ушками? Как же, знаю. Так у вас белки? Ну что же, я возьму. Только, знаете, у нас очень строго с контрабандой. Документы на них в порядке?

Тут я с благодарностью вспомнил норвежцев и выложил на стол документы.

Гаденбек достал очки, взял платочек, не спеша

стал протирать стекла. Вдруг, откуда ни возьмись, хамелеон. Прыг на стол, высунул свой язычище, слизнул бумагу и был таков. Я за ним. Да где там!

А Гаденбек сложил свои очки, развел руками.

— Без документов,— говорит,— не могу. Рад бы, да не могу. У нас насчет этого очень строго.

Я расстроился, начал было спорить. Ну, вижу, делать нечего, ушел. Подхожу к пристани, смотрю — на «Беде» что-то неладно. Толпа зевак кругом, на борту шудманы, таможенники, портовые чиновники... Наседают на Лома, а тот стоит в середине и кое-как отругивается.

Я протолкался, успокоил их и разузнал, в чем дело. А дело приняло самый неожиданный и

неприятный оборот. Гаденбек, оказывается, уже позвонил в таможенную, а там подобрали статью, обвинили меня в незаконном ввозе скота и грозят отобрать судно вместе с грузом...

А мне и возразить нечего: действительно, документы утрачены, специального разрешения на ввоз белок я не получал. Если правду сказать, кто же поверит? Доказательств нет никаких, а смолчать — еще хуже.

Словом, вижу: дело дрянь.

«Эх, — думаю, — куда ни шло! Вы так, и я так!»

Одернул китель, выпрямился во весь рост и самому главному чиновнику заявляю:

— Требования ваши, господа чиновники, необоснованны, поскольку в международных морских законах прямо предусмотрен пункт, согласно которому непереносимые принадлежности судна, как-то: якоря, шлюпки, разгрузочные и спасательные приспособления, средства связи, сигнальные устройства, топливо и ходовые машины в количестве, необходимом для безопасного плавания, никакими портовыми сборами не облагаются и специальному оформлению не подлежат.

— Совершенно с вами согласен, — отвечает тот, — но не откажитесь объяснить, капитан, к какой именно категории названных предметов относите вы своих животных?

Я было стал в тупик, но, вижу, отступить уже поздно.

— К последней, господин чиновник: к категории ходовых машин, — ответил я и повернулся на каблуках.

Чиновники сначала опешили, потом пошептались между собой, и опять главный выступил вперед.

— Мы, — говорит, — охотно откажемся от наших законных претензий, если вы сумеете доказать, что имеющийся на борту вашего судна скот действительно служит вам ходовой машиной.

Вы сами понимаете: доказать такую вещь не-легко. Где там доказывать — время оттянуть бы!

— Видите ли, — говорю я, — ответственные части двигателя находятся на берегу, в ремонте, а завтра, извольте, представлю вам доказательства.

Ну, ушли они. Но тут же, рядом с «Бедой», смотрю, поставили полицейский катер под парами, чтобы я не удрал под шумок.

А я, понимаете, забился в каюту, вспомнил ту белку, что у Гаденбека, взял бумагу, циркуль, линейку и стал чертить.

Через час мы вместе с Ломом пошли к кузнецу и заказали ему два колеса, как у парохода, а третье вроде мельничного. Только у мельничного ступеньки снаружи, а мы сделали внутри и с двух сторон натянули сетку. Кузнец попался расторопный, понятливый. Сделал все к сроку.

На другой день, с утра, привезли все это хозяйство на «Беду». Пароходные колеса пристроили по бортам, мельничное посередине, соединили все три колеса общим валом и запустили белок.

Грызуны, знаете, ошалели от света, от свежего воздуха, понеслись как бешеные одна за одной по ступенькам внутри колеса. Вся наша машина закрутилась, и «Беда» без парусов пошла так, что полицейские на своем катере насилу за нами угнались.

Со всех кораблей на нас смотрят в бинокли, на берегу толпы народа, а мы идем, только волны разбегаются в стороны.

Потом развернулись, встали назад, к причалу. Этот самый чиновник пришел, расстроился совсем. Бранится, кричит, а сделать ничего не может.

А вечером на автомобиле прикатил сам Гаденбек. Вылез из машины, встал, посмотрел, сложил руки на животе, покрутил пальцами.

— Капитан Врунгель, — говорит, — это у вас белки? Как же, помню. Во сколько вы их оцениваете?

— Так, видите ли,— говорю я,— не в цене дело. Вы же знаете, документы на них утрачены.

— Э, полно,— возражает он,— не тревожьтесь, капитан, вы не мальчик, должны понимать — у нас с этим делом просто. Вы цену скажите...

Ну, я назвал хорошую цену; он поморщился, но, не торгуясь, тут же расплатился, забрал белок вместе с колесами, а напоследок спрашивает:

— Чем вы их кормите?

— Халвой и ананасами,— ответил я и распрощался.

Не понравился мне этот Гаденбек. Да и Гамбург вообще не понравился.

Г л а в а V

О селедках и о картах

В Голландию я совсем не хотел заходить. Страна эта незначительная и большого интереса для путешественника не представляет. Там только и есть три замечательные вещи: голландская сажа, голландский сыр и голландские селедки.

Меня как моряка, понятно, заинтересовало это последнее, и я решил завернуть в Роттердам, познакомиться с селедочным делом.

У них там оно поставлено на широкую ногу. Там селедок ловят, солят, маринуют, и свежую селедку морозят, и живую селедку можете купить и посадить в аквариум.

И вот что в этом деле особенно поразительно: голландцы, видимо, знают какой-то секрет. Иначе как же вы объясните такую несправедливость: вот шотландцы, например, пробовали ловить. Закинули сети, подняли — полно селедок. Ну, и обрадовались, понятно, но, когда разобрались хорошенько, разглядели, распробовали, обнаружилось, что селедки-то попались все, как есть, шотландские.

Норвежцы тоже пытались. Норвежцы — про-

славленные, первоклассные рыбаки, но на этот раз и у них ничего не вышло. Тоже забросили сети, подняли, посмотрели — есть селедка, да только все сплошь норвежская.

А голландцы ловят и ловят уж который год, и им все попадается голландская селедка различных сортов. Ну, и, конечно, они этим пользуются: продают свои селедки направо и налево — и в Южную Африку и в Северную Америку...

Я углубился в изучение этого вопроса, и тут мне совершенно неожиданно удалось сделать одно важное открытие, которое коренным образом изменило первоначальный план моего похода. После ряда наблюдений я установил с исключительной точностью, что каждая селедка — рыба, но не каждая рыба — селедка.

А ведь это что значит?

Это значит, что незачем тратить огромные средства, незачем набивать селедок в бочки, грузить на корабли и выгружать снова, где это понадобится. Не проще ли согнать селедок в табун или в стадо, — как хотите назовите, — и гнать живьем до места назначения?

Раз каждая селедка — рыба, значит, утонуть она не может. Ведь рыбам свойственно плавать, не так ли? А с другой стороны, если прибьется какая посторонняя рыбина, так ведь не каждая рыба — селедка. Ее, значит, ничего не стоит обнаружить, отличить, отогнать, уничтожить, наконец.

И там, где при старом способе перевозки нужен был огромный грузовой пароход с большой командой, со сложными механизмами, при новой системе может справиться любое суденышко не больше моей «Беды».

Это теория, так сказать. Но теория заманчивая, и я решил на практике проверить свои соображения. А тут как раз и случай представился: в Северную Африку, в Александрию, отправляли партию селедок. Их уже поймали, собирались солить, но я

приостановил это дело. Селедок выпустили, согнали в табун, мы с Ломом подняли паруса и пошли. Лом встал в руль, а я уселся на самый нос, на бушприт, взял длинный хлыст, и, как только замечу какую постороннюю рыбину, я ее по губам, по губам!

И, знаете, прекрасно получилось: идут наши селедки, не тонут, резво идут. Мы за ними едва поспеваем. И посторонняя рыба не лезет. День так прошли — ничего. А к ночи я чувствую — тяжело: следить устаешь, глаз не хватает, а главное, спать некогда. Один с селедками занят, другой в руле только успевай поворачивайся. Ну хорошо бы день, два, уж как-нибудь постарались бы, а то путь далекий, впереди океан, тропические широты... Словом, чувствую, не справимся, все дело провалим.

Ну, я рассудил и решил взять на судно еще одного человека — матроса. И как раз, знаете, место удобное: в то время мы уже вошли в Английский канал, тут Франция под боком, порт Кале, а в Кале всегда полно безработных моряков. Можно выбрать кого хотите: и плотника, и боцмана, и рулевого первого класса. Я недолго думая подошел поближе к берегу, «Беду» положил в дрейф, вызвал лоцманский катер и откомандировал Лома на берег за матросом.

Тут, конечно, я допустил ошибку: набор команды — дело серьезное, ответственное. Лом, конечно, парень старательный, но молод, опыта нет. Нужно бы самому этим заняться, но, с другой стороны, и тут, на борту, тоже, знаете, ушами хлопать некогда. Ведь как-никак перегонка селедок живьем — дело новое. И, как во всяком новом деле, есть тут свои трудности. Нужен глаз да глаз. Уйдешь, недоглядишь, а тут весь табун разбежится. А тогда с убытками не рассчитаешься, опозоришься на весь мир, а главное, загубишь это прекрасное и полезное начинание.

Ведь знаете, как это бывает: не выйдет с перво-

го раза, а в другой и не доверит никто, и попробовать не дадут.

Да. Ну ладно. Отправил я Лома в Кале, выставил кресло на палубу, лежу. Одним глазом читаю, другим поглядываю на селедок. Пасутся рыбки, резвятся, сверкают на солнце чешуйками.

А к вечеру возвращается Лом и привозит с собой матроса.

Я смотрю — на вид парень ничего. Не очень молодой, но и не очень старый; ростом, правда, маловат, но по глазам видно — шустрый, и борода у него, как у морского разбойника. Только те, по слухам, всё больше рыжие, а этот типичный брюнет. Грамотный, некурящий, одет чисто, знает четыре языка — английский, немецкий, французский и русский. Это Лом особенно прельстило: он к тому времени, грешным делом, стал уже забывать английскую речь. Фамилия у нового матроса несколько странная — Фукс, но, знаете, фамилия — дело наживное, а мне еще Лом на ушко шепнул, что Фукс этот — клад, а не матрос: прекрасно разбирается в картах.

Тут уж я совсем успокоился: раз в картах разбирается — значит, моряк, значит, и в руле может постоять, значит, и вахту при случае может нести самостоятельно.

Словом, я согласился. Записал Фукса в судовую роль, объяснил обязанности, приказал Лому ответить ему место в трюме. Ну, потом подняли паруса, развернулись и пошли дальше.

И, знаете, как раз вовремя взяли человека. До тех пор нам везло: ветер все время дул в корму, чистый фордевинд. А тут задул прямо в нос — «вмордувинд», как говорится. В другое время я, может быть, поберег бы силы, остался бы в дрейфе или якорь бросил, но тут, сами понимаете: селедки. Им-то ветер нипочем, идут как ни в чем не бывало полным ходом, и нам, значит, нельзя отставать. Ну и пришлось идти в лавировку, зигзагами.

И высвистал всех наверх. Лома поставил пасти селедок, сам встал у штурвала, набрал ходу и скомандовал:

— К повороту приготовиться!

Смотрю — этот Фукс стоит, как свечка, руки в карманах, с интересом смотрит на паруса.

Ну, тут уж я прямо к нему обратился.

— Фукс, — кричу, — набивайте грот!

Он встрепнулся, посмотрел этак растерянно — и давай всё подряд запихивать в кубрик: спасательные круги, запасной трос, фонари. Поворот, конечно, не вышел, прозевали...

— Отставить! — кричу я.

Он тогда все пожитки назад вытащил и поставил у самого фальшборта.

Ну, я вижу, достался матрос! Ни в зуб ногой! Уж я на что человек спокойный, но тут и меня зло взяло.

— Эй вы, Фукс, — говорю я, — какой же вы, к черту, матрос?

— А я, — ответил он, — не матрос, я сейчас просто так, застрял на мели, а друзья мне посоветовали климат переменить...

— Позвольте, — перебил я, — а как же мне Лом говорил, что вы в картах умеете разбираться?

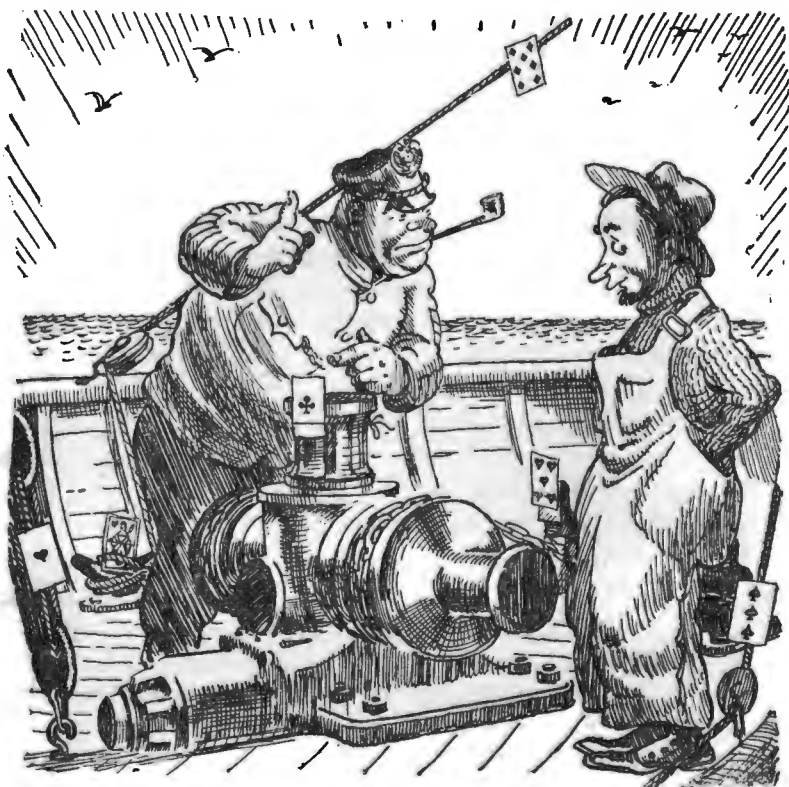
— О, это сколько угодно, — отвечает он. — Карты — это моя специальность, карты — это мой хлеб, только не морские, а, простите, игральные карты. Я, если хотите знать, я карточный шулер по профессии.

Я так и сел.

Ну, посудите сами, что мне с ним делать?

Списывать на берег — это еще сутки потерять. Ветер крепчает — того и гляди, поднимется шторм, тут селедки разбегутся. А с другой стороны, возить с собой этого шулера балластом — тоже неинтересно: он не только морской команды, он ни одной снасти не знает. Я было растерялся.

Но тут мне пришла блестящая мысль. Я, знаете,

люблю иногда разложить пасьянс на досуге, и у меня нашлась на судне колода карт. Так я на каждую снасть привязал поскорее по карте, привел яхту к ветру и повторил маневр.

— К повороту приготовиться! Развязать тройку пик, подтянуть валета червей, смотреть десятку треф...

И, знаете, поворот удался на славу, и этот Фукс действительно так в картах разбирался, что в темноте другой раз и то масти не путал.

Вот так и пошли дальше. Идем, лавируем. Ветер крепчает. Так бы оно ничего, но селетки меня беспокоят. Кто их знает, как они переносят погоду? А мне не к спеху, груз не срочный, так зачем рисковать? Я решил отстояться в порту.

Близ острова Уайт я свернул направо и пошел в Саутгемптон, в Англию. Бросил якорь на рейде, Лома оставил сторожить селедок, а мы с Фуксом сели на ялик и причалили к берегу. В прекрасном местечке высадились: трава подстрижена под гребеночку, дорожки посыпаны песком, и всюду такие красивые загородочки и надписи: «Здесь не ходить, усадьба Арчибальда Денди».

Только мы высадились, не успели шагу шагнуть, нас окружили джентльмены во фраках, в котелках, в белых галстуках. Не то мистер Денди со своим семейством, не то министр иностранных дел со свитой, не то агенты тайной полиции — по костюму не разберешь. Ну, подошли поближе, поздоровались, разговорились, и знаете, что оказалось? Оказалось, что это у них нищие. В Англии так просто попрошайничать строжайше запрещено законом, а во фраке — пожалуйста. Если кто и подаст, считается, что нищих нет, а просто помог джентльмен джентльмену.

Ну, я роздал им кое-какую мелочь, иду дальше. Вдруг навстречу — еще один. Длинный, точно версту проглотил. Поравнялись. Он обнажает голову, раскланивается самым церемонным манером. Ну, я, понятно, пошарил в кармане, выудил две копейки и прямо ему в цилиндр. Я ждал благодарности, а он, представьте себе, вспыхнул, фыркнул, вставил в глаз монокль и очень внушительно произнес:

— Арчибальд Денди, эсквайр. С кем имею честь?

— Капитан дальнего плавания Христофор Врунгель, — представился я.

— Очень приятно, — говорит он. — Защищайтесь, капитан!

Я было стал извиняться, да где там! Вижу —

поздно. Какие уж тут извинения! Он поставил цилиндр на травку, сбросил фрак... Ну, и я, знаете, решил постоять за себя: скинул китель, занял боевую позицию.

Фукс тоже не растерялся, взял на себя роль судьи, отошел чуть в сторонку и во все горло крикнул:

— Секунданты, аут! Гонг!

Мистер Денди запрыгал, запыхтел, завертел кулаками. Похоже, как, знаете, мальчишки в паровоз играют. Ринулся на меня. Пришлось и мне поработать кулаками.

Я не люблю давать волю рукам, но тут бокс, благородная схватка, — я размахнулся... и едва успел задержать удар.

Вижу — скверная штука: при разности пропорций наших фигур я, куда бы ни метил, все равно попаду ниже пояса. А это, знаете, не по правилам. Он же, напротив, лупит воздух у меня над фуражкой. И тоже все впустую. Первый раунд так и окончился без результата.

Но решать бой все равно как-то нужно было, и тут нас выручил Фукс.

— Пожалуйте, капитан, — говорит он и подставляет плечи.

Я вскочил на него верхом и вижу — совсем другое дело. Я теперь на уровне противника, так сказать, и могу вступить в бой на законных основаниях. Фукс подо мной прыгает, рвется в бой. Ну, я вижу, пора действовать.

— Давайте, Фукс! — говорю.

Ему, видимо, было нелегко, но он бодро прохрипел:

— Гонг!

И мы начали снова...

Мистер Денди дрался блестяще. Я получил жестокий удар в переносицу, но тут вспомнил молодость, пришпорил Фукса, перешел в инфайтинг и нанес противнику сокрушительный оперкут.

Он замер на секунду, закрыл глаза, опустил руки по швам и вдруг рухнул, как мачта. Фукс достал у него из жилетного кармана часы и стал громко отсчитывать секунды. Минут через сорок мистер Денди очнулся. Потер скулу, удивленно посмотрел по сторонам, заметил нас с Фуксом, вскочил и стал приводить в порядок одежду.

Я вторично представился, извинился, объяснил причину недоразумения. Ну, и, знаете, помирились. Познакомились. Пожали друг другу руки, разговорились, подружились даже. Потом осмотрели его усадьбу, зашли домой, выпили по чашке чаю, посидели у камина и отправились ко мне на «Беду».

Мистер Денди осмотрел мою яхту, пришел в восторг и принялся считать по пальцам:

— Сегодня четверг... значит, завтра пятница, послезавтра суббота... Мистер Врунгель,— воскликнул он неожиданно,— вас послало само провидение! В воскресенье большие национальные гонки. Вы должны их выиграть. Я сам пойду с вами, и на этот раз мистер Болдуин будет посрамлен.

Я, сказать по правде, не сразу понял, о чем идет речь, но мистер Денди мне все разъяснил. У него там, оказывается, есть сосед, мистер Болдуин. И вот они с этим Болдуином во всем соревнуются: кто знатнее, у кого галстук красивее завязан, у кого трубка лучше... Но это все так, между прочим, а главный-то спор идет у них о яхтах. Оба, оказывается, заядлые парусники, и как гонки — всё готовы отдать, только бы утереть нос друг другу.

Ну, и, знаете, этот Денди взглянул на мою «Беду» глазом знатока, оценил ее качества и понял, что с таким судном в любых гонках, при любой погоде победа обеспечена. Да-с!

В общем, уговаривает меня принять участие.

— Пойдемте,— говорит.— Гонки интересные, судно у вас превосходное, и, поверьте слову джентльмена, вы возьмете большой королевский приз и малый приз адмирала Нельсона.

Я за призами не очень гоняюсь, но так, в гонках, почему же не выступить? Судно прекрасное, команда надежная, ну, да и я не первый раз за рулем. Шансы есть...

Я было уже и согласился, да тут вспомнил: селедки... Их-то куда девать? Ну, объяснил мистеру Денди, что не могу распорядиться судном, что связан селедками по рукам и по ногам. Он сперва расстроился, но потом обещал и это уладить. И, представьте, уладил действительно. В тот же день я получил разрешение и ввел весь табун в портсмутский адмиралтейский док.

Потом мы подготовили яхту: борта смазали

салом, убрали все лишнее, как перед боем, обтянули такелаж. А утром в день гонок мистер Денди пришел на «Беду» в белом кителе, с трубкой в зубах. Он приказал погрузить на «Беду» два ящика сода-виски на случай неожиданного поражения, вставил в глаз монокль, закурил и уселся на корме.

Ну, знаете, как это всегда на гонках: мачты, паруса, вымпелы, на берегу зрители. Обстановка волнующая. Я уж на что спокойный человек, а тоже немножко нервничаю. Вышли на старт. Ждем сигнала. Пошли! Паруса наполнились ветром, яхты понеслись. И должен вам без хвастовства сказать: старт я взял блестяще. Всех оставил позади. Иду, рассекая воду, предвкушаю победу.

Почти всю дистанцию так и прошел лидером. Но у самого финиша мы сплеховали: не рассчитали немножко, зашли под бережок, попали в полосу безветрия, зашили. Паруса обвисли, болтаются, некрасиво так, хоть ноздрей поддувай. Лом мачту скребет, зазывает ветер, Фукс свистит с той же целью, но это все, знаете, предрассудки, ерунда. Не верю я в это. А «Беда» стоит, конкуренты подпирают, и впереди — мистер Болдуин на своей посудине.

Мистер Денди посмотрел за корму и загрустил: выругался, сорвал крышку с ящика, извлек бутылку — и хлоп в донышко!

Пробка вылетела, как из пушки. При этом «Беда» получила такой толчок, что заметно продвинулась вперед.

А я, даром что был расстроен, учел это и сделал должные выводы. Пока мистер Денди заливал свое горе, я вспомнил старую нашу пословицу. Знаете, говорят: «Нет плохих судов, нет плохих ветров, есть плохие капитаны».

Но меня-то уж никак нельзя причислить к этому последнему разряду. Не хвастаясь, скажу — я капитан хороший. Эх, думая, была не была. Объяснил задачу, дал команду...

Мы все трое встали на корме и одну за другой принялись вышибать пробки.

Тут и мистер Денди несколько оживился. Достал из кармана платочек, принялся командовать. И, знаете, с командой пошло еще лучше.

— Кормовая башня, огонь! — кричит он.

Три пробки залпом вылетают с громоподобным звуком, падают в море подбитые чайки, содовая льется, вода за кормой кипит. Мистер Денди машет платком все чаще, все громче кричит:

— Кормовая, огонь! Огонь!

Прямо Трафальгарская битва. Куда там...

А «Беда» между тем движется вперед по ракетному принципу, набирает ход.

Вот уже и мысок позади, паруса взяли ветер, снасти обтянулись, зазвенели.

И вот мы вновь отвоевываем ускользнувшую было победу, одного за другим обходим всех конкурентов. На берегу болельщики волнуются, кричат. Вот один Болдуин впереди... Вот сравнялись, обошли на полноса, на корпус... Тут оркестр на берегу ударил туш, мистер Денди улыбнулся,скомандовал:

— Кормовая башня, салют! — и лег пластом.

На другой день только и разговоров было, что о нашей победе. В газетах заголовки на всю страницу, подробные описания этой удивительной гонки. Откуда-то у нас появились друзья, пришли с поздравлениями. Но мы не только друзей, мы и врагов нажили с этой победой.

Мистер Болдуин постарался, и пошел, знаете, шепоток, разговорчики, начались интриги. И в конце концов разыгрался настоящий скандал. Однако скандал этот готовился втайне, и мы, ничего не подозревая, пошли получать призы.

Обстановка была самая торжественная. Королевский яхт-клуб в полном составе собрался в здании старинной таможни в весовом зале.

Там особо почетным считается, когда призы весят больше призера. Мне тоже предложили встать на весы, но я столько призов набрал, что решил взвешивать сразу всю команду. Так и встали по росту: мистер Денди, Лом, я и Фукс. А на другой чашке расставили целый посудо-хозяйственный магазин: золотые ушаты, вазы, кубки, стаканы, рюмочки. Потом подсыпали медалей, жетонов, каких-то безделушек. И вот в тот момент, когда чашки весов уравнились, председатель яхт-клуба стал проносить торжественный спич. Что уж он говорил, не припомню сейчас, но слова были самые теплые и содержание достойное: «Бескровная победа... лучшие из лучших... пример для молодежи...»

Я расчувствовался, чуть слезу не пустил.

Но не успел председатель закончить, как поднялся мистер Болдуин.

— А известно ли уважаемому лорду председателю, что призер, капитан Врунгель, в нарушение неписаной традиции нашего клуба, в морском мундире гарцевал на коне? — спросил он и пустил по рукам норвежскую газету с моей фотографией, где я на лошади.

Фотография, как я уже говорил, действительно не вполне приличная для моряка, и я не удивился, когда в зале поднялся ропот. Но гонку-то я все-таки выиграл, а победителей, как говорится, не судят. В этом смысле и председатель ответил. Шум утих. Я уже думал, что все обойдется, но не тут-то было. Не обошлось... Этот Болдуин опять взял слово.

— А известно ли лорду председателю, — продолжал он, — что указанный мистер Врунгель перехватил груз селедок, адресованный в английские колонии, и что предложенный мистером Врунгелем способ перевозки рыбы наносит ущерб судовладельцам — подданным его величества английского короля?

Это, знаете, был козырь посильнее фотографии. Традиции традициями, мундир мундиром — это все, конечно, очень почитается в Англии, но торговые интересы ставятся там несравненно выше. И нет ничего удивительного, что шум в зале усилился. Уже трудно было различать отдельные голоса и реплики, но мистер Болдуин и тут не успокоился. Он возвысил голос и продолжал:

— А известно ли лорду председателю, что указанные селедки, которые, как было установлено, наносят ущерб английским судовладельцам, по протекции Арчибальда Денди, эсквайра, и при его прямом содействии отстаиваются в адмиралтейских доках его величества? Известно ли, наконец, что указанный Денди, эсквайр, предав забвению долг и честь британца, вступил на путь порока и преступления, пошел против бога и коро-

ля и с недавних пор является тайным агентом Москвы?..

Ну, знаете, точно бомба взорвалась в таможне. В зале поднялась паника. Одни свистели, другие аплодировали, потом все повскакали с мест, разделились на партии и пошли на сближение с самым угрожающим видом.

Тогда и мистер Денди не выдержал. Спрыгнул с весов и с громким криком налетел на мистера Болдуина. Тут началась всеобщая потасовка. Несдобровать бы и нам, но спасли призы. Недаром мы их зарабатывали!

Как только мистер Денди спрыгнул, наша чашка взвилась под самые стропила, и мы оттуда, как из логи, наблюдали побоище.

А побоище, доложу вам, получилось изрядное. Кругом пыль столбом, треск добротных английских лбов, хруст старинной английской мебели...

Джентльмены разошлись, бьют друг друга по чем попало, весь зал усыпан выбитыми зубами, манжетами, воротничками. Бойцы падают один за другим. Страшное было зрелище!

Вскоре, однако, толпы бойцов поредели, битва утихла, мы спустились по грудам бездыханных тел и направились к выходу.

В этот миг мистер Болдуин шевельнулся, тяжело вздохнул.

— А известно ли... — прохрипел он сердито.

Тогда и председатель очнулся, приподнялся на локтях, позвонил в колокольчик.

— Нет, не известно, ничего не известно! — смиренно произнес он и рухнул замертво.

Снова стало тихо. Мы вышли, вздохнули полной грудью, осмотрелись кругом и побежали на «Беду».

А там подняли якорь, поставили паруса и полным ходом пошли в Портсмут — выручать наш табун.

К счастью, в доки еще не пришла весть о последних событиях. Нам открыли порты, выпустили

селедок и даже пожелали счастливого плавания. Ну, мы пошли не спеша, а через час на горизонте открылся остров Уайт. Мы обошли его, согнали селедок поплотнее и, стоя на правом борту, долго смотрели, как тают в тумане низкие берега Англии.

Я еще не успокоился после пережитых волнений. Лом стоял грустный — что-то он заскучал на берегу. Один Фукс был доволен.

Этот успел-таки схватить с весов золотую цепочку с якорем на конце и теперь разглядывал ее, разыскивая пробу.

Скоро, однако, и Фукс расстроился.

— В нашем деле за это бьют подсвечниками, — неожиданно сказал он, плюнул за борт и протянул мне цепочку.

Я осмотрел ее и обнаружил причину его недовольства: на цепочке, на крайнем звене, совершенно четко было выбито: «Завод искусственных драгоценностей «Алхимик». Сделано в Англии».

— Ну что ж, отличная работа и марка солидная, — сказал я, возвращая Фуксу цепочку.

В то же мгновение парус хлопнул у меня за спиной, и не успел я обернуться, как оказался за бортом.

Ослепленный водой, я беспорядочно замахал руками и неожиданно ухватился за что-то твердое. Открыл глаза, вижу — нога, а впереди голова Лома, и Лом тоже держится за ногу, а впереди Фукс. Этот держится за свою цепочку, а цепочка держится за борт «Беды»: зацепилась якорем.

Понимаете, какое положение! Яхта идет полным ходом, а мы трое за бортом! Размечтались, бросили руль, а тут перекинуло парус и сбило весь экипаж.

Хорошо еще, эта цепочка: даром, что фальшивая, а без нее яхта ушла бы одна, с селедками.

Ну, я сразу оценил обстановку и по возможности громко скомандовал:

— Так держать, да покрепче!

— Есть так держать! — ответил Лом.

— Есть так держать! — подхватил Фукс.

А я не торопясь подтянулся поближе, по Лому, потом по Фуксу, потом по цепочке — и на «Беду». Потом так же Лом, потом так же Фукс...

На палубе я снова осмотрел цепочку и, представьте — поразился даже! — ни одно колечко не растянулось. Прочно делают!

— Берегите ее, Фукс, — сказал я.

Потом выдал экипажу по чарке водки для согревания, назначил вахты, а сам еще постоял на борту, посмотрел на горизонт, вспомнил грустные события последних дней.

— Прощай, добрая Англия, старая Англия! — сказал я, а про себя подумал: «Культура!»

Постоял еще, выкурил трубку и пошел спать.

А утром, чем свет, Лом пришел будить меня на вахту и доложил, что «Беда» вышла в Атлантический океан.

Глава VII

О методах астрономических определений, о военной хитрости и двух значениях слова «фараон»

В Атлантическом океане у нас было одно незначительное событие, о котором, собственно, и рассказывать не стоило бы. Но для сохранения истины я и о нем не скрою.

Вы знаете, конечно, что в открытом море, вдали от видимых берегов, судоводитель определяет свой путь по небесным светилам и по хронометру. Светила — это Солнце, Луна, планеты и неподвижные звезды. Они нам даны, так сказать, самой природой. Ну, а хронометр — это другое дело. Хронометр — это плод упорных трудов многих поколений человечества, и, как показывает само название, служит он для измерения времени.

Сложное это дело — измерение времени. Вон на Западе, в той же Англии к примеру, до сих пор еще академики спорят: есть оно, время-то, или нет его совсем, а только кажется, что есть. А если нет, то и измерять вроде нечего, да и не к чему. А по-моему, тут дело ясное: раз на такие споры хватает времени, значит, есть оно, и даже в избытке. А вот насчет измерения — согласен, трудный это вопрос. И не сразу, конечно, достигли тут должного совершенства.

В былые годы для этой цели пользовались песочными склянками. Затем появились ходики, будильники, карманные часы.

По будильникам в наше время не плавают —

считают, что это не точно, а по-моему, на худой конец и будильник сойдет.

Вон мой тезка Колумб совсем без часов плавал, однако открыл Америку.

Ну, ходики, я согласен, на судне употреблять неудобно: там, знаете, нужно подвешивать к гилям подковы, кирпичи, утюги... А ну как шторм поднимется? Тут к ним и не подступишься. А будильник... отчего же?

Но раз уж не принято по будильникам плавать — ничего не поделаешь. И я, когда готовил поход, специально приобрел прекрасный ручной хронометр.

Приобрел и положил в каюте. Пользоваться им не приходилось: шли все время вблизи берегов. А тут хочешь не хочешь — надо определяться. Ну, спускаюсь в каюту, достаю свой хронометр и обнаруживаю странную перемену в его характере: был прибор, как я говорил, ручной, а тут, знаете, ползжал без присмотра, без ухода и одичал совершенно, черт знает что показывает: солнце всходит, а на нем полдень, солнце на полдень, а на нем шесть часов... Уж я его и стучал, и тряс, и крутил — ничего не помогло.

Вижу, скверное положение: идем, куда — неизвестно. Так, знаете, и заблудиться недолго.

Но тут спасение пришло само собой и пришло оттуда, откуда я его совершенно не ждал.

Мы, когда были в Англии, хорошенько запаслись продовольствием. Взяли сухих продуктов, консервы, живность. Между прочим, был у нас ящик кур из Гринича.

Да. Ну конечно, в пути мы их поели, и к тому времени в ящике только и оставалось два молодых петушка — черный и белый.

И вот я стою с секстантом в руках, размышляю о методах астрономических наблюдений, — вдруг, понимаете, оба мои петушка хором:

«Кукареку!..»

Я моментально сделал наблюдения; ну, а дальше уж нетрудно сообразить: раз гриничские петушки запели, значит, сейчас в Гриниче рассвет, солнце всходит. Вот вам и точное время. А зная время, и определиться нетрудно. Да-с.

Я, однако, сделал и проверку: вечером снова вышел с секстантом, и ровно в полночь по Гриничу мои петушки опять дуэтом:

«Кукареку!»

Так можно бы и дальше по петушкам плавать, но тут я еще и другой способ нашел.

Замечательный способ! Я даже думаю как-нибудь на досуге диссертацию написать на эту тему и обогатить таким образом науку.

Вкратце способ мой сводится к следующему: вы берете часы, какие угодно, хоть стенные, хоть башенные, можно даже игрушечные, все равно. Лишь бы у них были стрелки и циферблат. Причем вовсе необязательно, чтобы стрелки двигались: напротив, совершенно необходимо, чтобы они не двигались. Пусть стоят. И вот, допустим, они показывают, как мой хронометр, ровно двенадцать часов. Отлично! Конечно, в течение большей части суток пользоваться таким хронометром не придется, но это, знаете, и ни к чему, излишняя роскошь; зато два раза в сутки — в полдень и в полночь — ваш хронометр совершенно точно покажет время. Тут только нужно не пропустить момента, когда посмотреть, а это уж зависит от личных способностей наблюдателя.

Вот таким образом я вновь приручил свой хронометр, и как раз вовремя.

Запасы у нас совсем истощились, консервы надоели, и нужно было подумать не об определении места судна, а об определении на жаркое наших петушков.

Но тут новая неприятность: встал вопрос о том, с которого начинать. Уж очень, знаете, дружные были петушки. Черного зажарить —

белый скучать будет, белого зажарить — черный заскучает...

Я размышлял над решением этой проблемы, серьезно размышлял, но так и не пришел к должным выводам. Ну, думаю: «Ум хорошо, а два лучше». Создал комиссию: я и Фукс.

Снова со всех сторон обсудили этот вопрос, но тоже, знаете, безрезультатно. Так и не смогли найти конструктивного решения. Пришлось расширить комиссию. Кооптировали Лома. Назначили заседание. Я изложил сущность дела, познакомил собрание с историей вопроса, поднял, так сказать, материал... И не зря. Лом неожиданно такую трезвость взглядов и находчивость проявил в этом деле, что сразу все, как говорится, встало на свои места.

Он и минуты не думал. Так, знаете, не колеблясь, прямо и говорит:

— Режьте черного.

— Позвольте,— говорим мы,— ведь белый скучать будет!

— А черт с ним, пусть скучает! — возражает Лом.— Нам-то какое дело?

И, знаете, пришлось согласиться. Так и сделали. И, должен прямо сказать, Лом не ошибся. Петушок оказался прекрасный, жирный, мягкий,— мы просто пальчики облизывали, пока его ели. Впрочем, и второй был не хуже.

Вот так, знаете, благополучно, не торопясь мы обогнули Бретань и вступили в Бискайский залив.

Бискайский залив, как известно, прославился бурями, и недаром.

Не скрою, я испытывал некоторую тревогу, пересекая его, но мне повезло в тот раз. Прошел, как по зеркалу, и дальше все было благополучно, до тех пор пока мы не вошли в Гибралтар. Но тут, в Гибралтаре, попали в историю. Идем не спеша, гоним селедок, любуемся видами неприступных гор. С английской крепости, как полагается, нас запросили:

— Уот шип? Что за корабль?

Ну, я ответил:

— Яхта «Беда», капитан Врунгель.

Продвигаюсь дальше, и тут на пороге Средиземного моря началось: что-то свистнуло, ухнуло. Я вижу—в парусе дырка в полметра, кругом огонь, вода с грохотом вздымается в небо, а справа, наперерез нам, несется эскадра.

Ну, я сразу понял: пираты неизвестной национальности.

Вот, я вижу, вы улыбаетесь. А зря, молодой человек. Вы думаете, что только в старинных романах пираты остались? Ошибаетесь, дорогой. Пиратов и сейчас хватает на свете. Только в былые-то годы, лет двести назад, пираты, когда на дело шли, свой флаг поднимали. А в наши дни флаги пиратские припрятали в сундуки, а приемы пиратские из всех сундуков повытащили. Вон, суньтесь-ка на восток — того и гляди, попадете пиратам в лапы. Ну, а в то время на Западе та же была картина. Сейчас янки в Индийском океане шкодят, а в то время франкисты в Средиземном море бесчинствовали, а на поверку и те и те одним миром мазаны. Да и цена им одна — доллар за пару. А где доллар вмещался — там добра не жди.

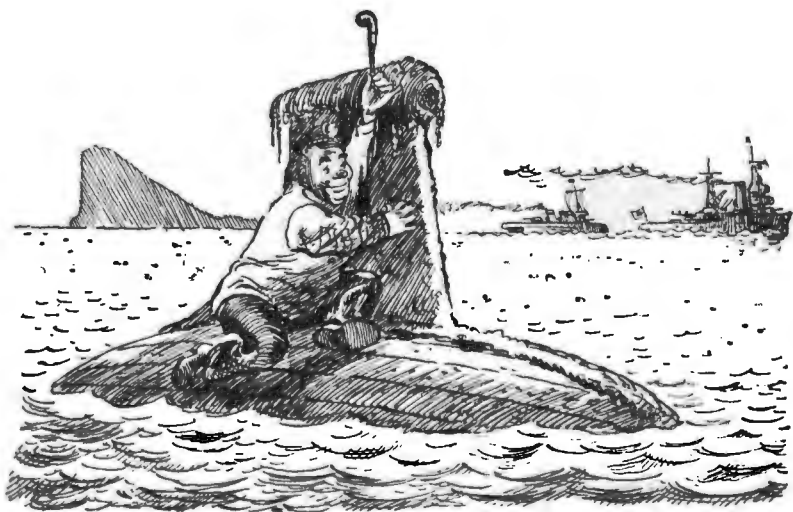
Словом, я вижу, положение трудное: бой принимать нельзя. При встрече с превосходными силами противника морская тактика рекомендует уйти с линии баталии.

А куда уйдешь? Ветер слабый, и парус с дырой, работает в полсилы...

Тут, знаете, выход один: применять военную хитрость.

— Закуривай, ребята! — крикнул я бодрым голосом и достал свой кисет.

Экипаж у меня некурящий, но тут, в напряженной обстановке боя, Лом и Фукс не посмели послушаться — свернули козьи ножки и принялись дымить.

Я тоже раздул свое кадило, и, не прошло трех минут, дымовая завеса плотной стеной скрыла нас от глаз противника.

Согласитесь: ловко придумано! Но это еще не все.

Это, батенька, только начало.

Ну, скрылись — хорошо. Но ведь завесу-то нашу все равно сдует ветром. Что тогда делать? Я, знаете, подумал и решился.

— Паруса долой, экипажу укрыться в жилых помещениях! — скомандовал я.

Лом с Фуксом забрались в каюту, задраили все люки, наскоро, кое-как законопатили щели, а я собрал весь груз потяжелее, связал и на блоке поднял на мачту. Центр тяжести, понятно, переместился кверху, груз перевесил, судно потеряло остойчивость, завалилось на левый борт, и «Беда» опрокинулась кверху дном. Я, конечно, оказался в воде, но сейчас же вылез, лег на корме и жду. Тут нашу завесу снесло, и пиратская эскадра в полном составе обнаружилась на расстоянии ста саженьей.

Наступил, так сказать, решительный момент боя. «Ну,— думаю,— пан или пропал». Выставил над килем свою трубку, а сам гляжу одним глазом. И вот вижу: с флагманского судна эскадры нас заметили, семафорят открытым текстом:

«Метким огнем нашей артиллерии противник уничтожен. Приказываю отступить на исходные позиции, ибо в районе действий флота обнаружена бригада подводных лодок новейшей конструкции. Адмирал дон Канальо».

Едва там разобрали сигнал, пиратские корабли бросились врассыпную, как цыплята от коршуна. Да и понятно, знаете: «Беда» даже в столь неестественном состоянии сохранила весьма внушительный вид.

Ну, а тогда я нырнул, отцепил груз от мачты; яхта вторично сделала поворот оверкиль и вернулась в нормальное положение. Лом с Фуксом вылезли. Спрашивают:

— Ну как?

— Да вот,— говорю,— глядите сами.

А, собственно, и глядеть-то уже нечего было: только дымок на горизонте. Я посмотрел в бинокль им вслед и пошел переодеваться.

Ну, потом подправили паруса, привели в порядок судно, произвели уборочку и занялись селедками. И как раз вовремя занялись. Пока тут была стрельба, шум, некоторые отдельные селедки проявили недостойное легкомыслие: отбились от табуна и удалились в неизвестном направлении. А с другой стороны, воспользовавшись нашим вынужденным бездействием, к табуну пристало столько посторонней рыбы различных пород, что я сперва даже растерялся: тут и макрель, и сардинки, и бычки, и хамса,— так, знаете, и опозориться недолго. Ну кто же мне в другой раз доверит фрахт, если я принял груз голландской сельди первого сорта, а сдаю какую-то кашу, третий сорт, неразбор!.. Да. Ну, я поработал часок-другой хлыстом, руки, прав-

да, отмахал, но зато разогнал всю эту постороннюю публику, восстановил некоторый порядок во вверенном мне табуне и повел «Беду» прямым курсом в Египет, в порт назначения. Вот так.

Ну, пошли. На этот раз без происшествий, ровно через два дня благополучно прибыли в Александрию, стали на якорь, вызвали торгового агента, а сами пока устроились на палубе. Отдыхаем, глядим по сторонам, делимся впечатлениями.

Впрочем, доложу вам, в то время и поделиться было нечем.

Сейчас другое дело. Сейчас Египет — страна как страна и народ как народ — своими ногами стоит на своей земле. В древности вот тоже Египет славился, и Александрия славилась на весь мир. А в тот наш заход порт этот не представлял для любознательного путешественника ровно никакого интереса. Только разговор, что, мол, Египет — страна фараонов и так далее. А зайдешь — и посмотреть не на что. Порт как порт — обширная торговля, вывоз хлопка, у набережной глубина двадцать шесть футов. Флаг, правда, и тогда был египетский, но порядки стояли английские, и корабли английские, и полисмены английские. Только и разница, что нищие там без фраков ходили. Какие там фраки! Другой работяга, землепашец, рыбак, чиновники даже и те босые ходили, а то, простите, почти что и без штанов!

Да. Ну, наконец явился агент. Проверил запись в грузовых документах, отвел нам место в порту и стал принимать груз. Мы сдали селедок, как полагается, по счету, подвели итог, и тут у меня просто сердце упало: поверите ли, чуть не половина табуна растерялась в пути!

Случайно отбились, отстали или сознательно дезертировали — этого я уж сказать не сумею. Но факт налицо — полтабуна как не бывало! Ой, гляжу — плохо.

Конечно, можно бы спорить, оправдываться, ссылаться на непредвиденные обстоятельства, но это все несолидно, неубедительно. Словом, огорчился я ужасно, расстроился, но тут вдруг меня осенило.

— Позвольте, — говорю я, — где же это видано, чтобы такой груз, как селетки, сдавался поштучно? Извольте, прикиньте их на весы, а тогда и заявляйте претензии.

Ну, тот видит — не на простака попал, взял груз на весы, и, поверите ли, обнаружилась значительная прибавка в весе! Вас, может быть, удивит этот факт. Однако, если разобраться, тут и удивляться нечему. Я заранее знал, что так будет, и без труда объясню вам причину этого явления. Подумайте, взвесьте обстоятельства дела, и вы поймете, что иначе и быть не может: спокойное путешествие, отличное питание, перемена климата, морские купания... Все это укрепляющим образом действует на организм. Ну, и понятно, селетки поправились, пополнили, накопили жирку.

Так что опыт мой удался блестяще, и, закончив расчеты, я решил отдохнуть, проветриться на берегу и осмотреть местные достопримечательности.

Отправились в глубь страны, в пустыню. По пустыне там ходит троллейбус, но в троллейбусе ехать неинтересно, и мы решили воспользоваться местными средствами сообщения. Я сел на двугорбого верблюда, Лом — на одногорбого, а Фукс — на осла. Получилась довольно живописная группа.

Так, целым караваном, и прибыли в Каир. А в Каире — вот там другое дело! Там и тогда был настоящий Египет, и от каждой пяди земли веяло ароматом глубокой древности. А как же! Там и пустыня Сахара, и бедуины, и финиковые пальмы, а главное — гробницы фараонов, сфинксы и другие памятники седой старины. Мы первым делом отправились осматривать пирамиды. Заплатили

сколько следует, взяли входные билеты, стреножили животных и пошли.

Идем по подземным коридорам. Там, знаете, все так и стоит нетронутым пять тысяч лет. Обстановка великолепная: чистота, электрическое освещение, на каждом перекрестке — чистильщик сапог, на каждом углу — ларек с мороженым... В общем, неплохо жили покойники.

Ну-с, мы почитали иероглифы, взглянули на золотой саркофаг, на мумию и пошли назад. Вышли, глядим — Фукс пропал. Подождали-подождали — нет Фукса. Собрались идти разыскивать, а тут он сам бежит навстречу и держится за скулу. Я посмотрел — у него фонарь во всю щеку.

— Кто же это вас, Фукс? — спрашиваю я.

— Да я там кусочек саркофага отколупнул на память, а фараон как стукнет! — захныкал Фукс.

— Да вы с ума сошли, Фукс! — говорю я. — Он же мертвый, фараон-то.

— Как же, мертвый! Живехонький, да еще не один, их там целая рота, этих фараонов.

— Каких это фараонов, египетских?

— Зачем египетских? Английские. Вон шагают.

Тут я увидел отряд полицейских и понял, что Фукс прав. Действительно, фараоны самые настоящие: в касках, с дубинками...

в которой Фукс получает заслуженное возмездие, затем считает крокодилов и, наконец, проявляет исключительные способности в области агрономии

Вернувшись на судно, я отчитал Фукса:

— Чтобы у меня этого больше не было: никаких «на память»! Понятно?

Ну, Фукс раскаялся, обещал вести себя осмотрительнее. Синяк у него рассосался, и мы отправились вверх по Нилу.

Идем. Вот тут уж ничего не скажешь: Африка в лучшем виде. Куда ни посмотришь — лотосы, папирусы, по берегам гуляют робкие антилопы, порой попадают даже львы. В воде фыркают бегемоты, тут же ленивые черепахи греются на солнце. Как в зоопарке.

Лом и Фукс, как маленькие дети, развлекаются, дразнят палками крокодилов, а я сохраняю полную серьезность, веду судно, лавирую, высматриваю подходящую деревушку на берегу.

Этот рейс по Нилу я, молодой человек, как вы понимаете, предпринял не из праздного любопытства. Первоначально план моего похода был таков: Атлантика, Панама, Тихий океан...

Из-за селедок пришлось нарушить этот план, уклониться несколько в сторону, и теперь впереди у нас лежал трудный переход по Индийскому океану.

А там, в океане, знаете, ни магазинов, ни ларьков нет; подберутся запасы, и клади зубы на полку... И вот, как человек предусмотрительный и экономный, я решил перед этим трудным рейсом получше и подешевле снабдить экспедицию. Да-с.

Наконец вижу небольшое селение. Так, вроде чистенько и народ приветливый. Подошел к берегу, причалил и со всем экипажем отправился на базар.

Местное население встретило нас прекрасно. И цены на рынке оказались не слишком высокие,

так что мы снабдились наилучшим образом: приобрели пару соленых слоновьих хоботов, ящик страусовых яиц, финики, саго, корицу, гвоздику и прочие пряности. Погрузили все это на яхту, я поднял отходный флаг, собираюсь в путь, но тут Лом докладывает рапортом, что Фукс опять пропал. Подождали — нет Фукса.

Ну, я было хотел без него уходить, но потом поразмыслил и пожалел. Парень он ничего! Жуликоват, правда, но зато старательный и добрый. А тут, в Египте, народ доверчивый, соблазны на каждом шагу, последить за парнем некому. Ну и свихнется, пропадет, кончит каторгой... Словом, пошел я его выручать. Иду, вдруг вижу — на краю деревни толпа, откуда доносятся смех и вопли. Я заинтересовался, кликнул Лома, прибавил шагу, подбегаю и вижу: Фукс мой в печальном положении. Свернулся комочком, зарыл голову в песок, прикрылся шляпой. А над ним, понимаете, страус. Щиплет его за мягкие места и лупит ногами, как футбольный мяч. Кругом беспристрастные зрители смотрят, аплодируют, точно в цирке, поощряют эту птицу, хохочут, кричат...

Ну, я, знаете, прикрикнул на страуса. Он испугался, сел тут же и тоже — голову в песок. Так и сидят рядом.

Тогда я взял Фукса за шиворот, поднял, встряхнул, поставил на ноги и допросил с пристрастием о причине столь странного положения. И что же оказалось? Не подействовало мое внушение: опять согрешил малый. Видит — гуляет страус на свободе, ну, и, знаете, не стерпел: подкрался сзади, дернул у него перо из хвоста «на память»... А страус — даром что робкая птица, но тут вспылил.

Фукс мне и перо показал. Я хотел было вернуть его страусу, но, знаете, не стал задерживаться, а главное, думаю: во-первых, у страуса новое отрастет, а во-вторых, страус сам с ним рассчитался — вырвал здоровый клоч из штанов, так что квиты,

Ну, обсудили этот случай, посмеялись, конечно, распрощались с местным населением, вернулись на судно, подняли паруса и пошли назад, вниз по Нилу. Спустились спокойненько, не спеша, вышли к морю и вдоль бережка пошли на восток. Оттуда наш путь лежал в Красное море, через Суэцкий канал.

В канал вошли утром. Там вообще-то лоцманы корабли проводят. Но я человек бывалый. Суэцким каналом ходить мне не впервой, я там каждый камушек знаю. Ну, и решил зря не тратиться — пошел без лоцмана. Идем. Фукс на носу «впередсмотрящим», я в руле, а Лом подвахтенным: готовит на камбузе завтрак. Он был мастером кулинарного дела; другой раз такого настряпает, что сыт по горло, а все равно сядешь, отведаешь. Вот и в тот раз. С утра, знаете, Лом подвязал фартук, засучил рукава, затопил камбуз... Я заглянул к нему — куда там: здесь и без того жара, а у него прямо кузница на полном ходу, ад кромешный. Огонь так и пышет, в кастрюлях кипит, жаркое румянится, а главное — аромат. Подливочки, соуса — это у него был коронный номер. И такой запах пошел над Суэцким каналом, что со всех сторон собрались звери — не закусить, так хоть понюхать. Стоят по берегам, смотрят на нас, облизываются. И, знаете, здорово получается! Мы два дела делаем зараз: во-первых, идем своим направлением, а во-вторых, в непосредственной близости изучаем местную фауну. А фауна там богатейшая! Из Аравии пожаловали тигры, кабаны, приползли вараны, а с африканского берега — львы, слоны, носороги. Жираф тоже пришел из пустыни, пронюхал и любитесь нашим суденышком. Не знаю уж, какие там возникли у него мысли, но только, судя по всему, он принял нашу яхту за плавучую закусочную. Свесил шею, как подъемный кран, идет за нами по берегу, слюнки пускает.

А тут Лом как раз закончил стряпню, накрыл стол на три персоны. Все как полагается — тарелочки, вилочки, чистую скатерть постелил и выхо-

дит из камбуза с миской в руках. И представьте: жвачное заинтересовалось, лезет мордой прямо в миску; Лом на него кричит, ругается, а жираф — животное невоспитанное, убеждения на него не действуют, тянется к миске как ни в чем не бывало, зубы оскалил и уже облизывается. И сделать ничего нельзя: свернуть некуда, канал узкий, по берегу не пойдешь. Применить физические меры воздействия — это руль нужно бросить, а тут место очень ответственное: рискованно. Фукс — тот увлекся изучением фауны, не видит и не слышит ничего, а у Лома руки заняты... Тут одно спасение — ретирада.

— Отступайте, Лом! — приказал я.

— Есть отступать! — ответил Лом и давай пятиться задом в каюту по трапу.

А у жирафа знаете какая шея! А тут он ее еще вытянул и тоже за Ломом в каюту. Лом забился в самый конец, и жираф не отстает. И вот слышу, Лом рапортует:

— Дошел до места!

Ну, я понял — дело дрянь, так и без завтрака останешься. Рискнул все-таки: бросил на минуточку руль, захлопнул дверь, прищемил жирафу шею. И подействовало, знаете, лучше всяких внушений: жираф уперся всеми четырьмя ногами, выдернул шею из кубрика, выпрямился во весь рост. Но, видимо, обиделось животное: оглянулось кругом, заржало и слопало флюгер.

Ну, это ущерб небольшой: флюгера у меня были запасные, а завтрак-то все-таки спасли, как ни говорите. И жирафу, если разобраться, не так уж обидно. Конечно, мы его, так сказать, в шею вытолкали, как непрошеного гостя, но все-таки не голодным ушел. Они там привыкли в пустыне — камни и те с голодухи гложут, так что флюгер для него тоже, знаете, не так себе, а в некотором роде деликатес.

Да. Обсудили и этот поучительный случай, позавтракали с отменным аппетитом и пошли дальше.

К ночи прошли Суэц, тут заштилели и простояли около двух суток. Да оно, знаете, и кстати. Отдохнули, поправили паруса, рангоут, обтянули такелаж, генеральную уборочку произвели. А утром потянул ветерок. Мы подняли паруса и вышли в Красное море.

Сначала спокойно шли правым бакштагом, а потом ветерок стал крепчать, и нас здорово потрепало. Налетел самум из Сахары. Жарко, как в бане, духота страшная, зыбь, и Фукс, знаете, не выдержал, укачался. Он сначала крепился, не показывал виду, потом сразу как-то сдал. Даже до койки не

дополз, улегся тут же на палубе, на ящике с провизией, стонет, обмахивается страусовым пером. Жалко парня, однако ничем не поможешь. Морская болезнь — безопасный, но неизлечимый недуг.

А в остальном все в порядке. Этот самум даже на руку нам: гонит «Беду» полным ходом. Идем хорошо. Так и меряем милю за милей. Я посмотрел, проложил курс, оставил Лома в руле, а сам пошел вздремнуть в каюту. При моей комплекции в этих широтах лучше нести ночную вахту, а Лом, он и днем постоит, не растает. Да.

Ну, а к ночи жара несколько спала, мой старший помощник Лом отправился спать в каюту, а я встал в руль, веду судно.

Ночь в тех местах красива до чрезвычайности: вверху луна качается, как фонарь на цепочке; море горит голубым, таинственным светом. Как в сказке. Постоишь часок-другой, и полезет в голову всякая чертовщина: разные там ковры-самолеты, драконы, привидения. Я это раз мечтался, вдруг слышу — Фукс невнятно бормочет что-то. Прислушался... Ого, тут, похоже, не морской болезнью, тут тропической лихорадкой пахнет! Слышу — бредит бедняга, шепчет:

— Христофор Бонифатьевич, крокодил... Еще крокодил. Еще крокодил...

Ну, я закрепил руль, спустился в каюту, отпер аптечку, достал порцию хины, выхожу, а Фукс не понимает:

— Двадцать семь крокодилов, двадцать восемь крокодилов, тридцать крокодилов...

— Полно, Фукс, будет вам крокодилов считать! Сглотните-ка лучше, — говорю я.

И только шагнул, мне под ногу подвернулась какая-то гадина. Я попятился, поскользнулся, упал, хину рассыпал. Тут кто-то меня за палец — цап! Ну, знаете, тут и я испугался, закричал. На крик выскочил Лом и только ступил на палубу — слышу: тоже кричит.

А Фукс, как часы, считает:

— Сорок пять крокодилов... пятьдесят крокодилов...

Тут есть от чего прийти в панику. Но я взял себя в руки, вскочил, чиркнул спичкой — и, поверите ли, вижу: действительно, полна палуба крокодилов. Крокодильчики мелкие, новорожденные и безопасные по существу, но все-таки, знаете, неприятные животные. С ними я уж не стал церемониться, взял швабру и давай прямо за борт, в родную стихию.

А когда палуба несколько очистилась, я поинтересовался, откуда же это нашествие. И вижу — лезут из щели, из ящика. Ну, тогда я все понял: нам в той деревне по ошибке или с умыслом вместо страусовых яиц отгрузили крокодильи. А тут жара, да еще Фукс сверху улегся, высидел, вот они и полезли.

Установив причину чрезвычайного происшествия, я без труда избавился и от его последствий. Не стал даже ящик распаковывать. Провел просто доску от той щели за борт — вроде мостика, и они полным ходом, как по конвейеру, один за одним так и лезли до самого Адена. А после уж, в Адене, вскрыли ящик, глядим — одни скорлупки остались... Да-с.

Устранив крокодилов и водворив порядок на судне, я несколько успокоился. Но ненадолго: судьба готовила мне новые испытания.

Мы шли вдоль берегов Эритреи. Лом спал в каюте, Фукс — на палубе. Ураган стих, все предвещало спокойствие. Вдруг перед самым рассветом слышу где-то в море раздирающий душу крик.

— Все наверх! Человек за бортом! — крикнул я. — Руль на борт, поворот оверштаг!

Экипаж мгновенно принимает необходимые меры: полетели в море спасательные средства — круги, шары, концы... и вот поднимают на борт потерпевшего.

Гляжу — унтер-офицер в мокром виде. Внешностью не блещет, однако отряхнулся, прокашлялся и взял под козырек:

— Сержант итальянской армии Джулико Бандитто к вашим услугам.

— Да какие уж тут услуги! — говорю я. — Скажите, дорогой мой, спасибо, что так обошлось, да расскажите, как вы сюда попали и что мне с вами делать?

— Прогуливаясь в нетрезвом виде, сдут ветром в море. Прошу вас, капитан, высадить меня в любом месте на итальянском берегу.

— Э, батенька, — говорю я, — далеконочко же вас занесло! Италия-то вон где...

— Италия везде, — перебил сержант. — И здесь, — показывает направо, — Италия, и здесь, — показывает налево, — Италия... Весь мир — Италия!

Ну, я спорить не стал. Думаю: «Хмель-то у него еще не прошел, так чего с пьяным разговаривать?»

Опять же пришлось принять во внимание, что в те годы такие вот молодчики в Италии взяли верх над народом и весь мир собирались к рукам прибрать. И достигли даже кое-чего: в Абиссинии, в Сомали, в Эритрее итальянский сапог в то время выше всего почитался. И невдомек было этим джуликам и бандиттам, что их главный бандит до того высоко сапоги занесет, что так, вверх сапогами, его и повесят...

Ну, а тогда ходил он еще вверх головой и чужую землю топтал так же вот, как теперь янки Италию топчут. Да-с.

В общем, я возражать не стал. Думаю: «Разделяюсь поскорее с таким гостем, и то хорошо».

— Ладно, — говорю, — Италия так Италия. Куда вас поточнее-то? Сюда или туда?

— А вон, — говорит, — туда, к тем скалам, прошу вас.

Ну, я, ничего не подозревая, причаливаю к скалистому берегу, подаю сходню. Тут мой сержант опять берет под козырек:

— Благодарю вас, господин капитан. А теперь потрудитесь сойти с судна.

— Полноте, батенька, некогда мне, да и не к чему. Идите уж...

— Ах так? — говорит он, достает свисток, и вдруг, понимаете, из-за скал налетает рота головорезов. Щелк-щелк! — и, гляжу, весь мой экипаж в наручниках, и я в том числе.

Подхватили нас под микитки и повели по сильно пересеченной местности. Кругом скалы, горы, бесплодная почва... Ну, привели в лагерь, доложили. Мы стоим, ждем.

Наконец выходит полковник с тарелкой в руках; стоит, уплетает макароны.

— Ага, — говорит, — вторглись на итальянскую территорию. Все ясно: судно конфисковать, людей поставить на полевые работы, о дальнейшем запросить Рим.

Ну, и погнали нас на работу. За день мы намутились, проголодались. Хорошо еще, Фукс запустил руку в торбу к мулу, извлек горсть овса — только и поели.

А к ночи приходит сержант Джулико. Пожалел все-таки, отблагодарил за спасение: принес тарелку макарон из своего пайка.

Неприятно принимать такие подачки, но голод, как говорится, не тетка. Я разделил макароны по-братски, отведал. Лом — тот отсутствием аппетита никогда не страдал — набросился, а Фукс, смотрю, чванится: понюхал и нос воротит.

— Разве это макароны? — говорит он. — Это же скверная подделка. Ай, господин сержант, у вас здесь такой благодатный климат, а вы всякую дрянь едите и кукурузу сеете! Да здесь можно такую макаронную плантацию развести, что на всю Италию хватит! Вы доложите полковнику: я, если

угодно, сделаю опытную посадочку. У меня и рас-сада есть — на судне осталась.

Я глаза вытаращил: до чего же врет парень! А Джулико этот уши развесил и действительно по-бежал докладывать. И что бы вы думали: отдали нас в распоряжение Фукса, отвели ему участок, принесли с «Беды» макароны, кругом поставили караул. Сам полковник пришел.

— Сажайте,— говорит,— но смотрите: обмане-те — шкуру спущу!

Я вижу — этот действительно спустит, ну и ре-шил предостеречь Фукса.

— Бросьте вы это дело,— шепчу я,— ведь ниче-го не выйдет, кроме неприятностей...

А он только рукой махнул:

— Будьте покойны, Христофор Бонифатьевич. Только тихо!

И вот, понимаете, раскопали мы не торопясь грядки. Фукс на виду у всех наломал макароны, посадил, поливает.

И представьте, через три дня взошли! Сперва этакие, знаете ли, зеленые росточки, потом ли-сточки...

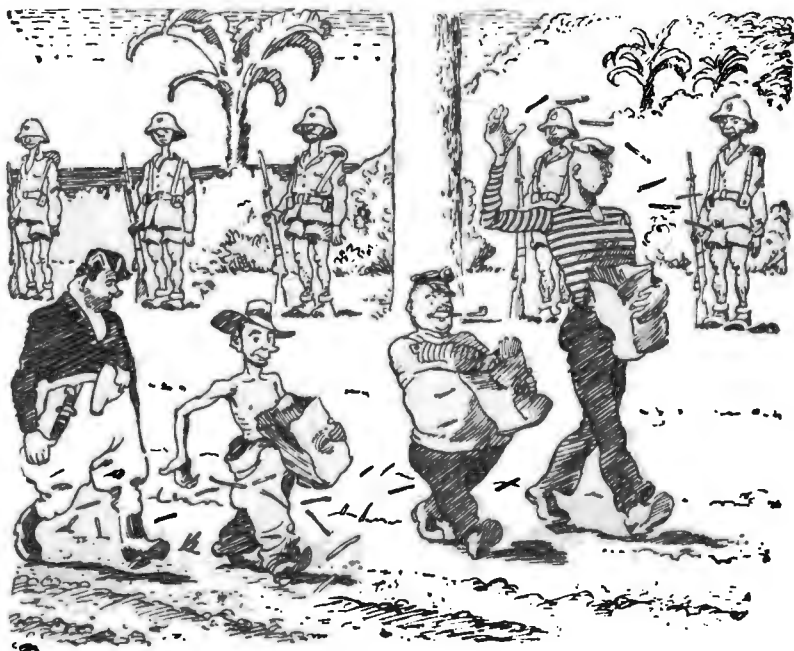
Фукс ходит, окучивает, рассказывает итальян-цам:

— Это вам не какая-нибудь дешевая подделка, это натуральный продукт! Вот вырастут повыше, станут в рост человека, тогда вы их кóсите, листья обламываете на корм скоту, а стебли бросаете пря-мо в кастрюлю, варите — и получаете превосходное кушанье.

И поверили итальянцы. Да и я, признаться, по-верил. Убедительно. Растут ведь. Факт! И вот этот полковник спрашивает:

— Нельзя ли засеять все поле?

— Нет, почему же, можно, пожалуйста,— гово-рит Фукс,— только семенного материала маловато. А если ваши сеять, их надо спиртом поливать, ина-че не взойдут.

— Ну что ж, мои молодцы полют,— говорит полковник и распорядился.

На другой день выкатили цистерну спирта, высыпали все макароны, что были, соорудили цепи, обмолотили, засеяли и пошли поливать. Но только, знаете, на поле немного попало, все больше в рот солдатам. Вечером и полковник прибыл, тоже пригубил, и такое пошло веселье по всему лагерю: песни, шум, драки начались. А к ночи взошла луна, лагерь утих, только храп слышен по полю. А мы скорее на берег, на «Беду». Подняли паруса и пошли.

— Ну,— говорю,— Фукс, вам бы агрономом быть, а не матросом. Как это вы достигли такого совершенства? Ведь это чудо, чтобы макароны просли.

— Никакого чуда, Христофор Бонифатьевич, просто ловкость рук,— отвечает Фукс.— У меня

горсточка овса осталась в кармане, а с овсом не то что макароны — окурки и те взойдут.

Вот оно как. В общем, благополучно ускользнули. Ну, а на другой день я обогнул мыс Гвардафуй и пошел прямо на юг.

Г л а в а IX

О старых обычаях и полярных льдах

Океан встретил нас ровным пассатом. Идем день, другой. Влажный ветер несколько умеряет жару, однако прочие признаки указывают на пребывание в тропической зоне. Синее небо, солнце в зените, а главное — летучие рыбы. Замечательно красивые рыбки! Порхают над водой, как стрекозы, и дразнят душу старого моряка. Недаром, знаете, летучая рыба — символ океанского простора.

Вот эти рыбки, будь они неладны, воскресили во мне воспоминания юности, первое плавание... экватор...

Экватор, как вам известно, линия воображаемая, однако вполне определенная. Переход ее с давних пор сопровождается небольшим самодеятельным спектаклем на корабле: якобы морской бог Нептун является на судно и после непродолжительной беседы с капитаном тут же, на палубе, купает моряков, впервые посетивших его владения.

Я решил тряхнуть стариной и возродить этот старый обычай. Тем более, декорации несложные, костюмы тоже — с этой стороны постановка трудностей не представляет. Но вот с актерским составом просто зарез. Я, знаете, единственный бывалый моряк на судне, я же и капитан, и волей-неволей мне же приходится изображать Нептуна.

Но я нашел выход: с утра приказал выставить бочку с водой, затем сказался больным и вплоть до выздоровления по всем правилам сдал Лому

командование судном. Лом выразил мне соболезнование, однако с удовольствием заломил фуражку на капитанский манер и приказал Фуксу чистить медные части.

А я заперся в каюте и занялся подготовкой: сделал бороду из швабры, соорудил трезубец, корону, а сзади прицепил хвост наподобие рыбьего. И должен без хвастовства сказать: получилось отлично. Я, знаете, посмотрел в зеркало: ну, куда там — Нептун, да и только. Как живой!

И вот, когда, по моим расчетам, «Беда» пересекла экватор, я в полном облачении поднялся на палубу...

Результат получился необычайный, но несколько неожиданный. Отсутствие предварительной проработки спектакля и незнание старых морских обычаев направили воображение моего экипажа в нежелательную для меня сторону.

Я вышел.

Мой старший помощник Лом гордо стоял у штурвала, пристально вглядываясь в горизонт. Фукс, обливаясь потом, усердно «драил медяшку». Летучие рыбы по-прежнему порхали над волнами.

Спокойствие царило на палубе корабля, и мой выход в перзый момент остался незамеченным.

Ну, я решил обратить на себя внимание: грозно стукнул трезубцем и зарычал. Тут оба они встрепенулись и замерли от изумления. Наконец придя в себя, Лом нерешительно шагнул мне навстречу и смущенным голосом произнес:

— Что с вами, Христофор Бонифатьевич?

Я ждал этого вопроса и заранее подготовил ответ в стихотворной форме:

Я Нептун — морское чудо,
Мне подвластна вся вода,
Рыбы, ветры и суда.
Рапортуйте мне: откуда
И куда идет «Беда»?

Тут лицо Лома выразило мгновенный испуг, который затем перешел в отчаянную решимость. Лом бросился, как леопард, облапил меня своими ручищами и потащил к бочке.

— Поддержать капитана за ноги! — скомандовал он на ходу.

А когда Фукс выполнил приказание, Лом добавил несколько спокойнее:

— Старика хватил солнечный удар, необходимо освежить ему голову.

Я пробовал отбиваться, пробовал убеждать их, что, согласно веками установленным обычаям, не мне, а им следует купаться по случаю прохождения экватора, но они не слушали. И вот, понима-

ете, приволокли меня к бочке и принялись окунать в воду.

Корона моя размокла, трезубец упал. Положение прискорбное и почти безвыходное, но я собрался с последними силами и в момент между двумя погружениями бодро скомандовал:

— Отставить макать капитана!

И, представьте себе, подействовало.

— Есть отставить макать капитана! — гаркнул Лом, вытянув руки по швам.

Я ухнул в воду... Одни ноги торчат. Мог бы и захлебнуться, да хорошо, Фукс догадался: завалил бочку набок, вода вылилась, а я застрял. Сижу, как рак-отшельник, не могу отдышаться. Ну, потом оправился и вылез, тоже этак, рачьим манером, кормой вперед.

Вы сами понимаете, какой ущерб моему авторитету нанесло это событие. А тут еще, как назло, мы потеряли пассат. Наступил мертвый штиль, и безделье воцарилось на судне. И вот, знаете, как утро, Лом с Фуксом устраиваются на палубе, ноги под себя, по-турецки, карты в руки и дуются без отдыха в подкидного дурака.

Я посмотрел день, посмотрел другой и прекратил это дело. Я вообще-то противник азартных игр, а тут тем более, поскольку это увлечение угрожало срывом дисциплины. Ведь вы учтите: Фукс жульничает, каждый кон оставляет Лома дураком, да еще подкидным! Какое уж тут уважение!

А с другой стороны, просто так запретить игру — умрут со скуки. А по мне, пусть уж лучше помощник дурак, чем покойник.

Тогда я предложил им шахматы. Это как-никак игра мудрецов, изоощряет ум, развивает стратегические способности. К тому же спокойный характер этой игры позволяет обставить ее по-семейному.

И вот мы водрузили на палубе стол, вытащили самовар, над головой растянули тент из паруса и в

такой обстановке, за чашкой чаю, с утра до ночи предавались бескровным поединкам.

Вот так однажды мы с Ломом засели с утра доигрывать незаконченную партию. Жара стояла убийственная, и Фукс, свободный от игры, полез купаться.

Король Лома беспомощно жался к уголку. Я уже предвкушал сладость заслуженной победы, вдруг резкий крик за бортом нарушил ход моих мыслей. Взглянул — вижу, над водой шляпа Фукса. (Он купался в головном уборе, опасаясь солнечного удара.) Отчаянно вопя, Фукс бьет по воде руками и ногами, поднимает тучи брызг и со всей скоростью, которую позволяли развивать его ходовые качества, приближается к «Беде». А за ним, рассекая лазурную гладь моря, бесшумно скользит над водой спинной плавник огромной акулы.

Настигнув несчастного, акула перевернулась на спину, открыла свою страшную пасть, и я понял, что Фуксу пришел конец. Не отдавая отчета в своих действиях, я схватил со стола первое, что подвернулось под руку, и изо всей силы швырнул в морду морского хищника.

Результат получился разительный и необычайный: зубы чудовища мгновенно сомкнулись, и в ту же секунду, бросив преследование, акула завертелась на месте. Она выпрыгивала из воды, жмурилась и, не разжимая челюстей, сквозь зубы отплевывалась во все стороны.

Фукс тем временем благополучно добрался до судна, вскарабкался на борт и в изнеможении подсел к столу. Он пытался что-то сказать, но от волнения глотка его пересохла, и я поспешил налить ему чаю.

— Вам с лимоном? — спрашиваю. Протянул руку к блюдцу, а там нет ничего.

Тогда я все понял. В минуту смертельной опасности лимон подвернулся мне под руку и решил

участь Фукса. Акулы, знаете, непривычны к кислому. Да что там акулы, вы сами, молодой человек, попробуйте лимон целиком — так скулы сведет, что и рта не откроете.

Пришлось запретить купание. Запас лимонов у нас, правда, еще сохранился, но ведь нельзя же рассчитывать, что всегда попадешь так удачно. Да-с. Устроили душ на палубе, обливали друг друга из ведра, но ведь это всё полумеры, и жара замучила нас совершенно.

Я даже несколько похудел, и не знаю, чем бы все кончилось, если бы в одно прекрасное утро не потянул наконец ветерок.

Изнуренный бездельем экипаж проявил необычную энергию. Мы мгновенно поставили паруса, и «Беда», набирая ход, пошла дальше, на юг.

Вас, может быть, удивит взятое мною направление? Не удивляйтесь, взгляните на глобус: идти вокруг света вдоль экватора долго и трудно. Многих месяцев пути требует такой поход. У полюса же вы легко можете хоть пять раз в день обойти земную ось кругом, тем более что и дни там, на полюсе, бывают до шести месяцев продолжительностью.

Вот мы и стремились к полюсу и с каждым днем спускались всё ниже. Прошли умеренные широты, приблизились к Полярному кругу. Тут уж, знаете, холодок дает себя чувствовать. И море не то: вода серая, туманы, низкая облачность. На вахту выходишь в шубе, уши мерзнут, на снастях сосульки.

Однако мы и не думали об отступлении. Напротив, пользуясь попутными ветрами, мы с каждым днем спускались всё ниже и ниже. Легкая зыбь не причиняла нам беспокойства, экипаж чувствовал себя отлично, и я с нетерпением ждал того момента, когда на горизонте откроется ледяной барьер Антарктики.

И вот однажды Фукс, обладавший орлиным зрением, неожиданно воскликнул:

— Земля на носу!

Я было подумал, у меня или у Лома нос не в порядке. Провел даже ладонью, утерся. Нет, все чисто.

А Фукс опять кричит:

— Земля на носу!

— Может, по носу земля? — говорю я. — Так вы, Фукс, так бы и говорили. Пора привыкнуть. Но только не вижу я вашей земли...

— Так точно, по носу земля, — поправился Фукс. — Вон там, видите?

— Не вижу, признаться, — сказал я.

Но прошло еще с полчаса — и что бы вы думали? Точно. Тут уж и я заметил темную полосу на горизонте, и Лом заметил. Действительно, похоже на землю.

— Молодец, Фукс, — говорю я, а сам беру бинокль, пригляделся и вижу — ошибка! Не земля, а лед. Огромный айсберг столовидной формы.

Ну, я взял курс прямо на него, и два часа спустя, сверкая тысячами огней в лучах незаходящего солнца, айсберг встал у нас перед носом.

Точно стены хрустального замка, возвышались над морем голубые уступы. Холодом и мертвенным спокойствием веяло от ледяной горы. Зеленые волны с рокотом разбивались у ее подножия. Нежные облака цеплялись за вершину.

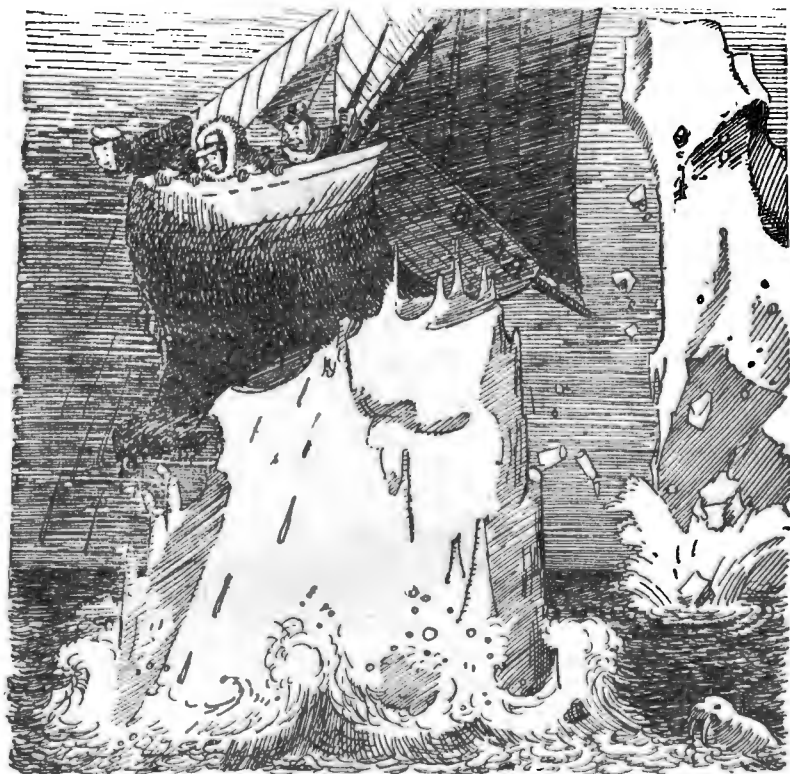
Я немного художник в душе. Величественные картины природы волнуют меня до чрезвычайности. Скрестив руки на груди, я застыл от изумления, созерцая ледяную громаду.

И вот, откуда ни возьмись, тощий тюлень высунил из воды свою глупую морду, бесцеремонно вскарабкался по склону, развалился на льду и давай, понимаете, чесать бока!

— Пошел вон, дурак! — крикнул я.

Думал — уйдет, а он хоть бы что. Чешется, сопит, нарушает торжественную красоту картины.

Тут я не выдержал и совершил непроститель-

ный поступок, результатом которого едва не явилось бесславное окончание нашего похода.

— Подать ружье! — говорю я.

Фукс юркнул в каюту, вынес винтовку. Я прицелился... Бац!

И вдруг гора, казавшаяся незыблемой твердой, со страшным грохотом раскололась пополам, море закипело под нами, осколки льда загремели по палубе. Айсберг совершил этакое сальто-мортале, подхватил «Беду», и мы чудесным образом оказались на самой верхушке ледяной горы.

Ну, потом стихии несколько успокоились. Успокоился и я, осмотрелся. Вижу — положение неважное: яхта застряла среди неровностей льда, се-

ла так, что и не сдвинешь, кругом неприветливый серый океан, а внизу, у подножия ледяной горы, болтается все тот же тюлень-негодяй, смотрит на нас, ухмыляется самым наглым образом.

Экипаж, несколько смущенный всей этой историей, молчит. Ждет, видимо, объяснений непонятного явления. И я решил блеснуть запасом познаний и тут же на льду провел небольшую лекцию.

Ну, объяснил, что айсберг вообще опасный сосед для корабля, особенно в летнюю пору. Подтает подводная часть, нарушится равновесие, переместится центр тяжести,— и вся эта громадина держится, так сказать, на честном слове. И тут не то что выстрела, тут громкого кашля бывает достаточно, чтобы разрушилось все это природное сооружение. И ничего удивительного нет, если айсберг переворачивается... Да.

Ну, экипаж выслушал с должным вниманием мои объяснения. Фукс промолчал из скромности, а Лом со свойственной ему непосредственностью задал несколько не деликатный вопрос.

— Ладно,— говорит,— как он перевернулся — это дело прошлое, а вы, Христофор Бонифатьевич, скажите, как его назад переворачивать?

Тут, молодой человек, действительно подумал: как ее переворачивать, такую громадину? А делать что-то надо. Не век же сидеть на льду.

Ну, я погрузился в размышления, стал обдумывать создавшееся положение, а Лом тем временем подошел к делу несколько несерьезно, с кондачка: переоценил свои силы и решил самостоятельно спустить яхту на воду. Взял, понимаете, топор, размахнулся и отколол глыбу тонн в двести.

Он, видимо, хотел подрубить таким образом нашу ледяную подставку. Намерение весьма похвальное, но совершенно необоснованное. Недостаточные познания в области точных наук не позволили Лому предугадать результаты его усилий.

А результаты получились как раз обратные.

Как только глыбы отделились от нашей горы, гора, понятно, стала легче, приобрела некоторый дополнительный запас плавучести, всплыла. Словом, к тому времени, когда я выработал план действий, верхушка айсберга вместе с яхтой благодаря усилиям Лома поднялась еще футов на сорок.

Тут Лом опомнился, раскаялся в своем легкомысленном поведении и со всем рвением, на которое был способен, принялся выполнять мои приказания.

А мой план был проще простого: мы поставили паруса, натянули шкоты и вместе с айсбергом полным ходом пошли назад, на север, поближе к тропикам. И тюлень с нами отправился.

И вот, знаете, недели не прошло, наша ледышка стала таять, уменьшаться в размерах, потом в одно прекрасное утро хрустнула, сделала вторичный поворот, и «Беда», как со стапеля, мягко стала на воду. А тюлень, понимаете, оказался наверху, но не удержался, поскользнулся и плюх мешком к нам на палубу! Я схватил его за шиворот, высек ремнем для острастки и отпустил. Пусть плавает.

А Лом тем временем сделал поворот, «Беда» снова легла на курс «зюйд», и мы вторично направились к полюсу.

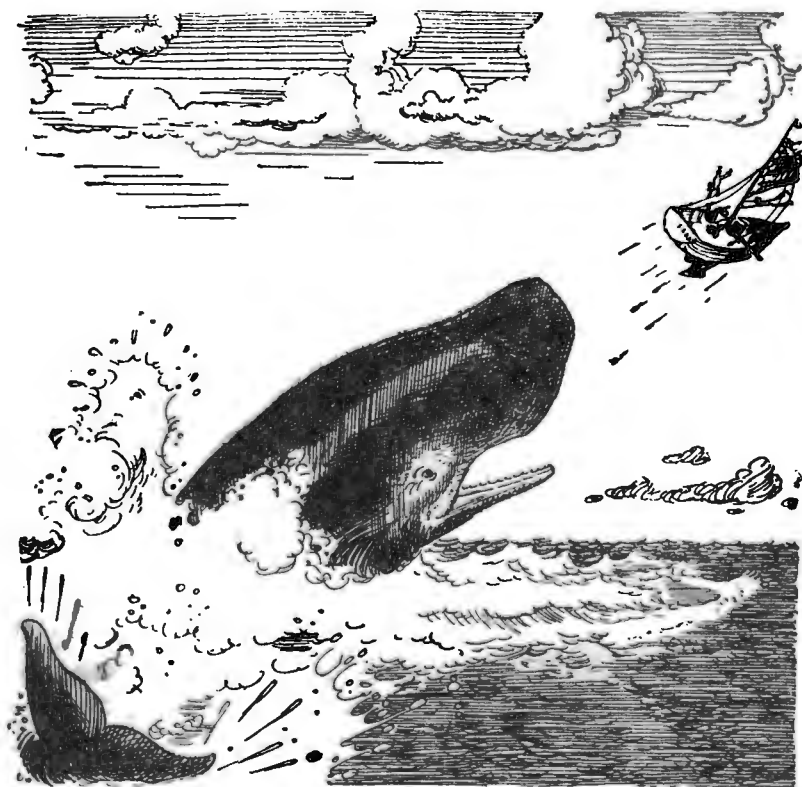
Г л а в а X,

*в которой читатель знакомится с адмиралом Кусаки,
а экипаж «Беды» — с муками голода*

Снова серые облака, туманы, снова шубы пришлось надеть...

И вот однажды в морозную погоду мы идем не спеша. Вдруг как ухнет! Взрыв не взрыв, гром не гром — не поймешь.

Подождали, прислушались — тишина, потом снова: бабах! И опять тишина.

Я заинтересовался, заметил направление и повел «Беду» навстречу загадочному явлению.

И вот видим: на горизонте — подобие плавучей горы. Подходим. Нет, не гора, просто облако тумана. Вдруг из середины его вздымается столб воды, фонтаном падает в море, при этом глухой раскат снова разносится по океану и сотрясает «Беду» от киля до клотика.

Страшновато стало, но любопытство и стремление обогатить науку разгадкой непонятого явления победили во мне чувство осторожности. Я встал в руль и ввел судно в туман. Иду, смотрю — сосульки с бортов начинают падать, да и так заметно значительное потепление. Сунул руку за борт — вода

только что не кипит. А перед носом в тумане вырисовывается нечто огромное, вроде сундука, и вдруг этот сундук — апчхи!

Ну, тогда я все понял: кашалот, понимаете, зашел из Тихого океана, простудился во льдах Южного полюса, подхватил грипп, лежит тут и чихает. А раз так, неудивительно и нагревание воды: заболевания простудного характера обычно сопровождаются повышенной температурой.

Можно бы загарпунить этого кашалота, но неудобно пользоваться болезненным состоянием животного. Не в моих это принципах. Напротив, я взял на лопату хорошую порцию аспирина, нацелился и только хотел сунуть ему в пасть, вдруг, понимаете, налетел ветерок, подкатила волна. Ну и, знаете, промахнулся, не попал. Аспирин рассыпался и вместо рта да в дыхало — в ноздри, так сказать.

Кашалот вздохнул, замер на секунду, зажмурил глаза — и вдруг опять как чихнет, да прямо на нас.

Ну уж чихнул так чихнул! Яхта взвилась под самые облака, потом пошла на снижение, перешла в штопор, и вдруг... хлоп!

От удара я потерял сознание, а когда очнулся, смотрю — «Беда» лежит на боку, на палубе огромного корабля. Фукс запутался в снастях. Лом — тот и вовсе вывалился от толчка и сидит тут же рядом, в несколько неудобной позе. А навстречу нам под защитой дальнобойных орудий шествует важной походкой небольшая группа господ, в чинах, судя по мундирам, не ниже адмиральских.

Я представился. Они, со своей стороны, объяснили, что являются международным комитетом по охране китов от вымирания. И тут же на палубе учинили мне допрос: кто, откуда, какие цели преследует мой поход, не встречал ли я китообразных, а если встречал, какие меры принял для защиты их от вымирания.

Ну, я рассказал своими словами: так, мол, и так, поход спортивный, кругосветный, встретил одного кашалота в болезненном состоянии и оказал посильную помощь, предписанную в таких случаях медициной.

Они выслушали, пошептались, поставили у яхты конвой и удалились на совещание. И мы сидим, ждем, тоже совещаемся.

— Вынесут благодарность. Может, медаль дадут,— говорит Лом.

— Что медаль! — возражает Фукс.— По мне, лучше что-нибудь деньгами...

Ну, а я воздержался, промолчал.

Час так прошел, два, три. Скучно стало. Я отправился туда, на совещание. Пустили. Я сел в уголок и слушаю. А у них уже прения идут. Как раз, знаете, взял слово представитель одной восточной державы, адмирал Кусаки.

— Наша общая цель,— сказал он,— охрана китообразных от вымирания. Какие же средства есть у нас для достижения этой благородной цели? Вы все прекрасно знаете, господа, что единственным действенным средством является уничтожение китообразных, ибо с уничтожением их некому будет и вымирать. Теперь разберем случай, ставший предметом нашего обсуждения: капитан Врунгель, вопрос о котором стоит на повестке дня, как он сам признает, имел полную возможность уничтожить встреченного им кашалота. А что сделал этот жестокий человек? Он позорно отстранился от выполнения своего высокого долга и предоставил бедному животному вымирать сколько ему заблагорассудится! Можем ли мы закрыть глаза на такое преступление? Можем ли мы пройти мимо такого вопиющего факта? Нет, господа, мы не можем. Мы должны наказать преступника. Мы должны отобрать его судно и передать моим соотечественникам, которые честно выполняют задачи нашего комитета...

Тут перебил его представитель другой державы, западной, вот только фамилию забыл,— Грабентруп, кажется.

— Все правильно,— говорит он,— наказать нужно, но только господин адмирал забыл самое существенное: кашалот, в отличие от прочих китобразных, обладает черепом удлинённого строения. Таким образом, оскорбив кашалота, этот Врунгель оскорбил всю арийскую расу. Так что же вы думаете, господа, арийцы потерпят это?

Ну, я уж и слушать дальше не стал, вижу и так: попали из огня да в полымя. Улизнул тихонько, пошел к своим, доложил о результатах разведки. И гляжу — приуныл мой экипаж. Сидят грустные, ждут решения участи.

Целый день китолубивые адмиралы спорили. Наконец поздно вечером вынесли резолюцию. Мы приготовились к самому худшему и мысленно уже распрощались с «Бедой», но опасения наши оказались несколько преждевременными. Решение вынесли неопределенное: «Для изучения вопроса создать специальную комиссию, а яхту «Беда» с экипажем временно водворить на одном из близлежащих необитаемых островов».

Я, понятно, заявил протест, да что толку. Меня и не спросили. Подцепили краном «Беду», опустили на скалы; нас тоже высадили, подняли флаги, погудели и пошли. Я вижу — делать нечего. Приходится подчиняться грубой силе и устраиваться по береговому, с учетом создавшегося положения. А положение, надо вам сказать, отвратительное: яхта лежит на самом краю утеса, мачта торчит над морем, унылый прибой плещет у подножия скалы.

Ну, мы снарядились и пошли обследовать наш островок. Ходили, ходили — ничего хорошего не нашли. Всюду холодно, неуютно, одни скалы кругом.

Единственно с чем хорошо, так это с топливом.

Уж не знаю откуда, только нанесло на этот остров обломков погибших кораблей.

А с другой стороны, нам и топливо ни к чему. Запасы у нас на исходе, кругом ни флоры, ни фауны, а камнями, сколько их ни вари, все равно сыт не будешь.

«Аппетит, говорят, приходит во время еды». Возможно. Но у меня в этом отношении несколько необычный организм. Когда голоден, только тогда и ощущаю присутствие аппетита.

В целях борьбы с этой ненормальностью я подтянул кушак потуже, терплю. Лом и Фукс тоже на голод жалуются. Пробовали рыбу ловить — не клюет. Лом вспомнил, что в старину в таких случаях борщ из подметок варили, достал штормовые сапоги, два дня варил — никакого результата. Да и понятно, знаете: в былые-то времена сапоги из воловьей кожи делали, а у нас вся штормовая одежда из синтетического каучука. Конечно, в дождь, в сырую погоду оно удобнее — не промокает, а что касается кулинарных качеств такой обуви, прямо нужно сказать: ни вкуса у нее, ни питательности.

Ну и, понятно, скучновато стало. Ходим мы вокруг нашей яхты, смотрим на горизонт и друг на друга посматриваем. Призрак голодной смерти встает перед нами. По ночам преследуют кошмары...

И вот однажды смотрю — подходит к нашему островку льдина. А на льдине пингвины. Выстроились в одну шеренгу, как на смотре, кланяются.

Я тоже поклонился. А сам думаю: как бы с вами, господа пингвины, познакомиться поближе? Берег тут крутой, не спустишься, а пингвины, как их ни мани, сами не прилетят. Крылья-то у них бутафорские, так, больше для формы. А с другой стороны, и упустить жалко: птички жирные, упитанные, так и просятся на жаркое.

Встали мы на краю утеса и смотрим на них с вожделением. Льдина эта уткнулась в наш остров,

прямо под мачтой. Пингвины загалдели, топают ногами, машут крыльями, тоже смотрят на нас.

И вот, знаете, я поразмыслил немножко, сделал необходимые расчеты в уме и решил соорудить этакую машину — пингвиноподъемник, что ли.

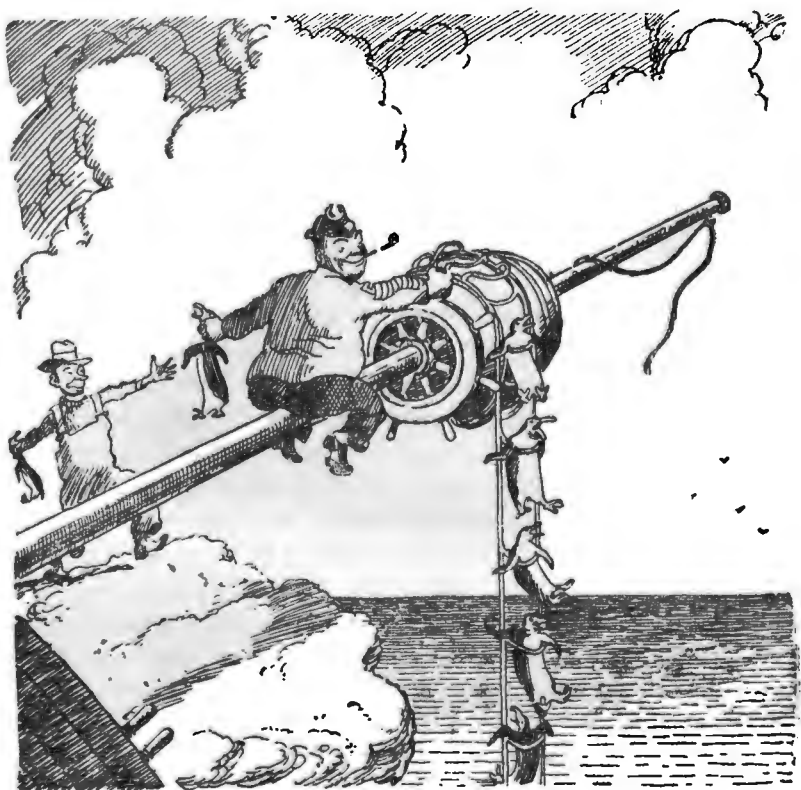
Ну, взяли пустую бочку, прибили к ней запасный штурвал, продолбили дырку в дне, насадили на мачту, а сверху перекинули штормтрапы, связанные бесконечной лентой. Опробовал я это сооружение на холостом ходу. Вижу — должно работать. Вот только приманки нет. Кто их знает, чем эти птички интересуются. Спустил ботинок — ноль внимания. Спустил зеркало — результат тот же. Шарф, мясорубку пробовали — ничего не помогает.

И тут меня осенило.

Я вспомнил — висит у нас в каюте картинка «Разварной судак под польским соусом». Это мне один художник подарил. Очень натуральное изображение. И вот, знаете, спустил я эту картинку на шнурке. Пингвины заинтересовались, двинулись к краю льдины. Передний сунул голову в трап, тянется дальше — к судaku. Только просунул плавники, я крутанул бочку... Один ест!

И так-то славно дело пошло! Я сижу на мачте верхом, кручу бочку одной рукой, другой снимаю с конвейера готовую продукцию, передаю Фуксу, тот Лому, а Лом считает, записывает и выпускает на берег. Часа за три весь остров заселили.

Да. Ну, закончили пингвинозаготовку, и совсем по-другому жизнь пошла. Пингвины бродят по скалам, кругом птичий гомон, суета... Шумно, весело... Лом оживился, подвязал фартук, собрался стряпать. Первого пингвина зажарили на вертеле, и мы тут же, стоя, отведали, заморили червячка. Потом стали помогать Лому, натаскали дров целую гору. Он отобрал что посуше, развел костер. Ну, доложу вам, и костер! Дым столбом, как из вулкана, скалы раскалились, только не светятся. Тут на вершине острова был небольшой ледничок, так он от жары

растаял, понимаете, разогрелся, получилось этакое кипящее озеро. Ну, я решил воспользоваться и устроить баньку. Сперва постирали, развесили одежду для просушки, а сами сидим паримся. И тут я недосмотрел. Не следовало бы особенно увлекаться. Антарктика как-никак. Погода там неустойчивая, нужно бы учесть это, а я пренебрег, сам еще дровишек подкинул. Я люблю, знаете, баньку погорячее. Тут вскоре и результат последовал.

Скалы горячие, не ступишь. Жар пошел кверху, гудит, как в трубе. И, понятно, нарушилось равновесие воздушных масс. Со всех сторон налетели холодные атмосферные течения, нагнало тучи, хлынуло. Вдруг как грянет!

Г л а в а XI,

в которой Врунгель расстается со своим кораблем и со своим старшим помощником

Оглушенный и ослепленный, я не сразу пришел в себя. Потом очнулся, смотрю — пол-острова вместе с яхтой как не бывало. Только пар идет. Кругом бушуют ветры, носится клочьями туман, море кипит и вареные рыбки плавают. Не выдержал раскаленный гранит быстрого охлаждения, треснул и разлетелся. Лом, бедняга, видимо, погиб в катастрофе, и судно погибло. Словом, конец мечтам. А Фукс — тот выкрутился. Смотрю, вцепился в какую-то доску и кружится на ней в водовороте.

Ну, тут, знаете, и я — раз-раз саженками! — подплыл к подходящей дощечке, улегся и жду. Потом море несколько утихло и ветер спал. Мы с Фуксом понабрали вареной рыбы до полного груза, сколько доски выдержали, сблизились друг с другом и отдались на волю стихии. Я свернулся калачиком на доске, ноги и руки подобрал, лежу. И Фукс так же устроился. Плыдем рядышком по воле волн в неизвестном направлении, перекликаемся:

— Хау ду-ю-ду, Фукс? Как у вас?

— Олл райт, Христофор Бонифатьевич! Все в порядке!

В порядке-то в порядке, но все-таки, доложу вам, печальное это было плавание. Холодно, голодно и тревожно. Во-первых, неизвестно, куда вынесет, да и вынесет ли куда? А во-вторых, тут и акулы могут быть, так что лежи на доске, не двигайся. А начнешь маневрировать — привлечешь внимание хищников. Налетят — и не заметишь, как руки или ноги недосчитаешься.

Да. Ну, плывем так в праздности и в унынии. День плывем, два плывем... Потом я со счету сбился. Календаря с собой не было, и мы с Фуксом для контроля каждый отдельно дни считали, а по утрам сверялись друг с другом.

И вот однажды в ясную ночь Фукс спал, а я, удрученный бессонницей, решил произвести наблюдения. Конечно, без приборов, без таблиц степень точности такого определения весьма относительна, но одно мне удалось установить безусловно: как раз в эту ночь мы пересекли линию дат.

Вы, наверное, слышали, молодой человек, что море в этом месте ничего особенного не представляет и самую линию увидеть можно только на карте. Но для удобства плавания как раз тут проделывают некоторые фокусы с календарем: при плавании с запада на восток два дня считают тем же числом, а при плавании с востока на запад проделывают обратное действие — один день вовсе пропускают и вместо «завтра» считают сразу «послезавтра».

И вот утром я бужу Фукса и после взаимных приветствий говорю ему:

— Вы имейте в виду, Фукс, что у нас сегодня — завтра.

Он на меня глаза вытаращил. Не соглашается.

— Что вы, — говорит, — Христофор Бонифатьевич! В чем, в чем, а в арифметике вы меня не сообразите.

Ну, я попытался объяснить ему.

— Видите ли, — говорю, — арифметика тут ни при чем. В плавании следует руководствоваться астрономией. Вы вот ночь спали, а я тем временем по Рыбам произвел определение.

— Я, — кричит Фукс, — тоже при помощи астрономии, по рыбам! Вчера у меня три рыбы было, а сегодня одна рыбина и хвост... А у меня паек точный: полторы рыбы в день.

Ну, вижу, — явное недоразумение. Я имел в виду созвездие Рыб, а Фукс не расслышал половины и по-своему понял. Я попытался ему объяснить.

— Вот, — кричу, — Фукс! Смотрите: что у вас прямо над головой?

— Шляпа.

— Да не шляпа,— говорю.— Сам вы шляпа! Зенит у вас над головой.

— Ничего у меня не звенит! — кричит Фукс.— А у вас если звенит, вы не тревожьтесь, это бывает от голода.

— Ладно,— говорю,— под вами что?

— Подо мной доска.

— Да нет,— говорю я, — не доска, а надир...

— Нет, моя гладкая...

Словом, вижу, так ничего не выйдет. Ладно, думаю, дай я с другой стороны подойду к вопросу.

— Фукс,— кричу,— как по-вашему, какова приблизительно широта нашего места?

Другой бы, более просвещенный в науках слушатель прикинул бы на глазок, определил бы широту по счислению; ну сказал бы там: сорок пять градусов зюйд... А Фукс четвертями измерил свою доску:

— Сантиметров сорок пять будет!

Словом, я понял: ничего из моих лекций не выйдет. Обстановка не та. Да и не до лекций, признаться. Ну, и, чтобы не возбуждать бесцельных споров, я приказал совсем прекратить счет дней. Если вынесет куда, спасемся, там нам скажут и день и число, а здесь, в море, по существу, безразлично, когда тобой акула полакомится: вчера или послезавтра, третьего числа или шестого.

Словом, долго ли, коротко ли, как говорится, плыли мы, плыли, и вот однажды я просыпаюсь, гляжу — земля на горизонте. По очертаниям — будто Сандвичевы острова. К вечеру подошли поближе, так и есть: Гавай.

Удачно, знаете. Прекрасное это местечко. В старину, правда, здесь было не очень спокойно: кто-то кого-то тут ел. Капитана Кука вот съели...

Ну, а теперь-то давно уж туземцы вымерли, белым есть некого, а белых есть некому, так что тихо. А в остальном здесь рай земной: богатая

растительность, ананасы, бананы, пальмы. А главное — пляж Уайкики. Со всего мира туда собираются купальщики. Там прибой замечательный. На его волнах местные жители, стоя на досках, катались.

Конечно, это тоже когда-то было... Но все-таки, знаете, молодцы: стоя! А мы что? Лежим барахтаемся, как котята. Мне даже неловко стало. И вот я выпрямился во весь рост, руки расставил, и представьте — удержался. Отлично удержался!

Тогда и Фукс на своей доске встал. Держится за шляпу, чтобы не слетела, балансирует. И вот таким манером, наподобие морских полубогов, мы несемся в бурунах, в брызгах пены. Берег ближе, ближе, вот волна лопнула, рассыпалась, а мы, как на салазках, так и выкатились на пляж.

Г л а в а XII,

*в которой Врунгель и Фукс дают небольшой концерт,
а затем торопятся в Бразилию*

На берегу нас окружили какие-то дачники в купальных костюмах. Смотрят, аплодируют, фотографируют, а у нас, признаться, вид самый жалкий. Уж очень как-то непривычно без формы и без знаков различия. Так неудобно, что я решил скрыть свое имя и положение и остаться, так сказать, инкогнито...

Да. Ну, приложил пальцы к губам, показываю Фуксу жестом: молчите, мол. Но как-то неудачно, неловко это у меня получилось, вроде воздушного поцелуя...

На берегу новый взрыв восторга, аплодисменты, все кричат:

— Браво! Виват!

А я ничего не понимаю, однако делаю вид, будто вовсе и не удивлен, молчу, а сам жду, что дальше будет.

Тут подходит какой-то паренек в пиджачке и начинает объяснять публике:

— Вот, мол, хотя и существует распространенное мнение, будто туземцы Сандвичевых островов со времен цивилизации вымерли, однако это неверно. Дирекция пляжей Уайкики, стремясь доставить удовольствие уважаемой публике, отыскала двух живых гавайцев, которые только что продемонстрировали прекрасный вид старинного национального спорта.

Я слушаю, молчу, и Фукс молчит. Этот, в пиджачке, тоже помолчал, потом прокашлялся и пошел чесать, как по книжке:

— Туземцы Сандвичевых островов, гавайцы, или канаки, как их еще там называют, отличаются стройным телосложением, мягким характером и природными музыкальными способностями...

Я на себя это описание примерил, вижу, что-то не то. Ну, характер действительно у меня мягкий, а что касается сложения и музыкальных способностей — это уж он напрасно... Я хотел было возразить, но смолчал. А он не унимается, продолжает:

— Сегодня вечером эти канакки дадут концерт на гавайских гитарах. Билеты продаются в кассе летнего театра, цены умеренные, в фойе танцы, буфет, прохладительные напитки...

Да. Ну, он еще поговорил, потом берет нас под руки, отвел в сторонку, спрашивает:

— Ну как?

— Да ничего,—отвечаю я,—благодарю вас покорно.

— Вот и прекрасно! А где вы остановились, позвольте поинтересоваться?

— Пока,—говорю,—в Тихом океане, а что дальше будет, не знаю. Не нравится мне, признаться...

— Ну что вы! — возражает он. — «Тихий океан» — первоклассная гостиница. Лучше вы вряд ли найдете. Уверяю вас. А сейчас, простите, пора уже ехать, через полчаса начало.

И вот, знаете, усадил он нас в машину, повез куда-то. Там нам дали гитары, украсили цветами, вывели на эстраду, раздернули занавес...

Ну, я вижу, нужно петь. А что петь? Я, как на-зло, смутился, все песни забыл. И Фукс на что третий парень, а тоже растерялся, смотрит на меня, шепчет:

— Запевайте, Христофор Бонифатьевич, я подтяну.

Посидели мы минут десять, молчим. А публика в зале волнуется, негодует — того и гляди, начнется скандал. Ну, я закрыл глаза, думаю: «Эх, будь что будет...» Ударил по струнам и басом:

Сидела птичка на лугу...

А что дальше петь, и не знаю.
Хорошо, Фукс выручил—подтянул дискантом:

Подкралась к ней корова...

А тут уж мы оба, хором:

Ухватила за ногу.
Птичка, будь здорова!..

И, представьте, бурные аплодисменты сорвали.
Потом вышел на эстраду конферансье.

— Вот,—говорит,—эта старинная туземная песня, слова которой говорят о забытом способе охоты на птиц, как нельзя лучше отражает смысл гавайской музыки...

Да. Ну, потом еще на «бис» спели, раскланялись и пошли в контору. Там уплатили нам за выступление. Вышли мы, а куда идти? И пошли мы назад, к морю. Все-таки как-никак родная стихия, да и костюмы у нас для пляжа самые подходящие.

Идем по песочку. На пляже ни души. Поздно уже. Потом видим — какие-то двое все-таки сидят. Мы подошли к ним, разговорились. Они на порядки жалуются.

— Черт знает что такое! — говорят. — Мы артисты, подписали контракт изображать здесь гавайцев. Месяц целый учились на досках по морю ездить, песни разучили, а вот, сами видите...

Тут я все понял. Хотел было объяснить, вдруг, понимаете, ветер швырнул мне под ноги обрывок газеты. А я давненько газеты в руках не держал. Не погнушался, подобрал. Встал под фонарем и углубился в чтение. И, поверите ли, смотрю — фотография, на фотографии — мой старший помощник Лом, тут же «Беда» и трагическое описание крушения у берегов Бразилии. И о Фуксе и обо мне несколько слов. Да какие еще слова! Я даже слезу пустил — до чего трогательно: «Отважные мореплаватели...», «Пропали без вести...».

Да. И тут же рядом в газете объявление:

«Пользуйтесь воздушным сообщением тихоокеанских линий. Регулярные рейсы в Штаты и в Бразилию».

— Вот что, Фукс, — говорю я, — пойдите-ка купите билеты на самолет в Бразилию да закажите что-нибудь из одежды. Мне китель и шинель, а себе — по усмотрению.

Фукс рад стараться, умчался, а я тут, на пляже, остался — этих фальшивых гавайцев развлекать... А то пойдут еще в театр, выяснится все это дело, скандал получится, задержка, неприятности...

— Послушайте, — предлагаю я, — день у вас все

равно пропал, так, чем здесь сидеть, возьмем лучше лодочку да покатаемся. Смотрите — погода какая, тепло, луна светит...

Ну, и уговорил. А тут и Фукс вернулся, докладывает об успехах:

— Костюмы заказал, нынче же будут готовы, а вот с билетами, Христофор Бонифатьевич, худо. Взял один билет на завтрашний вечер, а больше и нет, все места проданы...

— Ладно,— говорю я,— мы это положение после обдумаем, а сейчас поедем покатаемся.

Ну, взяли лодочку и поехали. И так славно покатались! Ночь катались, весь день катались, осмотрели все окрестности и вернулись как раз вовремя: два часа до отлета самолета осталось. Распрощались мы с этими артистами, побежали к портному, а он, негодяй, запил, что ли, но только ничего не сшил.

Я, знаете, возвысил голос, отчитываю его, а он только руками разводит.

— Помилуйте,— говорит,— я же вас вчера ждал, вчера бы и приходили, а сегодня у меня ничего не готово.

Я вижу — проку не будет с такой логикой.

— Давайте,— заявляю,— что есть. Не в трусах же мне лететь, в самом деле!

Ну, он порылся в шкафу, достает макинтош.

— Вот,— говорит,— только и осталось из готового. Это мне прошлый год один джентльмен заказал, да что-то не берет.

Я посмотрел — материал добротный и покрой модный.

— Ладно,— говорю,— я беру, получайте, сколько следует.— Забрал макинтош и пошел.

— Вы бы,— советует Фукс,— его все-таки примерили. А то вдруг не впору.

Ну, я вижу, дельный совет. Встал тут же в тени баньяна, развернул обновку, накинул. Смотрю, понимаете, новое несчастье: тот джентльмен, заказ-

чик, или был вдвое выше меня, или на рост шил, уж и не знаю. Только на мне его макинтош несколько странно сидит.

И делать нечего. Назад нести — все равно ничего не подберешь, снизу отрезать — уж очень некрасиво получится, в самолет в таком виде, чего доброго, не пустят, а так носить — это и шагу не ступишь, в полах запутаешься. Но придумывать что-то нужно, да поскорее, а то самолет улетит, билет пропадет, и вовсе здесь застрянешь.

И тут, знаете, Фукс, молодец, не растерялся.

— О,— говорит,— да ведь это же замечательно! Мы в этом макинтоше по одному билету вдвоем улетим. Только разрешите, присядьте немножечко... Так... Подставьте плечи...

Ну, и, знаете, взгромоздился на меня, напаялил это пальтишко, застегнул на все пуговицы, одернул.

— А теперь,— говорит,— полный вперед, да поскорее, а то что-то нами полисмен интересуется.

Пошли.

Пришли в аэропорт, к самолету. Фукс предъявил билет, нас провели, показали место. Ну, уселись кое-как,— собственно, я уселся, а Фукс стоит на сиденье и головой подпирает потолок.

Я посмотрел в щелочку, вижу — и остальные пассажиры на местах. Всего, кроме нас, шесть человек. В самолете чистота, зеркала, различные удобства, публика вроде приличная...

Потом заревели моторы, самолет разбежался, хлоп, хлоп по воде, поднялся. Летим, ночь кругом. В небе звезды. Моторы режут, а в остальном все спокойно. Пассажиры уснули, я тоже вздремнул, один Фукс бодрствует во всей кабине.

До утра так пролетели, а утром проснулись. Я смотрю в свою щелочку, прислушиваюсь — в кабине заметное оживление, все липнут к окнам, показывают друг другу и, судя по поведению, любуются видами Кордильер. Фукс тоже склонился к

окну, а я волей обстоятельств принужден пропускать такое редкое зрелище и сидеть в темноте, как какой-нибудь преступник в тюрьме.

И так, знаете, обидно стало и скучно! Я сам себя утешаю: думаю, пусть смотрят на здоровье, а я найду занятие. Достал трубочку, набил, закурил, задумался. Вдруг слышу — паника в кабине. Пассажиры повскакали с мест, кричат, и чаще других раздается слово «пожар».

Я чувствую, Фукс меня бьет пятками по бокам, как осла. Я его ущипнул, а сам выглянул посмотреть... и все понял. Дым от моей трубки валит изо всех отверстий и действительно создает впечатление пожара.

Г л а в а XIII.

*в которой Врунгель ловко расправляется с удавом
и шьет себе новый китель*

Я скорее вытряс пепел, трубку — в карман, прижал огонь каблуком. Сижу, молчу. А тут летчик просунул голову в кабину, и я несколько воспрянул духом. Все-таки, думаю, бывалый человек, наверное, не в такие переделки попадал — не терялся, успокоит их, и все уладится... А он, представьте, и сам струсил.

Смотрю, побледнел, ахнул, ухватился за какой-то рычаг... Трах! Ну, затем шум моторов утих, только слышно — ветер свистит. Потом хлопнуло где-то вверху, как из пушки, кабина вздрогнула, рванулась и тихо стала приземляться.

Пассажиры недоумевают, а я сразу догадался, в чем дело. Теперь-то этим никого не удивишь. А в то время это было последнее слово техники: устроили такое приспособление на самолетах. Называется: «Ступай вниз». Если какая авария — взрыв, пожар или крыло отвалится, — летчик одним движением отделяет кабину, и она самостоятельно опускается на парашюте. Полезное приспособление, что и говорить, но в данном случае применение его было явно преждевременным.

В другой обстановке я бы поспорил с летчиком, указал бы ему на ошибку, но тут, сами понимаете, делать нечего. Самолет летит дальше, по генеральному курсу, только крылья сверкают. Мы не торопясь садимся всё ниже. Дым от трубки несколько рассеялся, но пассажиры и не думают успокаиваться. Напротив, смотрю — волнение растет, переходит в тихую панику, и Фукс нервничает: того и гляди, вскочит с места.

Один я сохранил спокойствие и соображаю: рейс, конечно, прерван, билеты дальше недействительны, но один из нас, как ни верти, все равно «зац», и при посадке придется давать объяснения.

А это нежелательно. Начнутся расспросы, поиски виноватого, представят дело так, что я причина аварии, а тогда и не разделаешься.

И я, знаете, решил прикинуться посторонним. А тут и момент самый подходящий: внимание у пассажиров ослаблено, каждый думает о себе, многие вовсе лишились чувств, и как раз над нами люк в потолке кабины...

Вам, молодой человек, не приходилось плавать по Амазонке? Нет. Вот и прекрасно, и не стремитесь. Не рекомендую.

А мне, знаете, пришлось.

Вылезли мы с Фуксом через люк, осмотрелись. Видим — под ногами река, кабина спускается ниже... ниже... Сели.

Ну, я склонился над люком, кричу:

— Добро пожаловать, господа! Рад приветствовать вас в столь диких и недоступных местах.

Тут и пассажиры стали вылезать поодиночке. Видят — посадка совершилась благополучно, стали успокаиваться, смотрят на нас во все глаза. Ну, я вижу, настал момент взаимных представлений. Вы сами понимаете, правду я сказать не могу, приходится изворачиваться.

— Так вот, — говорю, — господа: я, разрешите представиться, профессор географии Христофор Врунгель. Путешествую тут с научной целью. А это мой слуга и проводник индеец Фукс. Будем знакомы. Я здесь обжился, привык. Уж вы позвольте мне считать вас своими гостями.

— Пожалуйста, пожалуйста, — отвечают они. — Очень приятно.

А сам вижу — не верят. Косятся на нас... Да и понятно: какой уж профессор в трусиках? Я чувствую, нужно их занять разговором, сказать что-нибудь значительное, отвлечь внимание.

— Простите, — спрашиваю, — а здесь все бывшие?

Они переглянулись, потом кто-то заявляет:

— Был еще один высокий джентльмен.

— Был, был,— подтвердили другие,— он еще загорелся...

— Ах, вот как! Особенно интересно. Ну-ка, Фукс,— говорю,— спуститесь вниз, посмотрите, не нужна ли помощь пострадавшему.

Фукс залез в кабину, потом вылезает и подает щепотку пепла: вот, мол, все, что осталось.

— Ах,— говорю я,— какое несчастье! Высокий джентльмен, видимо, сгорел дотла. Ну что ж поделаешь, мир праху его... А теперь, господа, давайте вытащим парашют, он еще пригодится.

Ну, разобрали стропы, тянем, как невод. Я команду:

— Раз, два, взяли! Вира помалу...

Вижу, они стараются, но с непривычки дело плохо идет.

Вдруг смотрю — побросали стропы, бегут назад на корму, так сказать, столпились там и дрожат от страха. Фукс, тот вовсе нырнул в люк, выглядывает оттуда, показывает на парашют. А барышня, пассажирка, встала на цыпочки, растопырила пальцы, машет руками, точно лететь собралась, кричит:

— Ай, мама!

Ну, я обернулся и вижу — действительно «мама»! Удав, понимаете, залез в парашют, огромный удав, метров в тридцать. Свернулся клубком, как в гнезде, смотрит на нас, выбирает жертву.

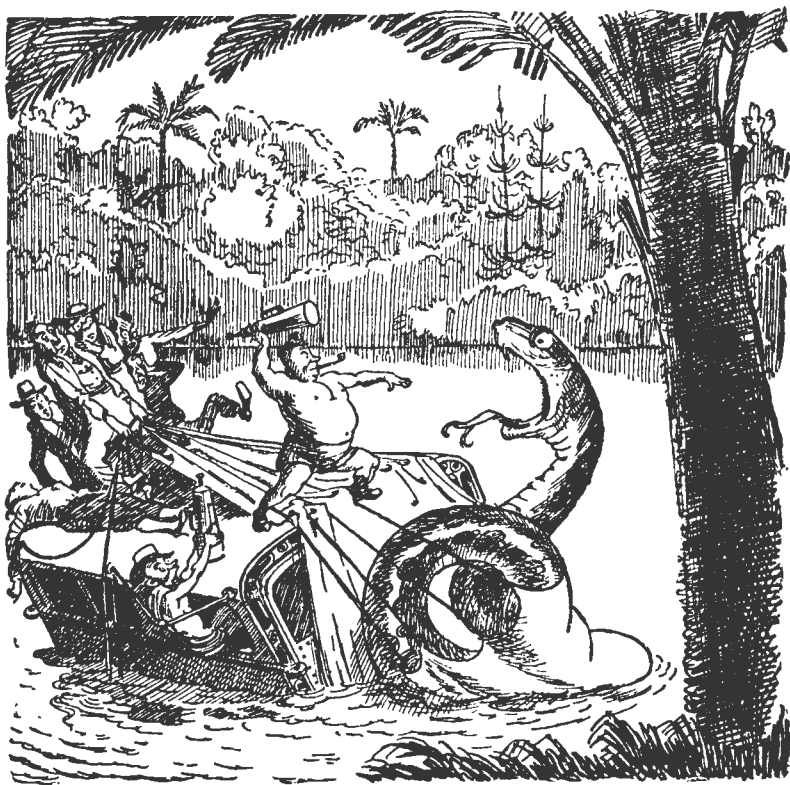
А у меня никакого оружия, одна трубка в зубах...

— Фукс,— кричу я,— подайте-ка что-нибудь потяжелее!

Тот высунулся из люка, подает какой-то снаряд. Я прикинул — ничего, увесистая штучка.

— Давайте еще! — кричу, а сам встал на изготовку, нацелился.

И удав тоже нацелился. Разинул пасть, как пещеру... Я размахнулся — и прямо туда.

Да только что удаву такая пустяковина? Проглотил, понимаете, как ни в чем не бывало, даже не поморщился. Я второй снаряд туда же, он и его проглотил. Я бросился к люку, кричу Фуксу:

— Давайте скорее все, что есть!

Вдруг слышу за спиной страшное шипение.

Обернулся, гляжу — удав раздувается, шипит, из пасти хлещет пена...

«Ну, — думаю, — сейчас бросится!»

А он, представьте, вместо этого неожиданно нырнул и пропал.

Мы все замерли, ждем. Минута проходит, вторая. Пассажиры на корме начинают шевелиться,

шепчутся. Вдруг эта барышня опять становится в ту же позицию и — на всю Амазонку:

— Мама!..

И вот видим — всплывает над водой нечто: блестящий баллон огромных размеров, чудовищной формы, весьма оригинальной окраски. И все, знаете, пухнет, пухнет...

Вот, думаю, новое дело! Чему бы это быть? Даже страшно стало. Потом смотрю — у этого баллона живой хвост. Бьет по воде и так и этак... Я как увидел хвост, так все и понял: снаряды-то эти были огнетушителями. Ну, встретились в пищеводе пресмыкающегося, столкнулись там, стукнулись друг о друга, разрядились и накачали удава пеной. Там знаете какое давление в огнетушителях! Вот и раздулась змея, приобрела излишний запас плавучести, чувствует, что дело дрянь, хочет нырнуть, а живот не пускает...

У меня страх как рукой сняло. Я подошел к люку.

— Давайте,— говорю,— Фукс, выходите наверх. Опасность миновала.

Фукс вылез, любуется небывалым зрелищем, а пассажиры как услышали, что бояться нечего, бросились поздравлять друг друга, жмут мне руки. Только и слышно:

— Спасибо, профессор дорогой! Как это вы его?

— Да что! — отвечаю я. — Здесь, на Амазонке, ко всему привыкнешь. Удав — это пустяки, то ли еще бывает...

Ну и, знаете, после этого случая мой авторитет укрепился. А тут, к счастью, и с костюмами дело уладилось. У барышни этой нашлась коробочка с рукоделием. Я взял иголку, сшил себе китель из парашюта. Материал прекрасный, а вместо пуговиц я болты применил, отвинтил от кабины. Ничего получилось, прочно и красиво, только вот без гаечного ключа не разденешься. Ну, да это ведь мелочь, привыкнуть можно. А Фуксу гото-

вый комбинезон нашли в аварийном запасе, точь-в-точь как был у него, только поновее.

Потом парусишки соорудили, мачту поставили, сделали руль. Пассажиры стоят вахту, плывем, промышляем черепах, ловим рыбку. Эта барышня стряпать выучилась... В общем, так бы ничего, вот только судно неприспособленное: валкое, и ход у него неважный.

Да. Ну, плывем все-таки, продвигаемся кое-как на восток, к берегам Атлантики. Месяца полтора так плыли. И чего только не насмотрелись по дороге: и обезьян, и лиан, и каучуковых деревьев!.. Для любознательного путешественника, конечно, интересно, но тяжело. Прямо скажу: тяжело!

Тут и вообще-то климат не очень завидный, а мы еще в дождливое время попали. Парит, как в бане, день и ночь туманы, жара, кругом комарье тучами; хорошо еще, лихорадку никто не схватил.

Г л а в а XIV,

*в начале которой Врунгель становится жертвой вероломства,
а в конце снова попадает на «Беду»*

Наконец все-таки прибыли в порт Пары. Причалили, высадились. Городишко, по совести говоря, неважный, так себе городишко. Грязно, пыльно, жара, по улицам собаки бродят. Но после дебрей лесов Амазонки и это в некотором роде очаг культуры. Хотя и то сказать — культура там своеобразная: народ свирепый, воинственный, все с ножами, с револьверами, по улице пройти страшно...

Да. Ну, побрились мы, почистились после тяжелого похода. Спутники наши распрощались, сели на пароходы и разъехались кто куда. Хотели и мы с Фуксом поскорее отсюда выбраться, да ничего не вышло: без документов не выпускают. Ну, застряли мы с ним, как раки на мели, на чужом берегу, без крова, без определенных занятий, без средств к

существованию. Думали работенку какую найти — куда там! Только и есть вакансии на резиновых плантациях, но это опять надо на Амазонку, а мы уже там побывали, по второму разу что-то не тянет.

Побродили по городу туда-сюда и уселись на бульварчике под пальмой обсудить положение.

Вдруг подходит полицейский и приглашает нас к губернатору. Это, конечно, лестно, но я не любитель всех этих официальных приемов и встреч с высокопоставленными особами. Да тут ничего не поделаешь: приглашают — значит, надо идти.

Ну, приходим. Смотрим — сидит в ванне такая туша с веером в руках, фыркает, как бегемот, плескается, сопит. А по бокам — два адъютанта в парадной форме.

— Вы, — спрашивает губернатор, — кто такие, откуда?

Я в общих чертах обрисовал положение, объяснил, как это все получилось, представился.

— Это, — говорю, — мой матрос Фукс, нанят в Кале, а я капитан Врунгель. Слыхали, наверное?

Губернатор, как услышал, ахнул, ухнул в ванну совсем с головой, веер свой уронил, пускает пузыри, захлебывается, чуть не погиб. Спасибо, адъютанты не дали потонуть, спасли. Ну, он отдышался, прокашлялся, побагровел.

— Как, — говорит, — капитан Врунгель? Тот самый? Это что же теперь будет? Беспорядки, пожар, революция, выговор по службе?.. Ну, знаете, конечно, восхищен вашим мужеством и ничего не имею против вас лично, но как лицо официальное приказываю вам немедленно покинуть вверенную мне территорию и к сему препятствий чинить не буду... Адъютант, выдайте капитану разрешение на выезд.

Адъютант рад стараться, моментально сочинил бумагу, шлепнул печать, подает. А мне только того и надо. Я поклонился, взял под козырек.

— Спасибо, — говорю, — ваше превосходительство! Весьма признателен за любезность. Совершенно удовлетворен вашими распоряжениями. Разрешите откланяться?

Повернулся и вышел. Пошел и Фукс за мной. Идем прямо к пристани. Вдруг слышу — сзади какой-то шум, топот. Я обернулся, смотрю — человек сорок в штатском, в широкополых шляпах, в сапогах, с ножами, с ручными пулеметами бегут за нами, пылят, обливаются потом.

— Вон они, вон они! — кричат.

Гляжу — за нами охотятся. Мгновенно взвесил соотношение сил и вижу — делать нечего, надо бежать. Ну, побежали... Добежали до какой-то будочки. Я изнемог, остановился дух перевести, сердце так и колотится — устал. А как же... и возраст и жара. А Фукс — тому хоть бы что, он легок был на ходу.

Однако, смотрю, и он опечален событиями, побледнел, глаза бегают. Потом вдруг повеселел и так фамильярно хлопает меня по спине.

— Ну, — говорит, — капитан, стойте здесь. Я один побегу, а вас не тронут.

И пустился, только пятки сверкают.

Такого поступка я от него, признаться, не ожидал, расстроился даже. Эх, думаю, будь что будет... Одно спасение — лезть на пальму. Полез. А эта орава все ближе. Я обернулся, смотрю — народ дородный, свирепый, невоспитанный. Ну и струхнул, признаться. Так напугался, что даже слабость почувствовал. Вижу — конец пришел. «Уж скорей бы», — думаю. Вцепился в пальму, повис, замер и вот слышу — они уже здесь, рядом, сопят, топчутся. И разговоры слышу; из разговоров я понял, что это за народ. Я-то думал, бандиты, разбойники, охотники за скальпами, а оказалось — просто жандармы, только переодетые. Не знаю, жара ли повлияла или другая какая причина, но губернатор, оказывается, спохватился, пожалел о своей любезности

и приказал нас разыскать и линчевать на всякий случай.

Только, вижу, медлят они с этим делом. Минуту жду, десять минут. Не трогают. У меня уже руки устали, дрожат, вот-вот сорвусь, упаду. Ладно, думаю, все равно один конец. Ну, и слез с пальмы... И, представьте, не тронули. Постоял, подождал — не трогают. Пошел не спеша — не трогают, расступились даже, как от огня.

Ну, тогда побрел я опять на бульвар, сел под той пальмой, где мы с Фуксом сидели, и задремал. Да так задремал, что не заметил, как и ночь прошла. А утром на рассвете явился Фукс, разбудил меня, поприветствовал.

— Видите, капитан,— говорит,— не тронули вас.

— Да почему, объясните?

— А вот,— смеется он, заходит сзади и снимает у меня со спины плакатик: череп с молнией, две кости и подпись: «Не трогать — смертельно!»

Где уж он этот плакатик подцепил, не берусь вам сказать, но надо думать, что в той будке, на бульваре, трансформатор стоял. Иначе откуда бы...

Да-с. Ну, посмеялись мы, побеседовали. Фукс, оказывается, времени зря не терял — взял билеты на пароход. А на пристани я предъявил свой пропуск, и нас отпустили без разговоров. Даже каюту предоставили и счастливого пути пожелали.

Мы расположились по-барски и отправились в Рио-де-Жанейро пассажирами.

Прибыли благополучно, высадились. Навели справки.

Оказывается, «Беду» тут, недалеко, выбросило на берег. Повредило, конечно, но Лом показал себя молодцом, все привел в порядок, поставил судно в стапеля, а сам зажил отшельником. Все ждал распоряжений, а мне, вы сами понимаете, распорядиться было трудненько.

Ну, мы с Фуксом наняли местный экипаж — такую корзинку на колесах,— подхлестнули волов, поехали. Едем по берегу и наблюдаем печальную, но поучительную картину местных нравов: человек двести негров таскают кофе и сахар со склада на берег и прямо мешками в воду — бултых, бултых! В море не вода, а сироп. Кругом мухи, пчелы. Мы засмотрелись. Полюбопытствовали, что это за странное развлечение такое. Нам объяснили, что цены на сахар низкие, товары девать некуда, ну и таким вот образом исправляют экономику, поднимают уровень жизни. Словом, мол, все нормально, и иначе ничего не поделаешь. Да. Поехали мы дальше. И вот видим — наша красавица «Беда» стоит на

бережку, ждет твердой командирской руки, а рядом какой-то верзила разгуливает. Чистый разбойник: шляпа как зонтик, на боку косарь, штаны с бахромой. Увидал нас —бросился. Ох, думаю, зарежет!

Но не зарезал, нет. Это Лом, оказывается, обжился здесь, нарядился по местной моде.

Ну, встретились, облобызались, поплакали даже. Вечерок поболтали: он о своих злоключениях рассказал, мы — о своих.

А с утра вышибли клинья из-под киля, спустили яхту на воду, подняли флаг. Я, признаться, даже слезу пустил. Ведь это, молодой человек, большая радость — очутиться на родной палубе. А еще

большая радость, что дело продолжается. Можно двигаться смело в дальнейший путь. Только и осталось — отход оформить.

Ну, уж это я взял на себя. Прихожу к начальнику порта, «команданте дель бахия» по-ихнему, подал бумаги.

И вот этот команданте, как увидел меня, сразу надулся, как жаба, и принялся кричать:

— Ах, так это вы капитан «Беды»? Стыдно, молодой человек! Тут сплошные доносы на вас. Вот адмирал Кусаки жалуется: какой-то остров вы там разрушили, кашалота обидели... И губернатор сообщает: самовольно покинули порт Парра...

— Как же так,— говорю,— самовольно? Позвольте,— и подаю свой пропуск.

А он и смотреть не стал.

— Нет,— говорит,— не позволю. Ничего не позволю. Одни неприятности из-за вас... Убирайтесь вон!..— Потом как гаркнет: — Лейтенант! Загрузить яхту «Беда» песком вплоть до полного потопления!

Ну, я ушел. Заторопился на судно. Прихожу. А там уже и песок привезли, и какой-то чиновник крутится, распоряжается.

— Это вашу яхту приказано загрузить песком? Так вы,— говорит,— не беспокойтесь, я не задержу, в одну минутку сделаем...

Ну, признаться, я думал, что тут-то наверняка конец. Потонет яхта, потом доставай. Но, представьте, и тут сумел использовать обстоятельства в благоприятном смысле.

— Стойте, молодой человек! — кричу я. — Вы каким песком хотите грузить? Ведь мне надо сахарным, первый сорт.

— Ах, вот как! — говорит он. — Ну что ж, пожалуйста, сию минутку.

И, знаете, те же негры побежали, как муравьи, загрузили яхту, забили трюм, надстройки, на палубу навалили сахар, прямо в мешках.

«Беда» моя, бедняжка, садится глубже, глубже, потом — буль-буль-буль... И глядим — только мачты торчат. А потом и мачты скрылись.

Лом с Фуксом в горе глядят на гибель родного судна, у обоих слезы на глазах, а я, напротив, в отличном настроении. Приказал разбить лагерь тут на берегу. Пожили мы три дня, а на четвертый сахар растаял, смотрим — яхта наша всплывает не торопясь. Ну, мы ее почистили, помыли, подняли паруса и пошли.

Только вышли, смотрю — на берег бежит команданте с саблей на боку, кричит:

— Не позволю!

А рядом вприпрыжку старый знакомый, адмирал Кусаки, тоже ругается:

— Разве это работа, господин команданте? За такую работу, пожалуйста, деньги обратно.

«Ну, — я думаю, — ругайтесь себе на здоровье». Помахал им ручкой, развернулся и пошел полным ходом.

Глава XV,

*в которой адмирал Кусаки пытается поступить
на «Беду» матросом*

Из Бразилии наш путь лежал дальше на запад. Но через материк, сами понимаете, не пойдешь, и пришлось уклониться к югу. Я проложил курс, поставил вахты и пошел. Шли в этот раз прекрасно. Ветерок дул, как по заказу, из-под носа буруны, за кормой дорожка, паруса звенят, снасти обтянуты. Миль по двести за сутки отсчитывали, а сами сложа руки сидели. Лом с Фуксом обленились совсем, дисциплина начала падать, и я решил занять экипаж судовыми работами.

— Ну-ка, — говорю, — Лом, довольно вам загорать. Займитесь-ка медными частями. Надрайте так, чтобы огнем горело.

Да. Ну, сказал. Лом козырнул: есть, мол.

Натер кирпича, берет тряпку, и пошла работа. Только я спустился в каюту вздремнуть, слышу — беспокойство на палубе. Вскочил, бросился к трапу, а навстречу Фукс. Бледный, дрожит.

— Пожалуйста, — говорит, — Христофор Бонифатьевич, на палубу. У нас, кажется, пожар.

Выскочил я. Смотрю — и вправду: горит палуба в двух местах. А Лом как ни в чем не бывало сидит чуть поодаль от очагов огня и драит медную уточку. Только я пригляделся, смотрю — и тут палуба вспыхнула.

Я, знаете, растерялся даже.

— Лом, — кричу, — объясните, в чем дело?

А тот встает, берет под козырек и спокойно так рапортует:

— Согласно вашему приказанию, драю медные части так, чтобы огнем горело. Какие последуют распоряжения?

Я было хотел разнести Лома, да вовремя сдержался. Вижу — сам виноват. А как же, знаете, — писатель или, там, артист может, конечно, позволить себе некоторые вольности в выражениях, а у нас в морском деле — точность прежде всего. Нам стихи писать некогда. Отдаешь распоряжение — думай, что говоришь, а то попадешь на такого, как Лом, — человек он внимательный, аккуратный, привык исполнять команду в буквальном значении, к тому же и силушка у него богатырская, — так, знаете, и до аварии недалеко.

Ну, вижу, нужно исправлять последствия своей ошибки. И распорядился мигом:

— Отставить драить медные части! Пробить пожарную тревогу!

Фукс бросается к колоколу. Лом, согласно расписанию тревоги, остается у места возникновения пожара, а я в руле. Звону много, а толку никакого. Огонь ширится. Горит, как факел. Того и гляди, до парусов дойдет. Ну, я вижу, дело дрянь. Развернулся кругом, стал против ветра. И помогло, знаете.

Сдуло огонь. Он у нас за кормой поболтался таким огненным шлейфом, оборвался и погас. Фукс успокоился. И Лом понял, что перестарался. Да-с.

Ну, а затем легли на прежний курс, заменили дефектные части палубы, без дальнейших приключений обогнули мыс Горн, прошли мимо Новой Зеландии и благополучно прибыли в Сидней, в Австралию.

И вот, представьте, подходим к портовой стенке и кого встречаем? Думаете, кенгуру, утконоса, страуса-эму? Нет! Подваливаем. Смотрю — на берегу толпа, а в толпе, в первом ряду, — адмирал Кусаки собственной персоной.

Как он туда попал, откуда, зачем — черт его знает! Одно несомненно, что это именно он. Мне, признаюсь, стало неприятно и даже, знаете, как-то не по себе.

Ну, подошли, встали. Адмирал затерялся в толпе. А я, как только подали сходни, так сразу на берег, в порт. Представился властям, доложил о прибытии, побеседовал с чиновниками. Сперва, как полагается, о погоде, о здоровье, о местных новостях, а потом между разговором закидываю удочку: может, думаю, удастся узнать, что тут этот Кусаки делает и какую еще пакость готовит.

Чиновники, однако, ничего не сказали, сослались на неосведомленность. Ну, я поболтал с ними еще и отправился прямо к капитану порта. Поздоровался и объяснился начистоту: меня, мол, один японский адмирал преследует.

— Один? — говорит тот. — Ну, мой дорогой, вам повезло. Я сам от этих японских адмиралов не знаю, куда деваться, и ничего не могу предпринять. Не приказано ни помогать, ни противодействовать. Чем другим рад служить. Не угодно ли виски с лимонадом? Обедать ко мне пожалуйста, сигару, может быть, выкурите? А с адмиралом вы как-нибудь сами улаживайте...

Да-с. Словом, вижу — неприятная история. Сейчас, конечно, японский адмирал для нас не фигура. Да, по правде сказать, мы их и тогда-то не больно боялись, но все-таки, знаете, дела с ними иметь, прямо скажем, не очень любили.

Вот я вам про Италию имел случай рассказать. Там заправились мечтали всю Африку к рукам прибрать, пол-Европы, четверть Азии... А на востоке японские бояре (самураи по-ихнему) так же вот размечтались — подай им весь Китай, всю Сибирь, пол-Америки...

Вообще-то, конечно, мечтать никому не заказано. Полезно даже порой пофантазировать. Но когда такой вот фантазер нацепит погоны да сядет на боевом корабле у заряженной пушки — тут и неприятность может случиться... Размечтается да прицелится, прицелится да бабахнет. Хорошо, как промахнется. А ну как попадет? Да тут такое может случиться, что к ночи лучше и не вспоминать!

Вот поэтому мы и старались таких фантазеров сторонкой обходить. Но прямо скажу — не всегда это нам удавалось. Такие упрямые среди них попадались мечтатели, что другой раз никак не отвяжешься. Вот и мне такой достался — господин Кусаки, адмирал. Как встретились тогда в китолубивом комитете, так и прицепился ко мне, как репей.

И, конечно, не только в мои дела адмиралы эти нос совали. Им до всего было дело: там сравнить кого с кем, там обобратить под шумок, там пошарить, там понюхать для интереса: где нефтью пахнет, где рыбой, где золотом?.. И, конечно, не мы одни понимали это. Но там на этих фантазеров сквозь пальцы смотрели — не помогали и не препятствовали. Так сказать, на развод берегли для остротки и для обеспечения взаимной безопасности.

Да-с. Ну, это я вам могу объяснить, а с капитаном порта такой разговор неуместен. Поблагода-

рил я его, распрощался. Так и ушел ни с чем и мер принять не сумел.

Вернулся на яхту, сел чайку попить. И вот смотрю — поднимается на борт маленький человечек, по всем признакам японский кули. В худеньком пиджачишке, с корзиночкой в руках. Робко так подходит и объясняет, что тут, в Австралии, погибает с голоду, и просится на службу матросом. Да так настойчиво.

— Пойдете, — говорит, — по Тихому океану, там тайфуны, туманы, неисследованные течения... Не справитесь. Возьмите, капитан! Я моряк, я вам буду полезен. Я и прачкой могу быть, и парикмахером. Я на все руки...

— Ладно, — говорю, — зайдите через час, я подумаю.

Ушел он. А ровно через час, смотрю, посольская машина останавливается невдалеке.

Ну, я взял бинокль и вижу — вылезает оттуда мой японец, берет корзиночку и не спеша направляется к судну. Кланяется этак почтительно и опять ту же песню:

— Возьмите... Не справитесь...

— Вот что, — говорю, — убедили вы меня. Вижу сам, что придется брать матроса. Но только не вас, молодой человек.

— Почему же?

— Да так, знаете, цвет лица у вас очень неестественный. У меня на этот счет взгляды несколько устаревшие, но вполне определенные: по мне, если уж брать арапа, так черного. Негра взял бы, папуаса взял бы, а вас, уж не обижайтесь, — не возьму.

— Ну что ж, — говорит он, — раз так, ничего не поделаешь. Простите, что я вас побеспокоил.

Поклонился и пошел. Вскоре и мы собрались прогуляться. Привели в порядок одежду, побрились, причесались. Яхту прибрали, какюту заперли. Идем все втроем по улице, наблюдаем различные проявления местного быта. Интересно, знаете, в

чужой стране. Вдруг смотрим — странная картина: сидит чистильщик-негр, а перед ним на четвереньках наш японец. И этот негр его начищает черной ваксой. Да как! Там, знаете, чистильщики квалифицированные, из-под щеток искры летят... Ну, мы сделали вид, будто нам ни к чему, прошли мимо, отвернулись даже. А вечером пришли на судно — Фукс с Ломом утомились, а я остался на вахте, жду, знаете, того негра; думаю, как бы его встретить получше.

Вдруг подают мне пакет от капитана порта. Оказывается, скучает старик, приглашает на завтра составить партию в гольф. Я, признаться, даже и не знал, что это за игра. Но, думаю, черт с ним.

Пусть проиграю, зато прогуляюсь, разомнусь на берегу... Словом, ответил, что согласен, и стал собираться.

Разбудил Лома, спрашиваю:

— Что нужно для гольфа?

Он подумал, потом говорит:

— По-моему, Христофор Бонифатьевич, нужны трикотажные гетры, и больше ничего. Есть у меня рукава от старой тельняшки. Возьмите, если хотите.

Я взял, примерил. Брюки надел с напуском, китель подколол булавками в талии, и превосходно получилось: такой бравый спортсмен — чемпион, да и только.

Но для спокойствия я все-таки заглянул в руководство по гольфу, ознакомился. Вижу, игра-то самая пустяковая: мяч гонять по полю от ямки к ямке. Кто меньше ударов сделает, тот и выиграл. Но одними гетрами тут не отделаешься: нужны разные палки, клюшки, дубинки — чем бить, и еще помощник-мальчик нужен — таскать все это хозяйство.

Ну, пошли мы с Ломом искать снаряжение. Весь Сидней насквозь прошли — ничего подходящего. В одной лавочке нашли хлысты, да тонки, в другой нам полицейские дубинки предложили. Ну, да эти мне как-то не по руке.

А дело уже к ночи. Луна светит. Этакие таинственные тени ложатся вдоль дороги. Я уж отчаялся. Где тут искать? Разве сучьев наломать?

И вот, видим — сад с высокой оградой и за оградой — различные деревья. Лом меня подсадил, перелезли, идем меж кустов.

Вдруг смотрю — крадется негр, верзила, и под мышкой тащит целый ворох палок для гольфа. Точь-в-точь такие, как в руководстве показаны.

— Эй, любезный, — кричу я, — не уступите ли мне свой спортивный инвентарь?

Но он либо не понял, либо от неожиданности —

только гикнул страшным голосом, схватил дубинку, взмахнул над головой — и на нас... Я, скажу не стыдясь, испугался. Но тут Лом выручил: сгреб его в охапку и зашвырнул на дерево. Пока он слезал, я подобрал эти палки, рассматриваю, вижу — точь-в-точь как в руководстве изображены. А работа какая! Я, знаете, просто размечтался, глядя, да тут Лом меня вывел из задумчивости.

— Пошли, — говорит, — Христофор Бонифатьевич, домой, а то что-то сыро здесь, как бы не простудились.

Ну, перелезли снова через ограду, вышли, вернулись на судно. Я успокоился: костюм есть, клюшки есть, теперь один мальчик остался... Да вот совесть еще несколько неспокойна: неудобно человека ни с того ни с сего так обездоливать. Но, с другой стороны, он сам первый напал, да и клюшки эти мне всего на денек нужны — в аренду, так сказать... Словом, с инвентарем дело кое-как ут-раслось.

А с мальчиком еще лучше уладилось: утром, чем свет, слышу — кто-то зовет смиренным голосом:

— Масса капитан, а масса капитан!

Я выглянул.

— Я, — говорю, — капитан, заходите. Чем могу служить?

И вижу: приятель, вчерашний японец, собственной персоной, но уже под видом чернокожего. Я-то его маскировку видел, а то бы и не узнал — до того он ловко свою наружность обработал: прическа-перманент под каракуль, физиономия до блеска начищена, на ногах соломенные тапочки и ситцевые брюки в полоску.

— Вам, — говорит, — масса капитан, я слышал, негр-матрос нужен.

— Да, — говорю, — нужен, только не матрос, а бой для гольфа. Вот тебе клюшки, забирай да пойдем...

Пошли. Капитан порта меня уже ждал. Уселись мы с ним в машину. Проехали с час.

— Ну,— говорит мой партнер,— начнем, пожалуй? Уж вы, надеюсь, как джентльмен не обманете меня в счете?

Он уложил свой мячик в ямку, размахнулся, ударил. Ударил и я. У него прямо пошло, а у меня в сторону. Ну, и загнал я свой мяч к черту на рога. Кругом кусты, овраги, буераки, местность, что и говорить, живописная, однако сильно пересеченная. Негр мой измучился, да и понятно: палки тяжелые, жара, духота. С него пот градом, в три ручья, и, знаете, весь его грим поплыл, вакса растаяла, и он уже не на негра, а на зебру стал похож: вся физиономия желтая с черным, в полоску. Устал и я, признаться. И вот вижу — ручей течет, а там ручьи редкость.

— Давай-ка, — говорю, — вот здесь отдохнем, побеседуем. Тебя звать-то как?

— Том, масса капитан.

— Дядя Том, значит. Ну, ну. Пойдем-ка, дядя Том, умоемся.

— Ой, нет, масса, умываться мне нельзя: табу.

— А,— говорю,— ну, раз табу, как хочешь. А то бы умылся. Смотри-ка, ты весь полинял.

Не нужно бы мне этого говорить, да уж сорвалось, не воротишь. А он промолчал, только глазами сверкнул и уселся, будто палки перекладывает.

А я к ручью. Вода холодная, чистая—хрусталь. Освежаюсь, фыркаю, как бегемот. Потом обернулся, смотрю — он крадется, и самая тяжелая дубинка в руке. Я было крикнул на него, да вижу — поздно. Он, знаете, размахнулся — и в меня этой дубинкой. Попал бы—и череп долой. Но я не растерялся: бултых в воду!

Потом выглянул, вижу — он стоит, зубы оскалил, глаза горят, как у тигра, вот-вот бросится...

Вдруг что-то сверху хлоп его по прическе! Он так и сел. Я подбегаю, ищу избавителя — нет никого, только дубинка эта лежит... Поднял я ее, осмотрел, вижу — вместо фирменной марки на ней туземный святой изображен. Ну, тут я понял: вместо клюшек для гольфа я вчера бумеранги у папуаса отобрал. А бумеранг знаете какое оружие? Им без промаху надо бить, а промахнулся — смотри в оба, а то вернется и как раз вот так хлопнет по черепу. Да.

Ну, осмотрел я дядю Тома. Слышу — пульс есть, значит, не смертельно. Взял его за ноги и потащил в тень. Тут, понимаете, у него из кармана вываливаются какие-то бумажки. Я подобрал, вижу — ви-

зитные карточки. Ну, читаю и что бы вы думали? Черным по белому так и написано:

ХАМУРА КУСАКИ

АДМИРАЛ

«Вот ты,— думаю,— где, голубчик! Ну, полежи, отдохни, а мне некогда, игру надо продолжать, а то партнер обидится».

Да. Ну, пошел дальше, гоню мяч и сам не рад, что связался с этим гольфом, но отступать не в моем характере. Бью, считаю удары. Тяжеленько, знаете. С помощником еще туда-сюда, а одному просто зарез: ударить надо посильнее, и мяч отыскать, и палки тащить. Ноги ноют, руки не слушаются. В общем и целом получается, что не я мяч гоню, а он меня. Ну, и загнал: кругом болотце, осока, какая-то речка течет, кочки на берегу...

«Так,— думаю,— сейчас до речки догоню, отдохну, искупаюсь».

Размахнулся, ударил. Вдруг все эти кочки повскакали и давай прыгать...

Это, оказывается, не кочки были, а стадо кенгуру. Видимо, испугались — и врассыпную. А мяч мой одной кенгурихе со всего размаху в сумку. Она взвизгнула да как припустит... И хвостом и ногами работает. Передними лапами держится за сумку и мимо меня прыг, прыг...

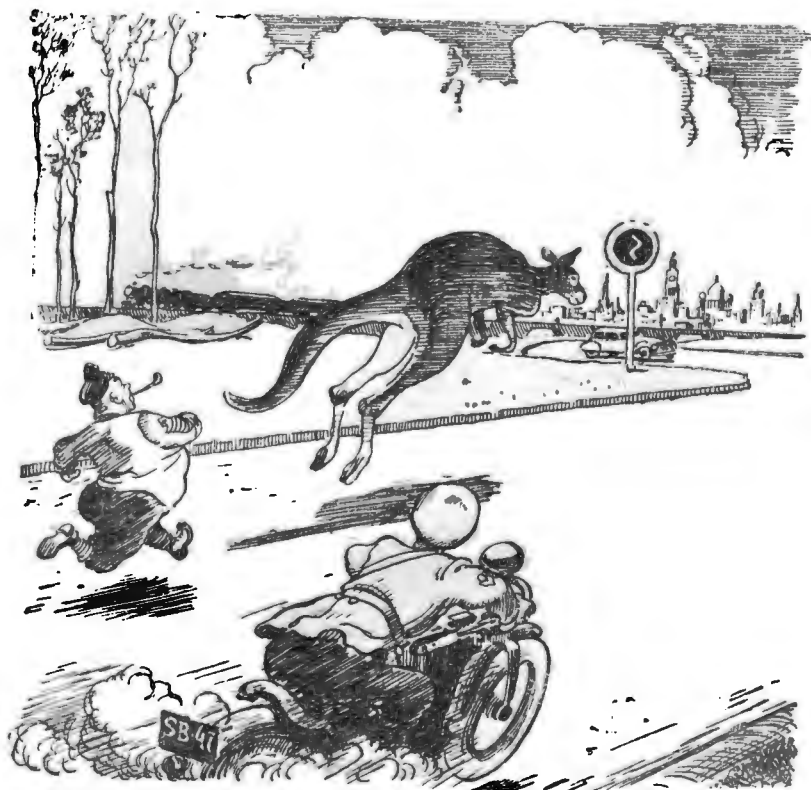
Ну, что тут делать? Я бросил палки — и за ней. Нельзя же мяч потерять.

И такая получилась скачка с препятствиями, что до сих пор вспомнить весело.

Сучья под ногами хрустят, камни разлетаются...

Я устал, но не сдаюсь, не выпускаю ее из поля зрения. Она присядет отдохнуть, и я присяду; она в путь, и я в путь...

И вот животное, знаете, растерялось, сбилось с курса от страха. Ей бы в чащу, в кусты, а она на чистое место, на шоссе, прямо к Сиднею.

Вот уж и город видно, сейчас улицы начнутся. Народ на нас смотрит, кричит, полицейский на мотоцикле гонится, засвистел... Тут, видимо испугавшись, животное делает этакую фигуру в воздухе, наподобие мертвой петли. Мяч мой выскакивает из сумки, я бросаюсь за ним, наклоняюсь и в ту же секунду получаю чувствительный толчок пониже спины. Ну, доложу вам, и ощущение! Прямо, как говорится, «ни встать, ни сесть».

Но я все-таки встал, отряхнулся. Тут народ кругом: сочувствуют, предлагают помощь, а мне не помощь, мне палка нужна: мяч тут, и ямка уже недалеко, а бить нечем. Ну, и сжалился один джентльмен, дал свою тросточку. На восемьдесят третьем ударе я закончил игру.

Капитан порта просто разахался.

— Поразительный,— говорит,— результат! Вы подумайте: такой трудный участок, и неужели всего восемьдесят четыре удара?

— Так точно,— отвечаю я,— восемьдесят три, не больше, не меньше...

А про кенгуру я умолчал. В руководстве о кенгуру ничего не сказано, в правилах игры тоже. И выходит, что если животное непреднамеренно оказало помощь, так это уж, знаете, его дело.

Г л а в а XVI

О дикарях

Поговорили мы с капитаном порта о местных новостях, о достопримечательностях. Он меня в музей пригласил. Пошли.

Там действительно есть что посмотреть: модель утконоса в натуральную величину, собака динго, портрет капитана Кука...

Но только я задержу внимание на какой-нибудь детали, мой спутник тянет меня за рукав и дальше влечет.

— Идемте,— говорит,— я вам самое главное покажу: живой экспонат — вождь дикарей в полном вооружении, особенно интересно...

Ну, входим в зал. Там сделан этакий загончик, вроде как в зоопарке, и разгуливает здоровенный папуас с удивительной прической на голове... Увидел нас, издал воинственный возглас, взмахнул дубинкой над головой... Я было попятился. А потом вспомнил тех артистов в Гонолулу и, по правде сказать, согрешил. «И это, — думаю, — тоже, наверное, артист». Ну и решил расспросить потихоньку, без свидетелей, как это он до такой жизни дошел.

Распрощался повежливее с капитаном.

— Спасибо,— говорю,— за компанию, очень

здесь интересно. Но вас я не смею задерживать, а сам, с вашего позволения, еще посмотрю...

И остались мы с папуасом наедине. Разговорились.

— А вы,— спрашиваю,— признайтесь, настоящий папуас или так?

— Ну, что вы,— отвечает тот,— самый настоящий, сын вождя, учился в Оксфорде, в Англии. Окончил университет с золотой медалью, защитил диссертацию, получил звание доктора прав, вернулся на родину... А тут работы по специальности нет... Жить не на что, вот и поступил сюда...

— Вот как! И хорошо зарабатываете?

— Да нет,— отвечает он,— не хватает. Ночью

еще по совместительству городской сад стерегу. Там лучше платят и работа полегче. Тут тихо. Вот только вчера какие-то дикари напали, отняли бумеранги. Сегодня не знал, с чем и на службу идти. Хорошо, догадался: у меня со студенческих лет набор палок для гольфа остался, с ними и пошел. И ничего, не замечает публика...

Да. Ну, распрощались. Тут бы можно и покинуть Австралию, но у меня остался долг чести, так сказать: вернуть оружие вождю папуасов и посмотреть, что с моим адмиралом.

И вот, знаете, снарядились мы по-походному, яхту сдали под надзор портовых властей, а сами отправились все втроем.

Идем в глубь страны по следам недавних событий, читаем книгу природы: вот здесь я за кенгуру гнался, вот здесь ручей, здесь бумеранг лежал, здесь сам Кусаки... Однако нет ни того, ни другого. А здесь я последние палки бросил. Но и тут, знаете, пусто. Как корова языком слизнула.

Ну, побродили, обыскали все кругом. Тот же результат. Только с дороги сбились. В море-то я хорошо ориентируюсь, а на суше, бывает, и заблужусь. А тут кругом пустыня — ориентиров нет. К тому же жара и голод... Фукс с Ломом ропщут потихоньку, а я креплюсь: положение обязывает, как ни говорите. Да.

Недели три так бродили. Измучились, похудели. И сами не рады, что пошли, да теперь уж делать нечего... И вот, знаете, однажды разбили мы бивуак, прилегли отдохнуть, а жара — как в бане. Ну, и разморило, заснули все.

Не знаю, сколько уж я проспал, но только слышу сквозь сон: шум, возня, воинственные крики. Проснулся, продрал глаза, гляжу — Фукс тут, под кустом, спит крепким сном, как младенец, а Лома нет. Посмотрел кругом — нигде нет. Ну, тогда беру бинокль, осматриваю горизонт и вижу — мой старший помощник Лом сидит у костра, а кругом, пони-

маете, дикари и, судя по поведению, едят моего старшего помощника...

Что делать? Я тогда складываю ладони рупором и во все горло кричу:

— Отставить есть моего старшего помощника!

Крикнул и жду...

И вот, поверите ли, молодой человек, слышу, как эхо, доносится ответ:

— Есть отставить есть вашего старшего помощника!

И действительно, смотрю — отставили. Закидали костер, поднялись и все вместе направляются к нам.

Ну, встретились, поговорили, выяснили недоразумение. Оказалось, папуасы с северного берега. У них тут и деревня была недалеко, и море тут же, а Лома они вовсе и не собирались есть. Напротив, угостить нас хотели, а Лом их уговорил подальше от бивуака костер разложить: боялся потревожить наш сон. Да.

Ну, подкрепились мы. Они спрашивают:

— Куда, откуда, с какими целями?

Я объяснил, что ходим по стране и скупаем местное оружие старинных образцов для коллекции.

— А,— говорят,— кстати попали. Вообще-то у нас этого добра не бывает. Это хозяйство мы давно в Америку вывезли, а сами на винтовки перешли. Но сейчас случайно есть небольшая партия бумерангов...

Ну, и отправились мы в деревню. Притащили они эти бумеранги. Я как глянул, так сразу и узнал свои спортивные доспехи.

— Откуда это у вас? — спрашиваю.

— А это,— отвечают они,— один посторонний негр принес. Он сейчас поступил военным советником к нашему вождю. Но только его сейчас нет, и вождя нет — они в соседнюю деревню пошли, обсуждают там план похода.

Ну, я понял, что мой воинственный адмирал

здесь окопался, и вижу — надо уходить подобру-поздорову.

— Послушайте, — спрашиваю, — а где у вас ближайшая дорога в Сидней, или в Мельбурн, или вообще куда-нибудь?

— А это, — отвечают они, — только морем. По суше и далеко и трудно, заблудитесь. Если хотите, можете здесь пирогу зафрахтовать. Ветры сейчас хорошие, в два дня доберетесь.

Я выбрал посудину. И странная, доложу вам, посудина оказалась. Парус вроде кулька, мачта — как рогатина, а сбоку за бортом — нечто вроде скамеечки. Если свежий ветер, так не в лодке надо сидеть, а на этой скамеечке как раз. Мне, признаться, на таком судне ни разу не приходилось плавать, хоть я в парусном деле и не новичок. Но тут делать нечего, как-нибудь, думаю, справлюсь.

Погрузил бумеранги, взял запасов на дорогу, разместил экипаж. Я в руле, Лом с Фуксом за бортом, вместо балласта. Подняли паруса и пошли.

Только отошли, смотрю — за нами в погоню целый флот. Впереди большая пирога, а на носу у нее — мой странствующий рыцарь: сам адмирал Кусаки в форме папуасского вождя.

Я вижу — догонят. А сдаваться, знаете, неинтересно. Если бы одни папуасы, с ними бы я сговорился — все-таки австралийцы, народ культурный, — а этот... кто его знает? Попадешься вот так, живьем сожрет... Словом, вижу, как ни вертись, а надо принимать сражение.

Ну, взвесил обстановку и решил так: вступать в бой, проливать кровь — к чему это? Дай-ка лучше я их искупаю. Таким воякам первое дело — голову освежить. А тут ветер боковой, крепкий, команда у них вся за бортом, на скамеечках. Так что обстановка самая благоприятная. Ну и если сделать этакий штырь подлиннее да быстро развернуться...

Словом, в две минуты переоборудовал судно, сделал поворот и полным ходом пошел на сближе-

ние. Идем на контркурсах. Ближе, ближе. Я чуть влево беру руля и, знаете, как метлой смел балласт с флагманской пироги, со второй, с третьей... Смотрю — не море кругом, а суп с фрикадельками. Плы- вут папуасы, барахтаются, смеются — так раску- пались, что и вылезать не хотят.

Один Кусаки недоволен: вскарабкался на пиро- гу, кричит, сердится, фыркает... А я, знаете, просе- мафорил ему: «С легким паром», развернулся и пошел назад в Сидней.

А там, в Сиднее, возвратил бумеранги владель- цу, попрощался с партнером по гольфу, поднял флаг.

Ну конечно, провожающие были, принесли фрукты, пирожные на дорогу. Я поблагодарил, от- дал швартовы, поднял паруса и пошел.

Г л а в а XVII,

в которой Лом вновь покидает судно

На этот раз неудачно все получилось. Едва ми- новали берега Новой Гвинеи, нас нагнал тайфун чудовищной силы. «Беда», как чайка, металась по волнам. Нырнет, выскочит, снова нырнет. Горы во- ды падают на палубу. Снасти стонут. Ну что вы хо- тите — тайфун!

Вдруг яхта, как волчок, закрутилась на месте, а секунду спустя ветер совершенно затих. Лом и Фукс, незнакомые с коварством тайфуна, облегче- но вздохнули. Ну, а я понял, в чем дело, и, при- зняться, пришел в большое расстройство. Попали в самый центр урагана. Тут, знаете, добра не жди.

Ну и началось. После непродолжительного за- тишья ветер снова засвистал, как тысяча чертей, паруса лопнули со страшным треском, мачта со-гнулась, как удочка, переломилась пополам, и весь рангоут вместе с такелажем полетел за борт. В об- щем, потрепало нас как надо.

А когда разъяренный океан несколько успокоился, я вышел на палубу и осмотрелся. Разрушения были огромны и непоправимы. Запасные паруса и концы, правда, хранились у нас в трюме, но на одних парусах без мачт, сами понимаете, не пойдешь. И тут, вдали от больших океанских дорог, нас ждала страшная участь: мы годами могли болтаться среди океана. А это, знаете, перспектива не из приятных.

Угроза медленной смерти нависла над нами, и, как всегда в таких случаях, я вспомнил свою долгую жизнь, свое милое детство.

И вот, представьте себе, воспоминание это дало мне ключ к спасению.

Еще будучи мальчиком, я любил клеить и запускать воздушных змеев. Ну, и вспомнив об этом прекрасном занятии, я воспрянул духом. Змей! Бумажный змей — вот спасение!

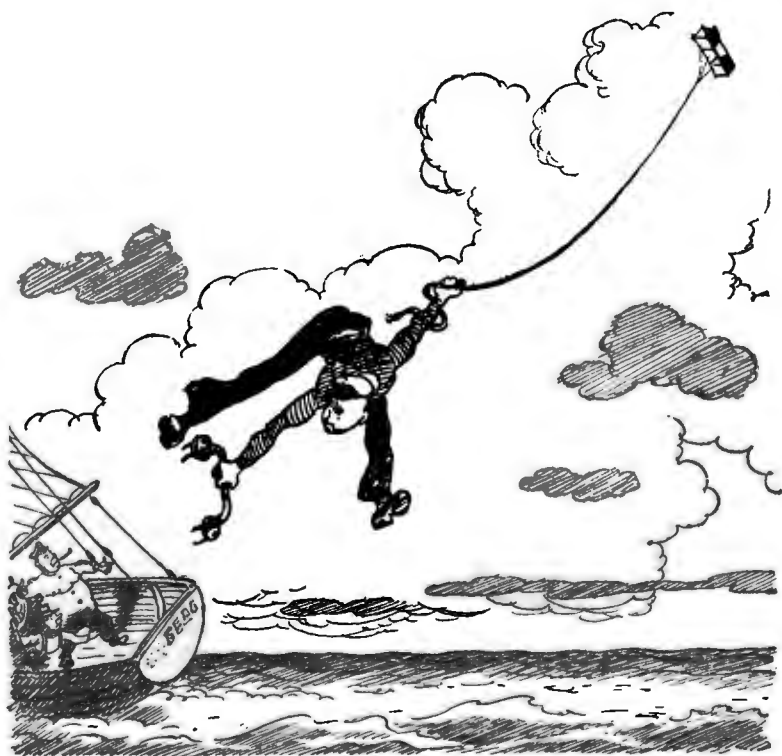
Корзины от прощальных подношений пошли на каркас. Ну, а потом мы сварили клейстер, собрали все бумажное, что было на судне — газеты, книжки, разную коммерческую корреспонденцию, — и принялись клеить. И скажу вам, не хвастаясь, змей получился на славу. Уж кто-кто, а я-то в этом деле специалист. Ну, а когда высохло это сооружение, мы выбрали канат подлиннее, выждали ветерок, запустили...

И ничего, знаете, прекрасно потянуло, пошла наша яхта и снова стала слушать руля.

Я развернул карту, выбираю место, куда зайти для ремонта. Вдруг слышу странные какие-то звуки. Потрескивает что-то на палубе. Встревоженный, поднимаюсь и вижу страшную картину: конец, на котором держался наш змей, зацепился за брашпиль и к моменту моего прихода перетерся и, как говорится, на волоске держится.

— Аврал! Все наверх! — скомандовал я.

Лом и Фукс выскочили на палубу. Стоят, ждут моих распоряжений.

Но распорядиться было нелегко. Тут, сами понимаете, нужно бы наложить узел. Но ветер усилился, канат натянулся, как струна, а струну, знаете, не завяжешь.

И я уже думал — все кончено. Но тут исполинская сила Лома нашла надлежащее применение. Он, понимаете, хватается одной рукой за канат, другой за скобу на палубе, напрягает бицепсы. На канате появляется слабина...

— Так держать, не отпускать ни в коем случае! — скомандовал я, а сам стал накладывать узел.

Но тут вдруг неожиданно шквал налетает на нас с кормы, змей рванулся, скоба вылетела из палубы, как морковка из грядки, и Лом взвился в облака, едва успев крикнуть:

— Есть так держать!

Ошеломленные, мы с Фуксом посмотрели вслед. А Лома уже и не видно совсем. Мелькнула в облаках черная точка, и наш храбрый товарищ покинул нас среди океана...

Наконец я пришел в себя, взглянул на компас, заметил направление, оценил на глаз погоду. И, должен сказать, выводы получились неважные: свежий ветер силою в шесть баллов со скоростью двадцати пяти миль в час уносил моего старшего помощника к берегам Страны Восходящего Солнца. Мы же снова беспомощно болтались по волнам, лишенные двигателя и управления.

Я расстроился, ушел с горя спать и, только немного забылся, слышу — Фукс меня будит. Ну, я протер глаза, поднимаюсь и, поверите ли, вижу: коралловый остров справа по курсу. Все как полагается: пальмы, лагуна... Тут, знаете, если пристать, можно и парусишки кое-как соорудить. Словом, фортуна, как говорится, нам улыбнулась, но, увы, улыбка-то эта оказалась фальшивой.

Посудите сами: ветерок гонит нас не спеша, вот мы поравнялись с островом, вот он рядом, рукой подать... Но ведь это только так говорится, а подика найди руку в двести сажен... Словом, ясно: проносит мимо.

Другой бы на моем месте растерялся, но я, знаете, не таков. Морская практика рекомендует в подобных случаях забрасывать на берег якорь на конце. Рукой, конечно, не забросишь: тут нужна пушка или ракета. Ну, понятно, я бросаюсь в каюту, ищу указанные предметы, перерыл, перекопал всё — нет, понимаете, ни ракет, ни пушки: недосмотрел, не захватил при отправлении. Лезут под руки все больше предметы туалета: галстуки, подтяжки... Из них, знаете, пушки не сделаешь.

Но тут вновь небольшая экскурсия в прошлое подсказала мне план дальнейших действий.

Я, видите ли, не могу сказать, чтобы в детстве отличался примерным поведением. Напротив, с общепризнанной точки зрения, я хотя хулиганом и не был, но озорником был, не скрою. И такой инструмент, как рогатка, никогда не покидал моего кармана... Да.

Вспомнил я это дело, и меня как осенило: пушку, конечно, из подтяжек не соорудишь, а рогатку — почему же? И вот я хватаю шесть пар тугих резиновых подтяжек и устраиваю на палубе этакую рогатку увеличенных размеров.

Ну, а дальше понятно: заряжаю ее небольшим якорем, затем мы вместе с Фуксом лебедкой натягиваем ее потуже. Я командую:

— Внимание!

Затем обрубая конец, и якорь взвивается, унося с собой тонкий, но прочный канат. И вижу — порядок! Якорь взял.

А полчаса спустя мы уже были на берегу, и наши топоры звенели, нарушая торжественную тишину девственного леса.

Конечно, тяжеленько пришлось вдвоем, но справились. Отлично справились.

Тайфун потрепал нас изрядно, пришлось, знаете, заново проконопатить борта, просмолить всю яхту, а главное, поставить новый рангоут и такелаж. Пришлось потрудиться на славу. Но зато всё поправили. А с мачтой так просто прекрасно у нас уладилось: выбрали небольшую стройную пальмочку, выкопали вместе с корнями, да так и поставили целиком. Сверху укрепили, как полагается, вантами, а внизу, в трюме, вместо балласта насыпали земли, полили, и, знаете, принялась наша мачта.

Ну, потом скроили паруса, сшили, подняли и пошли.

Управлять судном с таким вооружением, конечно, несколько непривычно, но зато есть и удобства: листья над головой шумят, зелень ласкает

глаз... Потом плоды на пальме созрели, и так это приятно, знаете: стоишь на вахте, жара, мучает жажда, но стоит вам несколько подняться по мачте, и в руке у вас молодой кокосовый орех, полный свежего молока. Прямо не яхта, а плавучая плантация...

Да. Идем так, поправляемся на фруктовой диете, держим курс к месту предполагаемой посадки Лома. День идем, два идем. И вот на третий день по носу у нас открылась земля. В бинокль видно: порт, входные знаки, город на берегу... Зайти бы, конечно, недурно, но я, знаете, воздержался, не пошел. Там вообще-то иностранцев не очень ласково тогда принимали, а у меня, тем более, личные счета с господином Кусаки. Ну его к свиньям.

Г л а в а XVIII

*Самая печальная, так как в ней «Беда» гибнет,
на этот раз уже безвозвратно*

Вот я и пошел сторонкой. Иду. День прошел — ничего, а к ночи пал туман. Такой туман — ничего не видно, хоть глаз выколи. Со всех сторон сигналы, гудки, сирены воют, звонят колокола... Тревожно, но зато, знаете, весело. Да только недолго продолжалось это веселье. Слышу, летит на нас быстросходное судно. Пригляделся, вижу — миноносец на полном ходу. Я — вправо на борт. Смотрю, и он право на борт. Я влево, и он влево...

И вот, понимаете, страшный удар, борта затрепали, вода хлынула на палубу, и «Беда», рассеченная пополам, стала медленно погружаться в пучину.

Ну, вижу, конец!

— Фукс, — говорю я, — берите спасательный круг и плывите прямо на вест. Здесь недалеко.

— А вы? — спрашивает Фукс.

— А мне, — говорю, — некогда. Вот запись нуж-

но сделать в журнале, с судном попрощаться, а главное, мне туда не по дороге...

— И мне, Христофор Бонифатьевич, тоже не по дороге. Не тянет меня туда.

— Напрасно, Фукс,—возражаю я,—там все-таки берег, различные красоты, священная гора Фудзияма...

— Да что красоты! — отмахнулся Фукс.— Там с голоду ноги протянешь. Работы не найдешь, а по старой специальности, по карточной части, мы против них никуда не годимся. Обдерут, как липку, по миру пустят. Уж я лучше с вами.

И так меня тронула эта верность, что я ощутил прилив сил. «Эх,—думаю,—рано панихиду петь!» Осмотрел размеры повреждений, достал топор.

— Аврал! — командую.— Все наверх! Снасти долой, рубить мачту!

Фукс рад стараться. Такую энергию проявил, что я просто удивился. Да и то сказать: ломать — не делать, душа не болит.

Ну, и не успели мы оглянуться, пальма наша уже за бортом. Фукс прыгнул туда, я ему передал кое-какие ценности. Бросил спасательный круг, компас вместе с нактоузом, пару вёсел, анкерок воды, из гардероба кое-что...

А сам все на палубе, на «Беде». И вот чувствую, настает последняя минута: корма вздыбилась, корпус погружается, сейчас нырнет...

У меня слезы брызнули из глаз... И тут, знаете, я хватаю топор и собственной рукой вырубаю кормовую доску с буквами...

Ну, а затем в воду и — к Фуксу на пальму. Сажусь верхом и наблюдаю, как океан поглощает остатки моего многострадального судна.

И Фукс наблюдает. И вижу — у него тоже слезы на глазах.

— Ничего,—говорю,— не унывайте, мы еще с вами поплаваем. То ли еще бывает...

Да. Ну, знаете, посмотрели еще на то место, где волны сомкнулись над судном, и стали устраиваться. И, представьте, устроились не без удобств.

Конечно, после яхты чувствуется некоторый недостаток комфорта, но все же самое необходимое было у нас. Установили компас, соорудили кое-как парусишко из старой тельняшки, спасательный круг на ветку повесили, а кормовую доску я вместо письменного стола приспособил.

В общем, все хорошо, вот только ногам мокро.

И вот однажды видим — сзади, за кормой, дымок. Я уж думал — опять тот миноносец, но оказалось, что это просто «купец» — бродячий пароход под английским флагом. Я не хотел просить помо-

щи: как-нибудь, думаю, сам доберусь. Но тут так получилось.

Я, как заметил судно, сейчас же достал письменные принадлежности и стал делать соответствующую запись в вахтенном журнале. А капитан этого парохода, со своей стороны, заметив нас, взял подзорную трубу и, понятно, обнаружил не совсем блестящее положение нашего судна, если можно назвать судном подобное сооружение.

Но он все же сомневался, идти ли на помощь, поскольку мы не проявляли признаков паники и не подавали соответствующих сигналов...

Вот тут-то, понимаете, обстоятельства и сложились так, что он неожиданно изменил свое решение.

Я, видите ли, как раз в это время закончил запись и поставил свой временный стол, так сказать, стоймя. И вот буквы блеснули. Капитан увидел слово «Беда» и принял его за призыв на помощь или за сигнал бедствия, что ли. Ну, повернул к нам, а полчаса спустя нас уже подняли на борт и мы с капитаном за чаркой рома обсуждали этот забавный случай...

Да. Пальму я ему подарил, он ее в салоне приказал поставить, весла, компас тоже отдал, а себе оставил круг и кормовую надпись. Все-таки, знаете, память.

Ну, посидели. Он рассказал, что идет в Канаду за лесом, потом о новостях поговорили, потом он ушел, а я остался еще почитать свежие новости.

Сижу, перелистываю газеты. Ну, что там в газетах? Больше всё объявления, комиксы, утки, сплетни, всякая дезинформация... И вдруг — заголовок на всю страницу: «Налет с воздуха... Преступник бежал!»

Я заинтересовался, понятно. Читаю и вижу — весь этот шум из-за Лома. Он, оказывается, на своем змее снизился возле самой Фудзиямы. Тут, ко-

нечно, собралась толпа, змея разорвали в клочья, разобрали на память.

А змей-то ведь был из газет! Ну и взялась за это дело полиция. Обвинили Лома в незаконном провозе запрещенной литературы. Я не знаю, чем бы это кончилось, но тут, к счастью, небо покрылось тучами, раздались глухие подземные удары... Толпу охватила паника, и все разбежались в ужасе.

На склоне священной горы только и остались мой старший помощник Лом и чины японской полиции.

Стоят, смотрят друг на друга. Земля под ними колеблется... Это, конечно, необычное состояние для поверхности нашей планеты, и у многих оно вызывает различные проявления страха. Но Лом — он, знаете, всю жизнь на борту, привык к качке... Ну, и не сумел надлежащим образом оценить грозную силу происходящего, пошел не спеша вверх по склону горы. А тут, понимаете, как это говорится, «земля разверзлась», и широкая трещина легла между беглецом и погоней. А затем все покрылось хлопьями сажки и мраком неизвестности.

Полиция потеряла следы Лома и теперь ищет его. Но тщетно.

Г л а в а XIX,

в конце которой неожиданно появляется Лом и поет про себя

Вот, собственно, и все, что я узнал из газет. Но, знаете, и этого достаточно, чтобы расстроиться. И так не сладко. Шутка ли! Судно потерял, а тут еще товарищ и помощник попал в такую историю. Была бы яхта, плюнул бы на Кусаки, пошел бы выручать Лома. А теперь жди, пока придем в порт назначения. И оттуда надо как-то выбираться, и в кассе у нас с Фуксом не густо, и пароход идет медленно.

Я — к капитану.

— Нельзя ли, — говорю, — прибавить ходу?

— Рад бы, — отвечает тот, — да у меня кочегаров мало, не справляются, еле пар держат.

Ну, знаете, я подумал, с Фуксом посоветовался, отдохнул еще денек, и нанялись кочегарами. Жалованье, конечно, небольшое, но, во-первых, на стол не тратиться, а во-вторых, за работой все-таки не так скучно, да и пароход скорее пойдет...

Ну, встали на вахту.

Спецовки там не дают, а у нас только и осталось, что на себе. Ну, разделись, в целях экономии остались в одних трусах. Это, впрочем, и лучше: жара там в кочегарке. А вот с обувью плохо. Под ногами уголь, горячий шлак, разуться — жарко, а обуться — жалко, последние ботинки погубишь.

Но мы, знаете, не растерялись: взяли четыре ведра, налили воды, и так-то славно получилось! Стоишь в них, в ведрах-то, как в калошах, а если уголек какой упадет, только «пшик» — и все тут.

Я в кочегарке справлялся легко, мне не впервой, а Фукс, вижу, сдает. Набил полную топку, уголь спекся корой, он его ковыряет лопатой.

— Эх, — говорю, — разве здесь лопатой что сделаешь? Здесь подломать надо. Где лом?

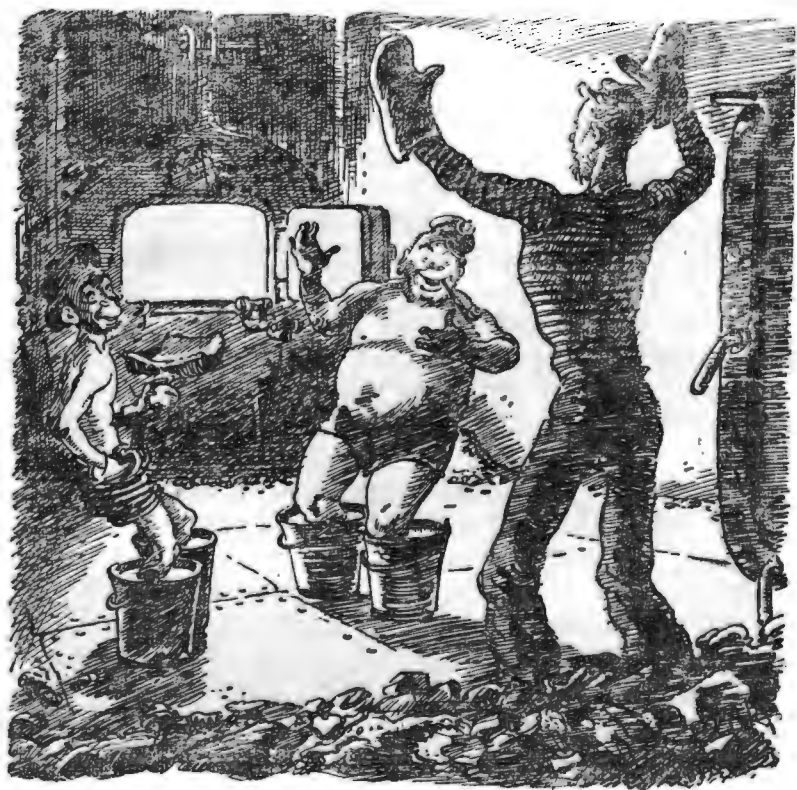
И вот, поверите ли, слышу — за спиной кто-то глухо так:

— Есть Лом к вашим услугам!

Обернулся, смотрю — из кучи угля вылезает мой старший помощник Лом: тощий, черный, небритый, но все же Лом собственной персоной. Я, знаете, так и сел от неожиданности!..

Ну, понятно, облобызались. Фукс даже слезу проронил. Дочистили втроем топку, уселись, и Лом рассказал о своих злоключениях.

В газете о нем все верно писали, кроме налета и злого умысла. Какой там налет — просто ветром занесло. Да. Ну, а когда колебания почвы прекратились, он спустился в город. Идет, боится, огляды-

вается по сторонам. И куда ни посмотри — полицейский, куда ни повернись — шпик...

Может, знаете, если бы он сохранил спокойствие, удалось бы проскользнуть незаметно, но тут столько нервных потрясений, ну и сдрейфил парень, стал прибавлять шагу и сам не заметил, как пустился бегом.

Бежит, оглядывается. А за ним бегут шпики, жандармы, полицейские, мальчишки, собаки, рикши, автомобили... Крик, гам, топот...

Ну, и куда тут податься? Он, знаете, вниз, к морю. Забрался в угольную гавань, закопался в уголь и сидит. А тут как раз этот пароход встал под погрузку. Грузят там по канатной дороге: цепляют

прямо ковшом, сколько захватят, а над пароходом ковш опрокидывается.

Вот, знаете, и захватило Лома. Только он очнулся, хотел выскочить из ковша, думал, знаете, опять его ловят, а ковш уже поехал, потом перевернулся, а Лом даже ахнуть не успел и — хлоп в бункер!

Пощупал руки, ноги — все цело; уйти некуда, дышать есть чем... Ну и решил использовать вынужденное бездействие — выспаться хорошенько.

Закопался в уголь и заснул. Так и спал, пока не услышал моей команды.

Да. В общем, все к лучшему получилось. Экипаж «Беды» опять соединился, и мы стали строить планы возвращения. Тут и вахта подошла к концу, и вот я поразмыслил: мы-то с Фуксом попали на пароход законным порядком, как потерпевшие бедствие, а Лом — во-первых, «заяц», а во-вторых вроде беглого преступника. Кто его знает, этого капитана? Пока по-хорошему — и он хорош, а узнает об этой истории, выдаст Лома властям, а потом выручай его. Словом, я посоветовал.

— Сидите, — говорю, — тут. Вы теперь привыкли. Покушать мы вам принесем, а вахту вместе будем стоять. Оно и нам полегче — все-таки тридцать три процента экономии сил. Да так и безопаснее будет.

Ну, Лом согласился без споров.

— Только, — говорит, — скучновато будет. Там темно, а я теперь выспался. Не знаю, чем заняться.

— Ну, — возражаю я, — это можно придумать. Стихи хорошо в темноте сочинять, или вот попробуйте до миллиона считать — это очень помогает от бессонницы...

— А можно петь, Христофор Бонифатьевич? — спрашивает он.

— Да как вам сказать? — говорю. — Особенно я не рекомендовал бы, но если нравится — пойте, только про себя.

Да. Ну, достояли вахту. Сменились. Лом назад в бункер полез, мы с Фуксом — на палубу. Вдруг, смотрю, вылетают кочегары как ошпаренные.

Я спрашиваю:

— Что случилось?

— Да там, — отвечают они, — в бункере, какая-то нечисть завелась. Воеет, как сирена, а что воеет — непонятно.

Ну, я понял сразу.

— Постойте, — говорю, — я спущусь, выясню, в чем там дело.

Спускаюсь, слышу — действительно, звуки ужасные: мелодия несколько неопределенная, и слова не очень складные, но голос, голос... Не знаю, как вам и передать. Я раз на Цейлоне слышал, как слоны трубят, так то было райское пение.

Да. Прислушался я и понял, что это Лом поет. Ну, полез в бункер, хотел отчитать его за несоблюдение осторожности. И пока лез, догадался, что сам виноват: опять, знаете, неточно отдал распоряжение. Всегда у меня с Ломом на этой почве недоразумения.

Лезу и слышу:

Я старший помощник
С корвета «Беда».
Его поглотила
Морская вода.
И вот я теперь
На чужом корабле,
Сию, как преступник,
На жестком угле...

И ничего, знаете, не скажешь: действительно про себя поет, все верно... Вот только насчет корвета он, конечно, несколько преувеличил. Какой там корвет!.. А впрочем, это своего рода украшение речи. В песне это допускается. В рапорте, в рейсовом донесении, в грузовом акте, конечно, такая неточность неуместна, а в песне — почему же? Хоть дредноутом назови, солиднее звучать будет.

Я все-таки Лома остановил.

— Вы,— говорю,— не так меня поняли, дорогой. Вы лучше про нас пойте, только чтобы никто не слышал. А то как бы неприятностей не вышло.

Ну, замолчал он, согласился.

— Верно,— говорит,— вы разрешили, а я не подумал. Не стану я больше петь, я уж лучше посчитаю...

Вылез я, успокоил кочегаров. Объяснил, что, мол, это в топке огонь гудел. Это и механик подтвердил.

— Бывает,— говорит,— такое явление.

Г л а в а XX.

*в которой Лом и Фукс проявляют неосмотрительность в покупках,
а Врунгель практически проверяет законы алгебры*

И вот наконец прибыли мы в Канаду. Мы с Фуксом сошли, распрощались с капитаном, а ночью и Лома контрабандным порядком переправили на берег. Сели в тихой таверне, обсудили положение и соображаем, как дальше добираться. Маршрут нас не смутил. Решили так: из Канады в Аляску, из Аляски через Берингов пролив на Чукотку, а там мы дома, там уж как-нибудь...

В этой части план утвердили.

А вот средства передвижения заставили призадуматься. Тут зима, знаете, реки стали, снег кругом, железных дорог нет, на автомобиле не проедешь. Пароходом — это надо ждать до весны...

Мы посоветовались и решили купить нарты, ну и там что попадетсЯ — оленя или собак. Ну и разошлись промышлять кто куда...

Я за нартами отправился, Лом пошел искать оленя, а Фукс взялся собак достать.

Нарты мне попались прочные, красивые, удобные. Лом несколько меньше преуспел. Привел пятнистого оленя средней упитанности. Тут его

специалисты осмотрели, освидетельствовали и дали характеристику: по рогам, мол, олень первого класса, а по ногам ниже среднего — копыта узки.

Ну, мы решили попробовать. Запрягли. Не везет олень. По снегу еще кое-как, а на реку, на лед вышли — наш олень шагу ступить не может. Ноги так и разъезжаются.

Я вижу — надо бы подковать его, да подков нет.

И тут, знаете, пригодилась кормовая доска. Недаром я ее, значит, вез. Отвинтили мы от нее медные буквы и теми же шурупами кое-как оленю к копытам приспособили. И помогло, знаете, но плохо. Правда, дрейф у оленя стал поменьше, а хода все равно не прибавилось. Ленивая скотина попала!

Тут Фукс пришел со своей покупкой. Привел эдакую небольшую собачку с острой мордочкой. По аттестату собачка — призовой вожак, передовой. Ну, мы ее и решили запрягать по специальности, вперёдсмотрящим, так сказать.

Но это легко сказать. С оленем-то мы справились сразу: напялили ему вместо хомута спасательный круг (тоже и круг пригодился, как видите; в хорошем хозяйстве все в дело пойдет). А собака, знаете, не дается, кусается, скалит зубы. Поди-ка запряги такую!

Ну, кое-как все-таки обратали. Соорудили ей дугу, ввели насильно в оглобли, отпустили...

Ну, доложу я вам, и началось представление! Олень бьет копытами, потрясает рогами, собака воет, и животные, представьте, довольно резво пятятся задом.

Я уже хотел так, задним ходом, и отправляться, но для опыта решил их местами поменять. Хоть и говорится, что от перестановки слагаемых результат не меняется, но это, знаете, в алгебре, а тут совсем другое дело.

Ну, переставили, перепрягли.

И что бы вы думали? Припустил наш олень иноходью, только пятки сверкают.

И собака — за ним. Лязгает зубами, подвывает, однако тоже тянет, как паровоз.

Мы с Ломом едва на нарты сумели вскочить, а Фукс — тот только и успел ухватиться за веревку. С полмили так и проехался, вроде штормового якоря.

Ну, доложу я вам, и гонка досталась! Лаг я с собой не взял, да и пользоваться им на льду затруднительно. Однако, судя по береговым предметам, скорость у нас была потрясающая. Селения мелькают, проносятся, как в тумане, нарты прыгают по льду, в ушах свистит.

У оленя пар из ноздрей, копыта сверкают и так это ловко печатают: «Б-Е-Д-А», как на «Ундервуде».

И собачка старается, скулит, подвывает, язык на сторону свернула, однако тоже не отстаёт.

Словом, не успели оглянуться — граница Аляски. Тут шерифы с винтовками, с флагами...

Я, знаете, решил притормозить: неудобно пересекать границу без соблюдения формальностей. Кричу:

— Малый ход, стоп!

Куда там! Олень мой не смотрит, не слушает, несется как заводной.

Тут один шериф взмахнул платком, другие дали залп... Я думал — конец, однако вижу — все благополучно. Понеслись дальше. И минут этак через пять обгоняем упряжку, потом еще две упряжки, потом я уже и считать перестал — столько пообгоняли. Те торопятся, а я рад бы потише ехать, да не могу удержать свою пару... И вот открывается форт Юкон за поворотом. Там народ столпился на льду. Машут, кричат, палят в воздух. Столько народу собралось, что не выдержал лед, провалился.

Толпа раздалась к берегам, а у нас прямо по но-

су огромная полынья, и мы с опасной скоростью приближаемся прямо к ней. Я вижу — дело плохо. Ну и решился: накренил нарты набок, оглобли сломались, я — хлоп в снег со всем экипажем, а олень мой с разгона прямо в воду, и с собакой, со всем.

Могли бы и утонуть, да спасательный круг не дал. Смотрю — плавают, фыркают, отдуваются...

Тут благожелатели из публики принесли аркан, зачалили оленя за рога, потянули... И, представьте, хвалёные рога благородного животного отделились без всякого труда, а из-под них выглянули коротенькие рожки, на манер коровьих! Ну, эти, к счастью, прочно держались. За них вытащили всю

упряжку на лед. Олень мой встряхнулся, полизал в ноздрах, да как замычит жалобно, как корова.

Я пригляделся, вижу — корова и есть, только без хвоста. Обманули Лома в Канаде. И понятно, почему наш олень танцевал без подков, как корова на льду. А вот откуда у него несвойственная этому животному резвость взялась, я не сразу понял.

Однако специалисты-собачники и это мне разъяснили. Фукс тоже, оказывается, попал впросак: ему вместо собаки молодого волчонка подсунули.

И вот заметьте, как интересно: волчонок сам по себе, как собака, ничего не стоит — дрянь, а не собака; корова сама по себе не олень, а вместе как славно получилось. Вот тут закон алгебры как раз подошел: минус на минус дает плюс, как говорится.

Да. Ну, когда несколько улеглись страсти, выяснилась и причина столь торжественной встречи. У них там в этот день была зимняя гонка, и мы не думали, не гадали, а вышло так, что первое место заняли.

Г л а в а XXI,

*в которой адмирал Кусаки сам помогает Врунгелю выпутаться
из весьма затруднительного положения*

Дня три мы гостили в Юконе, сами отдохнули, дали животным отдохнуть. Нам как гостям предоставили полную свободу, только взяли подписку, что мы никуда из дома отлучаться не будем, и для верности двух детективов поставили у крыльца. Ну, а потом запрягли мы свои нарты и тронулись в путь. Юкон пролетели стрелой, выбрались в Берингов пролив и взяли курс прямо на Чукотку. До острова Лаврентия хорошо проехали, а тут получилась задержка. Поднялся шторм, взломало льды, и мы перед трещиной застряли, как на мели.

Разбили ледовый лагерь под торосом. Ждем, ко-

гда льды сойдут. Так бы оно ничего, торопиться нам особенно некуда, и с питанием благополучно: по дороге мы запаслись пеммиканом, рыбой, морожеными рябчиками. Ну, опять же и от коровы молочко. Словом, с голоду не погибли бы, а вот с холодом туго пришлось. Сидим, прижались друг к другу, дрожим. Особенно Фукс страдал: борода у него обмерзла, вся в сосульках, ноет парень, жалуются. Лом тоже держится из последних сил...

Ну, я вижу, надо что-то придумывать. Сижу, размышляю о различных способах отопления. Дрова, уголь, керосин — это все нам не подходит... Ну, вспомнил: как-то я был в цирке, там один гипнотизер пристальным взглядом воду кипятил.

Вот бы, думаю, мне так! Воля у меня могучая, железная воля. Почему не попробовать? Уставился на льдину — не кипит, не тает даже... Ну, я понял, что все это ерунда, обман, просто цирковой номер. Ловкость рук или, проще сказать, фокус... И только это слово вспомнил, блестящая идея зародилась в извилинах моего мозга.

Я схватил топор, выбрал подходящую глыбу льда, разметил, обработал соответствующим образом и возвращаюсь к нашему лагерю.

— А ну-ка, товарищи, помогите мне установить фокус.

Лом поднялся, ворчит:

— Удивляюсь я на вас, Христофор Бонифатьевич: тут впору в сосульку обратиться, а вы еще фокусами развлекаетесь.

Фукс тоже ропщет:

— Фокусы-покусы! В Красном море я в одних трусиках купался, и то было жарко, а тут три пары надел, все равно никак не согреюсь. Вот это фокус так фокус!

Ну, я прикрикнул на них:

— Отставить неуместные разговоры! Слушать команду! Поднять эту ледышку! Так держать! Пять градусов влево! Еще левее...

И вот, знаете, подняли творение моих рук, огромную ледяную линзу, навели пучок лучей на лед, глядим — так и буравит, как в редьку, только пар свистит. Навели на чайник — мгновенно закипел, даже крышка взлетела. Вот каким образом и холод одолели. Живем. Привыкать стали, обжились так, что и уезжать не хотелось. Волка пеммиканом кормим, корову — сеном. Сами тоже сыты, не голодаем. А тут и льды сошлись.

Запрягли мы своих рысаков в последний раз и помчались прямым курсом на Петропавловск.

Прибыли, высадились. Представились местным властям. Ну, должен сказать, приняли нас великолепно. Тут, знаете, за нашим походом следили по газетам, последнее время беспокоились, и, когда я рассказал, кто мы, нас, как родных, обласкали: кормят, ухаживают, по гостям водят. Корову мы расковали, сдали в колхоз по акту, волчонка ребятам в школу подарили для живого уголка... Да что рассказывать... Век бы там гостить, так и то мало.

Но тут, знаете, весна подошла, сломало льды, и мы затосковали по морю. Как утро — на берег. Когда на охоту — моржей пострелять, а то и просто так — посмотреть на океан.

И вот однажды выходим все втроем, прогуливаемся. Фукс на сопку полез. Вдруг слышу — кричит страшным голосом:

— Христофор Бонифатьевич, «Беда»!

Я думал, что случилось: или там камнем ногу придавило, или медведя встретил, — мало ли что! Бросился на помощь, Лом тоже полез. А Фукс все кричит:

— «Беда», «Беда»!

Взобрались мы к нему и, представьте, действительно видим — идет «Беда» под всеми парусами.

Ну, бросились в город. А там уже готовятся к встрече... Мы — на пристань. Нас пропустили, ничего. Однако смотрят уже несколько недоверчиво.

Я ничего не понимаю. Как же так, черт возьми!

Ведь на моих глазах «Беда» пошла ко дну. Да что глаза, глаза и обмануть могут. Но ведь есть соответствующая запись в вахтенном журнале. А ведь это как-никак документ, бумага. И Фукс свидетель, а выходит так, что я дезертировал, что ли, с судна в минуту опасности. «Ну,— думаю,— подойдут поближе, разберемся».

А подошла яхта — и вовсе стало непонятно. Смотрю — за рулем стоит Лом, тут же рядом — Фукс, шкотовым. А у мачты — я и команду подхожу.

«Да такого,— думаю,— не может быть! Может быть, это не я?» Пригляделся: нет, я. Тогда на берегу не я? Пощупал живот: нет, и на берегу вроде я. «Что же это,— думаю,— раздвоение личности, что ли? Да нет, ерунда все это, просто сон мне приснился...»

— Лом,— говорю,— ну-ка, ущипните меня.

А Лом тоже сам не свой.

Однако, знаете, ущипнул, постарался так, что я не сдержался, вскрикнул даже...

Тут внимание собравшихся обратилось на меня, на Лома, на Фукса. Обступили нас.

— Ну,— говорят,— капитан, может быть, вы объясните создавшееся положение?

А «Беда» между тем подходит по всем правилам. Вот, знаете, кранцы выложили. Дали выброску, пристают. Вот этот двойник мой раскланивается, берет под козырек.

— Разрешите,— говорит,— представиться: капитан дальнего плавания Врунгель с командой. Заканчивая кругосветный спортивный поход, прибыл в порт Петропавловск-Камчатский...

Публика на пристани кричит «ура», а я, знаете, так ничего и не понимаю.

Нужно вам сказать, что я ни в какую чертовщину не верю, но тут пришлось призадуматься. А как же, понимаете? Стоит передо мной живое привидение и разговаривает самым нахальным образом.

А главное, я в дурацком положении. Вроде этого мистификатора или самозванца... «Ну ладно,— думаю,— поглядим, что дальше будет».

И вот, знаете, сходят они на берег. Я стремлюсь выяснить положение, пробираюсь к ним, но меня оттирают, и слышу, тому Врунгелю рассказывают, что тут есть уже один Врунгель с командой.

Он остановился, осмотрелся кругом и вдруг заявляет:

— Ерунда! Не может быть никакого Врунгеля: я его сам потопил в Тихом океане.

Я как услышал, так сразу все понял. Вижу, понимаете, старый приятель, мечтатель адмирал, господин Хамура Кусаки под меня работает.

Ну, пробился я со своей командой, подхожу вплотную к нему.

— Здравствуйте,— говорю,— адмирал! Как до-ехали?

Он растерялся, молчит. А тут Лом подступил, да как размахнется — и Лома номер два одним богатырским ударом поверг наземь. Тот упал, и глядим — у него вместо ног ходули торчат из брюк.

Тут Фукс осмелел, подлетел к Фуксу номер два, вцепился ему в бороду и оторвал разом.

Лому-то с Фуксом хорошо: у одного рост, у другого борода, а у меня никаких характерных признаков... «Чем же,— думаю,— мне-то своего двойника донять?»

И вот, пока думал, он сам придумал лучше меня. Видит, дело дрянь, достает кортик, хватает двумя руками—раз-раз!—и распорол живот накрест... Харакири, самый самурайский аттракцион... Я даже зажмурился. Не могу я, молодой человек, на такие вещи хладнокровно смотреть. Так с закрытыми глазами и стою, жду.

Вдруг слышу — народ на берегу тихонько посмеивается, потом погромче, а там и хохот пошел. Тогда я открыл глаза — и опять ничего не понимаю: тепло, солнце светит, и небо чистое, а откуда-то вроде снег идет.

Ну, пригляделся, вижу — двойник мой заметно похудел, однако жив, а на животе у него зияет огромная рана и из нее пух летит по всему берегу...

Тут, знаете, кортик у него отобрали, взяли под белые руки довольно вежливо и повели. И команду его повели. А мы не успели опомниться, смотрим — качают нас.

Ну, покачали, успокоились, выяснили отношения, потом пошли яхту осматривать.

Я вижу — не моя яхта, однако очень похожа. Не обошел бы я на своей весь мир — сам мог бы перепутать. Да. Ну, заприходовали эту посудину, как полагается, а на другой день и пароход пришел.

Распрощались мы. Потом я с Фуксом уехал и вот, видите, до сих пор жив, здоров и молод душой. Фукс исправился, поступил на кинофабрику злодеев играть: у него внешность для этого подходящая. А Лом там остался, командовать этой яхтой.

Вскоре я от него письмо получил. Писал он, что ничего, справляется, и яхта неплохо ходит. Конечно, эта «Беда» не «Беда». Ну, да это не беда, все-таки плавает... Да.

Вот так-то, молодой человек. А вы говорите, что я не плавал. Я, батенька мой, плавал, да еще как плавал! Вот, знаете, стар стал, память слабеет, а то бы я вам рассказал, как я плавал.

дополнительная, без которой иной читатель мог бы и обойтись

До позднего вечера сидел я тогда и слушал, боясь проронить слово. А когда Врунгель закончил свой необыкновенный рассказ, я спросил почтительно и скромно:

— А что, Христофор Бонифатьевич, если бы записать эту историю? Так сказать, в назидание потомству и вообще...

— Ну что же,—ответил он, подумав,—запишите, пожалуй. Мне скрывать нечего, правду не утаишь... Пишите, голубчик, а как закончите, я просмотрю и поправлю, если что не так...

В ту же ночь я сел за работу, и вскоре объемистый труд, начисто переписанный крупным почерком, лежал у Врунгеля на столе.

Христофор Бонифатьевич внимательно просмотрел мои записки, кое-где сделал незначительные, но весьма ценные поправки, а через два дня, возвращая мне рукопись, сказал несколько огорченно:

— Записали вы все правильно, слово в слово... Вот только с вами-то я по-свойски говорил, как моряк с моряком, а иной попадетса бестолковый читатель и, может случиться, не так поймет. У меня у самого в молодости презабавный был случай: я еще тогда только-только на море пришел, юнгой плавал. И вот стояли мы как-то на якоре... Штурман был у нас — серьезный такой человек, не дай бог. И вот собрался он на берег. Прыгнул в шлюпку и кричит мне:

— Эй, малый, трави кошку, да живо!

Я услышал и ушам не верю: у нас на судне кот был сибирский. Пушистый, мордастый, и хвост, как у лисы. Такой ласковый да умный, только что не говорит. И вдруг его травить! За что? Да и чем травить, опять же? Я в этом смысле спросил у штурмана... Ну и выдрали меня тогда — как гово-

рится, линьков отведал. Да-с... Вот я и боюсь: станут люди читать, напутают в терминологии, и тут такая может получиться двусмысленность, что я перед читателем предстану в нежелательном виде. Так что уж вы, батенька, потрудитесь: все морские слова в отдельный списочек, по порядку русского алфавита, подберите и мне представьте. А я на досуге займусь, обдумаю это дело и дам свои объяснения.

Я не преминул выполнить это указание и вскоре представил Врунгелю небольшой список, слов в шестьдесят. Он просмотрел, обещал к утру написать объяснения, потом попросил неделю сроку, потом заявил, что раньше чем через месяц не управится, а когда год спустя я как-то напомнил об этом злополучном словарики, Христофор Бонифатьевич рассердился не на шутку, обозвал меня мальчишкой и дал понять, что дело это серьезное и торопиться с ним не следует.

Так и вышла книжка без словарика. И ничего, читали люди и, в общем, кажется, правильно все понимали. Но вот недавно, когда готовилось новое издание «Приключений капитана Врунгеля», Христофор Бонифатьевич вызвал меня и торжественно передал свой последний научный труд.

Мы тщательно изучили эту интересную работу и, оценив ее по достоинству, решили напечатать полностью.

Рассуждение

*капитана дальнего плавания Христофора Бонифатьевича Врунгеля
о морской терминологии*

Мною и другими наблюдателями неоднократно было замечено, что человек, вдоволь испивший соленой влаги из бездонной чаши океана, поражается странной болезнью, в результате которой со временем наполовину теряет бесценный дар человеческой речи.

Такой человек вместо слов родного языка, вполне точно обозначающих тот или иной предмет, применяет вокабулы, столь затейливые, что порой с личностью, не зараженной этой болезнью, уже и объяснить не может. Когда же такая личность в непонимании разводит руками, больной глядит на нее с презрением и жалостью.

В ранней молодости недуг этот поразил и меня. И сколь настойчиво ни пытался я излечиться, меры, принятые мною, не принесли желанного исцеления.

По сей день выстрел для меня не громкий звук огнестрельного оружия, а рангоутное дерево, поставленное перпендикулярно к борту; беседка — не уютная садовая постройка, а весьма неудобное, шаткое висячее сиденье; кошка в моем представлении, хотя и имеет от трех до четырех лап, является отнюдь не домашним животным, но маленьким шлюпочным якорем.

С другой стороны, если, выходя из дому, я спускаюсь по лестнице, на бульваре отдыхаю на скамейке, а придя домой, разогреваю чай на плите, то, стоит мне попасть на судно (хотя бы и мысленно), эти предметы сразу превращаются в трап, банку и камбуз соответственно.

Поразмыслив над этим, я решился было вовсе изгнать все морские термины из своего лексикона, заменив их теми словами, которые с давних пор существуют в обычном нашем живом языке.

Результат, однако, получился весьма нежелательный: первая же лекция, прочитанная мною в соответствии с принятым решением, доставила много ненужных огорчений как мне, так и моим слушателям.

Начать с того, что лекция эта продолжалась втрое дольше против обычной, ибо оказалось, что в морском языке есть немало терминов, вовсе не имеющих замены. Я же, не желая отступать от принятого решения, каждый раз пытался заменить

эти термины их пространными толкованиями. Так, к примеру, вместо слова рея я каждый раз говорил: «круглая деревянная балка, несколько утолщенная в средней части, горизонтально подвешенная на высоком тонком столбе, вертикально установленном на судне...» Вместо слова руль я принужден был повторять: «вертикальная пластина, с помощью рычага или иного специального привода поворачивающаяся на вертикальной оси, укрепленной на подводной части задней оконечности судна, служащая для изменения направления движения последнего...»

Сожалея при этом о напрасной трате времени, потребного для неоднократного произнесения этих определений, я старался выговаривать их одним духом, скороговоркою. А так как слов, требующих подобных разъяснений, попадалось немало, лекция моя стала походить на заклинание волшебника или на камлание шамана. И вполне естественно, что слушатели мои, несмотря на все старание, в котором я не имею оснований сомневаться, ничего из моих объяснений не усвоили и, более того, не поняли.

Огорченный неудачей, я тем не менее не пал духом. Терпеливо и внимательно я снова проработал этот вопрос, и после всестороннего изучения имеющихся на эту тему трудов и литературных источников, сопоставив их с собственными наблюдениями, я пришел к выводу, что:

Морская терминология есть не что иное, как специальный морской инструмент, которым каждый моряк обязан владеть столь же уверенно и искусно, сколь уверенно плотник владеет топором, врач — ланцетом, а слесарь — отмычкой.

Но, как во всяком деле, инструмент непрерывно совершенствуется, частично вовсе исключается из обихода, частично заменяется новым, более простым и удобным в обращении, нередко заимствованным из другого ремесла, так и в морской прак-

тике — одни термины широко входят в состав общегражданского живого языка, как то произошло, например, со словами: *мачта*, *руль*, *штурман*; другие же, напротив, вовсе утрачивают свое бывшее значение и заменяются новыми, общепринятыми, как то было со словами *антретно* или *триангль*, которые не так еще давно прочно держались в морском словаре, а ныне совсем забыты, уступив свое место словам *приближенно* и *треугольник* соответственно.

Изложенное позволяет рассчитывать, что со временем, путем взаимных разумных уступок, моряки и сухопутные люди придут наконец к одному общепонятному языку. Надеяться, однако, что такое слияние произойдет в ближайшем будущем, нет оснований. А посему сегодня при чтении всякой серьезной работы по морскому делу, такой, например, как описание моих приключений во время плавания на парусной яхте «Бедя», для человека, не овладевшего вполне морским языком, обязательно (!) пользование хотя бы небольшим пояснительным словариком, который и предлагается мною читателю.

**ТОЛКОВЫЙ МОРСКОЙ СЛОВАРЬ
ДЛЯ БЕСТОЛКОВЫХ СУХОПУТНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ**

Составлен Х. Б. Врунгелем

Анкерок.— Не случайно многие морские словари начинаются у нас этим словом, с которым некоторым образом связано самое начало русского флота. Как известно, в строительстве первых русских кораблей принимали участие голландские специалисты — мастера корабельного дела и мастера выпить. Нельзя сказать, однако, что пили они без меры. Мерой для вина как раз и служил анкер — крепкий деревянный бочонок ведра на два, на три. Такой бочонок — анкерок — и сейчас держат на каждой спасательной шлюпке, только хранят в нем не вино, а пресную воду.

Балл.— Не следует путать со словом «бал»! Бал — это вечер с танцами, а балл — отметка, которую моряки ставят погоде, мера силы ветра и волнения. 0 баллов — штиль, полное безветрие... 3 балла — слабый ветер... 6 баллов — сильный ветер... 9 баллов — шторм, очень сильный ветер. Когда дует шторм, и судну и экипажу тоже порой приходится потанцевать! 12 баллов — ураган. Когда небольшое судно попадает в зону урагана, случается, что моряки говорят: «Кончен бал!», и бодро идут ко дну.

Балласт — на суше лишний, ненужный груз. А на море когда как: если много балласта — нехорошо. А совсем без балласта — еще хуже: можно перевернуться. Вот и приходится возить камни, чугунные чушки, песок и прочие бесполезные тяжести, которые кладут на самое дно, чтобы придать судну устойчивость.

Боцман.— Слово это состоит из двух голландских слов: бот — судно и ман — человек. Боцман — судовой человек, лодочник. А у нас боцман — старший матрос, хозяин палубы.

Брашпиль — тоже составное слово из голландских: браден — жарить и спит — вертел. Только на брашпиль никто ничего не жарит. На него наматывают якорный канат, чтобы выходить — поднять якорь. Выхаживать якорь — работа не легкая. Если брашпиль ручной — изжариться не изжаришься, а запариться очень просто.

Бункер — угольная яма на корабле, склад угля. Тут и объяснять нечего.

Ванты — растяжки, которые удерживают мачту, чтобы не упала, чего доброго.

Вира. — С этим словом всегда неприятности. Все моряки твердо знают: вира — поднять, майна — спустить. А на берегу многие путают.

Гарпун — палка с острым, зазубренным наконечником, привязанная к длинной веревке. Такими гарпунами в старину били крупного морского зверя. Случалось, что и друг друга били, когда ссорились. Современный гарпун совсем не похож на старинный. Им стреляют из пушки. Бить китов им очень удобно, а вот для рукопашной драки он не годится — тяжел.

Грот — пещера, обычно искусственная. А в морском деле грот — главный парус на главной мачте.

Док — маленький искусственный залив с воротами. Корабль вводят туда, плотно запирают ворота, а воду выкачивают. В доке корабли осматривают, ремонтируют, красят, а когда заканчивают работу, напускают в док воды, корабль всплывает и выходит.

Драить — накручивать. Задраить — закручивать. А вот надраить — почему-то начистить до блеска.

Дрейф. — В пяти буквах этого слова заключено шесть значений: 1) лечь в дрейф — так поставить паруса, чтобы судно топталось на месте; 2) дрейф — отклонение от курса (см. курс) под влиянием ветра и течения; 3) плавание по воле стихии без руля и без ветрил, как говорится; 4) плавание вместе со льдами; 5) движение судна, стоящего на якоре, когда в сильный шторм якорь не держит. В этом случае капитан порой тоже начинает; 6) дрейфить, как бы не бросило на мель.

Заштиль — попасть в штиль (см. балл).

Зенит — точка в небе прямо над головой наблюдателя. Эту точку каждый может увидеть. Надир — противоположная ей точка небесной сферы. Эту точку даже самый внимательный наблюдатель увидеть не может — земной шар мешает.

Зыбь — волнение на море. Когда зыбь без ветра, капитану волноваться не приходится, а вот когда с ветерком — бывает, и поволнуешься.

Зюйдвестка — очень некрасивая штормовая шляпа из промасленной ткани. Вода с полей такой шляпы стекает на плечи и на спину, а за шиворот не попадает. Вот уж, как говорится: «Не красиво, да спасибо!»

Камбуз — судовая кухня и судовая кухонная плита — это все уже знают.

Кацапет — жит без усов, но с зубами. Любопытей, но так.

Кеель — хребет корабля, к которому крепятся корабельные ребра. Килем называют еще плавники, приделанные к корабельному брюху, служащие для улучшения мореходных качеств судна.

Клотик — крыша мачты. Казалось бы, зачем мачте крыша? А вот нужна. Иначе дождевая вода просочится по порам дерева, и мачта изнутри загниет. Вот и делают круглую деревянную нащепку наверху мачты — клотик.

Контркурс — это когда два корабля идут параллельно навстречу друг другу.

Корвет — трехмачтовое военное парусное судно. В наше время существует только на картинах и в книжках.

Кубрик — общая жилая каюта и распространенная собачья клещка.

Курс — направление движения судна. Также направление ветра по отношению к идущему под парусами судну. Если ветер дует прямо в корму, говорят, что курс фордевинд. Когда не в корму, но сзади — бакштаг. Когда прямо в бок — галфинд. В скулу — бейдевинд. Ветер, дующий прямо в нос, прежде названия не имел, но этот пробел в морской терминологии заполнен Х. В. Врунгелем, предложившим название «Вордувинд», которое прочно вошло в морской словарь.

Лавировать — на суше дело хитрое: и нашим и вашим угодить, и направо и налево поклониться, и по грязи пройти, ног не замочив. А у нас на море — проще простого: идти против ветра зигзагами да обходить опасности. Вот и всё.

Лаз и лот — приборы. Первый — для определения скорости хода и пройденного пути. Второй — для определения глубины. В старину говаривали: «Без лота — без ног, без лага — без рук, без комнаса — без головы».

Лоцман — человек, который проводит корабли в опасных и трудных местах.

Люк — отверстие в палубе.

Миля — морская мера длины, равная 1852 метрам. Часто нас, моряков, упрекают за то, что мы никак не перейдем на километры, а мы и не собираемся и вот почему: часть меридиана от экватора до полюса разделена на 90 градусов и каждый градус на 60 минут. Величина одной минуты меридиана как раз и составляет милю.

Набить. — Смотря по тому, что набить. Если снасть набить — это значит натянуть так, что дальше некуда.

Надир — см. зенит.

Нактоуз — буквально: «ночной домик». В старину так называли ящик с фонарем для освещения и защиты компаса. В наше время нактоуз — высокий шкафчик вроде тумбочки. На нем наверху ставят компас, а внутри прячут хитрые приспособления, которые следят за тем, чтобы компас врал, да не завирался.

Оверкиль — слово, которое часто произносят, но почти никогда не пишут, вероятно из скромности. Сделать оверкиль — это значит перевернуть судно кверху килем.

Оверштаг — такой поворот парусного судна, при котором оно проходит через положение вмордувинд (см. курс).

Остойчивость — то же, что и устойчивость.

Пакгауз — склад.

Пассаты — восточные ветры, весьма постоянно дующие в тропических широтах (см. это слово).

Подвахта, подвахтенный — сменившийся с вахты. В случае необходимости подвахтенные в первую очередь вызываются для помощи вахтенным. Поэтому у подвахтенных есть правило: если хочешь спать в уюте — спи всегда в чужой каюте.

Пóрты — всякие ворота. В бортах кораблей — пассажирские, грузовые, угольные, пушечные порты. У доков батопсрты — специальные суда, которые затопляются в воротах доков и своим корпусом запирают вход в док. Порт — так же место стоянки кораблей. Торговые и военные порты — морские ворота страны.

Прокладка курса — постоянно ведущаяся отметка на карте места, в котором находится судно.

Рангоут — буквально: «круглое дерево» — мачты, реи и т. п. Сейчас на больших кораблях почти весь рангоут металлический, клепаный или сваренный из стальных листов. Получается круглое дерево, сваренное из стальных листов... Вот и разберись тут!

Роль судовая — ничего общего не имеет с ролью в спектакле. Там роль играют, а с судовой ролью играть не положено. Это важный документ — список всех людей, находящихся на корабле. Внести в роль — значит зачислить в состав команды. Списать — значит вычеркнуть из роли, уволить из состава команды, удалить с корабля.

Семафор — разговор, вернее — переписка с помощью ручных флажков. Каждой букве соответствует особое положение рук с флажками. Про сигнальщика, который передает буквы по семафору, говорят: пишет.

Секстан, секстант — инструмент для определения места судна. Последние тридцать лет идет спор, как писать это слово. Штурманы, которые пользуются этим прибором, называют его «секстан» и пишут так же, а все остальные и говорят и пишут «секстант». Кто прав — так и неизвестно.

Склянки — полчаса. В ту пору, когда на судах были песочные часы — «склянки», вахтенный каждые полчаса ударом в колокол оповещал весь корабль о том, что он следит за временем и не забыл перевернуть получасовую склянку. Песочных часов давно нет на судах, а обычай остался: на всех кораблях каждые полчаса звонят в колокол — бьют рынду. У этого выражения тоже интересное прошлое. Англичане говорили: «ринг дзз белл» — бить в колокол, а у нас переделали в «рынду бей» — так и пошло!

Снасть — см. трос.

Списать — см. роль.

Сходня — дачное место под Москвой. А на судне — переносный мостик из доски, иногда с перильцами, по которому сходят с судна на берег. Обрато с берега на судно входят по той же сходне, но востодней ее в этом случае не называют.

Счисление — приближенное определение места судна путем расчетов и построений на карте.

Такелаж — см. трос.

Трафальгарская битва — знаменитое морское сражение, в котором 21 октября 1805 года английский адмирал Нельсон разбил превосходящую по силам соединенную эскадру французских и испанских кораблей под командой адмирала Вильнева.

Трос — снасть, всякий канат, веревка, веревочка. Если веревка привязана хотя бы одним концом к чему-нибудь на судне, она уже становится частью такелажа.

Трюм — корабельное брюхо, помещение для груза на корабле.

Утка — деревянное или металлическое приспособление для крепления снастей. Так еще называют водоплавающую птицу, различая при этом утку домашнюю и утку дикую.

Фальшборт — часть борта выше главной палубы. Приходится следить, чтобы в этой части корабля никакой фальши не было, а то, не ровен час, и в воду свалиться недолго.

Фиорд — узкий извилистый залив с высокими берегами.

Флюгер — легкий флажок на мачте для определения направления ветра.

Фордевинд — см. курс.

Фрахт — плата за перевозку груза по морю, а также груз, за перевозку которого по морю взимается плата.

Фут — мера длины, около 30 сантиметров.

Хронометр — точные астрономические часы.

Швартовы — тросы, которыми корабль привязывают к берегу или к другому кораблю.

Шиота — выраженная числом удаленность от экватора.

Штиль — см. балл.

Штурмтрап — веревочная лестница. По ней и в тихую погоду нелегко взбираться, а в шторм и подавно. Особенно в зрелом возрасте!

Якорь. — На этом слове удивительным образом замыкается круг морского словаря, ибо якорь на голландском языке называется, произносится и пишется точно так же, как и бочонок для вина — анкер, с которого начинался этот словарь (см. анкерок).

МОРСКИЕ САПОГИ

Тридцать пять лет назад я впервые увидел Тихий океан. Матросом, кочегаром, рыбаком и ловцом морского зверя обошел я все побережье от Чукотки до Посъета, а два года спустя, молодым штурманом, в тех же краях мне пришлось водить корабли по Охотскому морю.

Много интересного повидал я за эти годы, и кое-что из того, что пришлось пережить и увидеть, я как сумел записал в своих рассказах.

Из этих рассказов в 1935 году собралась моя первая книжка — «Морские сапоги». Ее тогда охотно читали ребята.

С тех пор прошло много лет. Мои первые читатели выросли. Многие из них стали хорошими моряками.

Недавно мне в руки попала эта книжка. Я полистал ее, вспомнил, и мне подумалось, что сегодняшним ребятам тоже, наверное, интересно прочесть эти рассказы.

Правда, многое изменилось на Дальнем Востоке. Могучие промысловые и транспортные корабли под красным советским флагом бороздят сегодня воды Тихого океана. И люди там живут другие, и техника другая пришла в Приморье, и жизнь там стала другая. Но почему бы, подумалось мне, нашим ребятам не узнать о том, как тридцать лет назад жили и трудились их деды на Дальнем Востоке? Ведь эти люди из забытого, истерзанного гражданской войной и интервенцией края голыми руками создавали то, чем сегодня стал наш советский Дальний Восток.

МОРСКИЕ САПОГИ

К вечеру отец вернулся из города. Он привязал лодку, поднялся на пристань, почерневшую от времени, и, уверенно ступая, зашагал по берегу. Одной рукой он придерживал на плече весла и багор, в другой — нес большой узел, завязанный в новый пестрый платок.

— Пап, чего привез? — крикнул Гришка, выбегая навстречу.

Отец промолчал. Тогда, впереди отца, пританцовывая и оглядываясь на каждом шагу, Гришка помчался к дому.

У крыльца отец поставил весла, потопал, сбивая песчинки, прилипшие к ногам, и не спеша вошел в дверь. Потом так же неторопливо он положил узел на лавку, развязал платок, развернул

белую тряпицу, и тут Гришка, глаз не спускавший с отцовских рук, ахнул от неожиданности. Он с самого начала догадался, что ждет его знатный го-стинец, но такого подарка и он не ожидал. В свертке оказались сапоги. Да какие! Настоящие мор-ские сапоги, с высокими голенищами раструбом, с двойным носком, с толстой подметкой, подкован-ной медными гвоздями. И пахли они не кремом каким-нибудь, а настоящим дегтем. О таких сапогах Гришка мечтал давно, они ему и во сне снились. И вот теперь, когда сапоги оказались у него в руках, Гришка испугался, что будут они не впору. Уж больно маленькими, точно игрушки, показались его сапоги рядом с отцов-скими.

Наскоро поблагодарив отца, Гришка достал из своего сундучка чистые портянки, ладонями вы-тер правую ногу, умело подмотал портянку и за ушки, осторожно, натянул сапог. Он пришелся в самый раз, и у Гришки отлегло от сердца. Левый тоже оказался впору. Гришка встал, потопал, как отец,— каблуками, носками, всей ступней... Сапо-ги сидели, как заказные, и Гришке захотелось сей-час же побегать в них. Он вышел на крыльцо, про-шелся по берегу. Он нарочно ступил на груды сучь-ев, сложенных у сарая. Сучья захрустели, как сухари, а ногам хоть бы что! И галька разлетается из-под сапог во все стороны, точь-в-точь, как у от-ца, когда он ходит по отмели. Здрóрово!

Обегав все кругом, Гришка решил до конца ис-пытать обновку: он важно подтянул голенища и осторожно вошел в реку. Вода охватила ноги, будто кто сжал их холодными ладонями. Поднявшись со дна, забурлили кругом веселые пузырьки, и ни одна капля не просочилась в сапоги.

Гришке вдруг стало стыдно: в настоящих мор-ских сапогах он себя почувствовал настоящим, взрослым моряком, а взрослые никогда не ходят в воду зря, без дела. Можно, конечно, было тут же и

выйти на берег, но выходить совсем не хотелось. Тогда Гришка придумал себе дело в воде: окинув хозяйским взглядом пристань, он постоял минуту, будто задумавшись.

— Посмотреть, хорошо ли лодка привязана? — сказал он наконец и, прямо против течения, разгребая сапогами воду, зашагал к пристани.

Он доверху подтянул голенища, но возле самой лодки все равно черпнул бы сапогами, если бы не успел рыбкой навалиться на корму и задрать ноги кверху. Потом он перелез на нос, перебирая мокрую веревку, подтянул лодку к пристани и нащупал узел. Узел ему не понравился — слабо затянут. Гришка дернул за свободный конец, узел сразу распустился, веревка выхлестнулась из кольца, а Гришка поскользнулся и растянулся поперек банки. Он сразу вскочил, но течением нос лодки уже отвернуло от пристани. Гришка кинулся на корму, но и корма уже отошла далеко, а грести и цепляться было нечем.

Гришка прикинул глазом: доплыть тут не штука, лодку вот только бросить придется. Но это тоже не беда: все равно прибьет ее куда-нибудь, а не прибьет — у отца новая есть лодка, еще лучше. Уже и осмеленная, только спустить осталось. Значит, пока не поздно, нужно плыть. А то унесет на середину — оттуда и не доплывешь...

Вдруг Гришка вспомнил о сапогах. Лодку-то можно бросить, а сапоги не бросишь. И в сапогах не поплывешь — жон они какие, в палец подметки... Сразу потянут на дно, а здесь глубина от самого берега начинается... Разуться да на лодке оставить их? Но об этом Гришка даже и думать не хотел.

Так, ничего не придумав, Гришка сел на банку. А лодку тем временем вынесло поближе к середине реки, на самый фарватер и потянуло прямо вниз по течению. Шел отлив, и вода быстро скатывалась в море.

Гришка осмотрелся. Солнце уже закатилось за сопку, но было еще светло. Слева, прямо над их маленькой пристанью, высокой стеной уходил под самое небо зеленый берег. Справа, призрачный и далекий, в плотном куполе дыма кораблей и заводов, раскинулся город Николаевск. Над Амуром, гладким, как зеркало, чуть-чуть курился туман, и на всей реке, сколько хватал глаз,— ни парохода, ни катера, ни паруса...

Тут только Гришка понял, что попал в настоящую беду. Он чуть не разревелся, но вспомнил про сапоги и реветь не стал. Почему-то показалось ему, что вот-вот, само собой, придет спасение: или лодку прибьет к берегу, или на буксир подберет его кто-нибудь, или отец догонит на катере. Так или иначе — не дадут ему пропасть. А раз так, то и горевать нечего.

Забыв об опасности, Гришка стал думать о том, как осенью он придет в школу, как все будут завидовать его сапогам; потом вспомнились ребята, учителя... Свернувшись калачиком, Гришка согрелся и незаметно заснул крепким сном. Спал он долго.

А когда проснулся, уже совсем стемнело, и берегов не стало видно. Дул холодный ветер. Сердитые волны колотили и швыряли лодку. На дне появилась вода. Кругом шумело пустынное, темное море.

Спать совсем не хотелось, зато захотелось есть, так что от голода сосало под ложечкой.

Вдруг Гришке показалось, что в море блеснул огонек. Он пригляделся — над самой водой плыла навстречу желтая звезда. Потом выглянули из темноты еще две звездочки — зеленая и красная. Гришка понял: прямо на него шло самоходное судно. Он не спускал глаз с цветных огоньков. Они быстро надвигались. Сквозь шум волн, ставший уже привычным, Гришка расслышал недалекий стук машины. Еще не решив, что делать дальше, Гришка

встал во весь рост, но тут вдруг что-то тяжелое ударило в борт лодки...

Лодка крякнула и повалилась набок. Из темноты надвинулась неясная громадина. Гришка кинулся отпихивать ее руками, он закричал и тут нечаянно нащупал в темноте что-то жесткое и твердое вроде толстой холодной доски. Он ухватился за эту доску. В то же мгновение вода с шумом хлынула в лодку, лодка ушла из-под ног и пропала. А Гришка так и остался висеть. Со всех сторон его обдавали холодные брызги, он уже вымок до нитки, но не замечал ничего. Крича и болтая ногами, Гришка с каждой секундой крепче впивался руками в холодную доску, понимая, что в этом его спасение.

Вдруг откуда-то сверху упал свет. Гришка быстро огляделся и ясно увидел, что висит над водой, уцепившись за лапу якоря.

— Эй, не скули, парень, держись! — крикнул кто-то сверху.

Свет погас. Стало еще темнее.

Вот тогда Гришке сделалось страшно. Он почувствовал, как слабеют руки. Одежда отяжелела от воды. Вот-вот, казалось ему, он отпустит якорь... Он зажмурился от страха, но тут чья-то сильная рука обхватила его поперек живота.

— Хватайся за трап, дурень! — услышал Гришка тот же голос и, пошарив руками, ухватился за веревку.

Потом нащупал другую веревку, ногой поймал ступеньку и, утвердившись на веревочной лестнице, раскачиваясь и ударяясь о мокрый борт, полез кверху. Невидимые руки подхватили его под мышки и как пушинку вынесли на палубу. Вспыхнула люстра на мачте, палуба осветилась.

Какие-то люди обступили Гришку, его о чем-то спрашивали, но он с перепугу едва стоял на ногах и громко стучал зубами. Потом, подхватив под руки, его повели куда-то по мокрой палубе, и он сам

не заметил, как оказался в большой светлой каюте. Посредине каюты стоял стол, обитый белой клеенкой, вокруг стола с трех сторон — мягкие кожаные диваны. Над столом висела яркая лампа. Лампа качалась, и вся каюта тоже качалась. Гришку посадили на диван. Мутные ручейки натекли с его одежды на кожу дивана и змейками побежали по палубе. Гришке почему-то очень стыдно стало за эти ручейки. Он попробовал ладонью задержать их и оглянулся.

Напротив за столом сидел усатый старик в черном кителе с золотыми нашивками на рукавах. Он с интересом посмотрел на Гришку и строго спросил:

— Сколько было-то?

Гришка не понял.

— Сколько вас в лодке было, кто да кто, говорю? — сердито сказал старик, и Гришка совсем испугался.

— А никого, дядя, не было. Я один, — сказал он и разревелся.

— Добре, — сказал старик. — Раз один, тогда и реветь нечего. В море и так рассола хватает. А ну, раздевайся-ка, живо!

— А зачем раздеваться-то? — всхлипнул Гришка и покорно стал расстегивать рубашку.

— Драть тебя буду — вот зачем. Чтобы в море один не шлялся! — ответил сердитый старик и крикнул кому-то: — Стеганку новую принесите, поаккуратнее выберите, да поскорее!

«Стегать будет», — подумал Гришка и поежился. Он решил, что стеганка — это что-то вроде собачьей плетки, и боязливо поглядывал на дверь, ожидая, когда принесут эту плетку. Но вместо плетки принесли ватную куртку и такие же штаны.

— А ну-ка, живо скидай свою робу да одевайся в сухое. Не стану я тебя драть. Давай лучше чай пить, — сказал старик и улыбнулся одними глазами.

Гришка быстро скинул мокрую одежду, набросил куртку, не снимая сапог натянул огромные штаны. Старик сам подвернул ему рукава и усадил рядом с собой на диване. После мокрой рубахи в ватной стеганке показалось так тепло, что Гришка сразу разомлел. Как сквозь сон видел он, что дневальный принес ярко начищенный чайник, что на столе появился хлеб, сахар, брусника, соленая рыба и другая еда. Кто-то расспрашивал Гришку, как он попал в море один в такую пору. Гришка ел, пил, отвечал что-то, а потом, не вставая из-за стола, уронил голову прямо на клеенку и заснул.

Проснулся он в другой каюте, на другом диване. Над ним стоял вчерашний старик и тормозил его:

— Эй ты, заяц морской, вставать пора!

Гришка поднялся и увидел, что тут же на диване сложена его высушенная одежда. Рядом с диваном стояли и сапоги. Гришка вскочил, оделся и стал обуваться. А старик взял другой сапог и долго рассматривал его со всех сторон.

— Да, брат, сапоги у тебя важнецкие, настоящие морские,— сказал он наконец.— Ты где же такие спроворил?

— Отец подарил,— сказал Гришка и, вспомнив отца, спросил растерянно: — А как же он-то теперь, без меня-то?

— Без тебя-то? — удивился старик.— А очень просто: никуда он без тебя-то не денется. Адрес свой знаешь? Ну и молодец. Сейчас дадим ему радио: так, мол, и так, жив-здоров, пионерский привет и прочее, тому подобное. Не скучайте, мол, ждите... Ты у нас пока поплаваешь, ума понаберешься. А сапоги береги, другие такие не скоро заведешь. Да нос вытри. Ясно?

— Ясно,— пробасил Гришка и вытер нос ладонью.

— А раз ясно, тогда пойдем чай пить. Умывайся давай, да пошли.

Пока шли в столовую, Гришка узнал, что старик этот — капитан, и еще больше стал гордиться своими сапогами.

«Раз уж сам капитан хвалит, значит, правда хороши сапоги», — решил он и к столу сел так, чтобы каждый, кто войдет, видел его ноги. И каждый, кто входил, непременно замечал Гришкины сапоги и каждый говорил что-нибудь вроде того, что, мол, вот смотрите, у парня сапоги-то какие.

Напившись сладкого чаю с брусникой, Гришка вышел на палубу и тут встретился с боцманом. Это был ладный парень, худощавый, но крепкий в плечах, с розовым, будто ошпаренным лицом, с острым носиком, задорно глядевшим кверху, с маленькими веселыми голубыми глазами.

— Что, герой, поденно палубу топчешь? — нанизывая на «о», засмеялся боцман. — Ну отдохни, пойдем, я тебе якорь покажу. Не снял бы я тебя вчера с якоря, ты бы небось и сейчас купался.

Гришка перегнулся через борт и глянул вниз: вода с разбегу ударяла в нос судна и вздымалась двумя прозрачными, как стекло, зелеными крыльями. На самом верху эти крылья загибались, рассыпались белыми брызгами, и брызги косым дождем неслись вдоль бортов. Гришка подобрал на палубе щепочку и бросил туда, вниз. Щепочку подхватило сразу; она закрутилась и пропала.

Гришка вспомнил, как висел там на лапе якоря, поежился и с уважением посмотрел на боцмана.

«Вон какой храбрый, — подумал он, — не испугался. А вдруг бы лестница оборвалась или нога поскользнулась?»

Потом Гришка побывал на мостике и в машине. Он заглянул в камбуз, посидел у радиста, зашел к врачу и часам к одиннадцати успел со всеми перезнакомиться и осмотреть все судно. Как раз к этому времени машина замолчала, и капитан приказал отдавать якорь. А когда судно встало и развер-

нулось носом на волну, моряки все вместе дружно взялись спускать на воду большой моторный катер. Туда, на катер, опустили веревки, инструменты, какие-то бревна и доски, покрашенные в красный и белый цвет. Потом оделись в брезентовые костюмы, натянули резиновые сапоги и один за другим прыгнули в катер.

А Гришка стоял у борта, смотрел на них и завидовал. И, когда уже завели мотор и когда уже распрощались, пожелав друг другу успеха, капитан вдруг крикнул с мостика:

— Эй, на катере, зайца-то нашего прихватили бы. Пусть покатается!

— Ну давай, Егор, не задерживай! — крикнул боцман, и Гришка, перемахнув через борт, прыгнул вниз, прямо на руки подхвативших его моряков.

Потом катер отвалил и быстро пошел к берегу.

Берег тут был скалистый. Он серой стеной поднимался прямо из воды, и казалось, что влезть на эту стену невозможно. Но моряки у самого берега прыгнули прямо в воду, и один за другим, помогая друг другу, стали карабкаться на скалу.

Груз тоже сбросили прямо в воду. С ним оставили двух матросов, а катер отвели на глубокое место и поставили на якорь.

На катере только трое остались: Гришка, механик и третий помощник капитана. Они смотрели, как моряки преодолевают скалу. Видно было, что это нелегко.

Наконец там, на скале, выбрались на вершину, сбросили веревки и стали поднимать туда доски и инструменты. Потом там же, на скале, стали собирать из досок огромный полосатый треугольник. А когда собрали и сколотили, поставили его стоймя и начали укреплять на самом краю обрыва так, чтобы его хорошо было видно с моря.

Такие полосатые треугольники Гришка и прежде не раз видел на сопках по берегам Амура, но он

не знал, зачем они там стоят. А тут ему рассказали, что по таким щитам моряки находят дорогу. Называются эти щиты «створами», а их судно специально ходит вдоль берегов, чинит старые и где нужно ставит новые створы.

Гришка не отрываясь смотрел на скалу. Матросы с катера казались совсем маленькими, как мухи, а скала — гладкой, и Гришка удивлялся, как это они там держатся, наверху.

А помощник капитана, вместо того чтобы смотреть на храбрых товарищей, лег на палубу, накрыл лицо фуражкой и сразу захрапел. Ему не впервой была установка створов, а с четырех часов утра он стоял на вахте.

Скоро и механику надоело задирать кверху голову. Он достал бидон из кормового ларя и стал подливать бензин в бак. А Гришка держал воронку и смотрел, как бензин пузырится и пропадает в баке.

Вдруг Гришке послышалось, что кто-то крикнул. Он обернулся.

Сверху со скалы матросы смотрели вниз, а под

скалой наполовину в воде лежал человек. Двое матросов, оставшихся внизу, спешили к нему.

— Эй, на катере! Давай сюда, живо! Боцман сорвался! — крикнул один из них.

Механик бросился будить помощника капитана.

— Беда, Володя! — сказал он. — Савельев сорвался. Надо бы его на судно скорее.

Помощник капитана открыл глаза и сразу вскочил на ноги.

— Заводи! — крикнул он, и механик кинулся к мотору. Он хотел завинтить пробку бака, но второпях уронил кожаную прокладку от пробки.

Она покатилась по палубе, шлепнулась в воду и утонула. На этом катере как у примуса был устроен бак: если не закроешь его накрепко пробкой — бензин не пойдет куда нужно, и мотор работать не будет и не заведется даже. А без прокладки, как ни крути пробку плотно, все равно не закроешь бак.

Механик растерянно шарил глазами по всему катеру: искал, из чего бы сделать прокладку, да так, видно, и не нашел ничего подходящего. А с берега торопили, махали руками, кричали, что боцману плохо, кровью истекает человек.

Механик схватился было за пояс, но пояс оказался чуть-чуть поуже, чем надо. Тогда механик плюнул на палубу, посмотрел за борт, на то место, где утонула прокладка, и безнадежно развел руками.

— Ведь вот глупость какая, — сказал он в сердцах, — из-за такой ерунды человек пропадает!

Тут Гришка тронул механика за руку.

— Дядя, а какой ерунды надо-то? — спросил он.

— Кожи мне надо, а не ерунды! — огрызнулся механик и еще раз безнадежно окинул глазами весь катер.

— Дядя, а моя кожа не годится? — не унимался Гришка.

Он и в самом деле готов был свою кожу отдать, только бы спасти веселого боцмана.

— Отстал бы ты, парень, без тебя тошно! — беззлобно ответил механик.

С берега продолжали кричать и махать руками. А катер по-прежнему покачивался на волнах, и хотя помощник капитана давно уже стоял у руля и посматривал на берег, но и он не знал, что делать.

— Дядя, а мои сапоги? — сказал Гришка.

— Дело! — крикнул механик и, выхватив из кармана складной нож, бросился перед Гришкой на колени и тут же прямо на ноге у Гришки располосовал новенькое голенище и принялся вырезать прокладку.

Помощник капитана поднял якорь, и вскоре катер полным ходом понесся к берегу.

Боцмана бережно положили на палубу. Лицо у него было белое, как мокрая булка, глаза не смотрели, из раны на затылке не унимаясь бежала кровь.

На судне врач зашил эту рану. Боцман порозовел, его голубые глаза открылись, он улыбнулся.

А Гришка босиком топтал палубу и ничуть не жалел своего сапога. Одного он немножко боялся — как бы дома не досталось за то, что он не уберег отцовский подарок.

ЗОЛОТОЙ ЗУБ

В прошлом году, только успел Гаврил Иванович Малыгин вернуться с промысла домой, в Архангельск, вызвали его в контору.

Гаврил Иванович пошел, размышляя о том, зачем понадобился он начальству, но так ничего придумать и не смог. А в конторе начальник сперва

вежливо поздоровался с ним, потом стал расспрашивать о промысле, о здоровье, о внуках, а потом вдруг и говорит:

— Ну, вот что, Гаврил Иванович, давай-ка собирайся.

— Это куда же собираться-то мне? — удивился Гаврил Иванович. — Я и так только с моря.

— На Дальний Восток поедешь.

— Эва куда! А чего я там делать буду, на Дальнем-то Востоке?

— Заводят там зверобойный промысел. А специалистов по зверю не хватает. Мы тут посоветовались и решили тебя послать. Можешь поехать?

— Поехать-то хоть куда я могу, — сказал Гаврил Иванович. — Только не подходящее это дело. Ну какой я, к примеру, специалист? Я, батюшка мой, боцман и никакого другого дела не знаю. Да и зверя, я слышал, бьют там не по-нашему. Там, говорят, на тюленя с берега выходят, а где с берега, там, я думаю, боцман ни к чему. А поехать — почему не поехать? Если для дела, я хоть куда могу.

— Вот в том и вопрос, — отвечает начальник, — что заводят там ботовый промысел. Боты уже отправили, скоро они на место прибудут, и зверя там вдоволь, а людей знающих нет. Боцманом на бот поедешь?

— А почему не поехать? Если боцманом, можно поехать. Мне в тех краях давно побывать хотелось. Уж больно мне любопытно на котика и на морского льва посмотреть. Зверь, говорят, занятый, а у нас тут не водится...

Вот так и случилось, что приехал Гаврил Иванович во Владивосток. Приехал и прямо с поезда — даже город не посмотрел — отправился на свой бот.

Новый бот ему очень понравился: чистенький, прочный, красивый и название неплохое: «Удар».

На «Ударе» стояли две мачты с парусами и двигатель в восемьдесят лошадиных сил. Небольшая машина, ну да и сам бот невелик. Зато был он построен так, что ему никакие льды не опасны. Если даже льдины прихватают и зажмут судно со всех сторон, все равно его не раздавит, а только выжмет на лед.

На таком боте не страшно идти в ледовое море. Но Гаврил Иванович с первого же дня, как пришел на судно, стал все щупать, пробовал, крепко ли, нет ли где гнили и слабины. Старый моряк знал, что лучше на берегу все проверить, а потом уж и плавать спокойно. «Удар» отправлялся не на прогулку, а в ледовое плавание на два месяца. За такой срок в море все может случиться.

На первый раз дали «Удару» задание: добыть две тысячи голов зверя — все равно какого, хоть нерпы, хоть лахтака, хоть сивуча. Задание не очень большое, но, чтобы его выполнить, нужно знать места, где искать зверя. Ведь и в море зверь не везде живет. В одном месте густо, а в другом, как говорится, — пусто. И вот, чтобы зря по морю не бродить, не тратить время на поиски, взяли на бот двух научных сотрудников.

Один из них, комсомолец Петя Никулин, прежде сам плавал матросом. Он вдоль и поперек прошел все Охотское море, все берега облазил и на самолете не раз летал надо льдами и над островами. Он не первый год занимался своим делом и составил целый альбом с картами. На этих картах было помечено, где какой зверь лежит, где пасется, в какое время куда плывет.

Гаврил Иванович познакомился с Петей, заглянул в его альбом и сразу решил, что Петя — парень толковый, от такого большая помощь охотникам. И на вид он понравился боцману: высокий, курносый и ходил, как все на «Ударе», в ватной стеганой куртке, в таких же штанах и в сапогах с высокими голенищами.

А другой, Виктор Васильевич Хомяков, оказался хитрым бездельником. О морском звере знал он меньше любого матроса, но делал вид, будто только он один в этом деле и понимает. А держался так уверенно, что ему поверили и назначили в рейс.

На судно пришел он в модном пиджачке, в лакированных полуботинках, с плащом, перекинутым через руку. Он представился капитану, на других даже и не посмотрел и первым делом спросил, где его каюта и скоро ли обед.

Гаврил Иванович услышал это, посмотрел на Хомякова и покачал головой.

— Вот это работничек, — сказал он капитану. — Идет на зверобойку, а вырядился, как на бал. Про дело ничего не спросил, а насчет койки сразу побеспокоился.

— Полно, Гаврил Иванович, — возразил капитан. — По одежке-то не встречай человека. Он, я слышал, парень знающий.

— Ну, да ведь я ничего, — сказал боцман, — встретить-то всякого можно. Как вот провожать будем?

— Поживем — увидим, — согласился капитан. — Давай, Гаврил Иванович, людей по местам. Будем отходить.

Боцман засвистел в свисток. Матросы забежали по палубе, а полчаса спустя «Удар» уже вышел из залива и взял курс на Охотское море.

«Удар» шел на север, и, хоть шел он открытым морем, с каждым днем все менялось кругом. Похолодала погода, вода стала темно-зеленой, потом кое-где появились редкие льдинки, потом пошел частый лед. Он весело сверкал на солнце и с хрустом ломался, ударяя в борта.

Гаврил Иванович забрался на мачту и огляделся кругом. Оттуда, с мачты, казалось, будто кто-то разбросал клочки бумаги на зеленом столе. Но сколько ни смотрел Гаврил Иванович, ни на льдах, ни в воде не заметил он ни моржа, ни тюленя.

— Ничего, Гаврил Иванович,— сказа́л Петя, когда боцман спустился,— завтра встретим зверя. Готовь винтовки.

Боцман послал двух матросов в трюм. Они принесли целый ящик старых австрийских винтовок, распаковали и поставили на палубе. Эти винтовки заряжаются сразу на десять зарядов и стреляют толстенными пулями в медных оболочках. Боцман обтер винтовку, осмотрел, прикинул на руке, прицелился.

— Ничего винтовка, прикладистая,— сказал он,— для промысла в самый раз. Только метко ли бьет? Лежали-то они сколько? Так, может, мушки посбиты или прицелы. А на зверя оружие нужно, чтобы без промаха било. Пристрелять придется.

Он пристроил к передним вантам лист фанеры, приколот к нему бумажную мишеньку, а с кормы, с другого борта, стал стрелять. Так он отобрал исправные винтовки, а потом каждый выбрал себе оружие по руке и по глазу. Винтовки прочистили, смазали, разобрали патроны. Запаслись ножами и баграми. К вечеру всё подготовили, можно бы и начинать промысел, только зверя по-прежнему не было.

А утром, едва рассвело, всюду на льдинах показались тюлени.

Хомяков поднялся на мостик, посмотрел направо, посмотрел налево.

— Ну вот, я же говорил, что нынче зверя встретим,— сказал он капитану и отправился завтракать.

А Петя Никулин стоял рядом с боцманом на палубе и разглядывал зверя в бинокль.

— Ну как, Гаврил Иванович,— спросил он,— нравится наш зверь?

— Так что ж, зверь как зверь, обыкновенный,— ответил Гаврил Иванович,— будкий, похоже, а так ничего, гладкий зверь.

Зверь и в самом деле оказался будкий. Как

только раздался первый выстрел, все нерпы на милю кругом скользнули со льдин на воду и, высунув круглые головы, смотрели умными глазами на охотников. А на воде нерпу нельзя бить, потому что она сразу тонет.

Гаврил Иванович посмотрел на такую охоту и загрустил о родных северных морях.

— Это, Петя, разве промысел: в час по штуке? — жаловался он. — Вот ты к нам приезжай. Там у нас на льдах зверь лежит спокойный. За день такая, как наша, артель по тысяче промысляет и больше...

— Подожди, Гаврил Иванович, — утешал боцмана Петя, — вот найдем залежку, увидишь, что и тут зверя хватает. Недаром же наше море Охотским зовется.

Но пока что дело шло совсем плохо. За два дня набили с полсотни нерпы, и капитан забеспокоился: приближалось осеннее время, штормы, туманы, а в шторм да в туман какая уж там охота! Тут гляди в оба: как бы на мель или на скалы не выскочить.

Нужно было торопиться, и капитан решил созвать совещание.

Когда Пете дали слово, он полистал свой альбом и сказал просто:

— Раз такое дело, сейчас нужно к Шантарам идти. Там сивуч на островах густо лежит, и я так думаю, что там мы за неделю план выполним.

Хомяков молчал, слушал, что другие говорят, а когда ему дали слово, важно прокашлялся и произнес значительно:

— Учитывая сложившуюся на данном этапе промысловой кампании обстановку, я считаю, что в настоящий момент следует перенести активные действия в район архипелага Шантарских островов. В указанном районе я надеюсь обнаружить на осенних залежках столь значительные скопления ластоногих, в частности сивуча, что можно предпо-

ложительно рассчитывать на ежедневное выполнение до четырнадцати-пятнадцати процентов плана.

Многим показалось, что речь Хомякова самая умная. А боцман толкнул в бок соседа и, улыбнувшись, сказал шепотом:

— Вот мастер языком молотъ. Ведь слово в слово что и Петя сказал, только длинно, мудрено и непонятно.

В общем, так и решили: идти к Шантарам. Проложили новый курс на карте и под утро вышли к острову Сахарная Голова. Этот остров торчит из воды, как колокольня, а вершина у него больше полгода покрыта снежной шапкой. На этом острове осенью живут сивучи.

Гаврил Иванович был очень доволен таким решением. Он давно мечтал поохотиться на морских львов, и теперь его старая мечта должна была сбыться. Он еще до рассвета вышел на палубу и глаз не спускал с моря: все глядел, не откроется ли впереди остров. Но тут, как назло, едва рассвело, упал на море густой туман и не то что остров на горизонте, а верхушку мачты и ту не стало видно.

«Удар» встал на якорь. Люди разошлись по каютам, а боцман все ходил по палубе, смотрел, слушал: не потянет ли ветерок, не разгонит ли белые клочья тумана.

Вдруг он поднял голову, понюхал воздух и пошел к капитану.

— Похоже, у нас с наветра много зверя лежит,— сказал он.

— А ты почему знаешь, что с наветра и что много?

— Ветром дух несет, сильно моржом пахнет,— сказал боцман.

— Вон что,— улыбнулся капитан,— ну, однако, пойдём поглядим, понюхаем.

Он надел меховую куртку, теплую шапку и вышел на мостик.

— Молодец ты, Гаврил Иванович. Моржом не моржом, а зверем действительно пахнет,— согласился капитан и велел поднимать якорь.

Самым малым ходом, чтобы в тумане не налететь на мель, «Удар» пошел против ветра. Прошли так час.

Вдруг посильнее потянул ветер с берега, и все на судне сразу услышали далекий крик, лай, вой, писк и визг. Точно тысяча собак затеяли драку. Потом сквозь эти звуки слышали шум прибоя впереди и опять бросили якорь.

И, хоть рядом был зверь, и много зверя,— все равно нельзя было начинать промысел, потому что туман стал еще гуще. Так заволокло, что вытянешь руку и пальцы не увидишь.

Простояли до утра. А утром туман разнесло, и открылся совсем рядом остров Сахарная Голова.

Внизу вокруг острова и на его склонах башнями торчали высокие острые скалы, а у самой воды расстился узкий каменистый пляж. И на пляже и на скалах — сюда виднелись сивучи. Тут их сотни были, а может быть, и тысячи.

Гаврил Иванович в бинокль рассматривал морских львов, то и дело покачивая головой. Он и вырос и состарился на зверобойке, а таких зверей еще не видывал. Они были коричневые, величиной с корову, а по виду вроде тюленя, только с ушами и с гривами.

Тюлень на льдину с трудом влезает. А эти на самые вершины скал забирались да еще и дрались там. Они налетали друг на друга, кусались, били

один другого здоровенными лапами. А внизу, на пляже, ползали потихоньку маленькие сивучата. При этом все они, и маленькие и большие, ревели на разные голоса.

С «Удара» спустили четыре шлюпки и моторный катер. Разобрали винтовки, багры, крючья. Мотор не стали заводить и на веслах подошли к берегу. Катер поставили на якорь, шлюпки вытащили на пляж, чтобы их не унесло, и широкой цепью раскинулись по краю острова.

А сивучи сперва и внимания не обращали на охотников. Только маленькие сивучата, извиваясь, как ящерицы, поползли к воде.

Но, как только раздались первые выстрелы, огромные сивучи стали прыгать со скал прямо вниз, и казалось, что они тут же и разобьются об острые камни. Но они как ни в чем не бывало, словно мячики, высоко подпрыгивали на своих лапах, снова падали на камни и торопливо ползли к морю. И так страшно скалили они свои огромные белые зубы и так грозно ревели, что молодые матросы дрогнули и стали отступать к лодкам.

— Эй ты, герой! — покрикивал Гаврил Иванович, хватая за рукав то того, то другого. — Не бойся, не съест тебя зверь, только сам ему в пасть не лезь. Ты не смотри, что он страшный. Винтовка-то тебе на что дана? — И, почти не целясь, он тут же посылал пулю в голову огромному зверю.

Меньше чем за час сотни туш уже лежали на берегу.

— Амба! — крикнул Гаврил Иванович и замал над головой винтовкой.

Выстрелы сразу замолчали. Катер подошел к берегу, с палубы подали длинный буксир и катером принялись стаскивать туши в воду. В воде их счалили, подцепили под корму и не спеша повели к борту «Удара».

С воды на длинной стреле поднимали зверя на палубу и скоро столько навалили, что и пройти

стало негде. А когда всю добычу подняли на борт, Гаврил Иванович взял большой нож и стал учить молодых матросов снимать шкуры с убитого зверя.

Он подвешивал сивуча за задние лапы, сверху донизу посреди брюха распарывал шкуру острым, как бритва, ножом и приговаривал с усмешкой:

— Вот мы тебе шубу-то расстегнем. У тебя теперь шуба-то не по времени. Дай-кась я тебе, барин, раздеться помогу!

С этими словами он запускал руку в прорез и подрезал изнутри толстое сало. Так он снимал всю шкуру, укладывал в трюм шерстью вниз, а сверху маленькой лопаточкой круто засыпал солью.

До поздней ночи шла работа на «Ударе», но все равно всю добычу не убрали, отложили на завтра и разошлись спать. Один Петя Никулин остался на палубе. Он измерял туши рулеткой, взвешивал их, рассматривал внутренности и все, что замечал, записывал в толстую тетрадку. А Хомяков только раз вышел из каюты, потянулся, покурил и сказал Пете:

— Я прошу вас, товарищ Никулин, повнимательнее относиться к работе.

Утром снова отправились на охоту, и на судне осталось только четыре человека. Капитан остался на случай, если поднимется шторм, чтобы было кому управиться с судном. Боцман — сдирать шкуры: он делал это скорее и лучше всех. Повар — чтобы приготовить обед охотникам. А Хомяков остался просто так. Ему лень было вставать с койки.

Гаврил Иванович ловко обдирал зверя и потихоньку мурлыкал песенку. Морские львы ему очень нравились. Они были большие, как моржи, и безобидные, как тюлени. Лучше зверя для промысла и не придумаешь.

Работал Гаврил Иванович не торопясь, рассматривал сивучей. Заглянул он к ним и в желудки — поинтересовался, чем сивучи питаются. Там нашел

Как только раздались первые выстрелы, огромные сивучи стали прыгать со скал.

и морские ракушки, раздавленные могучими зубами, рыбёшек и почти у всех — крупные камни-голыши.

Гаврил Иванович повертел камни в руках, осмотрел со всех сторон и пошел к Хомякову в каюту.

— Виктор Васильевич,— сказал он,— объясните мне, пожалуйста, зачем сивучи камни глотают.

Сивуч глотает камни, чтобы лучше, устойчивее держаться на воде. Этого боцман не знал, и Хомяков тоже не знал, но он и виду не подал.

— Это, боцман, не ваше дело,— сказал он строго.— Ваше дело шкуры обдирать, вот вы этим и занимаетесь. И мне не мешайте. Ясно?

— Ясно! — обиделся боцман и вернулся на палубу. А про себя решил: «Мне-то ясно, а тебе-то, лодырю, ничего не ясно. Ну подожди же ты, проучу я тебя при случае...»

И тут вдруг заметил боцман, что во рту у одного сивуча что-то блеснуло.

Гаврил Иванович внимательно осмотрел зверя, содрал с него шкуру, а тушу повесил на мачте.

А когда капитан вышел на мостик посмотреть, как идет охота, Гаврил Иванович окликнул его:

— Товарищ капитан, вот полюбуйте-ка извольте. Я сорок лет на зверобойке, а таких зверей не видывал и не слыхивал.

— А что такое, Гаврил Иванович,— откликнулся капитан,— чем тебе зверь не понравился?

— Почему не понравился? Мне понравился, только вот зуб у него золотой.

— Полно врать-то, Гаврил Иванович,— сказал капитан, но все-таки спустился с мостика и заглянул в пасть убитому зверю. Там и в самом деле блеснул золотой зуб.

Капитан потрогал его пальцем, попробовал покачать и рассмеялся.

— А ты, я вижу, шутник, Гаврил Иванович.

— Шутка шуткой,— сказал боцман,— а нужно бы, я думаю, Хомякову-то показать. Ведь все-таки редкость, не каждый день такое увидишь.

Тут как раз и Хомяков вышел на палубу.

— Что случилось? — спрашивает.

— Да вот,— сказал боцман,— зверь тут попался необыкновенный. С золотым зубом во рту.

Хомяков решил сперва, что боцман просто смеется над ним. Он раздулся, как индюк, ничего не сказал и хотел было уйти, но боцман успел подмигнуть капитану и тот вмешался.

— Правда, Виктор Васильевич, взглянули бы,— сказал он серьезно.

Хомяков подошел, заглянул зверю в пасть, ковырнул зуб ножом — думал, вывалится. Но зуб сидел прочно, как влитой, и блестел золотом. Тут Хомяков растерялся. Что сказать, он не знал и промолчать боялся. Чтобы замять разговор, он напустился на боцмана.

— А зачем же вы ободрали его? — спросил он строго.

— А что же, мне его целиком, что ли, солить?

— Нет, зачем целиком? Нужно было обмерить его внимательно, сфотографировать, описать, а тогда уже и шкуру снимать для чучела. Такого зверя в музей доставить нужно. Вы же понимаете, что случай необычный, крайне интересный.— И пошел, и пошел. А когда наговорился вдоволь, сказал, что необходимо составить акт.

— Ну что ж, составьте, — согласился капитан.— Все трое и подпишем.

Хомяков пошел к себе в каюту и скоро вынес готовую бумагу. Он написал, что такого-то числа на острове Сахарная Голова с бота «Удар» добыли сивуча, у которого в нижней челюсти обнаружен золотой зуб. А боцман Г. И. Малыгин по небрежности снял шкуру с этого зверя и засолил вместе с другими.

Потом он сам подписал акт и дал подписать ка-

питану. Тот подписал, даже и не поморщился, а боцман достал очки, долго их протирал, потом два раза вслух прочитал акт, снял шапку, почесал в затылке...

— Да,— сказал он,— неважное дело-то получается. Не знаю, как и руку свою тут ставить. Вроде ведь себе приговор. Ну, да ведь от своей вины все равно не уйдешь, давайте уж подпишу.— И, взяв ручку, он расписался под актом.

Вечером охотники вернулись с промысла, и Хомяков показал акт Пете Никулину.

Тот прочитал, ничего не понял, еще раз прочитал и спросил:

— Это что, в стенгазету, в отдел юмора, что ли? Так, по-моему, совсем и не смешно.

— При чем тут юмор,— строго возразил Хомяков,— пойдите посмотрите сами.

Петя отправился к боцману. Тот показал ему челюсть, которую успел вырезать у необыкновенного зверя. В ней не хватало одного зуба, а на его месте торчала сплюснутая толстая пуля в медной оболочке. Она прошла через черепную кость зверя, отшлифовалась до золотого блеска, вышибла зуб и прочно встала на его место.

— А ведь прав ты был, Гаврил Иванович,— сказал капитан в тот же вечер.— Хомяков-то наш специалист языком болтать, а в деле ничего не понимает.

Когда весть обо всей этой истории разнеслась по судну, Хомякова подняли на смех. Матросы один за другим стучали в его каюту, а когда он откликался, кричали на весь коридор.

— Товарищ Хомяков, — спрашивал один, — можно мне зверя обдирать? У него задние лапы подкованы.

— Виктор Васильевич, — говорил другой, — там зверя убили. На груди у него значок ГТО. Зверь ничего, здоровый, видать, все нормы сдал. Может, вам его в каюту принести?

— Товарищ ученый, — надоедал третий, — может, выйдете акт составить? Зверь попался очень чудной: щеки бритые, на брюхе ремень с медной пряжкой, а шкура на застежке.

Хомяков только огрызался, а потом и отвечать перестал.

В три дня «Удар» набил полные трюмы. Капитан повел судно домой. Боцман сидел на палубе, плел веревочный ковер и был очень доволен.

— Эх, хомяк, хомяк, попал ты старику на зуб! — смеялся Гаврил Иванович.

Когда «Удар» пришел во Владивосток, Хомяков, ни с кем не попрощавшись, ушел с судна, и на «Ударе» его больше не видели.

А челюсть с золотым зубом Гаврил Иванович подарил мне на память. Она и сейчас лежит у меня на столе, только зуб почернел.

ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Это случилось шестого ноября, как раз накануне праздника. Весь день мы носились по океану, безуспешно гоняясь за китами, а когда стемнело, все свободные от вахты собрались в маленькой кают-компании китобойца «Партизан».

Ветер еще днем стал крепчать, медленно прибавляя в силе, а когда стемнело, точно с цепи сорвался — разыгрался жестокий шторм. С ревом, обгоняя друг друга, катились по морю темные холодные валы, украшенные белыми гривами. Наше маленькое суденышко то взлетало на самую вершину пенного гребня, то проваливалось в яму между волнами, тяжело ударяясь днищем о черную воду.

Но мы давно привыкли к штормам и меньше всего в тот вечер думали о погоде.

Кают-компания на «Партизане» уютная. Под мягкими диванами по-домашнему, как самовар, шипело паровое отопление. Из-под красивого абажура падал электрический свет. А то, что кружки приходилось держать в руках, чтобы чай не расплескался, — это не беда. Ведь были мы все-таки не дома, не на берегу, а в открытом океане, в позднее штормовое время.

Обычно, собравшись вот так, за чаем, мы разговаривали кто о чем и, бывало, подолгу засиживались за этими разговорами. Но в тот раз нам не до разговоров было. Нам предстояло сделать важное дело.

Весной, выходя на промысел к берегам Камчатки, мы приняли обязательство добыть шестьдесят китов. Работать пришлось тяжело: с весны штормовая погода мешала промыслу, потом наступила небывалая для тех мест жара, и киты ушли на север. Но все-таки за восемь месяцев нам удалось загарпунить шестьдесят три кита. Мы, понятно, очень гордились своим успехом и к празднику

решили всей командой послать во Владивосток рапорт о нашей победе.

Уже готова была радиограмма. Передавая из рук в руки капитанскую авторучку, мы уже ставили под рапортом свои подписи, но тут наш гарпунер Кнут Иоганович Нордендаль, или просто Кнут Иванович, как мы его называли, потребовал дописать, что он объявил себя ударником.

В таком деле отказать Нордендалю было никак невозможно, и пришлось весь рапорт переписывать заново.

В тот год советские китобои первый раз промыслили в Тихом океане. Дело было новое, неизвестное. Опыта у нас не хватало, и на каждом китобойном судне вместе с советскими моряками плавали иностранные специалисты — инструкторы. Одним из них и был Кнут Иванович — немолодой уже норвежец. Он семнадцатый сезон плавал гарпунером. Служил он на норвежских и на голландских судах, командовал китобойцем в немецкой флотилии и с англичанами плавал. Говорил Кнут Иванович на шести языках и столько всего насмотрелся за свою жизнь, что его трудно было чем-нибудь удивить.

Он и у нас на «Партизане» сперва ничему не удивлялся. Кое-как говорить по-русски он выучился еще в порту, пока мы готовились к промыслу. В первые дни, когда вышли в море, в наши разговоры он не вмешивался, только подгонял нас в работе да поругивал за то, что мы не очень скоро и не очень умело выполняли его приказания.

Впрочем, каждый раз, погорячившись, он тут же принимался извиняться и даже острил как умел.

— Кнут есть кнут, — говорил он добродушно, — кнут должен мало-мало стегать тот, кто ленивый.

Но скоро ему и ругать нас стало не за что: народ на китобойцах плавал молодой, смысленый,

и месяца не прошло, мы к работе привыкли и гарпунара научились понимать с полуслова.

А вот он нас понимать научился не скоро. Да и трудно было ему понять советских людей.

С первых же дней промысла началось соревнование между китобойцами: кто больше китов забьет за сезон. Это Кнут Иванович по-своему понял сразу.

— Да-да,— сказал он,— кто больше забьет. Это как футбол. Сорено-ваня — это тоже кнут: стегать ленивых. Так? Это хорошо!

Но когда, услышав об успехах других китобойцев, мы радовались их победам,— этого он никак не мог понять.

— Мы забили больше — мы рады, мы кричим: «Ура!» Это я понимаю,— говорил он.— Они забили больше, мы позади. Деньги им, слава им, красивый флаг — им. А мы кричим: «Ура!» Это я не понимаю.

Но к концу сезона он и это научился понимать и в тот вечер потребовал записать в рапорте свои обязательства: весь свой опыт передать молодым советским морякам и не упускать ни одной возможности увеличения добычи.

Вот из-за этого и пришлось переписывать рапорт.

Второй помощник капитана принес чистый лист бумаги, старательно вытер стол ладонью, ладонь вытер о штаны и только собрался писать — тяжелая железная дверь, выходявшая прямо на палубу, приоткрылась, и вместе с влажным ветром протиснулся в щель радист.

Он через стол протянул капитану исписанный бланк и сказал взволнованным голосом:

— Михаил Михалыч, SOS от шхуны «Крестьянка». Прочтите-ка!

Капитан встал, выплеснул чай прямо на палубу, повесил кружку на один из крючков, ввинченных в потолок, и вслух прочитал радиogramму:

— «SOS, шхуна «Крестьянка», нужна немедленная помощь. Всем судам в районе Берингова моря. 6 ноября 22 часа 15 минут местного времени. 61 градус 30 минут северной широты, 175 градусов 15 минут восточной долготы. От сильных размахов бортовой качки переместился груз в трюмах. Вода не откачивается, машина не работает, руль заклинило. Капитан Козлов».

Мы все знали капитана Козлова и шхуну «Крестьянка» знали. Мы не раз встречали ее в плаваниях и в порту и теперь представили ее себе, маленькую и беспомощную, во власти разгулявшегося шторма.

Сразу стало холодно и неуютно, точно вместе с телеграммой ворвалась в кают-компанию буря. Все так же шипело отопление под диванами, но уже не песенка самовара слышалась нам в этом звуке, а злобный свист холодного ветра.

— Наладьте со шхуной прочную связь,— сказал капитан.— Сообщите, что мы идем на помощь. Боцман, готовьте спасательные средства и шлюпки. Команде надеть штормовое и всем наверх. Общее руководство за мной. Всё!

Секунду спустя порожние кружки уже качались над опустевшим столом, а мы по своим каютам натягивали поверх ватных костюмов непромокаемые штаны и пиджаки, шапки-зюйдвестки и рукавицы.

Боцман зажег полный свет над палубой. Ползая на четвереньках, чтобы не смыло волной, матросы доставали стальные канаты, багры, спасательные пояса. Другие снимали чехлы со шлюпок, проверяли там весла и аварийный запас. В полчаса все было готово.

А капитан вместе с Нордендалем тем временем поднялись в рубку, развернули карту и отыскивали место, где в это время находилась «Крестьянка». Капитан обвел это место четким маленьким кружочком и вышел на мостик. Там, поглядывая то

и дело на светящуюся картушку компаса, стоял рулевой.

Капитан громко назвал новый курс. Рулевой, быстро перебирая спицы, закрутил штурвал. «Партизан» повернул круто вправо, и сейчас же волны и ветер обрушились на него сзади, словно не хотели пустить нас на помощь погибавшей в океане шхуне.

Чтобы свет не мешал глядеть вдаль, капитан приказал погасить все огни на палубе. После яркого света сразу стало так темно, будто судно нырнуло в воду. Но скоро глаза привыкли к темноте и стали различать белые гребни, с шумом бежавшие нам вдогонку.

Так прошли мы часа полтора. Потом далеко-далеко за кормой чуть посветлел горизонт. Мутная полоска рассвета с каждой минутой шире и ярче растекалась по небу. Потом небо позеленело, стали видны волны, потом огненным столбом брызнул в небо ослепительно яркий солнечный луч, и стало совсем светло.

И, словно чудом, вместе с темнотой пропал ветер. Он затих сразу, будто ему надоело играть с волнами. Серые водяные горы все еще толпились вокруг, но они стали вдруг бессильными и вялыми. Они еще раскачивали наш маленький кораблик, но уже чувствовалось, что это последние удары шторма.

Мы во все глаза смотрели по сторонам. «Крестьянки» нигде не было видно. Но радист все время держал с ней связь и уверял, что она недалеко. Тогда наш гарпунер-ударник решил забраться на мачту и посмотреть, нет ли где поблизости затерявшейся шхуны.

Кнут Иванович весил без малого сто килограммов. Он был толстый, как бочка. Но он очень ловко лазал по мачтам, по трапам и по канатам и скорее всех нас умел находить в море фонтаны китов.

Когда кит всплывает подышать, он с такой силой выдыхает воздух, что вода могучим фонтаном поднимается на несколько метров вверх. Не будь этих фонтанов — кита и за сотню метров трудно было бы заметить. А по фонтанам китобой еще издали сразу замечают кита и быстро настигают его в море.

Для китов эти фонтаны — самое большое несчастье. Зато для нас — это большое удобство: иначе не имели бы мы тысяч тонн превосходного жира, вкусного мяса и многих других продуктов, которые почти задаром дают нам киты. Ведь китов ни кормить, ни пасти не нужно. Они сами пасутся и кормятся в океанах, да еще сигналият своими фонтанами: «Эй, китобой! Вот я где!»

Кнут Иванович знал все повадки китов и по виду фонтана за несколько километров мог сказать, какой породы, какого размера кит, сытый он или голодный, пасется или отдыхает. И понятно, что, когда шла охота, он считался самым главным на судне. На промысле даже капитан беспрекословно выполнял все его приказания. Но в ту минуту мы были не на промысле, и, прежде чем лезть на мачту, Кнут Иванович попросил разрешения у капитана. Конечно, капитан разрешил.

Кнут Иванович поглубже натянул свою шляпу — он всегда и на судне и на берегу носил дорогие мягкие шляпы, закурил кривую трубку, не спеша надел кожаные перчатки и, взявшись за ступеньку трапа, легко подтянулся на ней. Потом подтянулся на второй руке, а потом, быстро перебирая ногами, побежал вверх, как будто перед ним была не крутая веревочная лестница, а ровная тропинка.

Снизу казалось, что не шестипудовый человек лезет на мачту, а взлетает сам собой маленький воздушный шар.

Минуту спустя гарпунер по самые плечи стоял в узкой бочке, укрепленной на верхушке мачты,

и только шляпа его виднелась снизу. Зато сам-то он видел во все стороны одинаково хорошо и, разыскивая шхуну, медленно обводил горизонт глазами, то и дело поднимая бинокль. Но и с мачты не разглядел он «Крестьянку», видимо, «Партизан» недостаточно близко подошел к ней.

Пока искали шхуну, небо очистилось от туч, выглянуло солнце. Море стало голубым и спокойным. Волны совсем улеглись, и не

хотелось верить, что еще так недавно все кругом кипело, как в котле, и ветер свирепо бросал на палубу горы холодной воды.

Стало тепло. Многие сняли ватные куртки и повесили их посушить над решетками кочегарки.

Повар приготовил завтрак и пришел приглашать капитана в кают-компанию, но Михаил Михайлович решил не уходить с мостика: в любую минуту могла показаться шхуна.

Наконец, не выдержав, он пошел к радисту узнать, что слышно со шхуны? Но не успел Михаил Михайлович дойти до радиорубки — навстречу ему вбежал радист с последним сообщением с «Крестьянки»:

«Опасность миновала. Вода в трюме продолжает прибывать, крен выправить не удалось, однако в случае хорошей погоды своим ходом дойдем до Олюторской. Машину и руль исправили своими средствами. В помощи не нуждаемся. Не беспокойтесь. Капитан Козлов».

Михаил Михайлович пробежал глазами телеграмму, сунул ее в карман и, взяв медный рупор, крикнул на мачту:

— Кнут Иванович! Слезайте. Завтрак стынет. А «Крестьянка» без нас обойдется. Давайте быстренько!

Кнут Иванович шариком выкатился из бочки, шариком покатился вниз по трапу... Вдруг он остановился, показал рукой куда-то направо и громко крикнул:

— Михаил Михалыч, кит!

И, пока мы всматривались в горизонт, стараясь разглядеть фонтан, замеченный гарпунером, тот уже спустился с мачты и, захлебываясь от волнения, уговаривал капитана:

— У нас шестьдесят три кита, Михаил Михалыч, пусть это будет наш шестьдесят четвертый. Я хочу сделать свой маленький подарок к вашему большому празднику.

Возражать тут, понятно, было нечего.

— Держать на фонтан! — приказал капитан рулевому, а сам вместе с гарпунером спустился в кают-компанию. Наскоро проглотив завтрак, капитан снова поднялся на мостик, а Кнут Иванович пошел к пушке, укрепленной на самом носу судна. Он снял чехол, осмотрел пушку и стал заряжать ее.

Сперва он прочистил ствол тугим банником, похожим на головку огромного камыша. Потом сунул прямо в дуло шелковый мешочек с порохом, следом за ним загнал толстый пыж и плотно забил его шомполом.

Когда с этим было покончено, Кнут Иванович махнул рукой, и боцман — его главный помощник по промыслу — подхватил тяжелый гарпун из стойки, поднес его к пушке и засунул в дуло. Гарпун весь вошел туда, снаружи остались только лапы — каждая по полметра длиной, да резьба для гранаты.

Кнут Иванович проверил, хорошо ли привязан канат к кольцу гарпуна, потом достал из ящика острую гранату-наконечник, насыпал в нее пороху

из мешочка, поплевал на резьбу и привинтил гранату к гарпуну. Теперь осталось только капсюли поставить, но это Кнут Иванович всегда делал перед самой стрельбой. А пока что он встал у пушки, широко расставив ноги, взялся рукой за прицельную рукоятку, попробовал, как пушка ходит вверх и вниз, вправо и влево. Потом, как командир перед боем, еще раз окинул глазами море, палубу, снасти, людей и, убедившись, что кит уже недалеко, поставил капсюли и громко скомандовал:

— К промыслу, по местам!

Повторять команду ему не пришлось. Недаром Кнут Иванович вышколил нас еще с весны. На промысле каждый знал свое дело — в темноте разбуди, все равно никто бы не сбился. И тут, по первому слову команды, мы все встали, где кому нужно.

А «Партизан» тем временем неся вперед, туда, где каждые пятнадцать—двадцать минут поднимался над морем высокий белый фонтан. С каждым разом он появлялся все ближе и ближе, и вдруг все сразу увидели впереди широкую, мокрую, блестящую спину кита.

— Полный вперед! — скомандовал Кнут Иванович.

«Партизан» рванулся вперед, но было уже поздно. Над водой на секунду показался черный треугольный плавник величиной с хорошую дверь, потом широкий хвост (этот уже с целые ворота) мягко шлепнул по воде, и кит исчез.

Мы, стоя на местах, тихонько переговаривались друг с другом:

— Ну и китяра!

— Здоров!

— Тонн на пятьдесят будет.

— Все семьдесят потянет.

А Кнут Иванович, стоя у пушки, внимательно смотрел на море и поднимал то правую, то левую руку. Этим он показывал Михаилу Михайловичу,

куда править, и Михаил Михайлович послушно выполнял каждую команду гарпунера.

Так прошло минут двадцать. Вдруг у самой кормы заплескалась вода. Кит с шумом выдохнул воздух, да так близко от нас, что брызги фонтана упали на нашу палубу. Но на корме пушки не было, а повернуть китобоец, хоть он и считается поворотливым судном,— не скорое дело. Кит спокойно вдохнул свежего воздуха, еще раз показал нам спину и нырнул.

Кнут Иванович начал сердиться. Он прыгал возле пушки, размахивая руками, и «Партизан», послушный его воле, то бросался вправо, то влево, то замирал на месте, то кидался вперед.

И хотя мы за сезон привыкли и к китам и к охоте за ними — все равно каждый раз, когда огромная черная туша поднималась из воды, мы все, как по команде, показывали на нее друг другу пальцами и удивленно повторяли:

— Кит! Кит!

Вдруг высокий фонтан рассыпался прямо перед носом «Партизана». В ту же секунду раздался выстрел. Тугой клубок красноватого дыма вырвался из пушки и поплыл, рассеиваясь над водой. Кнут Иванович, чуть согнувшись, держался за прицельную рукоятку, и казалось, что сам он вот-вот бросится туда, куда полетел тяжелый стальной гарпун.

Раненый кит вздрогнул всем своим огромным телом и бросился вперед, поднимая буруны белых брызг. Вслед за ним, извиваясь кольцами и петлями, бежал толстый канат. Секунды не прошло после выстрела, где-то впереди ухнул приглушенный взрыв — это взорвалась граната, привинченная к концу гарпуна. Кит мгновенно согнулся кольцом, распрямился, нырнул, но сейчас же вынырнул снова и выпустил короткий фонтан, только не белый, как прежде, а ярко-красный от крови.

«Партизан» остановился. Заскрипели тяжелые

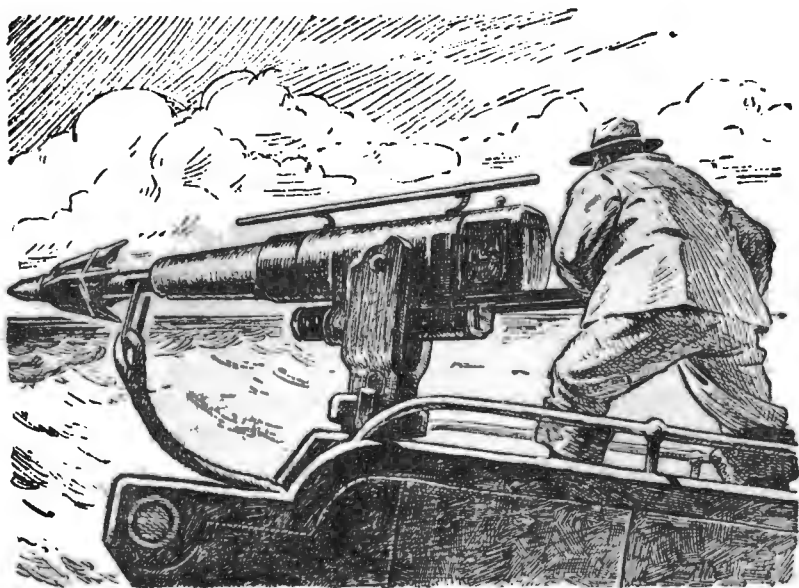
стальные блоки, канат натянулся, как струна. Кит бился метрах в ста от судна. Он извивался и так и этак, стараясь сорваться с гарпуна. Он уже не выпускал фонтаны, а только вспенивал воду горами красной пены. Кит бился минут двадцать, наконец вздрогнул в последний раз, выпрямился, затих и медленно стал тонуть.

Включили лебедку. Загрохотали шестерни, закрутились чугунные барабаны. Мокрый канат, выжимая капли соленой воды, потянулся из моря, а за ним поднялась из глубины огромная туша. Боцман взял длинную стальную трубку с острым концом, нащупал удобное место на ките и метра на полтора вонзил в тушу свою пустотелую пику. Потом на нее навинтили шланг, запустили паровой насос, и кит стал медленно надуваться, переворачиваясь с брюха на спину. Когда туша раздулась хорошенько, мы вытащили трубку и, накинув толстые цепи на хвост киту, накрепко привязали его к судну.

И только тут мы заметили, что ветер снова закрепчал и по морю побежали белячки.

К вечеру ветер еще усилился, и зыбь стала выше, а к ночи разыгрался тайфун, да такой, что казалось, он хочет наверстать потерянное за день.

И опять «Партизан» запрыгал, как пробка, то по самую палубу зарываясь в воду, то вздымаясь над белым гребнем волны.

А мы опять собрались в кают-компании за праздничным столом и ждали капитана — он пошел в радиорубку прочитывать последние радиограммы.

Наконец дверь раскрылась. Михаил Михайлович вошел, но еще прежде, чем он заговорил, мы поняли, что настроение у него совсем не праздничное.

— Придется бросить кита,— сказал он, ни к кому не обращаясь.— У «Крестьянки» совсем плохи дела, хуже, чем вчера. Пойдем к ней на помощь.

Мы не первого кита теряли в море. И не в первый раз приходилось нам уступать перед неумолимой силой океана. Мы все понимали: раз надо — значит, надо, капитану виднее. Тут уж спорить не приходится.

Мы один за другим встали из-за стола и разошлись по каютам одеваться.

Но Кнут Иванович, обычно такой дисциплинированный, на этот раз вдруг заупрямился: он вско-

чил, забегал по кают-компании, размахивая руками.

— Михаил Михалыч, — говорил он возбужденно. — Я понимаю, идти нужно. Но зачем бросать кита? Поставим сигнал на наш кит. Это пять минут, а кто знает, может, мы еще встретим его в море? Ведь тогда не пропадет мой подарок.

— Ну что ж, — сказал капитан. — Мало надежды, что мы его встретим, но сигнал поставить можно. Почему не поставить. Давай распорядись, боцман, да поживее.

Огромная туша прыгала по волнам, тяжелые цепи вырывались из рук, грозя отдавить палец или ногу. Работать приходилось очень осторожно, но мы все-таки быстро справились со своим делом. А гарпунер тем временем взял длинный бамбуковый шест с флагом на конце, воткнул его в брюхо киту, а чтобы шест не упал — три здоровенных штопора ввинтил прямо в тушу и, привязав к штопорам растяжки, укрепил мачту с флагом.

Наконец последняя цепь соскользнула с китового хвоста, и туша с поднятым над ней флагом стала быстро отставать от нашего быстроходного кораблика. Скоро ни кита, ни флага не стало видно. Стемнело. Кругом толпились одинаковые волны. Даже звезд на небе не было в эту ночь, но мы шли уверенно, выбирая дорогу по карте, навстречу ветру.

Только под утро заметили мы на горизонте высоко взлетавшие красные огоньки. Это со шхуны пускали ракеты-фальшфейеры, чтобы нам легче было найти ее в море.

Мы зажгли прожектор. Тугой пучок света раздвинул темноту, и мы увидели шхуну.

Невеселый вид был у маленького кораблика: «Крестьянка» держалась бортом к ветру, сильно накренившись, и так раскачивалась на волнах, что мачты почти касались белых гребней. Казалось, вот-вот шхуна ляжет и не поднимется больше. Мы

обошли ее с наветра и остановились. Боцман с мостика забросил на палубу «Крестьянки» выброску. Там в двадцать рук подхватили тоненькую веревочку, потом вытянули толстый стальной трос, привязанный к ее концу, и закрепили его на носу шхуны.

«Партизан» дал малый ход, буксир натянулся, шхуна медленно развернулась носом по ветру и послушно пошла у нас за кормой.

К рассвету шторм стал затихать. Но считать шхуну спасенной было еще рано: вода в трюме по-прежнему прибывала, и люди, измученные долгим непосильным трудом, не успевали ее откачивать. С каждым часом крен увеличивался. Волны уже хлестали в бортовые иллюминаторы, и в любую минуту шхуна могла перевернуться.

По расчету нашего капитана маленькому кораблику осталось пять часов жизни, не больше, а до бухты Олюторской, где можно было откачать воду, оставалось не меньше десяти часов пути. И все-таки мы не хотели сдаваться. Мы самым полным ходом шли вперед в надежде на милость судьбы.

— Будь что будет, — сказал наш капитан. — Доведем — хорошо. Не успеем — придется брать людей к себе на борт. Ничего другого тут не придумаешь.

Так и шли по ветру, с полного хода распарывая зеленые валы, катившиеся по океану. Кочегары старались вовсю, не жалея ни угля, ни сил, и длинный султан дыма, обгоняя наш маленький корабль, черным облаком стелился над морем.

А мы, хоть нам и нечего больше было делать на палубе, стояли на ветру, то с надеждой глядя вперед — не откроются ли берега Камчатки, то оборачиваясь назад и с тревогой поглядывая на шхуну, которая кренилась все больше и больше.

Вдруг рулевой заметил на горизонте, в стороне от нашего курса, шест с флагом. Эта новость сразу

облетела судно. Все глаза обернулись туда, где трепетал над волнами крошечный темный квадратик.

Кнут Иванович достал из футляра бинокль и, убедившись, что ошибки тут нет, закричал:

— О, вы видите, я не напрасно ставил сигнал! Вон он плавает, мой подарок. Удача!

Но об удаче не время было говорить. Идти подбирать кита — это потерять часа два хода, не меньше. Это каждый из нас понимал. А два часа могли решить судьбу шхуны. И, как ни обидно было снова бросать в море своего кита, Михаил Михайлович без колебания принял решение.

— Ничего не поделаешь, Кнут Иванович, — сказал он, — пойдем своим курсом. В таком деле рисковать не приходится.

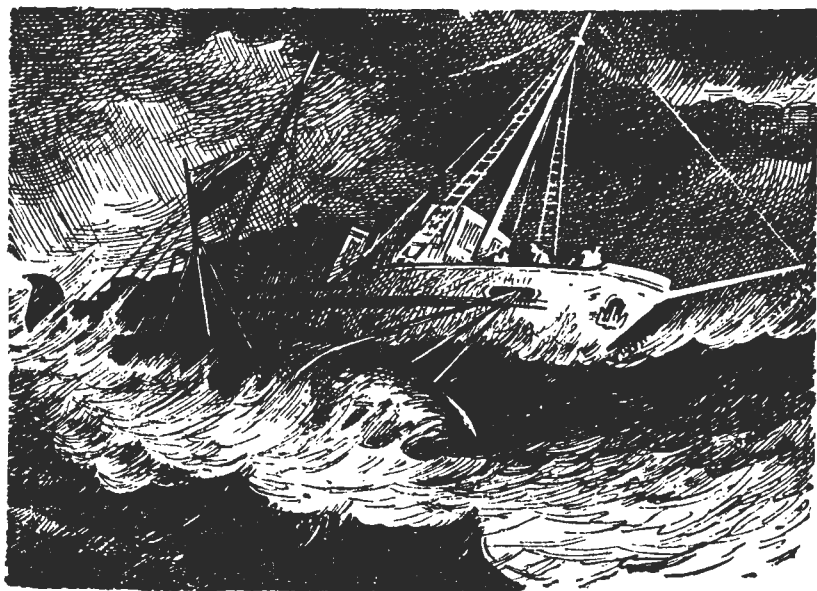
Кнут Иванович молча грыз мундштук своей погасшей трубки. Он топтался на месте, точно очень торопился куда-то и не мог уйти. Нам не хотелось терять кита, а ему, видно, вдвойне обидно было расставаться со своей добычей. Но он был настоящим моряком, сам он не раз попадал в трудные переделки и, конечно, даже подумать не мог о том, чтобы из-за туши кита рисковать жизнью людей. И так расстроила нашего гарпунера вся эта история, что жалко было смотреть на него.

Вдруг он улыбнулся, сунул бинокль в футляр и с довольным видом стал потирать свои большие пухлые руки.

— Ага! — закричал он. — Мы убьем оба зайца в один раз! Мы приведем кита, и шхуна не потонет. Вот как!

Мы сперва не поняли, что он надумал, и со всех сторон надели на него с вопросами. А он хитро улыбнулся, точно знал какой-то секрет и не хотел поделиться с нами. Выждав с полминуты, он расхохотался и заговорил торопливо:

— Почему ей тонуть? Потому что лежит на борту? Так? Ну, а мы не дадим ей валиться на

борт, вот и все! А! — смеялся он. — Вы не знаете как? Ну вам простительно, вы мало плавали. Откуда вам знать такие вещи. А я плавал много. О, Кнут Нордендаль много плавал, много видел и много знает. Наш кит нам поможет. Вот кто. Мы привяжем его к шхуне с другого борта. Он не маленький, наш кит. Он весит семьдесят тонн. Он не даст ей опрокинуться. Нужно только привязать его хорошо. Вот и все!

И всем нам сразу стало ясно, что гарпунер прав.

Михаил Михайлович тут же дал команду. «Партизан» повернул прямо на кита, а Кнут Иванович отобрал пятерых самых ловких матросов и стал вместе с ними готовить шлюпку.

Полчаса спустя мы подошли к киту. Надев пробковые нагрудники, пятеро смельчаков спустили шлюпку, обмотали кита цепями вокруг хвоста и вокруг плавников, подвели его к борту шхуны и крепко привязали стальными концами. Теперь сколько бы воды ни набрала «Крестьянка» — тя-

желая туша кита все равно не дала бы ей опрокинуться.

Восемь часов спустя мы вошли в бухту Олюторскую, ведя на буксире кита и шхуну. Тут, в Олюторской, стояла наша китобойная база — огромный, как город, пароход «Камчадал». К нему на палубу за хвост подняли нашего кита и тут же принялись разделывать огромную тушу. Ножам, похожими на хоккейные клюшки, резали кита на куски, забрасывали их в горловины огромных мясорубок, а внизу, глубоко под палубой, в больших паровых котлах вытапливали китовый жир.

А «Крестьянка» стояла под бортом у «Камчадала», и паровой насос быстро откачивал из нее воду. Прямо на глазах шхуна теряла крен и поднималась из воды.

Вечером в большой столовой «Камчадала» и мы и моряки с «Крестьянки» — все вместе сидели за столом и ели вкусное жаркое, приготовленное из китового мяса. А потом мы снова собрались в своей кают-компании и принялись за прерванный рапорт. К празднику он опоздал. Но зато мы написали в телеграмме уже о шестидесяти четырех китах и, конечно, не забыли сообщить о том, что гарпунер, Кнут Нордендаль, иностранный специалист, объявил себя ударником.

КОСТЯНАЯ КОРОБОЧКА

Два дня пароход «Коряк» простоял в Петропавловске, разгрузился, поднял якорь и пошел дальше на север.

Погода стояла бурная. Те немногие пассажиры, которые остались на судне, слегли от морской болезни, и я думал, что до Олюторки, куда я добирался по служебным делам, не с кем будет и словом перекинуться.

К счастью, я ошибся. Поздно вечером, заглянув в кают-компанию, я заметил там незнакомого пассажира. Заложив ногу на ногу, он сидел, чуть покачиваясь, в капитанском кресле и дымил душистым табаком.

По столу ползала мягкая шляпа. Рыжая канадская куртка, подбитая белой стриженной овчиной, в такт размахам судна качалась на вешалке.

Я поздоровался, уселся напротив и закурил свою трубку.

Так мы просидели несколько минут, дымя и разглядывая друг друга. Лампа, привинченная к потолку, хорошо освещала наши лица.

На вид незнакомцу можно было дать лет тридцать шесть или немного больше. Ранняя седина чуть пробивалась на его висках. Он был тщательно выбрит, только темные усики топорщились над губой.

В том, что он русский и в этих местах не в первый раз, я не сомневался ни минуты. Но я мог бы поспорить на что угодно, что он долго прожил за границей. И не в костюме тут было дело. В манере держаться, в лице, в движениях от долгого пребывания в чужой стране всегда остаются едва уловимые, но прочные следы.

Обычно я легко угадываю профессию незнакомца. Но тут я стал в тупик. Так сидеть, как сидел он в девятибалльный шторм на валком, маленьком парходике, мог только моряк. Но моряк никогда не надел бы шерстяные гетры, клетчатые бриджи и горные ботинки с «триконями».

Навязывать разговор незнакомцу мне не хотелось. Игра в молчанки тоже надоела, и я решил уйти. Я и ушел бы, так и не заговорив с ним, но, поднимаясь, я выронил маленькую коробочку, в которой держал табак.

В это время пароход сильно качнуло. Коробочка скользнула по палубе и, описав сложную кри-

вую, оказалась прямо у ног незнакомца. Он, не вставая, протянул руку, поймал мою коробочку и уже хотел подать ее мне, но вдруг задержал руку и, пристально посмотрев мне в глаза, сказал:

— Продайте мне эту вещицу. А? Вам она не так уж нужна. Мне, право, нужнее, чем вам. Это моя коробочка. Лет...—он задумался на секунду,—лет пятнадцать назад я потерял ее...

Коробочкой этой я совсем не дорожил. Она досталась мне случайно от знакомого моряка, а тот нашел ее среди обломков американской шхуны, прибитых к берегу.

Таких коробочек сколько угодно на севере. Местные жители искусно делают их из клыков моржа. И стоят они гроши. Единственно, что отличало мою коробочку от тысяч ей подобных, была надпись на английском языке и простенький рисунок, не очень тщательно выжженный на крышке.

При некотором напряжении фантазии на рисунке можно было разобрать поварской колпак, а надпись в переводе означала: «Кухонная соль не сделает повара старой солью».

Это непереводаемая игра слов. «Старой солью» англичане называют бывалых моряков. Это примерно то же, что по-нашему «морской волк».

— Ну что ж,—сказал я,—идет. Только вот как насчет цены?

— А сколько же вы хотите?

Я помолчал, будто прикидывая и не решаясь назвать цену.

— Вот так,—сказал я наконец.—Вы расскажете мне историю этой коробочки. Это и будет ценой. Устроит вас?

— Дороговато,—сказал незнакомец.—Я не очень люблю вспоминать об этом. Но пусть будет по-вашему. Ночи теперь длинные, а днем все равно нечего делать. Пойдемте ко мне, я расскажу, как это было...

— Для начала давайте познакомимся,— сказал он, когда мы пришли в его каюту.— Скалкин Петр Петрович.— Он протянул мне большую крепкую руку.

Я пожал ее и назвался. Петр Петрович предложил мне кресло, сам уселся на складном стуле, закурил и начал свой рассказ.

— Сейчас я горный инженер-разведчик. А в то время плавал поваренком на шхуне и мечтал стать капитаном. Ничего не вышло из этого, но я, признаться, и не жалею. О море хорошо мечтать, сидя на берегу, особенно в такую вот погоду. Вы слышали о Свенсоне? — спросил он неожиданно.

В Норвегии я знал многих Свенсонов. Там фамилия Свенсон встречается не реже, чем у нас Иванов. Я так и ответил.

— Нет-нет,— перебил меня Скалкин.— Те Свенсоны в Норвегии, бог с ними. Здешнего, дальневосточного Свенсона, не приходилось вам знать?

Я отрицательно покачал головой.

— Ну, не беда,— сказал Скалкин,— тут, на побережье, вы еще не раз услышите о нем. Здесь его и сейчас помнят. Он тоже, конечно, норвежец, но в Норвегии никогда не бывал. Родился он где-то на Аляске, считался американцем, а в этих местах проплавал лет двадцать пять и нажил миллионы.

Он вел здесь торговлю, этот Свенсон. Это называлось торговлей, а на самом деле это был настоящий грабеж. Старый мошенник обирал доверчивых чукчей и камчадалов, но, что и говорить, делал он это ловко.

Он не один здесь пиратствовал каждое лето. Как мухи на мед, слетались сюда торгаши-авантюристы. Другие держали тут склады, фактории, магазины. У Свенсона ничего этого не было. Вместо приказчиков служили ему шаманы и здешние кулаки. Деньгами он не любил платить, платил водкой. Скупал шкуры и кость, вот такие коробочки тоже скупал. Они хорошо шли в Америке, и бары-

ши у старика получались неплохие: за бутылку водки он иногда выручал раз в сто больше, чем платил.

Возил он сюда и ружья и на этом деле тоже умел неплохо набивать карман. Хорошее ружье охотник здесь ценит, бережет, уважает. Иной «винчестер» всю жизнь служил бы хозяину. А Свенсон так поставил дело, что каждый год охотники покупали новые винтовки. Старик никогда не привозил патронов для прошлогодней партии оружия, и тому, кто хотел запастись зарядами, волей-неволей приходилось покупать новое ружье. Водку старик никогда не отпускал в долг. А оружие раздавал охотно, но потом за долги отбирал по дешевке лучшие шкуры.

При всем том его, пожалуй, даже любили здесь. На вид он был человек добродушный, простой, большой и сильный, как медведь. Такой памяти, как у него, я не встречал больше ни разу. Всех покупателей знал он по имени, здоровался с ними за руку, ходил в гости, пил с ними чай и ром, таскал на руках их ребят и говорил на всех языках побежья.

Я с ним познакомился в Петропавловске. Мне тогда исполнилось 17 лет. На Западе в то время шла война, а здесь у нас купцы, как в мирное время, сколачивали свои миллионы. Отец у меня пропал без вести на фронте, мать умерла от рака, и я один остался во Владивостоке. Весной предложили мне ехать на рыбные промыслы на Камчатку. Лето я проработал, а когда дело дошло до расчета, оказалось, что мне и домой добраться не на что. Тут я узнал, что на шхуну «Золотой лосось» нужен помощник повара. Понятно, я бегом помчался туда.

Вот так и познакомились мы со Свенсоном. Порусски он говорил хорошо. Он расспросил меня об отце, о матери, о том, как я жил прежде, пощупал мои мускулы, хлопнул по спине и сказал, что я мо-

гу оставаться на шхуне. В тот же вечер я принес на «Лосося» свой сундучок и пошел на камбуз чистить картошку.

Народ на «Лососе» плавал отчаянный — настоящие головорезы, но старик умел держать их в руках и заставлял работать тоже умел. Сам он был отличным моряком, не боялся никакой работы и что бы мы ни делали, всегда подгонял нас. При этом он любил говорить, что хороший моряк рано или поздно станет капитаном.

Среди нас были и итальянцы и шведы, но говорили на «Лососе» по-английски, и я за полгода выучился языку. Стряпать я тоже выучился, но не сразу, конечно. Дело это нехитрое, но и к нему нужно привыкнуть. Вот, видите? — Скалкин потрогал маленький шрам над левой бровью. — Это память о моей первой каше.

Это было в начале моего первого плавания. Я мыл посуду на камбузе. Наш старший повар зашел ко мне и приказал на завтрак сварить саго. Утром, еще до рассвета, я затопил плиту, насыпал полкастрюли крупы, залил водой и поставил на огонь. Как только вода разогрелась, крупа через край полезла из моей кастрюли. Я взял большую ложку, выплеснул полкастрюли за борт и долил воды. Минуты не прошло, каша снова полезла через край, и пришлось еще полкастрюли отправлять рыбам на завтрак. Когда я в третий раз проделал эту нехитрую операцию, кто-то сзади так ударил меня по левому уху, что я потерял сознание и рассек висок о край плиты.

Когда я очнулся, надо мной стоял Свенсон. Он

осмотрел мою рану, промыл, заклеил липким пластырем и, похлопав меня по плечу, сказал добродушно:

«Пустяки, Пит, это будет на память о том, как нужно беречь добро...»

И я не обиделся на старика, вот, честное слово, не обиделся.

Были, конечно, и другие приключения в моей нехитрой работе. Но, так или иначе, довольно скоро я научился готовить лучше нашего повара, и Свенсон сам не раз хвалил меня за стряпню. По утрам, когда я варил кофе для команды, он частенько приходил на камбуз. Он любил сам поджаривать хлеб себе на завтрак и тут заодно философствовал, учил меня жить и рассказывал о своей беспокойной молодости. Тут, на камбузе, я в первый раз и услышал о том, кто «кухонная соль не сделает повара старой солью». Мне, конечно, было обидно. Я мечтал о капитанских нашивках, спал и видел себя «старой солью» и как-то даже попросил хозяина поставить меня вместо заболевшего матроса. Но старик уже привык к моей стряпне, и я остался поваренком.

Для этой должности я был слишком велик ростом и слишком силен. Матросы посмеивались над мной, они прозвали меня «Миссис Скалки» и как-то раз, отобрав мою коробочку, раскаленным гвоздем выжгли на крышке пословицу. Это случилось в открытом море. Другой коробочки достать было негде. Так она и осталась при мне до того самого дня, когда «Золотой лосось» пошел ко дну.

В Приморье уже шла гражданская война, а мы по-прежнему торговали. В тот раз, погрузившись в Сан-Франциско, мы шли к берегам Северной Камчатки. В трюмах «Золотого лосося» лежало тонн пять охотничьего пороха, ружья, патроны, ножи, спирт, керосин в жестяных бидонах и много другого добра.

Мы держали курс на Олюторскую. На этот раз старик с нее решил начать «обход своих владений», как он называл эти рейсы.

Двадцать девятого мая, как сейчас помню, я встал пораньше, чтобы испечь хлеб, вышел из кубрика и, едва ступив на палубу, поскользнулся и чуть не свалился. Зажег свет. Вся палуба от носа до кормы была залита черной вонючей жижей. Это механики ночью перекачивали горючее и разлили нефть по палубе. Мне-то было все равно — не мне убирать, но я заранее представил, как будет ворчать старик.

Я не ошибся. Пока я месил тесто, Свенсон вылез из своей каюты и пришел ко мне. Он был в скверном настроении и, пока возился со своим хлебом, все время ворчал о бездельниках, о неряхах и о том, что палуба на корабле — святое место.

На «Лососе» все, кроме вахтенных, спали. Стоял полный штиль. Море кругом лежало удивительно спокойное, и прямо из моря вставало огромное красное солнце.

Старик загляделся, а заглядеться было на что — восходы в тех местах красивы необычайно, уж я-то насмотрелся на них. Он забыл про свою сковородку. Вдруг масло вспыхнуло, камбуз сразу осветился. Старик выругался и через дверь швырнул сковородку прямо за борт.

В камбузе сразу стало еще темнее, а секунду спустя на левом борту вспыхнуло желтое пламя. Должно быть, горящие капли упали со сковороды и нефть на палубе загорелась сразу в нескольких местах. Огонь быстро разбежался во все стороны. Я сразу понял, какая опасность нам угрожает, и, признаться, струсил не на шутку. Каждую секунду огонь мог добраться до трюма, где у нас лежал порох, а тогда всем нам пришлось бы не сладко. Мне стало не по себе.

А Свенсон был удивительно спокоен: он, сторонясь от огня, подошел к колоколу и пробил по-

жарную тревогу. Команда высыпала на палу́бу. Люди одевались на ходу и смотрели, как желто-красные языки огня подбираются к трюмам. Механик выскочил из машины с огнетушителем в руках. Вся палуба уже пылала, и он все примеривался, откуда начинать тушить пожар. Он нелепо прыгал, прицеливаясь то туда, то сюда, и не знал, на что решиться.

Свенсон посмотрел на него и расхохотался. Он-то мог смеяться. На «Лососе» стоял катер с керосиновым мотором, и в такую погоду ничего не стоило добраться на нем до берега. А то, что сгорит судно, ничуть не беспокоило старика. И шхуна, и груз, и даже будущие прибыли были надежно застрахованы Свенсоном, и он ничего не терял от пожара.

Нам было хуже: у каждого в сундучке лежали тоненькие пачки долларов — всё наше богатство, заработанное в этих плаваниях. Мы знали, что их-то уж никто не вернет нам, когда пойдет ко дну «Лосось». Все сразу вспомнили о деньгах, и кто-то уже бросился в кубрик, но Свенсон рывкнул так, что никто не посмел уйти с палубы.

Старик приказал спускать катер, а механику крикнул:

«Бросьте, чиф, поздно!»

На «Лососе» всегда работали быстро. На этот раз страх подгонял людей, а Свенсон одним взглядом своих холодных глаз удерживал людей от паники. Минуты не прошло — катер уже качался под бортом. Свенсон взглянул на меня и движением головы показал — прыгай, мол! Повторять ему не пришлось — я первый прыгнул на катер и только тут, оказавшись в безопасности, почувствовал, как мне страшно. Захотелось закурить. Я пошарил по карманам и вспомнил о своей коробочке. Она осталась на судне. О том, чтобы возвращаться за ней, не могло быть и речи. Тут я вспомнил рисунок и надпись. «Кухонная соль», — подумал я о себе и почувствовал, как краска заливает мое лицо.

Один за другим вся команда перебралась на катер. Старик, как и положено, прыгнул последним и приказал подальше отходить от шхуны. Матросы отпихнулись баграми, и катер, медленно двигаясь, стал отходить от горящего судна.

Механик возился с двигателем. Вдруг он побледнел, обнаружив, что на катере нет ни бутылки горючего. Как это случилось — я до сих пор не понимаю. Но в то время о том, как это случилось, никто из нас не думал. Мы все с тревогой думали о том, чем это кончится.

Положение сложилось незавидное. Охотское море — море коварное. Штили здесь подолгу не бывают, а в шторм на маленьком катере, лишенном управления, продержались бы мы недолго.

Когда Свенсон осознал это, он медленно, как медведь, не говоря ни слова, стал наступать на механика, в упор глядя на него своими жесткими серыми глазами. Механик встал навытяжку, опустив руки по швам, и бледный как снег ждал своей участи. Остальные расступились, расчистив для старика дорогу.

Наконец, подступив на полшага, Свенсон левым кулаком снизу вверх быстрым движением ударил механика в глаз, а правой рукой в то же мгновение схватил его за горло. При этом он захрипел так, словно не он душил, а его душили.

Мы все поняли — еще секунда, и механик навсегда перестанет дышать. Но никто не сдвинулся с места. Старика боялись...

И вот тогда неожиданная удаля накатилась на меня. Я бросился к Свенсону, толкнул его так, что, пошатнувшись, он выпустил горло механика и сел на банку. Сорвав куртку, я сунул ее в руки старику и, прежде чем кто-нибудь успел сказать слово, сбросил с ног деревянные туфли-колодки и вниз головой кинулся за борт.

В несколько взмахов я добрался до «Лосося». Вскарбаться на палубу в то время для меня не

представляло никакой трудности. Оглянувшись, я заметил брошенный огнетушитель, подхватил его, ударил о палубу и песчаной струей промел дорожку сквозь пламя к фонарной кладовке. Я знал, что там в запаянных бидонах лежало килограммов триста керосина. Один за другим бидоны полетели в воду...

«Довольно! — кричали мне. — Хватит, иди назад!»

Но я не слушал. Я выбросил все, до последнего бидона. Потом я кинулся в кубрик и выбросил все сундучки, кроме тех, которые были прикованы к койкам. Когда я покончил и с этим, вся палуба уже пылала, как огромный костер. Зажмурив глаза, я бросился к борту прямо через огонь. Я слышал, как затрещали в огне мои волосы, но тут же нащупал фальшборт, перевалился через него и оказался в воде. Секунду спустя глухой взрыв раскатился над морем. Мне показалось, что горячая волна окатила меня сзади. Я обернулся... «Лосося» не было на воде. Обломки и щепки всплывали из глубины. Некоторые еще дымились...

Как я попал на катер, не помню. Когда я очнулся, матросы баграми вылавливали бидоны и сундучки. А Свенсон стоял надо мной. Он улыбался, точно ничего не случилось.

«Ну-ну, — сказал он, когда я открыл глаза. — Молодец, миссис Скалки. Теперь все в порядке, и повар сделался моряком».

А мне стало страшно. Так страшно, как никогда еще не бывало. У меня стучали зубы, всего меня трясло, как от холода. Я не мог смотреть на Свенсона, мне страшно было увидеть механика. И тут, наверное, я и решил расстаться и со Свенсоном и с морем.

Тогда без всяких приключений мы добрались до Олюторки. Там пожили на берегу, раскинув лагерь, как робинзоны, а через полтора месяца пришел пароход и доставил нас в Сан-Франциско.

Я ударил огнетушитель о палубу и песчаной струей прожег дорожку сквозь пламя к фонарной кладовке.

Свенсон уговаривал меня пойти с ним в новый рейс, но я отказался. Тогда старик, кряхтя, выдал мое жалованье, не прибавив ни копейки. Он только сказал на прощание:

«Ладно, Пит, я не в обиде на тебя. Когда подведет живот, можешь вернуться ко мне. Для тебя всегда найдется местечко, и, скорее всего, матроса, а не повара».

К осени он снарядил новую шхуну. А я остался на берегу. Мне вскоре и в самом деле пришлось подтягивать пояс. Я голодал, но к Свенсону так и не пошел. Я долго скитался по Америке, пробавляясь случайными заработками. Потом мне удалось зацепиться за нефтяные промыслы. Там дело пошло лучше, чем на море, и скоро я стал мастером на буровой. Потом я скопил немножко денег, сел пассажиром на пароход, добрался до Японии, а оттуда перебрался в Советский Союз. Вот и все...

Я достал коробочку и протянул Скалкину.

— Возьмите,— сказал я,— и, если не секрет, скажите, каким ветром вас занесло опять в эти края?

— Да, я и забыл,— хватился Скалкин.— В тот раз возле нашего лагеря на берегу мы нашли черные поля, вроде асфальтовых мостовых. Тогда я не знал, что это такое, и удивлялся, глядя на старика. Он ножом отковыривал куски черной твердой, как камень, земли и рассовывал себе по карманам. Он никому не говорил, зачем ему это нужно. Но однажды утром, придя на камбуз жарить свой хлеб, он вслух размышлял о нефти... Еще тогда я кое-что понял, и вот теперь еду проверить свои предположения.

...Мы разошлись под утро. На другой день Петр Петрович с бригадой рабочих высадился на берег. Когда катер отвалил от борта, Скалкин помахал мне рукой на прощание, и больше я его не видел.

В Олюторке у меня было много всяких хлопот, а потом я просто забыл об этой встрече.

Но недавно, читая газеты, я узнал, что в тех местах начинают разведочное бурение на нефть. И мне сразу представился мой ночной собеседник. Вот тогда и вспомнил я свою костяную коробочку, а заодно и всю эту историю.

Б Е Л У Ш О Н О К

За лето на больших белух Васька вдоволь насмотрелся на промысле. А вот маленьких белушат ему ни разу не приходилось видеть, и, когда вместе с крупным зверем в невод попал белушонок, Васька очень обрадовался. Он стрелой помчался на берег, присел на корточки рядом с белушонком и стал его разглядывать.

Белушонок лежал у самой воды, неуклюже ворочался и шлепал по песку плоским, широким хвостиком. Морда у него была тупая, рот беззубый, туловище круглое, вроде толстой морковки, а по бокам торчали два маленьких плавничка. В общем, был он похож на большую белуху. И кожа на нем была такая же — как облупленное крутое яйцо. Только у взрослых белух она и цветом, как крутое яйцо, а у белушонка черная, с синевой, как спелая слива.

Тут Васька понял, почему у белух другой раз бывают черные горбы. Это белушата сидят, прижавшись к спинам матерей.

Ваське стало жаль белушонка. Он погладил его и сказал ласковым баском:

— Эх ты, бедненький, куда же ты с большими-то полез? Гулял бы себе по морю...

Белушонок ничего не ответил, только вздохнул и моргнул узкими глазками.

Тем временем ловцы таскали зверя из невода.

Вода возле берега бурлила и пенилась, как кипяток на огне. Белухи — огромные звери — носились во все стороны, били широкими хвостами, налетали друг на друга, выскакивали из воды, ныряли, кувыркались, но уйти из невода не могли. Бросится белуха в одну сторону — тут берег. Повернет назад, бросится в другую — там сеть.

Стоя по пояс в воде, ловцы накидывали веревочные петли на широкие хвосты зверей, потом вдавятером, ухватившись за конец, тащили белуху на песок. Иную вытащат — она бьется, шлепает по песку хвостом, прыгает — подойти страшно. А другая лежит смирно, как неживая, только изредка вздохнет протяжно и ухнет, выпуская воздух из дыхла.

Наконец последнюю белуху вытащили на песок и сели тут же отдохнуть и покурить.

А Васька глянул на море и вдруг заметил, что рядом с опустевшим неводом плавает большая белуха. Он подошел к старшему ловцу.

— Смотри-ка, дядя Антон, — сказал он. — Вон зверь у невода ходит. А ты говорил, что белуха невода боится.

— Зверь, говоришь? — Антон из-под руки глянул на море. — И то, зверь. Эй, ребята! — обернулся он к ловцам. — Несите-ка сельдяной невод, поймем вон того зверя. Да живо!

Ловцы побежали за неводом, а Антон еще раз поглядел на море и объяснил Ваське:

— Это того белушонка мамка. Вишь вот зверь, а детенка своего не бросает. Боится она невода — как не бояться, — а от белушонка ни-ни, ни за что не уйдет.

Ловцы принесли невод, погрузили на лодку и, взявшись за весла, стали обметывать одинокую белуху. Васька посмотрел на них и опять присел возле белушонка.

— Вот теперь и мамку твою за тебя поймают, — сказал он, — глупая твоя мамка: и тебя не уберег-

ла и сама теперь попадется. Не то что мой папка, мой—умный знаешь какой? Вон он на катере зверя караулит.— И Васька рукой показал на море.

Там, за полкилометра от берега, покачивались на волнах две большие низкие лодки с белушьями неводами и стройный высокий катер.

Белушонок опять промолчал, открыл только рот и чуть шевельнул плавничками.

Коротким неводом ловцы быстро окружили белуху и потянули к берегу. Она далась легко, только под конец забилась и выкинулась на песок чуть не до половины. Ее за хвост повернули мордой к морю, вытянули еще немного и оставили у самой воды.

Это была очень большая белуха — больше самого здоровенного быка. Она тяжело дышала, раздувая белые бока, и тоже моргала глазами.

Васька не очень вежливо ухватил белушонка за хвост и поволок по песку к пойманной белухе.

— Пойдем, я тебя к мамке отведу,— сказал он,— хоть напоследок друг на дружку посмотрите, прощается.

Тут увидел он управляющего промыслом, вышедшего на берег.

— Петр Ильич,— крикнул Васька,— гляньте, кто попался-то!

— А ты и рад, дурачок,— сказал управляющий. — Моя бы воля, я бы их всех отпустил, и больших и маленьких. Да ничего, брат, не поделаешь. Наша должность такая. Не таскай ты его, не мучай. Давай-ка лучше зверя сочтем.—

И он принялся считать белух, лежавших на берегу. Их оказалось больше сотни. Потом управляющий пристально оглядел спокойное море и чистое небо, окинул глазом горизонт и тут заметил маленькое серое облачко.

— Придется, ребята, зверя повыше поднять,— сказал он ловцам,— к вечеру как бы шторм не разыгрался. Смотрите, добычу не смыло бы.

— И то,— согласился Антон.— У меня с утра кости ломит. К погоде, не иначе. Да и чайки вон на воду не садятся... Давайте-ка, ребята, авралом.

Уставшие за день ловцы нехотя поднялись и стали оттаскивать белух подальше от берега. Звери были тяжелые, а людей на промысле и без того не хватало. Чтобы убрать до вечера всех белух, приходилось с этим делом спешить. А тут как раз дежурный на вышке дал сигнал — поднял красный флаг на короткой мачте. Это означало, что показался зверь.

Васька поглядел на море. Там белые и черные горбы то и дело поднимались из воды и пропадали снова, и даже издали было понятно, что идет большой косяк зверя.

А управляющий не на белух смотрел, а на катер. Он боялся, как бы зверя не прокараулили. Если солнце бьет в глаза, белуху в море плохо видно.

— Эх, хорош косячок,— сказал управляющий.— Семен бы только не проворонил.

Васька услышал эти слова и обиделся за отца.

— Как же, проворонит,— сказал он.— Сами не провороньте, а папка вон катер заводит.

На катере и в самом деле завели мотор. Белый дымок показался за кормой. Катер двинулся с места, сперва тихонько, потом, натянув буксиры, сразу рванулся вперед и помчался, огибая косяк и таща на буксире обе лодки. С задней два человека белыми охалками сбрасывали за корму тяжелый невод.

Почуяв недоброе, весь белуший косяк круто свернул в сторону. Но было уже поздно. Сеть зыбкой стеной встала на пути к открытому морю, и белухам невозможно было прорваться.

На берегу ловцы спешили, как могли, с уборкой, но дело все равно шло медленно. Управляющий сам то и дело брался за лямку. Тут он вспомнил, что есть на промысле старая лошадь Машка. На ней возили дрова для кухни и воду с ключа.

— Эй, Васька, — крикнул управляющий, — полно тебе с белушонком играть, давай-ка работать!

— А чего делать-то? — спросил Васька.

— Вот сейчас Машку приведут, так ты садись на нее верхом да будешь белух возить. Ясно?

— А чего же, — согласился Васька, — это можно.

Он любил ездить на Машке верхом. Лошадь была послушная, и Васька легко с ней справлялся. Его подсадили на лошадь, он взял в руки повод. Рабочие накинули лямку на хвост белухе, Машка тронула и не спеша потащила зверя.

— Эй, с дороги! — покрикивал Васька и подгонял лошадь.

А катер уже повернул к берегу. За ним длинной цепочкой лежали на воде полавки. И ни одна белуха не могла пройти под ними. Если бы огромный зверь ударил с ходу, он пробил бы невод, как паутину. Но белухи подплывали поближе к сетке и, увидев белые ровные клетки, так пугались, что, разом повернув, торопились уйти подальше от страшного невода. А невод стягивался крутой дугой и вот-вот должен был совсем закрыть зверю дорогу к морю. Похоже было, что на этот раз косяк не уйдет.

На берегу работа остановилась. Ловцы смотрели на невод и гадали, сколько белух вытянут на этот раз. Сказать этого пока никто не мог, но видно было, что зверя попало очень много.

Испуганные белухи забились, подняли брызги.

Вода в неводе забурлила, побелела и глухо зашумела, словно где-то неподалеку гремел водопад.

Как раз в это время Васька подъехал к матери белушонка, и Антон набросил ей на хвост петлю. И, если бы Васька сразу тронул лошадь, наверное, ничего бы и не случилось. Но он решил напоследок еще поговорить с белушонком. Он подъехал к нему поближе и сказал:

— Ну, прощайся со своей мамкой. Теперь я ее прямо на завод свезу...

Тут на берег накатилась небольшая волна. И то ли испугалась Машка, то ли не хотела ноги мочить, только она попятилась задом и наступила на хвост белухе. Та рванулась и, почуяв под собой воду, собралась с силами, вся изогнулась, как рыба, сильно отпихнулась хвостом и сразу оказалась в море.

Лямка была длинная. Прежде чем Васька опомнился, белуха уже далеко отплыла от берега. Она с разгона так дернула лямку, что лошадь от неожиданности села на задние ноги и сползла в воду. Она

тут же попыталась встать, но под водой песок жидкий, как кисель.

Машка не удержалась, сползла еще глубже, а секунду спустя только голова лошади осталась над волнами.

Машка отчаянно билась. Глаза ее налились кровью, ноги работали, как пароходные колеса, но как ни старалась, не могла она справиться с белой. Та повернула в открытое море и понеслась вперед. Она шлепала хвостом, глубоко ныряла и снова поднималась из воды, чтобы вздохнуть.

Лошадь вместе с Васькой тащилась за ней, как на буксире.

На берегу, увидев это, ахнули. А Васька даже и не заметил, как все это произошло. Он только схватился крепче за шею лошади и что есть силы прижался к ней. Секунду спустя он понял, что белуха тащит их в открытое море, сжал Машкину шею еще крепче и отчаянно закричал:

— Папка, тону!

Он бы, наверное, и еще раз позвал отца. Но тут горькая вода набралась ему в рот, он захлебнулся, цветные круги закружились перед его глазами, и все пропало... Он уже не видел и не слышал ничего, но по-прежнему, как клещами, сжимал ручонками шею лошади.

А невод уже притонили. Катеру осталось пройти метров двести. Уже вышел на нос матрос, чтобы бросить конец веревки на берег. Но, как только белуха потащила Ваську, рулевой, заметивший его, круто отвернул катер от берега, наперерез зверю.

— Руби конец! — приказал Семен матросу. А сам выхватил бинокль из футляра и быстро глянул на море, на берег, на невод.

До берега и так было рукой подать, а в бинокль он показался еще ближе. В неводе билось сотни три жирных, крупных белух. Та белуха повернула и пошла вдоль берега. А Васька по-прежнему крепко держался за шею лошади.

«Успею!» — решил Семен.

Матрос уже замахнулся топором, но Семен ему под руку крикнул так, что слышали даже на берегу:

— Стоп, не трогать невод!

На секунду показалось всем, что Семен хватился поздно. Топор блеснул на солнце и с глухим стуком ударил по канату. И все ждали, что вот разлетится пополам канат и зверь лавиной пойдет в море из невода. Но ничего не случилось. Матрос в последнее мгновение успел вывернуть топор, и он ударил по канату плашмя.

В ту же секунду Семен бросился к рулевому.

— Лево на борт! — крикнул он.

— Есть лево на борт! — откликнулся рулевой и перекатал рулевое колесо. Катер рыскнул кормой и круто свернул к берегу.

— Ничего, ребята, поспеем! — сказал Семен так, словно просил прощения у команды катера.—

Поспеем, вот увидите. Держи конец! — крикнул он тут же и сам кинул на берег выброску.

На берегу подхватили ее, выбрали конец каната и всем народом взялись тянуть крыло невода к берегу. Потом заложили канат на ворот, и работа пошла еще быстрее. Широкий полукруг, образованный неводом, с каждой секундой становился уже, и вода внутри него кипела и пенилась от бешеной толчеи зверя.

— Смотри, Антон, не упусти! — крикнул Семен и, оттолкнув рулевого, сам встал к штурвалу. — Давай самый полный! — скомандовал он в переговорную трубку. — Самый полный, слышишь!

Мотор фыркнул и загудел с надрывом. Белый дым повалил из выхлопной трубы. Катер взмылил воду за кормой и понесся следом за той белухой.

Все, кто был на берегу, с волнением следили за этой удивительной гонкой. Ни Васьки, ни Машки с берега не было видно. Только маленькая черная точка бежала по воде, и никто не знал, жив ли еще Васька.

— Пропал Васятка, — сказал кто-то из рабочих.

— Не пропадет, парень крепкий, — отозвался другой.

— Да много ли мальчонке нужно? Глотнет воды разок, и все тут...

— Вот белуха, зверь глупый, — сказал Антон, — а и та, гляди-ка, за детенышем на смерть идет. А он невод сперва привел, а потом сына пошел выручать. Выходит, зверь детеныша больше нашего любит. Так, что ли?

— Не дело болтаешь, Антон, — перебил управляющий. — Белуха зверь глупый, это ты верно сказал. А у Семена расчет. На то он и человек. Спасет он сына, не бойся, только бы руки не отпустил...

Катер несея, не сбавляя хода. Расстояние между ним и белухой быстро сокращалось. Семен передал штурвал рулевому, а сам опять взялся за бинокль.

Васька держался крепко. Когда подоспел катер и белуху вместе с лошадью взяли на буксир, мальчика насилу оторвали от Машкиной шеи. Он весь побелел, глаза у него закатились, а закоченевшие синие пальцы никак не хотели разгибаться.

Отец взял Ваську на руки и отнес в свою каюту. Там он раздел его, положил на койку, растер сухим шарфом и стал делать ему искусственное дыхание. Он разводил сыну руки, сильно нажимал на живот, снова разводил руки...

Наконец Васька вздохнул. Потом его вырвало горькой водой, он закашлялся, открыл глаза и порозовел немножко.

— Папка, тону,— прохрипел он и опять забылся.

Катер причалил к берегу. Лошадь и белуху вытащили на песок. Машка стояла как вкопанная и прядала ушами. А белуха долго билась на берегу. Рабочие поохали, покричали, а потом все опять принялись за зверя.

Только к самой ночи убрали всю добычу. На этот раз попало двести восемьдесят штук.

Всю ночь работал завод. К утру больше половины добычи успели разделать, а утром, в шесть часов, завод закричал тонким гудком, и Васька проснулся.

— Папка, тону,— прошептал он спросонья, но сообразил, что уже не тонет, и, увидев отца, который за столом пил чай, спросил: — Папка, а Машка утонула?

— Все живы, и Машка жива,— ответил отец.

БУТЫЛКА С «КРАСНОГО ЯКУТА»

Китобойная флотилия, продвигаясь на северо-запад, шла во Владивосток. Позади остались просторы Тихого океана, узкая дорожка Панамского канала, бурная Атлантика. Двадцать пять тысяч

пройденных миль лежали за кормой, а впереди, совсем уже недалеко, ждали моряков родные берега.

Флотилия шла строем: впереди «Камчадал» — огромный пароход-завод, за ним, как утята за уткой, три маленьких китобойца.

От восхода до заката в наблюдательных бочках, на мачтах китобойцев, стояли самые глазастые моряки. Они внимательно оглядывали невысокие волны, стараясь отыскать фонтаны китов, но океан, зеленый, как раствор купороса, давно уже не радовал глаз китобоев. От горизонта до горизонта расстился он однообразной пустыней. В этот день так ничего и не увидели...

С утра влажная духота стояла над океаном. Тропическое солнце жгло нещадно. На палубе доски лопались от жары, пузырями вздувалась краска. Днем мало кто по своей охоте оставался на палубе, зато, едва зашло солнце, вытащив из кают тюфяки, матросы, кочегары, мясники и салотопы устроили на палубе парохода сплошную ночлежку. Жарко было и тут. Но тут хоть иногда пролетал над головами людей короткий порыв ветерка, и люди вздыхали с облегчением.

Ночь стояла тихая и темная. За кормой в легком тумане светились огоньки китобойцев. Все шло как надо, по-хорошему... И вдруг страшный взрыв, раздавшийся где-то на корме, разбудил команду «Камчадала».

Спросонья люди не знали, за что приниматься. Одни с тюфяками в руках торопились в каюты, другие тащили добро на палубу. Одни спешили на корму, другие бежали на нос. Цепляясь босыми ногами за снасти, люди падали, налетали в темноте друг на друга...

— Крюйт-камера взорвалась! Котел рвануло! На старую мину напоролись!

Эти новости, неизвестно откуда рождавшиеся, мгновенно облетали все судно и сейчас же умирали, уступив место другим.

Что случилось на самом деле, никто не знал, и многие невольно ждали, что вот-вот раздастся еще взрыв.

Среди прочих был на «Камчадале» матрос, по фамилии Убейволк, а по прозвищу Задерикоза. Он первым оказался возле спасательной шлюпки, сорвал брезент и, свесившись со шлюпочной палубы, завопил не своим голосом:

— Ребята, шлюпки спускай!

Второй раз крикнуть ему не пришлось. Рядом с Задерикозой откуда-то из темноты появился капитан. Он сложил руки рупором и голосом, привыкшим отдавать команду, властно крикнул:

— Не было тревоги! Прекратить панику!

Этот окрик, как холодный душ, подействовал на встревоженных людей. Сразу стихло на палубе и стало слышно, как бултыхает винт за кормой и пыхтит в глубине парохода машина.

Кто-то догадался включить освещение. Вспыхнули лампы. Яркий свет залил палубу, осветил скомканные белые простыни, как снег лежавшие на палубе, сбитые полосатые тюфяки, полураздетых людей, смущенно поглядывающих друг на друга.

Потом открылась машинная дверь, и старший механик, длинный, чуть сгорбленный, весь потный от жары, с руганью вышел на палубу.

— Немцы хитрецы,— закричал он, отыскав глазами капитана,— луну, говорят, придумали, а порядочного баллона сделать не могут! Вон, понюхайте, аромат какой.

В то же мгновение все, кто был наверху, ясно ощутили резкий запах нашатырного спирта. Он быстро расплывался над палубой. И сразу все стало ясно: взорвался большой баллон с аммиаком в холодильной камере.

Холодильник ставили в Германии, по дороге, и теперь механик ругал немцев.

Ночная тревога, поднявшая на ноги экипаж,

оказалась сущим пустяком. Люди, успокоившиеся и немножко сконфуженные, отыскивали свои тюфяки и не спеша укладывались досыпать ночь. Со шлюпочной палубы, воровато озираясь, спускался Задерикоза.

— Шлюпки-то будем готовить или подождем? — спросил боцман, встретившись с матросом на трапе.

Внизу расхохотались. Но Задерикоза будто и не заметил шутки.

— Шлюпки — это первое дело, — важно сказал он. — У меня тоже был случай: налетели мы на мину. И вот как у нас — паника, капитан струсил, голову потерял. Пробоина — что твои ворота, судно тонет. Так бы и пошли рыб кормить. Да спасибо я не растерялся: сразу к шлюпкам, распорядился как следует, по порядочку. Вот тем только и спаслись.

Задерикоза врал до рассвета. А утром прямо из океана поднялось жаркое солнце, и тысячи веселых зайчиков забегали по бортам, по надстройкам, по мачтам. О ночной тревоге скоро забыли, но прошел еще день, и пришлось вспомнить о ней.

Только сели за стол в большой кают-компании «Камчадала», вошел завпрод, перепачканный мукой, и, позванивая связкой ключей, болтавших на пальце, подошел к капитану.

— Беда, Иннокентий Иванович, — сказал он громким шепотом, — в холодильнике жара, как в духовке. Запасных баллонов нет, холод ушел, и хотите верьте, хотите нет: все мясо тронулось. Что теперь и делать, не знаю.

— Не было печали, — сердито сказал капитан и отодвинул тарелку. — Раз тронулось — за борт его. Что же тут еще поделаешь? Нечего заразу разводить. Вы уж сами и распорядитесь, Николай Иванович, пообедают люди, и сразу авралом...

После обеда завпрод выкликнул охотников. Их нашлось больше чем нужно. Ходить за продуктами

в холодильник все любили на «Камчадале». Там было холодно, как зимой. На тонких трубочках, змейками тянувшихся по стенам, рос белый иней. Тут после тропического зноя палубы всегда можно было отдышаться, можно было смахнуть рукой пушистый снежок с морозильной трубки и холодной ладонью провести по уставшему от зноя лицу.

Но теперь иней растаял. На трубках висели грязные желтые капли. В холодильнике стало душно, как в заброшенном погребе, пахло кислыми яблоками, испортившимся мясом и какими-то грибами.

— Беда,— сказал завпрод, окинув глазами свои владения. Сокрушенно покачав головой, он показал глазами на мясо, висевшее вдоль стенки, и добавил грустно: — Ну что же, ребята, давайте...

Матросы снимали с крючьев обмякшие, покрывшиеся серым налетом бараньи тушки, большие куски мяса, свиные окорока... Взвалив на спины тяжелую ношу, они выбегали на палубу и складывали у фальшборта груды добра.

Завпрод еще раз посмотрел на свои пропавшие запасы, потрогал мясо пальцами, понюхал и, вздохнув, сказал, наконец:

— Вали за борт...

Кому-кому, а завпроду было от чего расстроиться. В Гонолулу, где в последний раз стояла флотилия, завпрод по дешевке купил много мяса и надеялся, что хватит до конца рейса. А тут, раз такое дело, снова придется придумывать, чем кормить команду...

Тяжелые куски полетели за борт.

Как раз в это время подбежал Задерикоза с тушей барашка на плечах. Он сбросил барашка прямо за борт в воду. Туша плюхнулась, подняв брызги, и стала медленно тонуть. Вдруг рядом с барашком появилось в глубине длинное светлое пятно. Барашек рванулся в сторону и пропал.

Приглядевшись, все, кто стоял у борта, увидели небольшую стайку огромных коричневых рыб. Они плыли за «Камчадалом», обгоняя друг друга, рыскающая острыми носами, как собаки, бегущие по следу. Когда мясо падало в воду, перевернувшись кверху белыми животами, они хватали кусок и, вырывая друг у друга, торопились в сторону.

— Акулы! — крикнул кто-то, и к борту со всех сторон стал сбегаться народ.

Задерикоза метнулся было в сторону, но, увидев, что ничего страшного нет, тоже протолкался поближе к борту.

— Позапрошлый год мы пароход из Америки гнали, — принялся он рассказывать. — В море у нас машина испортилась. Пришлось стоять двое суток. Тогда вот тоже акулы кругом ходили. А я взял нож и пошел купаться. В один день четыре штуки заколол. Три-то маленькие, метра по полтора, а одна здоровенная попалась, метра три, а то и больше...

— Да ты, оказывается, герой! — сказал боцман. Но Задерикоза сразу заскромничал:

— А никакого геройства тут нет. Тут только смелость нужна. Я бы хоть сейчас с ними пошел воевать, да капитан пароход не остановит...

— А зачем останавливать. Мы тебе акулу на палубу доставим, а ты нам покажи, как с ними управляешься!

— Так это не то, это же плевое дело. И не интересно даже, — сказал Задерикоза.

Но остальным затея понравилась. Боцман притащил из кладовки кусок стального троса, механик послал свободного от вахты кочегара отковать крючок. Через четверть часа тот принес свое изделие: здоровенный крюк в палец толщиной. На одном его конце была загнута небольшая петля, на другом — зарублена бородка, как на гарпуне.

Крюк привязали к концу троса, насадили на него кусок мяса. Боцман осмотрел крючок и на-

живку, плюнул на нее, как в детстве плевал на червяка.

— Ловись, рыбка, большая и маленькая! — сказал он и закинул удочку.

Акулы разом бросились на наживку. Та, что была ближе всех, уже нацелилась, но другая вынырнула из глубины и, опередив остальных, проглотила мясо вместе с крючком.

Трос натянулся. Двое матросов, державших его, поехали по железной палубе, как по катку. Боцман восьмеркой набросил конец троса на кнехты. Акула забилась, метнулась, нырнула в сторону. Но вдруг канат ослаб и завился кольцами.

— Сорвалась! — с досадой сказал боцман и потянул трос на палубу.

Когда поднялся из воды конец удочки, все увидели, во что превратился крюк: вместо него болтался привязанный к тросу прямой железный прут. Акула разогнула крюк как булавку.

— Ну, Задерикоза, придется тебе повоевать. Рыбешка-то, оказывается, не больно тихая, — засмеялся механик. — Поди-ка, Вася, в машинную кладовку, там на нижней полке прутковая сталь есть, скажи, я велел, да из нее и откуй. Да закалить не забудь! — крикнул он вдогонку кочегару.

Пока в машине ковали новый крючок, люди продолжали таскать мясо из холодильника. Но теперь его не сбрасывали за борт, а складывали тут же на палубе для наживки. Неожиданная забава увлекла всех моряков. Даже капитан спустился с мостика и, улыбаясь, смотрел на рыболовов.

Наконец принесли новый крючок. Боцман ударил им о железную стойку, и крючок зазвенел, как хороший топор.

Снова наживили, снова закинули удочку. На этот раз акуле не удалось разогнуть крючка. Взявшись всей командой, огромную рыбину подняли на борт. Перевалившись через поручни, она сорвалась с крючка и стала неистово биться на палубе. Огром-

ная пасть, полная острых зубов, то и дело открывалась и закрывалась. Хищные круглые зеленые, как у кошки, глазки злобно смотрели по сторонам, словно выбирали, на кого бы наброситься.

Задерикоза никак не ожидал от акулы такой силы и резвости. Ему не раз приходилось видеть акул. Он прежде плавал на рыболовном траулере на севере. Случалось, что вместе с треской попадали в трал большие акулы, но там они лежали на палубе как мертвые. То были глубоководные акулы. Когда их поднимали из воды, огромных рыб распирало внутреннее давление, и они сразу подышали. А эта и не собиралась как будто издыхать. Она по-прежнему билась. Задерикоза струсил не на шутку, попятился, потом повернулся и помчался, шлепая босыми ногами по горячий, как плита, палубе.

К пойманной акуле никто и подойти не решался. Наконец боцман взял пожарный лом и замахнулся, целясь в голову огромной рыбины. Но тут сквозь толпу протискался главный повар негр Персифаль Гревс.

В руках он держал толстую палку, остро заструганную с обоих концов, как «чижик».

Вытянув руку, негр дождался, пока акула всю ширину открыла свою огромную пасть, подскочил и точным движением сунул палку ей в рот. Акула разом сжала зубы, но палка вонзилась в обе челюсти, и рот у акулы так и не закрылся.

— Ай да повар! Молодец! Этот и правда в воде с акулой справится, — заговорили со всех сторон.

А Персифаль, очень довольный, обернулся и сказал:

— Акула мой враг. Шесть лет назад акула откусила ногу моему брату, и теперь ему приходится ходить на костылях. В Америке безногому негру очень плохо жить. Если у него нет брата, он, как акула с палкой во рту, умрет с голоду.

Боцман набросил петлю акуле на хвост. Лебедкой подняли огромного хищника над палубой.

Акула побилась еще и успокоилась, слегка раскачиваясь из стороны в сторону.

Моряки обступили ее, рассматривая со всех сторон. Некоторые даже щупали огромную рыбину. На брюхе кожа у нее была белая и гладкая, как у лягушки, а на спине — коричневая и шершавая, как напильник. Кверху торчали острые, как шипы, костяные пупырышки. Пока разглядывали акулу, в первом ряду появился Задерикоза.

— Ты чего же так поздно? — спросил боцман. — Без тебя тут сладили.

— А чего же не подождали? — ответил Задерикоза, ничуть не смутившись. — Я за ножом бегал. А теперь, чего уж, теперь с ней и связываться не стоит. Сбросить ее за борт, пусть там с голоду подыхает.

Но тут капитан вмешался в разговор.

— Редкостная акула попалась, — сказал он, — большая очень. Раз уж так повезло, надо шкуру с нее содрать, засолить да во Владивосток доставить. Хорошее чучело для музея получится.

Так и сделали. С акулы сняли шкуру, уложили в ящик, круто пересыпав солью, а тушу поволокли к борту. Тут из распоротого брюха огромной рыбы вывалились на палубу потроха.

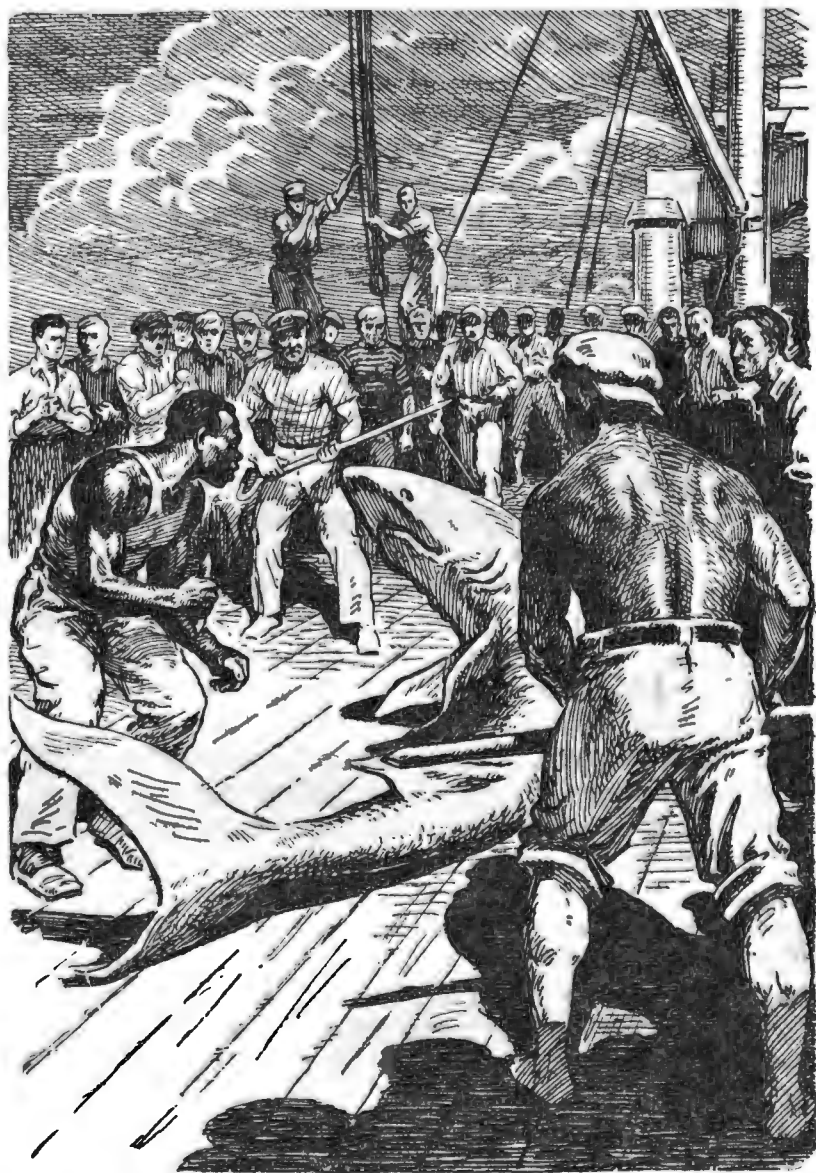
— Задерикоза, вот тебе с кем воевать-то, — сказал боцман. — Спихни-ка это всё за борт да окати палубу.

Задерикоза взял небольшой багор и перевалил мокрую грудку через фальшборт.

Акулы набросились на новую подачку. Две из них вцепились в акулий желудок, разорвали его пополам и пропали в глубине. И тут из-под воды вынырнула, ярко сверкнув на солнце, большая бутылка.

— Бутылка! — закричали со всех сторон, показывая друг другу пальцами. — Эй, смотри, бутылка. Да вон она!

Капитан тоже заметил бутылку, посмотрел в

К пойманной акуле никто не решался подойти.

бинокль, и ему показалось, что в бутылке лежит что-то белое, похожее на бумагу.

Рядом, почти борт о борт с «Камчадалом», шел китобоец «Партизан». Там тоже заметили бутылку и показывали на нее друг другу.

Капитан взял рупор и крикнул:

— Михаил Михайлович! Бутылку видите? Не теряйте ее из виду, подберите, вскройте и, если что дельное, доставьте к нам на борт!

— Есть подобрать! — ответил капитан.

Китобоец отработал задним ходом, остановился и, медленно разворачиваясь, пошел к бутылке. Один из матросов перешагнул через фальшборт, держась за поручни, нагнулся к самой воде, подхватил бутылку и высоко поднял ее над головой. И вдруг, вместо того чтобы догнать «Камчадала», китобоец быстро, набирая ход, помчался в сторону. Матросы, собравшиеся на борту «Камчадала», посмотрели туда и сразу поняли, чем вызван неожиданный маневр: там, куда спешил «Партизан», поднимались над морем фонтаны китов. Это были первые киты, замеченные со времени последней стоянки.

Началась охота. И хоть следить за такой охотой всегда интересно, бутылка, подобранная «Партизаном», не давала команде «Камчадала» покоя.

В наше время, когда в каждом порту есть телеграф, а на каждом морском судне радиостанция, бутылки с письмами стали в море большой редкостью. Пошли разговоры о таких бутылках. Задерикоза, как всегда, уже собрал вокруг себя целую толпу и самозабвенно врал, на ходу придумывая разные невероятные истории. На этот раз его слушали с интересом.

— Бутылка — это дело серьезное, — важно говорил Задерикоза. — Мы вот тоже на севере нашли однажды бутылку, а там написано было, что иола на Медвежьем острове разбилась и вся команда с голоду пропадает. Ну, мы, конечно, прямо туда.

Спасли тогда этих моряков. Так они нас благодарили. А еще я бутылку раз нашел на берегу, на Сахалине. Пошел купаться, гляжу — вроде камень плавает. Что бы, думаю, такое? Поглядел — бутылка. Старинная, вся ракушками обросла. Ну, когда разобрались, оказалось, что она лет полтораста плавала и всю землю кругом обошла. В той бутылке английский адмирал писал, что команда взбунтовалась и высадила его вместе с офицерами на остров. Туда-то уж, конечно, не пошли: где ж там, через полтораста лет? Поздно! А я тогда эту бутылку и письмо в Англию отправил, а потом мне оттуда награду послали. И сам я тоже бутылку запечатывал. Это когда мы на мину налетели. Да, видно, она и до сих пор где-то плавает: океан-то большой, не сразу выловят.

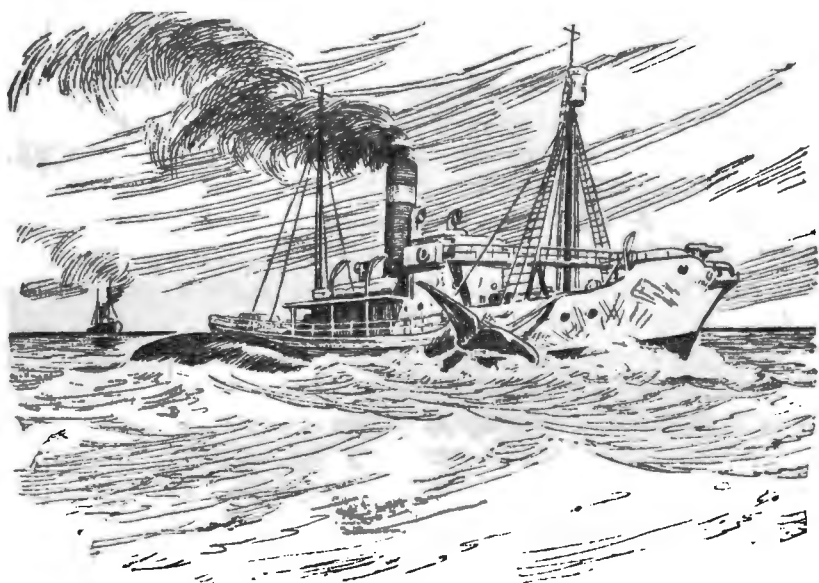
Когда Задерикоза наговорился всласть, пошли рассказы о том, как судили матроса, нарочно бросившего бутылку с письмом о крушении, которого на самом деле не было, но больше всего говорили о той бутылке, которую подобрали на «Партизане».

— Вот помяните мое слово — это старинная бутылка. Тоже небось лет сто проплавала, — уверял Задерикоза.

Тем временем охота на кита шла своим чередом. Китобойцы гонялись за морскими великанами. Издали китов невозможно было разглядеть. Только фонтаны взлетали то тут, то там. А китобойцы останавливались, замирали и вдруг полным ходом бросались в сторону фонтана. Из труб маленьких стройных корабликов валили густые клубы черного дыма и развевались позади, как хвосты. И сами китобойцы были похожи на каких-то проворных зверьков, играющих с добычей.

Уже под вечер над носом «Партизана» поднялось тугое облачко дыма, и по морю прокатился далекий звук глухого выстрела — это догнали кита и всадили ему гарпун в спину.

Потом «Партизан» долго возился с китом, при-

нимая его на буксир, наконец там справились с этим делом и с тушей под бортом пошли догонять «Камчадала».

На «Камчадале» готовились к приемке. На палубу вынесли крючья и ножи, открыли люки, отвинтили крышки жиротопных котлов. Но, хоть каждому хватало работы, нет-нет, а вспоминали бутылку.

Наконец «Партизан» подошел и вместе с китом передал на «Камчадал» письмо, принесенное морем.

Капитан прочитал его, улыбнулся и приказал вывесить на специальной доске возле главной мачты, где вывешивали все важные сообщения.

Один за другим матросы подходили к доске, читали письмо и разочарованные расходились по палубе.

А в письме по-русски, по-английски и по-японски было напечатано:

«Эта бутылка брошена с парусного моторного

судна «Красный якут» с целью изучения течений. Нашедшего просят написать, когда, где и как найдена эта бутылка, и отослать письмо по адресу, напечатанному на обороте.

Капитан парусно-моторного судна «Красный якут».

Задерикоза прочитал письмо, покачал головой.

— Как же, знаю я это судно. Они каждый год эти бутылки бросают. Тоже дело нужное, а как же? И я с ними ходил, этих самых бутылок, наверное, не одну сотню своими руками за борт выбросил. Вот только давеча забыл рассказать. И капитана ихнего знаю. Хороший человек, душевный. Меня уважал очень. Вот ведь где пришлось встретиться: можно сказать, у акулы в животе.

— А тебе самое место — у акулы в животе. Только зря команду взбудоражил, — сказал боцман и громко скомандовал: — На лебедках. Не зевай, поглядывай! Вира помалу! Кита принимать приготовиться!

ПОТОМОК ВИКИНГА

Норвежский пароход «Эрик», груженный мукой, шел на остров Сахалин, в Охту, и в тумане сбился с курса. Он крепко сел на мель, пропорол левый борт и погнул гребной вал.

Капитан не хотел просить помощи. Он решил сняться своими силами: часть муки на кунгасах свезли на берег, остальную сбросили за борт, потом на катере завезли якоря за корму и попробовали судовыми лебедками сдернуть «Эрика» с мели. Но грунт оказался слабым. Якоря пахали песок, а пароход так и не сдвинулся с места.

Тогда «Эрик» дал сигнал бедствия.

Я в то время был боцманом на портовом ледоколе «Богатырь» и не поверил, когда услышал, что нас посылают на помощь. Наш ледокол все лето

простоял на приколе, и в порту говорили, что мы давно приросли к берегу. Казалось, что на сборы уйдет неделя. Но мы приналегли и собрались в тот же день.

Четыреста тонн угля погрузили за восемь часов, взяли водолазов, доски, цемент и вечером еще засветло вышли из порта.

«Богатырь» делал по семнадцати миль в час, и все-таки никто не верил, что мы успеем вовремя: в ноябре Охотское море редко бывает спокойным, а шторм за два часа превратил бы «Эрика» в щепки. Но ему повезло с погодой: тринадцать суток подряд не было свежего ветра.

Мы пришли на четвертый день рано утром. Я вышел на мостик. Наш капитан Леонтий Игнатьевич Стариков был уже там и любовался рассветом. Среди моряков этот Стариков слыл чудачком. Он писал картины масляными красками и капитанский салон на «Богатыре» превратил в мастерскую художника. На свои картины он перевел столько холста, что его хватило бы на оснастку хорошего корабля.

Длинный, стройный, как мачта-однодеревка, в фуражке с позеленевшим «крабом», он стоял, широко расставив ноги, и смотрел, как расходится туман. Освещенные солнцем, яркие как огонь клочья отрывались от воды и таяли в воздухе.

«Эрик», чуть накренившись, огромной серой тушей вылезал из тумана. В гиляцкой деревушке на берегу дымили костры и выли собаки. Дальше синей зубчатой стеной поднимались сахалинские сопки.

— А красиво, понимаете,— сказал Стариков и поднял бинокль.

По тому, как он ощупывал «Эрика», видно было, что теперь уже смотрит моряк, а не художник. Бинокль скользнул по грузовой линии, задержался на секунду у якорных канатов, обшарил палубу, поднялся на мачту и на трубу.

— Ишь, руку-то растопырил, как полисмен, понимаете,— улыбнулся Леонтий Игнатьевич и протянул мне бинокль.

Я оглядел пароход и только тут понял, о какой руке он говорит. На трубе была нарисована ладонь, а под ней — три огромные красные кляксы.

— Это марка компании «Олсен». У них все пароходы так разукрашены. Ну, вот что, понимаете, забирайте-ка людей да заводите буксир. А водолазы пусть пластырь подводят. Довольно загорать. Дернем его за ноздрю да поведем.

Мне пришлось крепко поработать в тот день. Пароход в восемь тысяч тонн — это не рыбацкая шампунька. Надо подумать, как взять его на буксир, а тут еще пришлось помогать водолазам. Они то и дело поднимались из воды, фыркали, как моржи, требовали доски, цемент, болты.

Мы весь день провозились на аварийном пароходе, и весь день нам в глаза лезли эти красные руки. Они были всюду: на белых шлюпках, на ведрах, на спасательных кругах. Точно кто-то захватал окровавленной ладонью всё, что было на палубе «Эрика».

— Придет же в башку такая фантазия! — удивлялись наши матросы. — Здесь поплаваешь, наглядишься — и сам бандитом станешь.

Впрочем, матросы на «Эрике» вовсе не были похожи на бандитов. Добродушные, веселые ребята, все в одинаковых синих свитерах. Они помогали нам крепить буксир, угощали нас сигаретами и с удовольствием курили нашу махорку. К вечеру водолазы наложили пластырь. Они с двух сторон обшили пробоины толстыми досками, налили между ними цементный раствор, а мы обнесли вокруг борта «Эрика» двойную петлю каната, передали буксир и с полного заднего хода дернули.

На «Богатыре» стояла машина в пять тысяч сил. Канат разрезал воду, задрожал и захрустел. Петля обтянулась с такой силой, что краска под

ней задымилась, а кое-где и вспыхнула желтыми огоньками. Из-под кормы ледокола поднялась желтая пена. С «Богатыря» и с «Эрика» все смотрели на канат и гадали: выдержит или лопнет. Вдруг «Эрик» вздрогнул всем корпусом и удивительно мягко сошел с мели. Водолазы еще раз осмотрели пластырь, и поздно вечером, попрощавшись с норвежцами, мы вернулись на ледокол. Туда же перебрался и капитан с «Эрика». Он, должно быть, считал неприличным командовать пароходом, который идет на буксире.

«Богатырь» взял курс на Владивосток.

Ночью я вышел на палубу и встретил капитана. По ночам Стариков часто выходил покурить.

— А пассажир-то наш, оказывается, миллионер, сам хозяин компании «Олсен», — сказал Леонтий Игнатьевич. — Я бы на его месте и плавать не стал, а ему вот не сидится, понимаете. «У нас, говорит, все в роду — моряки, и мне надо плавать». А какой там «надо», просто игрушка это для него, развлечение от безделья. Я у него и про руку спросил, так он мне целую легенду сплел. Интересно: был у них предок Эрик Олсен, пират. Грабил купцов, людей вешал, товары раздавал дружине, а золото складывал у себя в трюме. Столько накопил, что и балласта не надо. Все дороги загородил: ни пройти, ни проехать. А английскому королю это острый нож: всю коммерцию ему старик испортил. Вот он и послал против Олсена свой флот. Тут старику и досталось: все его корабли потопили и дружину перевешали на реях. Только он один и ушел на своем корабле, да и то весь израненный. Пришел домой и чувствует, что отплавал, пора помирать. А там у него было два сына-близнеца. Он их позвал к себе на корабль и распорядился: «Двоим на корабле командовать не годится: садитесь на шлюпки, а как я спущу флаг, так гребите ко мне. Кто первый положит руку на палубу, тот и будет хозяином». Ну, братцы приналегли на весла, и один обо-

гнал другого на полшлюпки. Еще бы чуть, и быть бы ему хозяином, да малость перестарался: сломал весло. А другой тут как тут и уже лезет на борт. Ну, а этому стало обидно, так он выдернул меч, отхватил себе руку и швырнул на палубу. И пришлось старику отдать ему корабль. Ничего не поделаешь: первым руку положил. Вот видите, какая история. А этот, который у нас, прямой потомок того безрукого, и тоже такой, что руки не пожалеет. Интересный мужик. Ну, спокойной ночи, боцман, посматривайте за буксиром, а я пойду посплю до утра.

Я обошел ледакол и постоял на корме. С буксирной лебедки тянулся стальной канат. Он был толщиной с бутылку, но дрожал, как леска, на которой бьется пескарь. «Эрика» не было видно, только ходовые огни из темноты глядели нам вслед.

К утру мы заметно продвинулись к югу, но в Куросиво еще не вошли. Было прохладно. Сопки надели белые шапки, и с моря казалось, что весь Сахалин ежится от холода. Небо обложило серыми тучами, но воздух над морем стоял прозрачный. В бинокль видны были даже деревья на берегу.

Оба капитана прогуливались по палубе. Стариков показывал норвежцу Сахалин, море и чаек с таким видом, будто все это принадлежало ему, Старикову.

Норвежец был ниже ростом, но шире нашего капитана. Фуражка и теплая куртка сидели на нем плотно и складно. На груди у него болтался отличный бинокль. Он то и дело подносил его к глазам.

Говорили они по-английски. Норвежец цедил слова, не выпуская изо рта толстой сигары, а Стариков широко открывал рот, махал руками и чуть не после каждого слова прибавлял по-русски «понимаете». Он на всех языках говорил одинаково нескладно и непонятно.

Они до обеда простояли на мостике, а потом заперлись в салоне. Вечером капитан вызвал меня к себе. Норвежец, сидя в кресле в углу салона, читал старый английский журнал. В другом углу стоял мольберт с начатым портретом.

Леонтий Игнатьевич смешивал краски на палитре. На нем поверх форменной тужурки был синий, перепачканный красками халат. Стариков писал быстро, и на портрете уже можно было узнать норвежца.

Когда я вошел, он положил палитру и познакомил меня с норвежцем.

— Это боцман, понимаете, а это капитан Олаф Олсен. Вот что, понимаете: нас тайфун догоняет,— сказал он и, повернувшись к Олсену, повторил: — Тайфун, шторм, винд, понимаете? — и дунул: — Фу-фу.

Потом, должно быть для убедительности, взял со стола радиосводку погоды и два раза ткнул в нее карандашом.

— Так вы того, боцман, приготовьте бросательные концы, пробки, шлюпки. А команда пусть спит, пусть «в козла» не играют... и сами отдохните. Ну все,— и положил сводку на стол.

Я ушел, отдал распоряжения и обошел ледакол. Все было в порядке, все на месте.

Небо очистилось. На розовом фоне заката сопки казались черными и плоскими, как на дешевом японском веере. Чайки носились вокруг ледакола. Ветра не было, кормовой флаг обвис. Я спустил его, снес в штурманскую и зажег холодные огни. Стало заметно теплее. Мы вошли в Куросиво.

В каюте было душно. Не раздеваясь, я лег на

койку. Вода чуть слышно плескалась где-то за бортом. Когда на мостике пробило десять, я погасил свет и задремал.

Меня разбудила качка. Где-то хлопала дверь. В закрытый иллюминатор была волна. Непромокаемая куртка качалась на вешалке. Я надел ее, заглушил иллюминатор крышкой и вышел на палубу.

Дул свежий теплый ветер. Звезды над головой качались, как на качелях. Все море светилось голубым сиянием. Волны лениво взбирались на низкую палубу и с шумом скатывались в море синими огненными водопадами. Курсиво полно разных светящихся тварей.

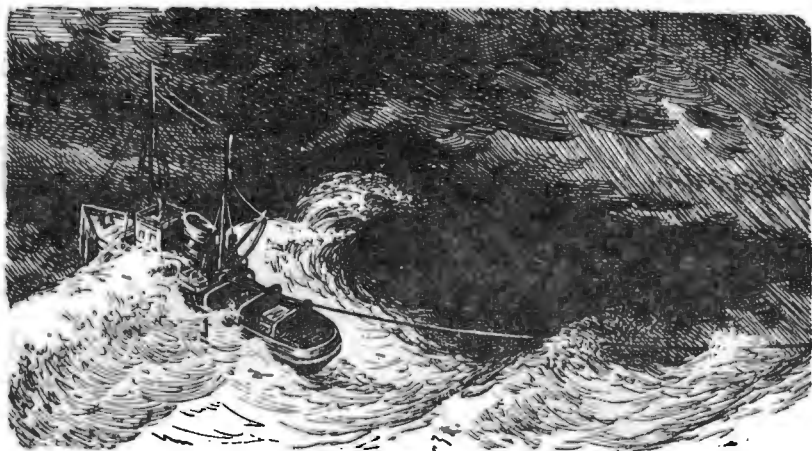
Оба капитана, Олсен и Стариков, стояли на мостике. Олсен в черном резиновом плаще, в сапогах и в кожаном шлеме казался настоящим викингом. Вместо сигары он сосал короткую трубку. А Стариков в длинном рыжем роконе, перепоясанном ремешком, и в зюйдвестке, подвязанной тесемками, выглядел высокой тощей старухой. Он увидел меня и крикнул:

— Ну, началось. Я говорил... Через час разойдется воя. Вы смотрите, чтобы никто там не сыграл за борт.

Через час действительно разошлось. Ветер ревел так, что не стоило разговаривать. Палуба пропала под волнами. Казалось, что одна надстройка уцелела от всего ледокола. «Богатырь» взбирался на волну, падал вниз, кланялся направо и налево. Я никогда не видел такого крена. Мне казалось, что мачты ложатся горизонтально.

«Эрик» рвался за кормой. Его огни то появлялись, то пропадали. Потом на мачте замелькала сигнальная лампа. Радист прочитал: «Вода прибывает».

В этом не было ничего удивительного. Еще бы вода не прибывала в такую погоду в распоротых, наспех залатанных трюмах.

«Эрику» приходилось плохо. Разобьет пластырь — и тогда погибнет и пароход и сорок человек команды. В такую погоду не спасают ни шлюпки, ни пробковые жилеты. Хорошо еще, если мы сами успеем выскочить из этой бани.

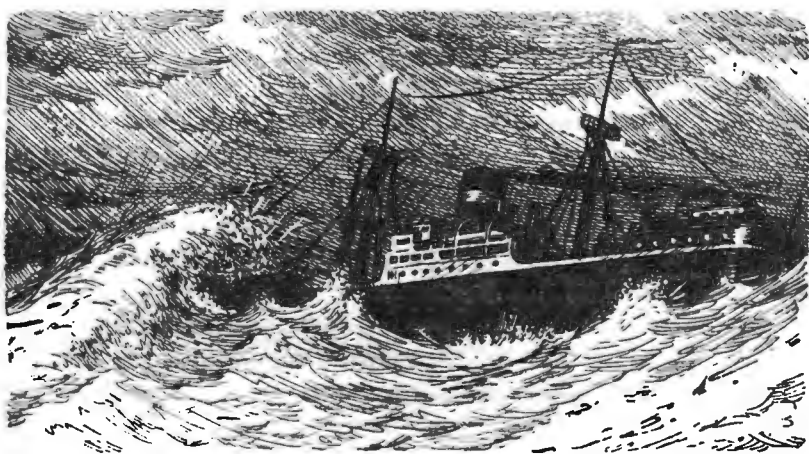
«Богатырь» стонал и кричал. Канат рвался за кормой. Лебедка скрипела.

Казалось, вот-вот спрячутся огни «Эрика» и не появятся больше. А тогда поспевай на лебедку. Прозеваешь, не отдашь вовремя или заест буксир — и прощай! «Эрик» в пять раз больше «Богатыря»: как клонет, так и нырнет за ним, как поплавок за ершом.

Но огни «Эрика» снова поднимались над волнами, и все понимали: это еще не конец. Еще час, два, может быть, пять часов «Эрик» продержится.

А кто знает, сколько продержится шторм? В Охотском море тайфуны дуют по десять суток подряд, а пока что барометр упорно показывает бурю.

Но ветер вдруг сразу упал. Стало душно и тихо, как в погребе. Волны бесшумно вздувались и пропадали. Олсен выбил и снова набил трубку. Я чиркнул спичкой, и она не погасла. Олсен, Стариков и

я — все трое закурили от нее. Я бросил ее, когда огонь обжег мне пальцы.

Наш капитан тревожно поглядывал по сторонам. Он снял зюйдвестку и прислушался.

Потом он заговорил, и странно было слышать его голос. За все это время мы не сказали ни слова.

— Повезло, понимаете, в самую середку заплыли. Давайте, боцман, людей на правый борт, пойдем снимать команду с «Эрика». А буксир отдавайте, к чертям. Пароход все равно пропал, а так, чего доброго, конец на винт намотаем.

Потом, повернувшись к Олсену, он почти то же сказал по-английски. Олсен слушал молча, и я ждал, что он ответит.

— Нет-нет, — сказал он наконец. — Простите, капитан Стариков, но, если бы я вел вас на буксире, я не бросил бы ваш пароход посреди моря. Впрочем, это мое частное мнение, хозяин здесь вы.

— Что вы, капитан Олсен, сейчас центр тайфуна пройдет. Все равно придется бросать, а так хоть людей вытащим.

— Мои люди привыкли рисковать. Ни матросы, ни офицеры не уйдут с корабля. На «Эрике» все — настоящие моряки.

Леонтий Игнатьевич хотел что-то ответить, он открыл было рот, потом вдруг плюнул и крикнул: — Отставить, боцман! Пойдем так, понимаете, — и надел зюйдвестку.

С моря катился нарастающий шум. Потом потянул ветерок. Потом твердые, как дробь, брызги забарабанили по стенкам надстройки. Море опять зашумело. У левого борта встала водяная стена и обрушилась на нас сверху.

На этот раз «Богатырь» окунулся вместе с надстройкой. Мы едва удержались за поручни. Когда вода схлынула, оказалось, что не хватает двух шлюпок. Одна из них еще болталась на канате. Следующая волна оторвала и унесла ее.

Стало вдруг очень холодно, и море сразу погасло. Ледокол обступила ночь, черная, как тушь, и ветер, упругий, как резина.

Огни «Эрика» то появлялись, то пропадали. Наш капитан ушел в рубку. Олсен, облокотившись на поручни, смотрел в темноту. Это был настоящий моряк, викинг.

Я не мог решить, кто был прав — Стариков или Олсен.

Впрочем, теперь было все равно. Осталось одно: ждать, надеяться и пробиваться сквозь бурю. И никто не мог сказать, выиграем мы или проиграем.

Опять тревожно замелькали огоньки на мачте у «Эрика». Капитан высунулся и поманил меня. В рубке было тихо и жарко. Радист работал ключом. Голубая контрольная лампочка вспыхивала на столе.

— Дело дрянь, понимаете, — сказал Леонтий Игнатьевич, — донки у них не справляются. За полчаса в трюмах прибыло на два фута. Скоро нырнут... Ну что там? — обернулся он к радисту.

— Сидит глубже мерки, — ответил радист. — Часа полтора, больше не продержится.

— И чего я, дурак, послушался? Ему парохода жалко, а на людей наплевать, — сказал капитан.

Выходит, он крепче деда, тот руку отрубил, а этот сам утопится за копейку и людей перетопит... Так вот что, боцман, подойти к ним нельзя, все равно разобьет... А если что, людей попробуем снять. Как-нибудь вытащим. А вы встаньте на лебедку и смотрите не проморгайте, а то и нас, как сом гусенка, утянет.

Он вышел на мостик. Ветер с силой захлопнул за ним дверь.

— Ну, попали в кашу,— сказал радист.— Жалко ребят. Немногие выскочат.

Я собрался идти на корму к лебедке.

Когда я выходил, оба капитана под руку вошли в рубку. Спускаясь по трапу, я схватился за холодные поручни и вспомнил о рукавицах. Я оставил их на столе у радиста и вернулся за ними в рубку.

Наш капитан стоял посреди рубки, широко расставив ноги и балансируя руками. Когда я вошел, он обернулся и сердито посмотрел на меня.

— Боцман, пошлите сюда двух матросов, надо проводить вниз этого господина,— сказал он, кивнув в сторону Олсена.— Укачался наш моряк, понимаете, сдрейфил. Давайте, говорит, отдадим буксир. А что там люди — это ему наплевать, своя шкура дороже. Вот он какой, потомственный викинг! Только и хватило до первого случая. Ну, идите, боцман, к лебедке, не надо матросов. А вы, капитан Олсен, останетесь здесь,— закончил он по-английски.— Вам нечего делать на мостике. Как-нибудь обойдемся без ваших советов.

Олсен сердито посмотрел на Старикова, ничего не ответил и сел в кресло.

Я обвязался концом и прихватил себя к лебедке, чтобы не смыло.

Волны свирепо налетали со всех сторон. Лебедка дрожала, буксир ходил и рвался за кормой. Холодная соленая вода то и дело накрывала меня с головой, и тогда казалось, что все уже кончено. А когда корма «Богатыря» вздымалась и канат

уходил отвесно вниз, казалось, что самое страшное только начинается. Но канат выпрямлялся — и опять за кормой появлялись крошечные звездочки — огни «Эрика».

Я долго стоял на лебедке. Ноги устали приноравливаться к качке; руки заоченели, надоело думать о шторме. Хотелось посидеть в теплой комнате, попить чаю с малиновым вареньем. Хотелось спать. Я очнулся от окрика капитана.

— На лебедке! Отставить, понимаете! Пронесло! Маяк открылся!

Полчаса спустя мы вошли в тихую бухту Ольги. К утру наши помпы выкачали воду из трюма «Эрика».

Я вышел на палубу. Утро было холодное и спокойное. Наш капитан стоял у двери салона и тонким ножичком скоблил натянутый на раму холст. Свежая краска сходила легко. Леонтий Игнатьевич стряхивал ее за борт, и глупые чайки хватали цветные полоски и дрались из-за них. Я поздоровался и присмотрелся. Капитан соскабливал портрет Олсена.

— С добрым утром, как спали? — сказал капитан. — А я вот делом занялся, не пропадать же холсту. А гостя дорогого я назад, на «Эрика» списал. Не люблю миллионеров, понимаете.

СЧАСТЛИВЫЙ СТАРИК

Телеграмма пришла на рассвете, а утром мы уже собрались в конторе и обсуждали неприятную новость.

На белушьем промысле Люги прошлой ночью огонь уничтожил склады. Сгорела теплая одежда, сгорели продукты. Это бы еще полбеды. Людей, в крайнем случае, можно перевести на соседний промысел. А вот то, что сгорели белушьи невода, — это

хуже. Таких неводов на Сахалине взять негде, а морем из Владивостока тоже в эту пору не доставишь. Летом-то это дело нехитрое. Но лето давно прошло. Стояла глубокая осень. По Татарскому проливу холодные северные ветры уже гнали льды.

Послать бы ледокол. Да кто же нам разрешит посылать ледокол из-за такого пустякового дела? Для нас-то, конечно, это дело совсем не пустяк. А в порту есть свои дела, поважнее: вот-вот нагрянут морозы, ледоколы каждый день нужны будут на проводке больших кораблей. А на простом, неледокольном судне пробиваться туда, на Люги, навстречу льдам — безнадежное дело. Об этом и думать нечего.

Оставалось одно: махнуть рукой и пропустить весенний ход белухи.

Пропустить весенний ход зверя — все равно, что совсем не ловить. Весной следом за льдом зверь идет прожорливый, напористый, смелый. Идет неслетными косяками и целыми косяками заходит в невода. Вот тут и берут его, пока он не стал осторожным, пугливым и сытым. Считанные дни продолжается весенний «рунный» ход белухи, но за эти дни ловят больше, чем за все остальное лето. Но что ж поделаешь, если сети сгорели?

— Ставим крест на весне? — спросил кто-то, когда мы наговорились досыта.

— Выходит, что так, — поддержали другие. — Запишем на Люги недолов.

Обидно было принимать такое решение, но ничего другого придумать мы не сумели.

Тут в комнату зашел капитан Шайтанов. Он закурил свою прокопченную трубку и уселся верхом на стуле. Пока мы, перебивая друг друга, рассказывали ему о том, что случилось, он молчал, покуривая табак, поглядывая в окно. Казалось, ему дела нет до нашей беды.

Наконец мы замолчали. Шайтанов повернулся так, что стул крякнул под ним. Вынув трубку изо

рта, он зажал ее в волосатом кулаке, обвел нас выцветшими серыми глазами и, помолчав, спросил хрипловатым баском:

— Больше ничего не можете предложить, молодые люди?

А что мы могли предложить? Все утро мы только и делали, что предлагали, да так ничего дельного и не придумали. Мы промолчали.

Тогда Шайтанов встал, широко расставив ноги, нацелился мундштуком своей трубки в окно, точно решил выстрелить из нее, как из пистолета, и чуть прищурился, вглядываясь в даль.

Мы все, как по команде, посмотрели туда же.

За окном низкие тучи торопливо неслись над сопками.

Дул свежий ветер. Залив стал белым от пены. Пароходы, качаясь на волне, низко кланялись друг другу мачтами. Маленькие шампуньки и катера прыгали, как поплавки, дергая якорные канаты.

Шайтанов описал мундштуком широкую дугу и нацелил его на маленькую шхуну, притаившуюся у восьмого причала.

— Вон, видите «Север»? — сказал он обернувшись. — Если найдется десяток моряков, я хоть завтра поведу его на Люги.

Тихий, как утренний бриз, шепоток пробежал по конторе.

— На «Севере» в Татарский пролив, в лед? На этой гнилушке? Да что он, с ума сошел? «Север»... Ему в печку пора, а не в ледовое плавание.

Корабли живут меньше, чем люди. Лет тридцать — сорок, вот и весь корабельный век. Но бывают такие счастливцы корабли, которые плавают по две корабельных жизни. Вот так и «Север». Этот

проплавал семьдесят один год! Хаживал он в холодных полярных морях и в жарких тропических водах. Попадал в такие бури, когда ветер срезает мачты и рвет паруса, и в штили, когда парусники неделями болтаются на одном месте. Он два раза тонул и три раза горел, но из всех бед выходил как ни в чем не бывало, и слава самого счастливого судна прочно укрепилась за ним в порту.

Все это так. Но счастье счастьем, а чудес в наши дни не бывает. И так каждую весну все моряки удивлялись, что «Север» опять, подняв паруса, пыхтя разбитой машиной, выходит в море. А тут вести его на Люги, да в такое время. Посылать в Татарский пролив. Его ветхие борта часа не выдержат напора льдов. Проще никуда не ходить, а здесь, в порту, пустить его ко дну.

Просто смеется Шайтанов, решили мы.

А он смотрел на нас и впрямь улыбался и молчал, точно хотел угадать, что мы думаем.

— Ну что ж, молодые люди, найдем моряков, а? — спросил он наконец и шагнул от окна к большой карте, висевшей на стене.

На карте, сверху вниз, похожий на рачью клешню, протянулся остров Сахалин. Слева, на верхнем его конце, маленьким черным кружочком был отмечен белуший промысел Люги.

Шайтанов ткнул мундштуком во Владивосток и провел линию вверх, вдоль Татарского пролива.

— Не трудно догадаться, — сказал он, — что здесь я не пойду. Это, сами понимаете, безнадежное дело. Пойдем мы вот так. — И он прочертил другую линию, восточнее острова, по открытому морю. — Льдов тут нет, обойдем Сахалин с востока, повернем на запад и будем со льдом спускаться к югу, пока не нажмет покрепче. До Люги скорее всего не дойдем. Но я выброшу шхуну вот тут где-нибудь (он показал где) и выгружу сети. Судно, конечно, погибнет, но сети доставим. А зимой там дороги хорошие, можно и лошадьми подвезти. Дело,

в общем, не сложное, но здесь нужны смелые люди: выбрасываться на Сахалине зимой, сами понимаете, не каждый решится.

И снова шепоток пробежал по конторе:

— Умно придумал старик! «Север» стоит гроши. Все равно ведь на слом. Молодец!

Тут наскоро, чтобы последние сомнения рассеять, прикинули на счетах, и вышло, что Шайтанов кругом прав: жир и кожи тридцати белух с лихвой окупят отжившую свой век шхуну. А весной не по тридцать, сотнями, а то и тысячами белух каждый год берут на Люги. Значит, стоит попробовать!

Теперь дело за смелыми людьми. Впрочем, и смельчаков тут же нашлось больше, чем нужно. Я сам был очень доволен, что Шайтанов без спора согласился взять меня вторым помощником в этот рейс.

В тот же день мы стали готовить «Север» к походу. Провозились весь день и всю ночь и еще целый день. Пришлось сменить подгнившие снасти, кое-где проконопатить палубу, набить на борта ледовые пояса. А старенькую машину даже и перебирать не стали: до места дойдет, как-нибудь дотянет, а дальше уже и не нужно.

Все, без чего можно было обойтись в этом беспримерном, последнем рейсе, сняли с судна и оставили на берегу. Отвинтили медные рейки с трапов и ручки с дверей. Снесли на берег фаянсовые чаши умывальников из кают, вынесли ковры, дубовую мебель, картины, лампы-кенкеты. И от этого, куда ни посмотришь, казалось, что судно безжалостно обворовали грабители.

Мне досталась забота о грузе. Бондари забили сети в бочки. В бочки же сложили аварийный запас продовольствия, закатали в трюмы и туда же, на самый низ, погрузили тонн двадцать песка, чтобы не идти «пузырем». Груза-то «всего ничего» у нас было, и пришлось брать балласт, чтобы не так болтало в море.

И все же поболтало нас крепко. С вечера, как только мы вышли в море, встречный ветер задул с такой силой, что, казалось, вот-вот наш «Север» нырнет под волну и не вынырнет больше. Но шхуна каждый раз бочком выбиралась из-под воды, отряхивалась, как утка, и упрямо шла вперед до тех пор, пока новая волна холодной стеной не вставала перед ее бушпритом.

Наверху, на палубе, трудно было устоять. Впрочем, нам и делать нечего было на палубе. Все, кроме вахтенных, чуть ли не круглые сутки сидели в крошечной кают-компании, без конца пили чай, болтали без умолку. Рыжий механик смешил нас прибаутками, припасенными к каждому слову; старший помощник играл на гитаре.

На четвертый день ветер стих, а к вечеру подул снова, только на этот раз в корму. «Север» распустил паруса «бабочкой» и понесся, как гоночная яхта, едва касаясь пенных гребней волн. Стало теплее, и качало не так жестоко, но все равно никто не хотел без нужды выбираться из прокуренной кают-компаний.

Удивительный это был рейс! В любом плавании на любом корабле половина усилий команды уходит на то, чтобы сохранить судно. А тут одна забота была у нас — дойти до места. А что будет с нашим кораблем — это уже ничего не значило. И поэтому, вроде как посторонние, как гости, чувствовали мы себя на «Севере».

Никто не чистил медные части, по старинной моде украшенные цветочками. Никто не подкрашивал борта и надстройки. Отскочила краска — пускай. Размоталась клетневка на тросе — обрезать, чтобы не болтался, не мешал конец, и все. Блоки скрипят — пускай скрипят, все равно мазать не стоит, до Люги проскрипят как-нибудь.

И так во всем, за что ни возьмись.

В последний трудный рейс шел маленький старый кораблик, ободранный, залатанный кое-как,

давно утративший свою былую красоту. И все-таки шел он гордо, словно знал, что идет на подвиг, и гордо нес над кормой полотнище красного флага.

На восьмое утро нам встретились первые льдинки. В тот же день Сахалин остался у нас с юга, и мы повернули на запад. «Север» накренился на борт, и волны зелеными горами полезли на палубу.

Льды кругом сгущались. Отдельные рыхлые льдинки все чаще и чаще скребли по ветхим бортам нашего судна. С каждым часом чувствительнее становились их удары. Захолодало.

И хотя по-прежнему звенела гитара в кают-компании и самовар, привинченный к столу, тихонько пел свою песенку, но как-то и здесь чувствовалось, что приближается решительная минута. Все чаще и чаще мы все вдруг замолкали и задумывались, чем кончится наш необычный поход.

Еще засветло мы свернули на юг и вступили в пролив. Теперь каждый час приближал нас к цели. До промысла оставалось не больше ста миль.

Ветер снова переменялся, зашел нам в корму, и это очень кстати получилось, потому что залив сужался, льды сгущались, и с каждым часом труднее становилось старику «Северу» выгребать среди льдов. Мы снова подняли паруса, шхуна прибавила ход и скоро вошла в густое, как каша, ледяное месиво. Теперь все время льдины терлись о наши борта, в мочалки раздирая дубовые доски ледового пояса. И, как ни старался Шайтанов избегать столкновений с крупными льдинами, они все злее наседали на шхуну, и с каждым ударом жалобнее трещали ее борта.

Шайтанов не сходил с мостика. Он в бинокль осматривал льды и неприветливые сахалинские берега. Все чаще и чаще взгляд его останавливался у подножий прибрежных скал, где белела полоска прибоя.

Под утро он вызвал меня, приказал выкатить

бочки из трюма. Мы выставили их на палубе и крепко связали длинным канатом.

Потом все оделись потеплее, обвязались пробковыми нагрудниками и рассовали по карманам консервы, галеты и спички. Рыжий механик последний раз смазал машину, вытер руки клочком чистой пакли и вышел на палубу.

Наконец, опустив бинокль, капитан сам встал к рулю. Перекатав спицы штурвала, он положил руль «лево на борт».

«Север» круто накренился под двойным напором ветра и льда, но тут же, сбросив с палубы воду пополам со льдом, выправился и, раздвигая льды, пошел прямо к берегу.

Скалы быстро надвигались на нас. Казалось, сплошной отвесной стеной вставали они над морем. И мне вдруг стало страшно: вот сейчас наш кораблик с полного хода врежется в гранитную стенку, расколется, как орех, волны закрутят и разметут обломки.

Я пожалел, что пошел в этот рейс. Должно быть, и другим было невесело. Все молчали.

Сбившись на самом носу судна, мы смотрели на берег. Каменная стена неумолимо надвигалась на нас, и казалось, что она всей своей громадой клонится к воде и вот-вот сорвется, опрокинется и вместе с корабликом вдавит нас в море.

Когда уже совсем близким стал берег, мы увидели узкую расщелину, промытую в скале горной речонкой. В бинокль Шайтанов заметил ее раньше нас и выбрал ее последним пристанищем «Севера».

Теперь уже не минуты, теперь секунды решали успех дела. Считанные метры остались до берега.

Вдруг судно вздрогнуло тяжелой дрожью. Что-то заскрежетало под килем.

От толчка я чуть не упал на палубу, но успел ухватиться за поручни и посмотрел за борт. Белая пена кипела вокруг. Снизу что-то неимоверно тя-

желое било наше старое суденышко, и от каждого удара «Север», стоя на месте, вздрагивал всем корпусом.

Вдруг он приподнялся. Под килем снова заскрежетало, и огромная волна, накатившись сзади, сбила меня за борт. Ледяная вода ослепила меня и бросила на скалы. Я больно ударился спиной. Тело горело от холода. Кругом бешено шумела пена. Руки заоченели, пальцы не сгибались, и я никак не мог ухватиться за выступ скалы.

Вдруг все переменялось. Ветер над моей головой внезапно стих, вместо пены кругом поднималась и оседала зеленая вода. Она уже не хлестала о берег — она дышала медленно и спокойно.

Оглянувшись, я увидел, что «Север» вошел в устье речонки и, накренившись на борт, заклинил расщелину, заслонив нас от ветра.

Кое-как, скользя и ушибаясь, я выбрался на берег и огляделся. Волны, налетавшие с моря, перекачивались через палубу «Севера», и с каждой волной он ниже оседал под страшными ударами. Бочки с сетями смыло в воду, они качались у самого берега. Один за другим выбирались на скалы наши ребята. А старик Шайтанов по-прежнему стоял на мостике, держась за спицы штурвала.

Он что-то крикнул мне, но в узком ущелье стоял такой грохот, что я ничего не расслышал.

«Север» кренился все больше и больше, медленно оседая, пока совсем не лег на борт. Тогда Шайтанов спокойно, как в купальне, спрыгнул в воду и поплыл к берегу. Несколько рук потянулись навстречу его посиневшим от холода рукам.

— Ну-с, молодые люди, спички есть? — спросил он, как только оказался на берегу.

Механик достал из кармана жестяную коробочку со спичками и окоченевшими пальцами стал открывать крышку.

С полчаса по пояс в ледяной воде мы провозились с тяжелыми бочками.

— Давайте сюда,— сказал капитан,— да наберите чего-нибудь посуше. Ну, бегом, бегом, скорее согреетесь! Да не все, двоих хватит. Остальные займитесь бочками, а то унесет, чего доброго.

С полчаса по пояс в ледяной воде мы провозились с тяжелыми бочками, а когда выкатили их все до одной, под защитой скалы уже пылал высокий костер. Мы сели у огня и стали сушить одежду.

— Вот так, товарищи,— смеясь, сказал Шайтанов, когда все собрались у костра,— разрешите поздравить с благополучным прибытием в порт назначения. Груз сдан на склад, команда уволена в отпуск. У меня всё, товарищи.

Час спустя мы раскинули лагерь. Из бочек и брезентов построили отличную палатку, из сетей сделали постели, сложили очаг и зажили робинзонами на берегу. Еды было вволю, топлива сколько угодно. А через два дня шторм затих, и в нашем лагере стало совсем как на курорте.

За эти два дня волны добились ветхий кораблик.

А еще через десять дней пролив замерз, и мы по льду перешли на соседний промысел.

Зимой на лошадях сети увезли на Люги, но это сделали уже без нас. Мы пешком добрались до нефтяных промыслов и на самолете улетели в Хабаровск.

Лететь нам пришлось как раз над тем местом, где закончил свое последнее плавание наш старик «Север». Самолет шел низко. В окно ясно были видны остатки нашего лагеря, бочки с сетями и выброшенные на берег обломки судна. А через полчаса, когда мы сели в Николаевске и шум мотора стих, Шайтанов сказал, ни к кому не обращаясь:

— Счастливый старик!

И мы потом долго спорили, о ком он сказал — о себе или о «Севере» и о его удивительном конце.

БАНДИТ

I

Небо, и без того темное, еще потемнело, точно свинцом налилось. Ветер налетел, подхватил твердые, как крупа, снежинки, закрутил их, поднял столбом, унес куда-то, и опять стало тихо-тихо кругом.

Володя остановился, глянул на компас и поправил за плечами тяжелый рюкзак. В рюкзаке, в самом низу, лежали консервы и шоколад. Над ними — вяленая рыба, сухари, а на самом верху, туго скатанный, связанный ремешками, теплый спальный мешок. На поясе у Володи с одной стороны висел большой охотничий нож, с другой — пистолет в кобуре.

— Жарко! — сказал Володя.

Он расстегнул ворот меховой куртки, забросил за плечи длинные уши оленьей шапки, глянул на компас и зашагал дальше. Твердый ледяной наст, проламываясь под тяжестью шагов, звонко захрустел у него под ногами.

Володя давно ждал пурги. Низкие тучи весь день ползли по небу. Налетая порывами, подхватывая и крутя снежинки, холодный ветер сразу набирал силу, и тогда казалось, что вот уже началось, понесло... Но ветер так же внезапно затихал, и тысячи снежинок с легким звоном падали на холодный наст.

Тогда Володя оглядывался на след, посматривал на компас и прибавлял шаг. Он очень торопился. Он решил не отдыхать, пока не начнется пурга. Ведь в пургу — хочешь не хочешь — все равно придется отдыхать. Было бы только где.

На гладком ледяном поле может и вовсе замети в пургу. Но тут повсюду по пути попадались ропаки и торосы, и Володя так выбирал путь между ними, чтобы на случай беды было где укрыться.

Ропакки он обходил, через торосы приходилось перелезать, карабкаясь на четвереньках, но лучше уж так, чем на голом месте оказаться в пургу.

А Бандит бежал сзади. И он тоже сторонкой обходил ропакки, перебирался через торосы, но ему было легче: он ничего не нес.

Вдруг ветер разом застонал, засвистел, и в ту же секунду все пропало: и ропакки, и торосы, и небо. Только снег, колючий, жесткий снег, сплошным потоком мчался куда-то, кружась и завывая на лету.

— Бандит, ко мне! — крикнул Володя и бросился туда, где приметил торос повыпше.

Тут, под торосом, тоже было не больно уютно: лед, обглоданный ветрами, жесткий холодный снег. Но зато ветер сюда не залетал, и казалось даже, что здесь потеплее. А когда Бандит уселся у ног и принялся скусывать лед с широких, как лыжи, лап, Володя почувствовал себя совсем как дома. Он присел на снег, развязал рюкзак, дал Бандиту небольшую вяленую рыбку, а сам съел горсть сухарей и полбанки консервов. Потом он расстелил спальный мешок, забрался в него, положил рюкзак под голову и улегся на бок. Бандит устроился рядом, прямо на снегу.

— Ну, Бандит, мы с тобой нынче здорово поработали, — сказал Володя. — Если дальше так пойдет, через неделю будем в Охотске.

Бандит ничего не ответил. Он только посмотрел на Володю умными серыми глазами и потеснее прижался к мешку. Володя закрылся теплым меховым клапаном и скоро они с Бандитом заснули.

II

Как раз в это время на шхуне «Чукотка» собрались к ужину. За длинным столом уселось девять моряков — кто в полосатой тельняшке, кто в легком кителе, кто в сетке.

Маленькая чугунная печурка, привинченная к полу, раскалилась чуть не докрасна. В ней, шипя и гудя, пылали пористые камни, густо смоченные нефтью.

На столе стояло большое блюдо с макаронами. На потолке висела ярко начищенная лампа. Было и тепло и уютно, а ужин все-таки проходил невесело. Семерых товарищей не хватало за столом. Один из них — Володя Ченцов — ушел, а шестеро лежали на койках, больные цингой.

На шхуне больше половины людей плавали недавно. До этого плавания новички только понаслышке знали о цинге, а тут, как пришлось увидеть ее своими глазами, цинга нагнала на них страху. Молодым ребятам непонятно и страшно было, что здоровые люди ни с того ни с сего начинали вдруг жаловаться на слабость, бледнели, стонали по ночам, а наутро вставали вялые, с мешками под глазами. Больным ничего не хотелось: ни есть, ни гулять, ни работать, ни читать. Одна забота была у них — добраться до койки и укрыться потеплее. Потом у больных из десен выступала кровь, и они даже говорить переставали.

А старые моряки, которым не впервой приходилось зимовать на севере, те тревожились еще больше. Они-то не раз видели цингу и знали, что тут хорошего ждать не приходится. Вот так полежит больной, потом у него начнут падать зубы, потом ноги и руки распухнут, одеревенеют, и тогда уж — лечи не лечи — нет от цинги никакого спасения. Тогда один конец — смерть.

Лечить цингу нужно с самого начала, а на шхуне лечить было нечем. От цинги одно лекарство: свежие овощи, зелень, молоко. А тут ни зелени, ни молока не было на много миль кругом.

«Чукотка» зазимовала в крошечной бухточке у маленького скалистого островка в Охотском море. На этом островке не то что овощей, на нем и травы не бывает. На скалах растет один мох, да и

тот не очень густой. И звери там не водятся — только птицы гнездятся на скалах в летнее время. Ничего завидного нет на этом островке, и корабли туда редко заходят. А «Чукотку» загнала на этот островок нужда.

Поздним временем вышла «Чукотка» из бухты Нагаева. Туда завезла она полный груз продовольствия и лекарств на зиму, разгрузилась и пошла домой, во Владивосток. И хотя уже бурная холодная осень стояла над морем, но на шхуне и на берегу надеялись, что поздний рейс кончится благополучно.

Сначала все и шло по-хорошему. С разных сторон налетали на шхуну ветры, волны качали «Чукотку» на белых гребнях, но прочная, красивая шхуна, точно смеясь над ветрами, танцевала на крутых волнах, кланялась мачтами вправо и влево, а сама шла да шла вперед, оставляя за кормой пенный след.

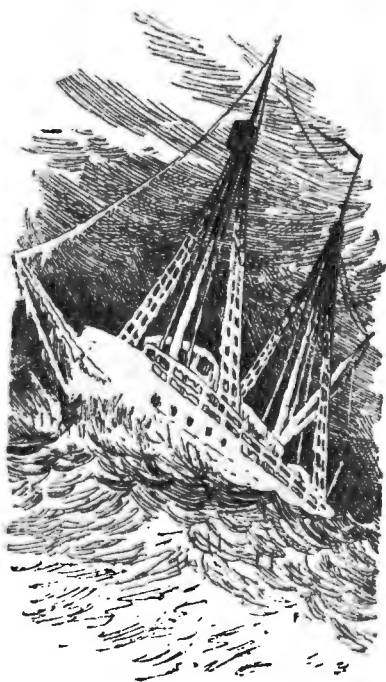
Так прошли три дня. А на четвертый задул штормовой ветер с севера и такой мороз ударил, что соленые брызги замерзали прямо на лету. Шхуна стала обрастать слоем льда. Палуба превратилась в сплошной каток, на мачтах, на надстройках повисли огромные косые сосульки. Ванты стали толстыми, как бревна. Груз льда увеличивался с каждой минутой. Шхуна глубоко осела в воду, стала качаться медленнее, но зато размахи ее качки с каждым разом становились шире и тяжелее. Казалось, вот-вот она совсем ляжет на борт и уж больше не поднимется над водой.

Тогда вся команда шхуны — кто с топором, кто с тяжелым ножом, кто с железным прутком — вышла воевать со льдом. Люди разбивали лед. Он разлетался на тысячи кусков, волны смывали осколки за борт, но ветер бросал на судно новые тучи брызг, и лед нарастал снова.

Некогда было ни отдохнуть, ни погреться. Проклиная ледяной шторм, люди два дня не сходили

с палубы и отстояли шхуну.

Ветер сбавил, волны уменьшились, но зато мороз ударил еще крепче. В каютах зажгли печурки и камельки, и тут, на несчастье, вспыхнул пожар в радиорубке. Его погасили скоро, но огонь успел обглодать передатчик, и шхуна осталась без радиосвязи. Слышать-то землю слышали хорошо. Приемник не пострадал от пожара. А сами на землю не могли передать ни слова и, случись беда, так бы и пропали без вести.

А беда, как назло, караулила шхуну в море. Набежали тучи. Крупный снег повалил с неба, и полчас не прошло—все море покрылось густым слоем «сала» — мокрой снежной кашей, которая вот-вот могла «схватиться», превратиться в лед, и тогда бы несдобровать «Чукотке». Вот так и случилось, что завернула «Чукотка» к маленькому необитаемому островку. Здесь, в бухте, капитан решил переждать, пока потеплеет, а уж если накрепко, до весны, встанет лед, здесь же решил он и зимовать.

На зимовке всем сначала даже понравилось. После трудного рейса моряки отдыхали кто сколько хотел. Делать было нечего, только по утрам всей командой выходили на лед и со всех сторон окалывали шхуну. Пешнями и топорами разбивали на куски намерзший за ночь лед, железными крючьями вытаскивали осколки и складывали тут же, воз-

ле шхуны. Скоро целая стена выросла вокруг «Чукотки», и со стороны могло бы показаться, что моряки строят потешную ледяную крепость. Но, конечно, не для потехи трудились люди. Лед окалывали, чтобы он не раздавил шхуну.

После околки завтракали все вместе. Потом читали, играли в домино, слушали радио. Приемник работал исправно, и все слышали, как несколько дней подряд с берега вызывали «Чукотку», разыскивая шхуну в море, спрашивали, где она, что случилось. Но ответить было нечем, и недели через две вызовы прекратились. На берегу решили, должно быть, что шхуна погибла во время шторма.

Когда отдохнули вдоволь, принялись за ремонт. Сменили подгнившие снасти, проконопатили палубу, кое-где заново покрасили надстройки. А механики разобрали машину, промыли керосином, заменили кое-какие части и собрали снова, чтобы весной, как позволит лед, сразу без задержки выходить в море. И, хоть до весны еще далеко было, все на «Чукотке» только и думали о весне.

Когда закончили ремонт, опять стало много свободного времени у людей. Тогда капитан и механик стали заниматься с командой. Капитан учил находить дорогу в море по солнцу и по звездам, разбираться в морских картах и грузить суда. А механик объяснял устройство машины и рассказывал, как она работает и как управлять ею.

Народ на «Чукотке» подобрался дружный. Время проходило незаметно, и не успели моряки настоящему заскучать,— прошло два месяца.

И вдруг ни с того ни с сего заболел цингой боцман. На другой день слег еще один матрос, потом через неделю заболело сразу еще двое, и зимовщики приуныли. Вот тогда Володя Ченцов и отправился к капитану.

— Петр Михайлович,— сказал он.— А что, если на берег сходить да оттуда на нартах привезти овощей?

— Что ты, Володя! — ответил капитан. — Здесь до берега с лишним полтораста миль. Кто же в такую даль пойдет?

— Да я бы и сходил, — сказал Володя. — Вы не сомневайтесь, Петр Михайлович, я по льдам ходить привычный. У нас на севере, на зверобойке, другой раз за день-то миль по тридцать оттопаешь.

— И не думай, Володя, — возразил капитан, — заблудишься, замерзнешь, зря пропадешь. Уж как-нибудь перезимуем. До весны-то всего ничего осталось.

Володя послушался. А на другой день заболел механик. Тогда Володя снова пришел к капитану. Капитан, хоть и не так решительно, но все же и на этот раз не отпустил его. И только через два дня, когда слег еще один молодой матрос, капитан наконец сдался.

— И так горько и так не мед, — сказал он, — ну, да, видно, быть по-твоему. Ступай, Ченцов, только смотри, осторожно. А то, глядишь, и сам пропадешь и нас не выручишь.

Потом он развернул карту, и они вдвоем с Володей долго обсуждали, как лучше идти, как одеться, что взять с собой, где делать привалы и ночевки. Решили, что Володя пойдет на Охотск, и капитан рассказал, по каким приметам узнать охотские берега.

В тот же вечер все зимовщики собрались в столовой, написали родным телеграммы о том, что живы и зимуют в море. За ночь сшили Володе спальный мешок из капитанской дохи, собрали рюкзак. А утром, когда все было готово и пришло время прощаться, Володя попросил, чтобы с ним отпустили Бандита.

— Харчей как-нибудь хватит, — сказал он, — а вдвоем в дороге все будет веселее.

Потом позавтракали поплотнее, на дорогу, по обычаю посидели молча, Володя оделся и пошел не спеша.

Все здоровые вышли его провожать. Володя крепко пожал всем руки и зашагал по льду.

— Прямо на север, так и иди, никуда не сворачивай! — крикнул вдогонку Володе капитан. — Как раз на Охотск и выйдешь. Да на компас почаще поглядывай!

— Есть на север! — ответил Володя. — Бандит, за мной!

Бандит сначала побежал за ним, потом сел на снег, вскочил, кинулся к капитану и, стоя около него, долго смотрел вслед Володе. А когда Володя скрылся за ропаками, Бандит взвизгнул, отбежал немного, опять сел и вдруг сломя голову бросился за Володей.

— Вот что значит друзья-то! — сказал капитан, и, постояв еще, все не спеша пошли назад на шхуну.

III

Никто точно не знал, откуда Бандит взялся на «Чукотке». Известно было только, что Володя первый с ним познакомился.

Однажды в Амурском лимане «Чукотка» стояла на рейде и ждала прилива.

День выдался трудный. С утра выгружали шхуну, потом принимали новый груз, и к вечеру, когда отошли от причала и встали на якорь, все так намаялись, что замертво повалились на койки. А Володе спать не полагалось, он остался стоять на вахте.

Ночь выдалась тихая и темная. На небе ни звездочки, только высоко на мачте светился фонарь да на фарватере далеко-далеко загоралась и гасла мигалка.

От скуки Володя ходил по палубе и считал шаги. Но как-то все получалось, что он сбивался, и приходилось начинать снова. Потом ему захотелось закурить. Он в темноте набил трубку, чиркнул

спичкой и тут заметил у машинной двери какую-то серую грудку вроде грязной пакли.

Володя решил, что это механики вытащили из машины грязную обтирку и бросили ее на палубе.

«Ишь, духи нечистые, им палубу не убирать, вот и швыряют где попало», — проворчал Володя и пихнул грудку ногой.

Но грудка вдруг заворчала, поднялась. Володя зажег другую спичку. Перед ним стоял огромный кудлатый пес, махал хвостом и скалился, но не сердито, а ласково.

«Ах ты, бандит», — сказал Володя и протянул руку, чтобы погладить пса. Тот не огрызнулся, не отбежал, наоборот, придвинулся к Володе и потерся о его ноги.

«Вон ты какой ласковый», — сказал Володя и погладил собаку. Она была очень тощая.

«Как же ты к нам на шхуну забрался? — допрашивал Володя. — Небось есть хочешь?»

Он принес с камбуза большую миску с макаронами. Собака в одну минуту управилась с ними, а потом всю ночь ни на шаг не отходила от Володи. Вахта прошла незаметно. А под утро пес свернулся клубком и заснул.

Когда к концу вахты, потягиваясь и зевая, вышел на палубу сменщик, Володя сказал:

«Ничего такого за ночь не случилось. Все в порядке, только вот лишний пассажир у нас на судне — Бандит».

«Какой такой бандит?» — удивился матрос.

«А вот какой», — ответил Володя и свистнул тихонько.

Пес послушно прибежал, стуча по палубе когтями.

«Вот он какой, Бандит,— повторил Володя и почесал собаку за ушами.— Вот он какой, Бандит. Должно быть, с причала к нам забежал. А знатный пес будет»,— добавил он и пошел спать в каюту.

Пес наутро перезнакомился со всей командой, и скоро все на судне его очень полюбили. На сытных судовых харчах он скоро отъелся, шерсть у него стала блестящей и чистой, а кличка Бандит так за ним и осталась. Лапы у Бандита были мохнатые и широкие, как лыжи, морда обросла густой серой бородой, умные глаза смотрели хитро и весело. Красивый вышел пес. И сторож из него получился отличный: другой раз тюленя в море заметит и сразу — лаять. А уж если лодка подойдет поближе или на стоянке ступит на трап посторонний человек — тут Бандита не сразу и успокоишь. Лаял он грозно, вид имел внушительный и характер неплохой: ласковый, послушный и добродушный.

Однажды с Бандитом вышел такой случай: у помощника капитана собрались гости — моряки с других судов. Они засиделись до поздней ночи. Вспоминали прошлое, рассказывали друг другу разные морские истории. Кто говорил правду, кто выдумывал, а под конец один рассказал страшную небылицу про старого боцмана. Этого боцмана похоронили в море, и вот будто бы после этого он каждую ночь стал являться к кому-нибудь из команды.

В маленькой каюте накурили. Круглое окошечко, выходившее прямо на палубу, открыли настежь. И не успел рассказчик довести до конца свою страшную сказку — глянул на окошко, да так и замер: с палубы в каюту заглядывал старик, обросший густой седой бородой.

И хоть все понимали, что бояться тут нечего, а все-таки как-то не по себе стало. Даже сам помощник капитана и тот немножко испугался, но тут

же узнал Бандита, расхохотался и протянул ему кусок колбасы. Бандит колбасу съел, облизнулся и отошел от окошка. А на Чукотке с тех пор еще больше полюбили Бандита и хвастали морякам с других судов:

«Ох и страшный зверь у нас на шхуне живет: семерых храбрых моряков до смерти перепугал».

Теперь Володя с Бандитом ушли, и, конечно, на шхуне без них стало как-то тоскливее.

Володя был парень ловкий, веселый и товарищ хороший. Для каждого было у него в запасе доброе словцо, каждому он готов был помочь, когда трудно приходилось в плавании, никогда не жаловался, а если опасная работа предстояла, Володя всегда первый бесстрашно брался за нее.

Но больше всего любили Володю за то, что слово у него было твердое: если уж скажет — значит, сделает.

И теперь, хоть и жалко было отпускать с зимовки такого человека, все на судне надеялись: как ни труден путь — не сдастся Володя, дойдет до Охотска и пришлет оттуда и овощи и лекарства.

Об этом только и говорили целый день. Рассчитывали так и этак, по сколько километров может за день пройти Володя; спорили, какая будет погода; прикидывали, сколько времени будут собирать нарты и сколько им идти из Охотска. И, как ни гадали, выходило, что к концу месяца, не позже, придет помощь с берега.

А на другой день, как раз перед ужином, поднялась пурга. И сразу всем стало невесело и тревожно. Моряки часто поглядывали на темные окна, за которыми бушевали снежные вихри, прислушивались к ветру. И разговаривали вполголоса, будто чем провинились друг перед другом.

— Ишь как завывает, — сказал один матрос. — Вот так покрутит недели две, и пропал наш Володя.

— Да и нам тогда несдобровать. Всех цинга,

как котят, передушит. Весной и якорь поднять некому будет,— мрачно откликнулся другой.

— Ну-ну, нечего каркать напрасно! — строго осадил капитан. Он-то знал, что плохое настроение — верный союзник цинги.

А когда ветер завыл особенно жалостно и протяжно, юнга сказал:

— Это наш Бандитка скулит.

И всем вдруг представилось, что Володя лежит холодный, засыпанный снегом, а Бандит стоит над ним, высоко подняв морду, и воет.

IV

Володя спал крепко. Он даже ни разу и не проснулся за ночь. Утром, высунув голову из мешка, он увидел, что пурга улеглась, и сразу вскочил. Бандит тоже проснулся, отряхнулся, запрыгал вокруг хозяина и завилял хвостом.

Володя вытряхнул мешок, сложил его, доел вчерашние консервы, дал Бандиту полрыбки и большой сухарь. Потом он умылся снегом, вытерся шарфом, надел рюкзак на плечи, посмотрел на компас и двинулся в путь.

К обеду они сделали привал. Поели, отдохнули немножко и сразу двинулись в дорогу. Долго шли, опять немножко отдохнули, а потом уже шли без отдыха до темноты. Погода стояла хорошая, и Володя спешил. Ведь шли они в таких местах, где на погоду никак нельзя рассчитывать.

Ночью опять поднялась пурга. Но к утру небо очистилось, и ветер улегся. Только много снега навалило за ночь, и идти стало гораздо труднее.

Володя часто проваливался по колено, а то и по пояс. Иногда приходилось выбирать, разгребая снег руками, и бывало так, что Володя за час проходил меньше километра.

А Бандит забегал вперед, стоял, обернувшись к

Володе, и словно торопил его и удивлялся, что он так медленно идет.

Иногда он даже лаял. Иди, мол, поскорее!

И Володя отвечал ему как человеку:

— Тебе-то хорошо, у тебя вон лыжи какие. Кабы мне лыжи, пожалуй, и ты бы за мной не угнался.

В этот день прошли они совсем немного, а устал Володя так, что к вечернему привалу пришел совсем без сил. Выбрав надежный ропак, он сбросил рюкзак, сел на него и минут пять сидел — набирался сил, чтобы развязать ремни и расстелить спальный мешок.

Зато потом три дня пути прошли легко. Старый снег поулегся, новый не выпадал, ветра совсем не было, и к концу шестого дня пути, по Володиным расчетам, выходило, что полдороги осталось позади. А продуктов в рюкзаке было еще порядочно, потому что Володя все время очень экономил.

Седьмой день пути тоже начался хорошо, но к полудню небо обложило тучами, а еще час спустя поднялась пурга. На этот раз она бушевала три дня подряд. И, хоть не терпелось Володе скорее идти дальше, пришлось смириться и три дня сидеть под торосом в крошечной снеговой пещерке. Сперва Володя отоспался, отдохнул, а потом целыми днями играл и разговаривал с Бандитом.

— Ничего, Бандит,— говорил он, оглаживая собаку,— отдохнем тут как следует, а как пурга уляжется, еще быстрее зашагаем. Зато как придем, ты у нас героем будешь. Купим тебе серебряный ошейник, на хвост шелковый бант привяжем, колбасы дадим — целый круг.

А Бандит слушал, чуть подняв ухо, скалился и как будто понимал, что ему говорит Володя.

Наконец погода утихла. Надевая рюкзак, Володя вскинул его на руке и встревожился: за эти дни рюкзак заметно полегчал, и Володя подумал о том, что придется уменьшить порции и себе и Бандиту.

Еще через три дня, как ни экономил Володя, они с Бандитом доели последнюю банку консервов, последнюю рыбку, и, поднимаясь с привала, Володя заботливо уложил в рюкзак горсть сухарей и две плитки шоколада — все, что у них осталось.

Но зато и идти осталось совсем недалеко. Нескольким раз Володе казалось, что он видит горы охотского берега. Но каждый раз, приглядевшись получше, он убеждался, что впереди не сопки, а ледяные валы, а то и просто низкие облака.

Наконец они с Бандитом поделили последний кусочек шоколада. Теперь ничего не осталось у них про запас, нечего было и в рюкзак укладывать. На привале Володя приделал ремни прямо к спальному мешку, а рюкзак бросил, чтобы не тащить лишний груз. Он хотел было бросить и тяжелый пистолет, но передумал и снова пристегнул кобуру к поясу.

Идти по снегу и прежде было нелегко, а тут с голоду и усталости пришлось совсем трудно. Все ту же и ту же подтягивал Володя ремень, все чаще и чаще приходилось делать привалы. На одном из них Володя прилег, чтобы немножко набраться сил, и незаметно для себя заснул.

Проснулся он от громкого лая. Бандит прыгал вокруг него, лаял и теребил за куртку. А кругом свистел ветер, и, звеня и кружась, неслись миллионы снежинок.

Володя забрался под торос, развернул мешок и улегся. Но перед тем, как заснуть, он крепко обнял Бандита, поцеловал его прямо в морду и сказал:

— Спас ты меня, зверь: еще бы чуть, замело бы меня совсем, тут бы мне и могила!

Тревожно прошла для Володи эта ночь. Сколько продлится пурга? Далеко ли до цели? Сейчас это было важнее всего на свете, а Володя и сам себе не мог ответить на эти вопросы. Одно он знал твердо: каждый день, каждый час отнимает у него

силы, а без сил в безбрежных снегах одна судьба у человека — холодная смерть!

Только под утро Володя забылся коротким сном, а когда проснулся, сразу легче стало на душе: пурга улеглась, небо очистилось, кругом лежала морозная тишина.

Очень не хотелось Володе вылезать из теплого мешка, но он поднялся, свернул мешок, забросил его за плечи и упрямо зашагал вперед. И опять показалось ему, что впереди, на горизонте, встанут над ледяными полями высокие белые сопки.

— Ну, Бандит, прибавь шагу, пришли! — весело сказал Володя.

И хоть он к Бандиту обратился с этими словами, а сказал-то их больше для себя: уж очень ему хотелось самому поверить, что на этот раз ошибки нет, что впереди — берег.

Так и шли они до самого вечера. На последнем привале Володя совсем обессилел. Он с трудом растелил мешок, залез в него и сразу заснул. Но проспал он недолго. На этот раз разбудил его пустой желудок, и, сколько ни старался Володя не думать о еде, мысли упрямо сворачивали на вкусные, жирные, горячие кушанья, и от этих мыслей заснуть было еще труднее. В эту ночь Володя плохо выспался, плохо отдохнул. У него едва хватило сил подняться, а когда он встал, голова у него закружилась, и он долго не решался нагнуться за мешком — боялся, что упадет.

«Все равно, — грустно подумал он наконец, — дойду сегодня — тогда пан. А не дойду — пропал! И так и так мешок мне не нужен».

И, глянув на теплый мешок, он собрал последние силы и зашагал вперед, туда, где неясной грядой виднелись в холодном тумане прибрежные сопки.

Едва передвигая ноги, прошел он часа полтора, с каждым шагом теряя последние силы. В голове шумело от усталости, мысли сбивались, то уносясь

в далекое прошлое, то забегая вперед. Но одна мысль, короткая и ясная, как свет маяка в ночной тьме, не оставляла Володю: «Вперед!» И ноги упрямо несли вперед тяжелое, почти уже неживое тело.

Вдруг тонкая льдинка подломилась у Володи под ногами. Он оступился, упал, а подняться уже не смог. С минуту он пролежал лицом вниз, неподвижно, но потом собрался с последними остатками сил и на четвереньках, как маленький, пополз по жесткому насту.

Бандит бежал рядом и с удивлением поглядывал на хозяина. Он решил, наверное, что Володя затеял новую игру, хотя по голосу и понимал, что ему не до игры сейчас.

А Володя не видел уже ни Бандита, ни дороги. Он об одном помнил: «Вперед!» И он полз вперед, то и дело проваливаясь по грудь и захлебываясь сыпучим снегом. Рукавицы он потерял и раскровянил себе руки. Красные капельки крови яркими пятнами ложились на снегу вдоль следа.

Наконец Володя не выдержал. Он лег на спину, надвинул шапку и потерял сознание.

Очнувшись, он увидел над собой Бандита. Рядом с ним лежали обе рукавицы — Бандит, должно быть, разыскал их в снегу, принес и теперь, гордый своим подвигом, спешил разбудить хозяина. Он лизал Володе руки, тихонько таял и добился своего: Володя очнулся, сел, обнял Бандита, поцеловал его. Потом он тихонько отстегнул пистолет.

— Бандит, — сказал он, и Бандит уткнулся ему в колени. — Бандит, я бы ни за что не сделал этого. Ты ведь знаешь, зверь, я в долгу перед тобой. Но из нас двоих я сейчас нужнее тем ребятам, которые остались на «Чукотке». Бандюга, милый, ты уж прости меня, отвернись, я тебя застрелю, съем кусочек мяса и тогда дойду как-нибудь. Ну не смотри, Бандит, отвернись. Ну скорее, — сказал Володя еще раз, но Бандит не отвернулся. Он смотрел своими

Бандит смотрел своими умными глазами прямо Володе в лицо и, казалось, все понимал.

умными глазами прямо Володе в лицо, и тому показалось, что Бандит все понял.

Володя опустил пистолет, но тут же снова поднял его, нацелился, отвернулся и сам нажал спуск.

Выстрел далеко прокатился по снежному полю. Володя ясно слышал этот выстрел, но уже не видел и не слышал ничего больше. Он опять потерял сознание.

Очнулся Володя в комнате, на чистой койке. В углу жарко топилась печка. К Володе со стаканом в руке подошел человек в военной форме, с зелеными петлицами. Это был начальник пограничного пункта.

— Ну как, товарищ Ченцов,— спросил он,— лучше теперь?

Володя от удивления ничего не ответил.

— Ну ничего-ничего. Вот мы вас подкормим немножко — опять молодцом будете. Нате-ка выпейте пока стаканчик кофе.

Володя залпом выпил кофе, и ему сразу стало легче.

— Товарищ начальник, я со шхуны «Чукотка». Она зимует... — начал было он.

— Знаю-знаю, — перебил начальник. — Капитан вместе с телеграммами положил в карман вашей куртки полный рапорт. Нарты уже собраны и, наверное, сейчас пойдут.

— А я-то как же попал сюда? — спросил Володя.

— Да очень просто: наши ребята шли под сопками, услышали ваш выстрел, ну пошли подобрали на нарты да и привезли сюда.

Володя сразу все вспомнил: и последние, самые трудные метры пути и умные глаза Бандита. Вспомнил и вдруг понял, что зря застрелил Бандита. Он хотел что-то сказать, но слезы комком подступили к горлу. Он чуть не заплакал. Но тут дверь открылась, и вошел пограничник, одетый в оленью малицу.

— Нарты готовы, товарищ начальник,— откозырял он.— Разрешите отправляться?

— Отправляйтесь, счастливого пути. Впрочем, постоит минутку. Вам, товарищ Ченцов, ничего не нужно передать на «Чукотку»?

— Ну что ж, привет передайте, да еще передайте, что я... застрелил Бандита,— тихо проговорил Володя и уткнулся лицом в подушку.

— Какого бандита? Это интересно,— сказал начальник, но в это время дверь снова открылась, и в комнату ворвался Бандит.

Он кинулся к койке и громко залаял.

— Бандит, ты жив? — удивился Володя.— Как же так, неужели я промахнулся?

А Бандит уже лизал своему другу руки, тянулся к лицу, и Володя опять поцеловал его в морду.

— Идите,—сказал начальник пограничнику.— Передайте на шхуну, что все благополучно.

МЫС МУХТЫЛЬ

Старожилы говорили, что мыс Мухтыль — гиблое место. Рыба его будто бы обходит, белуха тоже, а если забредет шальная нерпа, так с одной нерпы много не возьмешь.

Но в то время нужно было оживить заброшенные промыслы по всему побережью. Тогда лучших рыбаков собрали в окружке партии и сказали: «Берите что потруднее, а где полегче, там и без вас справятся».

Вот я и выбрал Мухтыль.

У меня в артели народ подобрался молодой, веселый, и нас не пугало, что еще до революции шесть откупщиков свернули на Мухтыле шею. За прибылью мои ребята не очень гнались, скорее хотелось попытать счастья на новом месте.

На Мухтыль мы пришли весной, когда еще лед

не сошел. И в первое время нам действительно показалось, что место невеселое. Последними там побывали японские интервенты и, уходя, постарались вовсю: постройки сожгли, салотопку, должно быть, взорвали — так она была разворочена, котел завалили набок и из всего, что было на промысле, пощадили почему-то только две высокие жировые цистерны. Они как башни стояли на низком берегу, а кругом стлался густой кедровый стланец да торчали кое-где обглоданные ветром головешки. Вот какое нам досталось место!

Но мы долго горевать не стали. Первую ночь провели у костров, вторую проспали в шалашах, а через месяц у нас были уже и жилые бараки, и за-сольный сарай, и пристань, и сигнальная вышка с флагом; домá, правда, — без окон, двери — без петель, и спать приходилось на мху, но стекла и петли — этого добра на катере привезти ничего не стоит. Были бы зверь и рыба.

А зверя было вдоволь. Нерпа тут на льду лежала непуганая, и мы за день солили шкур по пятнадцать, по двадцать. Когда сошел лед, у нас уже накопилось такое богатство, что можно было все лето отдыхать — все равно мы остались бы в барышах. Но мы, понятно, отдыхать еще не собирались. Мы в двадцать рук плели невода; запасали лед в ямы, сколачивали лодки-дощанки, чтобы как следует встретить весеннюю рыбу.

На путину нам дали катер, и мы вдвоем с мотористом пошли в город его принимать.

Лед на Амуре к тому времени уже прошел, сверху пришли пароходы, и в Николаевске было тесно от народа.

Николаевск в то время был тихий городишко. Но весной, когда съезжались сезонники на промыслы, там бывало пестро и весело. Толпами ходили лихие рыбаки, подпоясанные кусками белого невода, осаждали вербовочные конторы, шумели, а к вечеру собирались на берегу, и до утра над

Амуром горели костры, слышались песни и гармошка.

На базар лучше и не суйся — задавят. Но нам нечего было делать на базаре, и мы обошли его стороной. Идем по улочке к пристани, а навстречу нам шагает тощий бритый старичок в старомодном городском пальто и в картузе с просаленной насквозь макушкой. Идет посреди улицы, месит грязь сапогами и ведет в поводу такую же тощую, как он сам, корову. А по тротуарам бегут за ним собаки и лают на все голоса. Собаки там ездовые, чистоплотные и в грязь зря не полезут.

— Куда ты, отец, на живодерку, что ли, ее? — спросил я шутя, когда мы поравнялись.

— Что ты, сынок, она еще скотина добрая. Ты скажи лучше, где тут на остров Сахалин вербуют?

Мы ему показали, где вербовочная контора, и пошли своей дорогой.

А вечером пришли на катер, подцепили кунгас на буксир и совсем собрались в путь. Вдруг видим:

на берегу, у костра, сидит наш старик и корова тут же жует солому.

— Ну, как дела-то, завербовался, отец? — спросил я.

— Нет, сынок, вербовать-то вербуют, да скотину вот на катер не берут. Знал бы — не взял.

— А ты кем вербовался-то? Директором, что ли?

— Зачем директором? Я повар, сынок. Повар первого класса, шеф-кулинар.

— Ну, раз ты повар, давай с нами ужинать. Пойдем на катер, у нас там и плита есть, — сказал моторист.

Набрали щепок на берегу, затопили плиту. Я достал всю посуду, какая нашлась на катере, а корову тут же, на берегу, привязали к мертвому якорю.

Старик снял картуз, снял пальто и пиджак, засучил рукава, вымыл руки прямо в Амуре и принялся колдовать над плитой. Стряпать-то, по правде сказать, было не из чего — из соленой рыбы, из картошки да из муки много не настряпаешь.

Но он, видно, и вправду был шеф-кулинар. Нож у него в руках замелькал как заводной и, казалось, он не режет им, а только показывает: этому куску лежать здесь, этому — лететь за борт, а этому — в ведро, мокнуть. И куски прыгали куда нужно.

Уха вспенилась — вот-вот убежит. Он только посмотрел на нее, провел сверху рукой, и пена осела. А тесто в ведре, наоборот, полезло кверху, точно раздулось, и он, казалось, только придерживает ложкой, чтобы оладьи не все сразу выплеснулись на горячую сковороду.

Ужин действительно вышел первоклассный: и та самая соленая кета — «амурская ветчина», как мы ее называли, которая давно в зубах навязла, в его стряпне стала как осетрина.

Мы ели и удивлялись. Старик тоже ел, но только он все качал головой.

— Разве это стряпня — в такой спешке да в тес-

ноте? Мне дайте волю, я бы сам показал, как стряпают.

Потом он взял ведро и пошел доить корову. А мы переглянулись и недолго думая решили забрать старика с собой на Мухтыль.

Сговорились мы скоро и в тот же вечер притащили на катер его сундучок, корову завели на кунгас, навалили ей сена побольше, сделали загородку, чтобы не вывалилась от качки.

На Мухтыле мы сколотили старику маленькую хибарку рядом с кухней. Он там расставил свое нехитрое имущество, постелил на пол старый мешок, а на окно повесил занавесочки. В свободное время он любил раскладывать пасьянсы и, когда заглянешь, бывало, к нему, не верилось, что это повар — скорее он был похож на старого учителя или на фельдшера. Звали его Николай Николаич.

В артели Николай Николаич прижился сразу, и видно было, что ему у нас нравится, хотя недели две он все фыркал и все ему было не по вкусу: и кухня тесна, и плита не форменная — куличей нельзя печь, и нет котлетной машинки, и нет медной ступки, и что это за стол без клеенки, и без тарелок, и без вилок...

Он нам всем так надоедал, что мы в первый раз как поехали в город, привезли и тарелки, и клеенку, и котлетную машинку, и кучу еще разных мелочей.

Зато, когда привезли, он нас каждый день стал удивлять сюрпризами: то вдруг к чаю у нас появлялись настоящие пирожные с кремовыми вензелями, то блинчики с вареньем из прошлогодней клюквы, то в жару после обеда полведра мороженого.

И мы все скоро так привыкли к его сюрпризам, что, собираясь в столовой, гадали, чем Николай Николаич удивит нас на этот раз. Но отгадать все

равно никогда не удавалось, а спрашивать Николая Николаича было бесполезно. Если забежишь, бывало, на кухню и спросишь:

— Николай Николаич, что на ужин?

Он скороговоркой отвечал:

— Первое на ужин — лед застужен, второе блюдо — хвост от верблюда, потом — окунь свежий, потом — хвост медвежий, потом — курочка в соку, потом — лук в чесноку. Чего дам, того дам, не твоего ума это дело. Иди уж, садись.

Если же кому-нибудь случалось опоздать к столу, Николай Николаич доставал серебряные часы луковицей, поворачивал циферблатом к провинившемуся и тут уж сердился не на шутку. А чтобы мы не забывали о порядке, он разыскал где-то ржавый болт, обмотал его чистой тряпочкой, повесил на столбе кусок рельса и каждый раз бил по нему болтом перед завтраком, перед обедом и перед ужином.

Вот этот порядок мы особенно почувствовали, когда рыба кета пошла рунным ходом.

Рыба — это как золото. Сколько ни поймай — все мало. Тут появляется настоящий азарт, как в игре. Не смотришь ни на что. В первые дни, когда рыба идет отдельными косячками, рыбаки не жалуют ни сил, ни здоровья, забывают о еде, об отдыхе и не могут остановиться, пока не свалятся за смертью тут же, на берегу. Да и как остановишься, когда в косячке-то сотня рыб, а каждая рыбина в полпуда весом.

Когда же придет настоящее руно, когда в море буквально можно воткнуть весло — так плотно идут жирные серебряные лососи, когда рыба тысячами сама лезет в сеть, тогда не хватает силы. Хочется взять еще, а руки уже не так тянут тяжелый невод, ноги сгибаются, едут по песку, а несметные богатства проходят мимо.

Вот тут и выручал Николай Николаич. Как ударит болтом, засосет под ложечкой, бросаешь не-

вод и — в столовую. В столовой обсохнешь, наешься и только одолеет сон — тут над ухом опять Николай Николаич со своим болтом.

Артель наша весной вышла на первое место. Старожилы, правда, говорили, что рано загадывать, что осень еще себя покажет. Но мы и осени не боялись.

Дела наши стали крепко, так крепко, что мы откупили в собственность катер, а на осень затеяли восстановить котел, наладить паровые лебедки, самотопку, водокачку и динамо для освещения.

Для этого нужен был человек, и я в городе подыскал старого пароходного механика, которого по возрасту не выпускали в плавание.

Он сидел на берегу на пенсии, скучал и готов был пойти хоть кочегаром, только бы поближе к морю. Звали его Карев Михаил Карпович.

Это был настоящий морской волк. Широкий, коренастый, насквозь прокопченный дымом, весь покрытый шрамами, мелкими морщинками и татуировкой. Только лысина у него была гладкая как стекло, но ее редко кто видел, потому что Михаил Карпович почти никогда не снимал форменной фуражки. Удивительнее всего были у Карева руки — огромные, как грабли, с узловатыми коричневыми пальцами, с изуродованными синими ногтями и на вид такие неуклюжие, что, казалось, дай ему иголку, не удержит. Но на самом деле он этими руками при случае чинил часы и регулировал барометры шкиперам с мелких судов.

Для нас это был самый подходящий человек. Нам нужен был мастер на все руки, да к тому же не очень дорогой.

Мы с Каревым вместе приехали на Мухтыль. Он осмотрел котел, постучал по нему каблуком, поскреб ногтем ржавчину и сказал, что сделать можно. На другой день он съездил в город, закупил инструменты и начал работать.

Весенняя рыба уже прошла. У нас было много

свободного времени, и мы все помогали Кареву поднимать на блоках котел, ковать болты и нарезать трубы.

Работал он не торопясь, а по вечерам закуривал трубку и рассказывал нам какую-нибудь длинную морскую историю. Напрасно Николай Николаич звал нас ужинать. Он по несколько раз принимался бить по своему рельсу, но мы не поднимались до тех пор, пока история не до-

водилась до счастливого конца.

Через месяц котел поставили.

Когда Карев разжег огонь в топке и стал поднимать пары, мы все стояли тут же и наблюдали за ним. Николай Николаич и тот минут десять постоял в фартуке с дуршлагом в руках.

А Карев задирал голову посмотреть, как тянет дым, заглядывал в топку, щелкал грязным пальцем по новенькому блестящему манометру и прикладывался к котлу щекой—пощупать, как греется.

В топке весело трещали дрова, в котле, внутри, что-то звонко похрустывало, точно ломались пружинки. Медленно ползла стрелка манометра и, когда поднялась к красной черте, Михаил Карпович открыл какой-то кран, оттуда стрельнуло водой, засвистела невидимая струйка пара, ударилась в песок, прокопала ямку, и песок точно взорвался: разлетелся в стороны и задымился, как кипяток на морозе.

И столько силы было в этой невидимой струйке, что мы все сразу почувствовали: сумеешь направить ее куда нужно, она горы свернет.

И совсем другими глазами оглянулись и на холодное море, и на наши утлые построечки, и на хмурые сопки, отгородившие нас от всего мира.

Пока мы стояли и молчали, Карев еще раз

осмотрел весь котел, потом дернул сигнальную ручку, и тогда гудок на трубе захрипел, зашипел, выплюнул полведра горячей воды и вдруг загудел так пронзительно, что, должно быть, на двадцать миль кругом было слышно. Потом гудок замолчал, а от сопок откинулось эхо, только потише, точно с червонца дали рубль сдачи. И тут же, но совсем уже мелочью, медными копейками, зазвенел рельс: это Николай Николаич звал нас обедать.

Карев подкинул дров в топку, закрыл поддувало.

— Ну, господа заводчики, вот вам и котел,— сказал он, обтирая руки паклей,— по-старому с хозяина бы теперь магарыч, да вас тут не разберешь, кто и хозяин.

Из всей артели один Николай Николаич не мог помириться с котлом. Он тоже, конечно, понимал, какую пользу принес нам пар. И, когда циркулярная пила со звоном резала толстые края на дрова, Николай Николаич растирал в пальцах сырые опилки, нюхал их и глубокомысленно говорил:

— Ишь, сила какая.

Но в душе он обижался и на то, что не он, а Карев стал первым на Мухтыле, и что порядок теперь равнялся не по кухне, а по котлу. Теперь Карев гудком созывал нас к обеду, а рельс, хотя и висел по-прежнему, но Николай Николаич понимал, что висеть ему осталось недолго.

Этого права — созывать нас к обеду — он сначала не хотел уступать и в первые дни, как подняли пар, пытался звонить по-старому. Но и Карев не уступил. Он следил за поваром из котельной, и, как только Николай Николаич выходил с болтом в руках, механик дергал сигнальную ручку.

Пустяк... А вот поди ж ты: из-за этого пустяка пробежала между стариками черная кошка. А тут, как нарочно, получилось так, что по целым дням

на промысле оставались только они вдвоем да корова. Мы с утра брали топоры и уходили в лес валить кедры и лиственницы на дрова. Погода стояла жаркая, снег в сопках таял, и надо было не прозевать, использовать то время, когда узенький ручеек, сбегавший в море, превратится в мутную, широкую реку. Николай Николаич копил свою злобу, молчал и дулся. Но так как ему непременно нужно было за кем-нибудь ухаживать, всю свою заботу он перенес на корову.

Наскоро состряпав обед для Карева, он выгнал корову на болото. Она щипала там сочную траву, а Николай Николаич собирал морошку, рвал ирисы и, вернувшись, украшал ими опустевшую столовую.

По вечерам он брал большой ломоть хлеба, круто посыпал солью и шел все к той же корове жаловаться на Карева. Корова с хрустом жевала хлеб, шлепала губами, вылизывала широкие ноздри, отдавала повара теплым молочным дыханием и грустно смотрела ему в глаза.

Но, должно быть, она плохо его утешала, потому что он с каждым днем все злее глядел на механика.

Когда, кончив сплав, мы вернулись в поселок, старики уже открыто ненавидели друг друга. Видно было по всему, что они только ждут случая, чтобы сцепиться.

Нам сначала все это показалось смешным, и мы только удивлялись, отчего это у наших стариков так разыгрались страсти. Но скоро всем стало понятно, что тут не до смеха. На носу осень, путина, работать придется без оглядки, а тут, того и гляди, подерутся кухня с кочегаркой.

Надо было, пока не пошла рыба, расстаться с одним из них. Это стало понятно каждому. Но решить, с кем расстаться, было нелегко. С первоклассной стряпни Николая Николаича переходить опять на сухомятку никому не хотелось, а остаться

без механика — это значит опять все взвалить на свой горб, потому что без Карева — мы это знали — машины и недели не прослужат.

Мы все присматривались к тому и к другому и день за днем откладывали свое решение.

Старожилы не даром пугали нас осенью. Она пришла незваная, неожиданная и в один день чуть не разрушила все, что мы сделали за полгода. С утра в тот день стояла такая жара, какая редко бывает на Охотском море. Желтые клочья пены неподвижно лежали на застывшей воде, как глет на свежей свинцовой плавке. Выгоревший за лето флаг на вышке обвис огромной розовой сосулькой, и какой-то догадливый паучок прицепил к нему свою паутину. Она золотым лучиком сверкала на солнце, и от этого небо казалось еще чище, а солнце — еще горячее. Воздух над болотом поднимался быстрыми, прозрачными струйками, а макушки сопков окутались кольцами густого тумана.

Мы смолили лодки на берегу. Кругом стояла такая тишина, что сырые дрова в костре то и дело пугали нас громкими выстрелами. Слышно было, как возится Карев с какой-то машиной и как Николай Николаич гремит кастрюлями. Где-то далеко ошалевшая от жары нерпа протяжно кричала «бэ-э, бэ-э», точно нарочно, чтобы подразнить нас. Катер и кунгас стояли неподвижно, как впаянные в море, и, казалось, никакая сила не сдвинет их с места. В воздухе остро пахло смолой.

Мы не поняли тогда страшного значения этой тишины. Нас только смутил немножко прилив, который с утра подступил к самой высшей своей границе и не хотел уходить от нее. Но и этого предостережения мы не сумели понять по-настоящему.

Вдруг вода, и без того высокая, поднялась сразу на целый дюйм. Подмытый песок зашелестел и струйками посыпался в море. Этот шелест по всему

берегу раздался, как протяжный вздох, и сейчас же вслед за ним с севера зашумело что-то, точно из-за поворота выскочил курьерский поезд.

Обернувшись, мы увидели, что с моря со страшной быстротой катится на нас низкий белый вал. И раньше, чем мы успели вскочить, потянуло холодом, неподвижное море раскололось на тысячу сверкающих кусков, флаг расправился и тревожно затрепетал, а свежая смола на лодках мгновенно порыхлела от песчинок.

Мы едва успели отбежать от моря. Огромная масса воды с грохотом обрушилась на берег, расшвыряла как щепки наши лодки, бросилась мутными реками нам вдогонку, залила костры, сорвала невод, развешенный для просушки, и медленно отступила назад, в море, унося и невод, и лодки, и все, что было на берегу.

А катер встал на дыбы, оборвал якорный канат, накренился на борт и понесся, как бешеный, в южный конец залива.

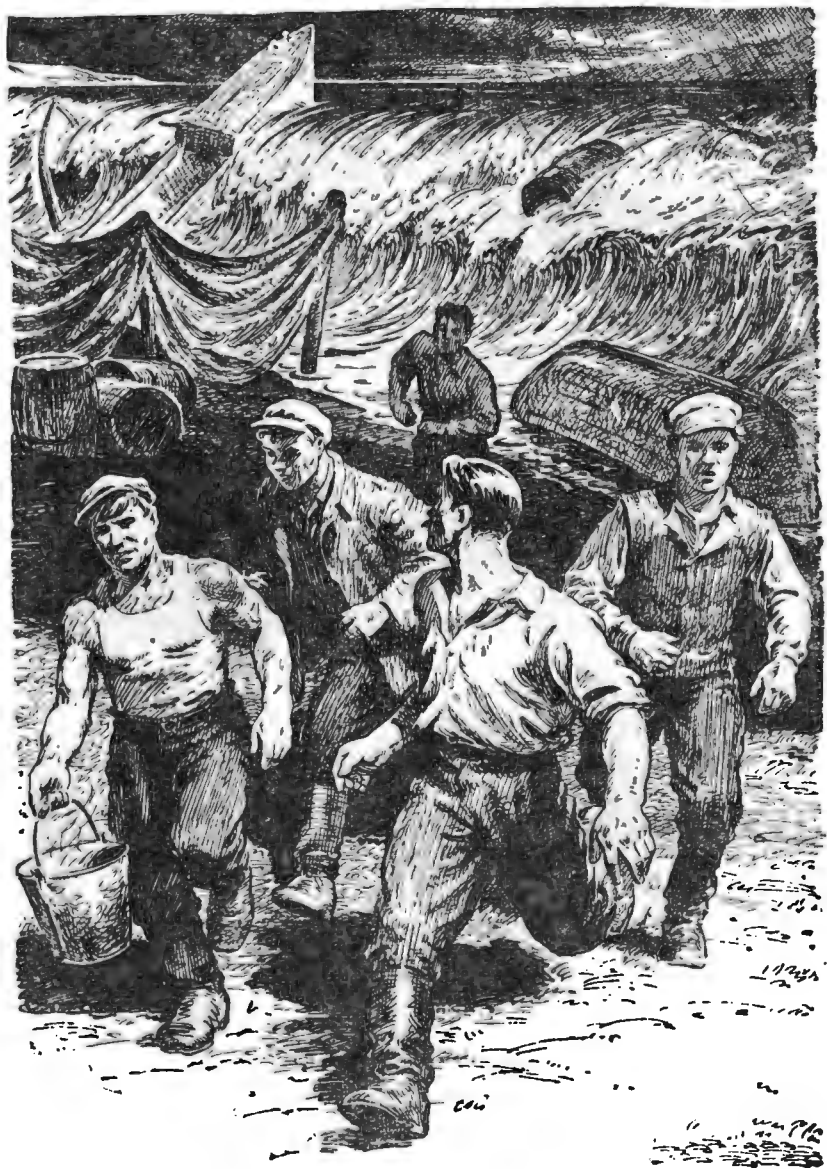
Для нас это было самое страшное: без катера много не поймает. Не сговариваясь, не рассуждая, подхватывая на бегу концы, топоры и ваги, мы бросились бегом мимо котельни, мимо столовой, к южному краю залива.

Мы поспели как раз вовремя. Катер с проломанным бортом, точно раненый зверь, ворочался на мели, но каждую минуту волна могла снять его, оттащить от берега, и тогда бы все пропало.

Перекрикивая ветер, мы все разом бросились в воду и со всех сторон навалились на катер, стараясь покрепче опутать его концами. Так, должно быть, кидались наши предки на мамонта, попавшего в ловушку, и так же старались опутать его и усмирить, чтобы он не ушел, не вырвался и не раздавил их своей тяжелой тушей.

А ветер налетал, обдавал нас соленой водой, и каждая волна старалась вырвать из рук добычу.

Все-таки мы победили.

Огромная масса воды с грохотом обрушилась на берег.

Небо неожиданно потемнело, хлынул холодный ливень, зато ветер сразу стих, и волны, сбитые дождем, уgomонились. Потом сверкнула молния, грохнул гром, раскатился по сопкам, и все затихло. Только мутные ручейки журчали, скатываясь в море. Черная туча улетела, выглянуло солнце, и море опять засверкало, как разбитое зеркало. Шквал прошел. Можно было отдохнуть.

Вдруг с промысла донеслись неровные, пронзительные гудки: ту-ту-ту-ту-ту...

И столько тревоги было в этих гудках, что мы переглянулись и опять бегом бросились туда.

Над жилым бараком вместо крыши торчали голые стропила, толь черными клочьями свисал по стене. Большое окно в столовой вылетело начисто, под ним среди сверкающих осколков стекла лежал на боку измятый цинковый кипяtilьник. Странички какой-то книжки белыми клочьями повисли на кедраче. Пристани не было: на ее месте сгрудились изуродованные страшным ударом волны бревна и доски. Перевернутые лодки, выброшенные на берег, лежали у самой воды. Между ними скорчились на песке издохшие рыбы.

Нас никто не встретил — ни Карев, ни повар. Живы ли они? Вот, может быть, добежим до котельной, а они там лежат оба...

И сразу отлегло от сердца, когда из-за барака показался Николай Николаич. Он бежал к нам навстречу, размахивал руками и что-то кричал.

Что с ним стало! И без того старый и высохший, он как будто еще высох и постарел. Вобрав голову в плечи, он испуганными глазами заглядывал нам в лица, часто и тяжело дышал, хватался рукой за сердце, а другой показывал на море и твердил одно слово:

— Голубчики, голубчики...

В море, за белой полоской бара, мелькала чер-

ная точка. Может быть, и не было ее, а так только казалось, но нам всем хотелось ее видеть.

Бессвязно, путаясь и сбиваясь, Николай Николаич рассказал нам о страшном событии. Когда ветер стал громить кухню, Николай Николаич бросился за помощью к Кареву. Тот послал его к черту: у него с этим шквалом своего дела по горло, в кочегарке тоже руки нужны. Старики чуть не подрались... А когда ветер стих и вода, отхлынув от берега, потащила в море кунгас, они забыли недавнюю стычку и вместе кинулись к морю. Карев с концом каната в руках успел забраться на кунгас. Николай Николаич остался на берегу. «Крепи конец, крепи», — кричал Карев, и Николай Николаич взялся крепить, да только неловко взялся и упустил. И не успел он оглянуться, как Карева вместе с кунгасом ветром и отливом потащило в открытое море. Карев стоял на носу кунгаса и ругался последними словами. А Николай Николаич беспомощно метался по берегу и ничего не мог сделать. Он едва понимал, что кричал ему Карев. Тот кричал: «Выброску». Но, пока Николай Николаич сообразил и сделал выброску из тонкой веревки, кунгас ушел уже далеко. Все-таки Николай Николаич попробовал бросить, да где там — не докинул. Спихнуть лодку тоже не хватило стариковской силы. И, наконец, когда кунгас утянуло за бар и голос Карева пропал за шумом отлива, повар бросился к гудку и вызвал нас.

Но и мы были бессильны. Катер лежал на мели с проломанным бортом, а наши утлые лодки хороши были только у берега. На баре зубчатой белой стеной сшибались отлив и прибой, и мы знали: сунься туда — разом зальет, опрокинет, и тогда не то что спасать, а если сам выберешься — и то хорошо. Это страшно и тяжело — сознавать свое бессилие и сидеть сложа руки, когда в море гибнет человек. Но каждый, кто плавал, не раз видел такие жестокие выходки моря.

И мы все знали, что если уж помочь нечем, то лучше и не напоминать об этом друг другу, заняться каким-нибудь делом, забыться и так сохранить спокойствие, которое каждую минуту может понадобиться моряку.

Но Николай Николаич еще не научился понимать страшную силу моря. Он не хотел верить, что вот и мы, молодые и сильные, так покорно сдадимся и похороним человека, который только что был здесь, рядом, который еще жив и, не дай бог, думает, что он, Николай Николаич, нарочно, по злобе бросил конец.

Старик не мог успокоиться. Он уговаривал нас спускать лодки и плыть вдогонку, связать плот из бревен или наскоро залатать катер. Ему все это казалось открытиями, а нам — теми соломинками, за которые хватается утопающий и которые все равно никого не спасают.

Все, что могли сделать, мы сделали. Мы послали нашего лучшего скорохода на соседний промысел. Там есть телефон: можно поднять тревогу по всему побережью, отправить катера на поиски... Но до ближайшего промысла двадцать миль трудной дороги, и, пока доберешься туда, пока выйдут катера да пока будут искать, беспокойное Охотское море ждать не станет...

Мы знали это и молчали.

А повар и тут не успокоился. Он все приставал к нам и каждым своим словом, точно нарочно, подчеркивал и без того безнадежное положение.

Я не выдержал. В первый раз за все время я грубо прикрикнул на старика и прогнал его на кухню. Нужно было скорее занять делом людей, пока нервы у всех не расходились от усталости и от всей этой страшной истории. Ведь это сказки, что у моряков железные нервы: все люди как люди, моряки тоже.

Работы, к счастью, было довольно на каждого. На то, чтобы прибрать промысел, починить по-

стройки, развесить невода, распутать концы — не хватило бы и целого дня. А солнце уже скатилось за сопку, и с севера, с моря, надвигались на нас холодные сумерки.

Сам я пошел к котлу. Было время, когда я плавал кочегаром и с тех пор понимаю кое-что в этом деле.

Котел еще не остыл. Топка погасла, но осталось еще фунтов двадцать давления, и от стенок шла густая мягкая теплота.

И мне вдруг стало страшно: вот котел еще теплый и кучка дров, заготовленная Каревым, лежит тут же, а самого его нет, и никогда больше он не вернется и не постучит своим синим ногтем по стеклу манометра.

Я разжег топку и стал поднимать пар. Завтра с утра котлу и лебедкам много работы. Надо будет растащить сломанную пристань, откачать воду из погребов, поднять на берег лес, напилить дров.

Еще много придется поработать, пока все будет по-старому, как было до шквала. А вместо Карева возьмем другого человека, надо будет съездить в город, поискать...

Когда стемнело, я вдруг вспомнил, что не ел целый день, и пошел на кухню. Николай Николаич сидел неподвижно у двери своей хибарки, смотрел на море и даже не обернулся, когда я спросил, нет ли чего поужинать. Я не стал его беспокоить, пусть сидит: нам тяжело, а ему еще тяжелее. Я отрезал ломоть хлеба и пошел назад, в кочегарку.

Опять стало тихо на Мухтыле. Слышно было, как ребята, укладываясь спать, ругают ветер, сорвавший крышу, и дождь, вымочивший одеяла.

Потом я набил топку, прикрыл поддувало и прилег тут же, у котла, на куче старых неводов. Это старик Карев устроил себе «гнездо»: он часто оставался здесь ночевать.

Мне показалось, что я только на секунду закрыл глаза, но на самом деле я, должно быть, спал

долго и крепко. И, когда гудок заревел у меня над головой, я не сразу разобрался, в чем дело.

Николай Николаич с фонарем в руке, запрокинув голову, стоял у котла, дергал сигнальную ручку и один за другим посылал тревожные гудки в непроглядную ночь.

На нем было то самое пальто, в котором я его встретил в первый раз в Николаевске, и это городское пальто и фонарь в ру-

ке, и сам Николай Николаич ночью в грязной промысловой кочегарке — это было так не похоже на правду, что мне показалось, будто я еще сплю.

Нет, я не спал. Я вспомнил весь этот страшный день, и другая разгадка пришла мне в голову: Николай Николаич просто свихнулся.

И не успел еще я решить, что тут делать, он распахнул дверь и бегом побежал на берег.

«Топиться», — мелькнуло у меня, и я бросился за ним. Из барака бежали туда же потревоженные гудком ребята.

А Николай Николаич вскочил на опрокинутую лодку и стал размахивать фонарем, точно хотел изловчиться и подальше зашвырнуть его в море. И, когда я подкрался и уже нацелился, чтобы неожиданно схватить его сзади, разгадка странного поведения нашего повара пришла сама собой: с моря, прямо на нас, глядели три огонька: красный, зеленый и над ними крошечный белый. Прямо на промысел шло самоходное судно.

Просто Николай Николаич не спал, смотрел всю ночь на море, высмотрел огни и решил гудком и фонарем позвать их к нам, на Мухтыль.

У старика не было морского опыта, но несчастье подсказало, что делать, и вот, словно в награду за его тревогу, пришло судно, а вместе с ним появилась надежда.

На судне есть радио, сейчас сообщим «всем, всем, всем...» Кто-нибудь да найдет, не дадут погибнуть человеку.

Стало сразу легче на душе и у нас и, должно быть, у старика тоже.

— А ведь, может, и выручат,— сказал он.

И мы все молча согласились: да, может, и выручат. Молодец повар, не зря караулил.

По тому, как близко подошло судно, мы поняли, что это небольшая шхуна. Она прошла через бар, в самую бухту, бросила якорь, и теперь, должно быть, оттуда спускали шлюпку. Так и есть. Вот она отделилась и огненной точкой поползла по воде. Это фонарь на носу. От фонаря по воде расходятся блики, и слышно — стучат ключины.

Холодный ветерок потянул с моря, и на берег с ворчанием взобралась седая волна. Еще две таких волны, а с третьей и шлюпка выскочит на берег.

Я вдруг представил, как из нее выйдут незнакомые люди, узнают о нашем несчастье и разведут руками: радио нет, а самим идти не стоит. Где там, в море, искать какой-то кунгас?

И тут уж Николай Николаич не выдержит, непременно свихнется, когда рухнет за ним последний мостик к потерянному спокойствию. Может, это и лучше для него — совсем потерять память, чем жить и помнить все время, что Карев в последнюю минуту, захлебываясь горькой водой, проклинал его как убийцу, но мне стало жалко неповинного ни в чем старика, и я отослал его с берега.

— Давай-ка, Николай Николаич, сваргань чаю, что ли, встречай гостей,— сказал я.

Николай Николаич послушно заторопился на кухню.

Минуту спустя шлюпка с хрустом врезалась в

песок, и из нее один за другим стали выскакивать люди.

Я поднял фонарь и шагнул навстречу. Но, когда свет упал на лица этих людей, я попятился от неожиданности. Впереди, в своей вечной фуражке и в потертом кителе с позеленевшими пуговицами, на берег поднимался Карев. Мне нечего было сказать, и он заговорил первый.

— Что, не ждали? А я взял да пришел. Меня огонь не берет и вода не принимает. Старый моряк — вся грудь в ракушках, — рассмеялся он и сунул мне свою широкую лапу.

Я бросил фонарь и ухватился за нее двумя руками, точно Карев собирался бежать.

Потом кто-то поднял фонарь, кругом тесным кольцом сбились ребята.

— А повар где? Или боится, что я ему шею наломаю? Надо бы, да что с него взять, когда у человека руки худые... Так не ждали, значит?

— Не ждали, Михаил Карпович, — признался я, — ни тебя, ни шхуны не ждали. Один повар ждал. Всю ночь вахтил и, слышал небось, поднял тревогу. Он тут сам не свой ходил целый день, исстрадался, как бы ты чего не подумал.

— Чудак человек, да кто же подумает? — удивился Карев. — Это подлецом нужно быть, такое подумать.

Когда мы подошли к столовой, Николай Николаич уже разжег плиту, засветил лампу и выставил на стол свои замечательные варенья и печенья. Он как раз шел из кладовой с тяжелой банкой в руках, и, когда Карев появился на пороге, Николай Николаич охнул и выпустил банку. Она скользнула у него по животу, шмякнула об пол, разбилась, и во все стороны потекли темные, густые ручейки.

— Будь ты трижды неладный, — заворчал Николай Николаич и, присев на корточки, стал ребром ладони загонять ручьи в щель.

— Полно, Николай Николаич. Брось ты ее, по-

том подберешь. Давай-ка стряпай чего посущественнее, встречай друга,— сказал я.

Николай Николаич посмотрел на меня снизу вверх.

— Какой он мне, к черту, друг, прости господи. Механик, одним словом, и все тут. Морошку из-за него расколотил, из-за друга...

Николай Николаич встал и обтер руку фартуком.

А четверть часа спустя уже весело гудела плита, что-то шипело на сковородках, и Николай Николаич шумно суетился за дверью.

А в столовой Карев рассказывал. Рассказывал, как всегда, спокойно, точно не с ним случилась эта история, а где-то он ее слышал и теперь, чтобы похвалиться, приписывает себе.

Он недаром знал море. Каким-то особым чутьем, без приборов и даже без звезд на небе, он узнал, что его вынесло к Шантарским островам. Когда стало темнеть, он набрал смолы на бортах кунгаса, растрепал кусок каната и сделал факел. На огонь повернула шхуна рыболовного надзора. Но для нашего механика и это будто бы не было неожиданностью. По его словам, он ни минуты не сомневался, что так оно и будет.

И в его рассказе все получалось так просто, что казалось, каждый из нас, попади он в такую переделку, сделал бы так же. И все-таки нам было так интересно, что мы ничего не замечали, кроме этого рассказа. Мы не заметили, что затих Николай Николаич, не учуяли дыма и очнулись только тогда, когда Карев, неожиданно оборвав рассказ, поднял голову и строго спросил:

— Кок, чего палишь?

Обернувшись, мы заметили, как шмыгнул в дверь Николай Николаич, а секунду спустя оттуда послышалась ругань.

— Тьфу ты, пропасть! Вернулся ты на мое на несчастье со своими рассказами. Кабанчика целое

лето на погребке берег, думал для какого для праздника. А теперь с тобой — сжег. Срам-то какой, будь ты трижды неладный.

Но кабанчик и подгоревший оказался очень вкусным. И мы долго еще сидели в столовой, говорили и слушали. Потом разбрелись спать.

Кареву постелили в столовой, и скоро он захрапел на весь Мухтыль. Я опять ушел к котлу и улегся в «гнезде». А утром повар растолкал меня за плечи.

— Восьмой час, на работу пора. Вставай, старшина, буди людей.

— Так чего же? Дай гудок, небось теперь знаешь как,— сказал я, повернувшись на другой бок.

— Зачем гудеть,— сердито заворчал Николай Николаич,— и без гудка хороши. А механик пусть спит, чего зря человека тревожить. Ну, вставай, вставай, долго я над тобой стоять буду? Дела-то вон сколько.

РАССКАЗЫ СТАРОГО БОЦМАНА

Мне пришлось однажды на большом буксирном теплоходе пройти от Красноярска до Игарки. Мы вели огромный тяжелый плот, шли очень медленно, и свободного времени у меня было столько, что хоть отбавляй. Я было заскучал в этом рейсе, но тут выручил меня Федор Степанович Бочкин.

Федор Степанович — старый речник. Он лет тридцать плавает боцманом по Енисею. Человек он солидный, рассудительный, многое на своем веку повидал, и о чем бы ни зашел разговор, у Федора Степановича всегда в запасе забавная история, которую он не прочь рассказать при случае.

Вечерами, усевшись где потише, я часами слушал эти истории, а потом, когда, пожелав мне спокойной ночи, боцман забирался в свою каюту, я записывал его рассказы, стараясь не пропустить ни слова.

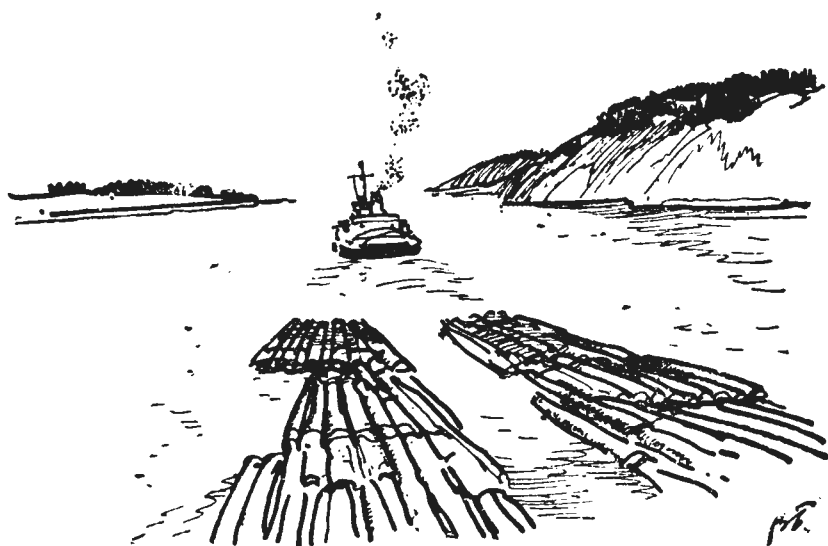
СТРЕЛОК

Мы курили на корме, лениво оглядывая пустынную ширь Енисея. Вдруг выводок диких гусей со свистом пронесся нам навстречу над самой водой.

— Эх, ружьишко бы сейчас... — сказал я, проводив их глазами.

— А что — ружьишко? — возразил боцман. — Ну пальнул бы, загубил бы птичью душу. А кому это надо? Палка, говорят, и та о двух концах. Старику горбатому палка — помощница, тут она с пользой служит. А другой озорник возьмет палку, бежит, стучит по заборам, добрых людей тревожит, цветам головы палкой сечет... Это палка. А ружье? Ружье — вовсе серьезная вещь.

Дадут тебе ружье — помни: ты смерть в руках держишь. Прежде чем курки-то взвести, подумай сам с собой: достоин ты жизнью чужой распоряжаться или недостойн? Дело ясное... Однако и это не каждый понимает. Другой и хороший человек, и неглупый вроде, а попадет ему в руки ружье и... по-

шел палить. Бутылка лежит — в бутылку, кошка бежит — в кошку, синица на сучке сидит — в синицу. Палит и не думает, что на стекло ногу человек напорет, что кошка та одинокой бабке последним утешением была, что синица песни пела и гусеницу клевала...

Вот был у нас на теплоходе механик, по фамилии Серый. Человек исправный и вроде старательный. Одна беда: не для дела старался, а для награды. Другой раз и не за что вроде бы его награждать. А он к тому забежит, к другому... Глядишь — и выпросил: то грамоту ему поднесут, то благодарность запишут, то значок дадут.

В тот год, как встали мы в затон на зимовку, Серый поразведал, где вернее награду получить, и, смотрим, не промахнулся: к весне вышло решение наградить товарища Серого ценным подарком.

Дело это через баскомвод провели и протоколом закрепили. А когда уже в рейсе были, подчалил к нам агиттеплоход. Лекцию нам прочитали, беседу провели, показали цветную картину, а под конец зачитали грамоту и вручили нашему механику тульское ружье бескуровку двенадцатого калибра. И к ружью, как полагается, полсотни патронов, гильзы, дробь разных номеров, пули жакан на крупного зверя, порох, пистоны и всю принадлежность: шомпол с протирками, патронташ, барклай, машинку для закатки гильз и для снаряжения патронов полный набор. А на ружье, на прикладе, именная дощечка: «Товарищу Серому за отличную работу...»

Механик наш страсти к охоте никогда не питал. И тут сперва вроде бы и ни к чему показалась ему эта награда.

Отдать кому или продать? Неловко: именной-то подарок. На охоту пойти... Где же там в рейсе на охоту? Засунул наш Серый припасы в рундук, а ружье под койкой повесил. И грамоту рядом пове-

сил. Зайдут другой раз ребята к нему в каюту. Иной снимет ружье со стены, глянет через стволы...

— Эх,— скажет,— товарищ Серый, хороша у тебя двустволочка...

— Хороша-то хороша,— соглашается наш механик,— да толку что от нее? Я же не охотник.

— Приохотишься...

И приохотился...

Как-то, по большой еще воде, тянули мы плот в Игарку. Воз тяжелый попался, еле-еле шли. А тут на-ка: у самого плота уток-мартышек целый выводок прямо на воду сел. Лететь не летят и плыть не плывут. Сидят, лапочками в воде перебирают, головки кунают да на нас поглядывают. Будто нас провожать подрядились. Веселые такие уточки...

Тут кто-то и подскажи Серому:

— Эй, мол, ты, стрелок премированный. А ну, дай-ка по ним дуплетом. Может, на жаркое спровоцишь?

Серый вышел с ружьем. Зарядил, прицелился. И только прицелился — уточки поднялись и влет. Серый вскинул стволы и двух мартышек насмерть сразил.

Уточек этих мы подобрать не успели. Закрутило их под плоты. А подобрали бы — тоже прибыль не велика. Летом, по жаре, у нас эти мартышки тощие, незавиднее воробья.

Да ведь тут не в прибыли дело. Тут беда в том, что человек другой раз как тигр: до первой крови мухи не обидит, а уж как отведал — зверь зверем становится.

Вот так и Серый наш. То в руки не брал свое наградное ружье. А тут точно кто его подменил: как с вахты — патронташ на пояс, ружье на плечо, а сам на корму. Ходит, шагает, смотрит пристально. Все ищет, кому бы смерть послать. Чайка летит — в чайку бьет. Утка — утку в расход. Куличок на бревне присядет отдохнуть — он куличка приговорит.

У меня каюта как раз на корме. И так не сладко: у нас правый вал чуток постукивал. Бывало, вертишься-вертишься с боку на бок. У стариков, известно, сон какой. Только приловчишься, задремлешь, а тут на тебе — Серый на промысел вышел. Бах да бах — только и слышно. Двенадцатый калибр — он, как пушка, бьет.

Другой раз не выдержишь, натянешь сапоги, выйдешь к нему.

— Кончал бы ты, Серый, свою охоту. Дал бы людям поспать, все равно без толку.

— А вы, — говорит, — спите. Я не против. А мне руку набивать нужно. Я, — говорит, — к осени значок за отличную стрельбу желаю получить.

— Значок-то, — говорю я, — ты получишь. Это как пить дать. Только прежде чем значок-то получить, ты гору живности без пользы переведешь. Одних птенцов желторотых сколько осиротишь. Тебе, — спрашиваю, — по ночам голодные птенцы не снятся?

— Нет, — говорит, — не снятся. Я, Федор Степанович, по ночам крепко сплю. Это вам, — говорит, — не спится, а у меня сон нормальный.

И с этими словами вскидывает ружье и влет поражает речную скопу. И то сказать — метко бить приучился. Без промаха, можно считать.

Упала птица, забила крыльями по воде, распласталась и замерла... Хищница, конечно... Ну — красавица. Это ж наш орел енисейский. Без нее-то, без скопы, скучно станет на плесах...

Вот так... И сколько бы птичьих душ загубил наш стрелок — этого я вам сказать не сумею. Да

вышел тут такой случай, что он совсем от охоты отвалился и с ружьем расстался. А вышло так.

Пришли мы на Нижнюю Тунгуску. Там по плану-приказу значилось, что ждет нас караван сверху: шесть малых баржонок с графитом. По плану-то они нас ждали, а вышло так, что и нам еще ждать пришлось. Воды ли маловато было в верховьях, или с тягой там не заладилось, или просто диспетчер напутал... Ну, да это теперь дело прошлое. Да и речь не о том. Так и так пришлось нам становиться под правый берег на якорь.

А время самое что ни на есть золотое: на берегах трава по пояс, сочная, как огурец, по траве цветы белые, и синие, и желтые, и красные, будто кто ситчик расстелил по берегу. Кедровые стоят как из малахита отлитые. Шишка еще не поспела, но орех уже завязался и налился, и кедровки тут как тут: издали слышно, кричат, суетятся — шишку стерегут.

И, конечно, ребята к капитану. Дескать, все равно, как чалиться будем, придется шлюпки спускать. Так пока ждем, сходить бы на берег поishiковать.

Капитан разрешил, понятно. Почему не разрешить? Спустили шлюпку на воду, вторую стали готовить. Вот бы отваливать. Тут Серый выходит с ружьем и со всей амуницией.

— Пойдите, ребята, я с вами.

— Ну давай, охотник...

Подал он патронташ на шлюпку, ружье подал, сам спустился. Только отвалили, и тут Серый вспомнил: жаканы не взял.

— Да на что тебе жаканы?

— Ну как на что? А вдруг медведя встречу.

— Где там медведь,— говорим.— Медведей такие, как ты, стрелки давно распугали. Обойдешься.

Так и пошли. Подгрести к берегу. Разбрелись. Кто шестом орудует, кто половчее — по сучьям вверх. Кедровки шум подняли — не говори. Дружный народ и красавица птица, что твой фазан.

Серый прицелился было, но тут таежники наши накрепко заказали: кедровку не тронь. Это наш закон таежный. И вообще шел бы ты в сторонку или вглубь, в тайгу,— там и промышляй. А то хоть стрелок ты отменный, а всяко бывает: не ровен час, промахнешься да глаз кому выбьешь. Ступай, ни пера тебе, ни пуху.

Он пошумел было, да против народа-то не пойдешь. Побрел в тайгу.

И началась охота: у нас своя, у него своя.

Шишка веская, красная, как бурак, пушком подернулась, смолой облилась. Ну — прелесть. И орех крупный и вполне уже налитой... Мы мешки набиваем. Ну, однако, и он там в тайге, видать, не зевает. Слышим: бах-бах дуплетом. Кого-то, значит, опять приговорил.

И только он разговелся, слышим, бежит напро-

лом, только кусты трещат. Никак, и вправду на медведя набрел наш Серый?

Ан, глядь, Серый, да не наш. Дикий козел, здоровенный, гладкий, рога серпом. Выдрался из тайги, нас увидел, замер. Бока так и ходят. Глаза—как сливы, озирается... И только он было повернул назад в тайгу, а там наш охотник еще дуплет...

Козел глазищами зыркнул, бякнул тоненьким голоском да вприпрыжку к реке. Тут яркок невысокий. Он с разбегу в воду — и вплавь на ту сторону.

Ребята шесты побросали, сбились на яру. Козел, бедняга, плывет, спешит, оглядывается. На берегу свистят, гогочут. Куда там — комедия!

Тут и Серый вышел на шум. Увидал козла. Эх, загорелось ему по крупной дичи руку попробовать! Да где там — далеко уплыл козел-то.

Механик наш к шлюпке.

— Айда, ребята, кто со мной?

Ну и нашлись, конечно, добровольцы. На такую забаву всегда недоумки найдутся. По-скорому весла в уключины, отпихнулись, гребут. Шлюпка летит, как ракета. А механик стоит на носу, ружье наизготовку. Вот уже на выстрел подошли. Серый прицелился. Бах!

А козел только рогами потрянул да ходу прибавил. Серый второй заряд ему — все равно результат один. Где там, с такой дистанции дробью. У козла шерсть, как войлок. Разве пробьешь?

Охотник наш опять заряжает. Вот тут бы ему жаканы в самый раз. Да нет жаканов-то. А козлу и плыть-то всего ничего осталось. Ну, правда, и шлюпка его настигает — вот-вот на таран пойдет. Серый в упор, можно сказать, два заряда ему послал, а тот, нечистая сила, только бякнул в ответ, обернулся да будто язык ему показал. Вот незадача.

А шлюпка совсем уже рядом. Шагов десять осталось. Пять шагов. Три... Серый встал в рост на носу, за стволы свое дареное ружье схватил, замах-

нулся. Прикладом целит в голову козлу. И надо же такой случай: Вася Грунин, моторист, загляделся, веслом «леща поймал». Шлюпка качнулась чуть-чутко. Серый тоже качнулся и промахнулся мимо головы-то. Прикладом-то промахнулся, а ремнем за рога как раз зацепил. Ну и потерял равновесие, понятно. Сам-то удержался, не смайнался в реку, а ружье свое отпустил. Ребята ему весло подают. Да пока снимали весло, чуть поотстали. Навалились в три весла. Вот-вот догонят, а козел тем временем до отдели доплыл. Вот спина из воды показалась, хвост. И, глядим, вприпрыжку на бережок. А ружье у него висит на груди, как у автоматчика.

Вышел козел. Оглянулся на охотников, боками тряхнул — аж радуга поднялась — и неторопливо, рысцой, в тайгу направился. И с ружьем, со всем. Так и ушел...

Смеху тут было, куда там. Ребята скулят:

— Вот придет к своей козе, дощечку на прикладе покажет, врать начнет: «Смотри, мол, боевая подруга, меня за отличную работу чем наградили». Там, глядишь, козлятки соберутся, поздравлять станут...

И тут слышим гудок сверху. Идет наш караван. Кончай забаву — чалиться нужно. Собрали мешки, погрузились и к борту.

Серый наш с неделю козлом на людей смотрел. Потом отошел. Хотел было новое ружье покупать, да раздумал. Как пришли в Туруханск, он охотнику одному весь свой боевой припас продал. Вот тут к месту пришли и дробь и жаканы...

А Серого в этот год опять наградили: кинокамеру ему поднесли. Вот это дело: и шуму меньше, и занятие человеку, и народу удовольствие. Иной раз такое снимет да покажет — вся команда лежит, за животы держится. А он об одном горюет: «Был бы тогда аппарат — снял бы, как козел с ружьем в тайгу пошел. Вот бы кадр получился! Мне бы, говорит, за него премию дали, не иначе».

ДИВЕРСАНТ

Наш буксир борт о борт подчалил к агиттеплоходу, и, пока начальство обсуждало, какую лекцию прочитать и какую картину показать команде, Федор Степанович повел меня в библиотеку за книжками. Там уже человек пятнадцать набралось, и нам пришлось дожидаться. Мы встали за матросом — практикантом из ремесленного училища.

— Мне бы про диверсантов, — сказал паренек, когда подошла его очередь.

Федор Степанович неодобрительно глянул на него и сказал с укором:

— Взял бы чего поумнее...

— Да ведь интересно, Федор Степанович, как их ловят-то.

— Это в книжках интересно, — возразил боцман, — а так никакого нет интереса.

— А вы их ловили, что ли?

— Приходилось... — сказал Федор Степанович.

Но тут кто-то позвал его сверху, и он ушел. А вечером я подкараулил боцмана и напомнил об этом разговоре.

— Ну, было такое дело, — сказал он, — только тут ничего занятного нет... В то время новую обстановку ставили на нижнем плесе. Там прежде карбидные бакены стояли на якорях. Тоже неплохое устройство, но ненадежное это дело. Бывает, сносит их, бывает, и погаснет, а главное — свет плохой. В тумане, к примеру, их почти и не видно. А участок, сам понимаешь, там особо важный: морские корабли идут. Ну, летом-то еще ничего. Тут солнце круглые сутки, и опытный лоцман совсем без знаков может корабль провести. А вот как из Игарки пойдут на Север, тут уж ночь настоящая, темнота страшная, а корабли с полным грузом. Осадка у них большая, ход — подходящий. Тут чуть промахнешь — и столько дров можно наломать, что потом

и не разберешься. Вот и решили створные и перевальные огни электрические поставить.

Это на треноге ставят такой фонарь-маячок с направленным светом. Свет очень замечательный — туман пробивает отлично. И тут же, на треноге на этой, стоит аккумуляторная батарея и мигающее устройство: ящикек такой небольшой, вроде как телефон-автомат, и проблеск любой можно установить, и паузу любую. Так что уж не собьется лоцман — по проблескам узнает огни.

Дело это, конечно, очень хорошее, но ставить там эти знаки затруднительно. Где скала, там бурили скважины станком, стальные балки туда загоняли и заливали бетоном. К балкам треногу крепили, и все устройство. А где тундра, там потруднее. Топь... Все плывет, ступить негде... А сваи нужно загнать на двенадцать, на пятнадцать метров, до самой до мерзлоты. Для этого тоже станок сделан. Нужно, значит, выгрузку произвести, установить этот станок, а там другой раз и причалить негде... И боцману, конечно, работы хватает, да и не каждый боцман справится. Ну, вот и откомандировали меня на обстановочный катер.

К осени прикончили мы все дела, знаки установили, проверили. Все горят, как и следует быть. Стал я сдавать свое хозяйство и уже расчет собирался получать.

И тут на-ка: сообщают нам на базу, что на самом ответственном перевале погас знак.

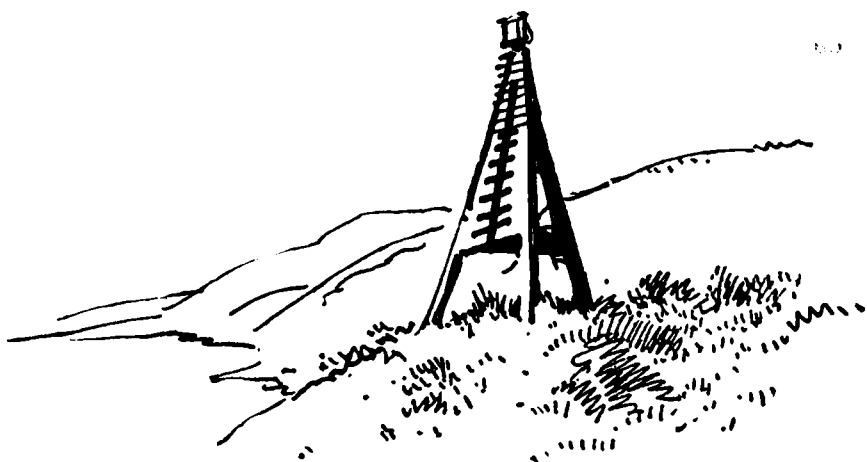
Неприятность, конечно, большая. Меня-то лично это, конечно, не касается. Мое дело выгрузить, погрузить. Но все равно виноватым себя чувствуешь.

Вызывает меня командир:

— Так и так, Федор Степанович. Акт не спешి составлять, придется сходить на исправление. Может, там знак будем заново ставить.

— Есть, — говорю, — раз такое дело.

Ну, пошли. Прибыли. Выгрузились. Идем по то-

пи по этой. А тут еще дожди были — так размыло тундру, что идешь и насилу сапоги выдираешь. Пришли на место и глазам не верим: знак честь честью стоит на своем месте, и фонарь цел, и батарея цела, а мигающее устройство сорвано с корнем, как говорится, измято все и тут же валяется в грязи. И провода на ветру болтаются. И следов нет никаких — засосало все грязью.

Тут ясное дело: злой умысел, диверсия.

Наш командир дает радио куда следует: «На таком-то знаке чрезвычайное происшествие...»

И нам сразу по радио приходит ответ: «К работам не приступать, ожидать спецгруппу...»

Вскоре прибыл катерок пограничный. На нем старший лейтенант с отрядом. Ребята на подбор — молодые, здоровые, с автоматами. Лейтенант этот тоже совсем молодой, но, видать, боевой мужик.

— Работа, — говорит — грубая, и вредитель этот далеко не уйдет. Накроем.

Потом распорядился: нам, значит, на катер; а сами все там на месте происшествия осмотрели, обмерили, фотографии сделали, все честь по чести. В разведку послал он людей пройти по тундре,

поискать, может, где следы какие оставил диверсант... А где там следы — топь же!

Вернулись разведчики. Их не узнать — в грязи все по самые уши. Доложили: «Нет ничего».

Записал он все, как есть, подробно и выносит такое мнение, что диверсант этот рекой сюда прибыл и рекой же обратно ушел. Усилил наблюдение на реке, а мы знак исправили — это минутное дело — и с тем отбыли.

На базе мы в Воронцово стояли. Я, как пришли, посчитал, что израсходовано, что осталось из материала, какие работы выполнены, заново акт переписал. А утром опять меня к командиру.

— Слушай, Степанович,—говорит,—опять ведь нам на тот знак идти.

— Да что так? — говорю.— Или забыли чего?

— Погас вчера к ночи.

— Да неужто опять диверсант? — спрашиваю.— Откуда же он вынырнул. На реке-то вроде никого не обнаружили.

— А уж это,—говорит он,— не нашего ума дело. Наше дело огни зажигать. А кто их гасит, это не нам определять.

Ну конечно, пошли опять туда. Приходим, а там уже спецкатер стоит. Командиром капитан. Суровый такой, молчаливый, уже в годах. Очки носит, взгляд такой пронзительный.

Этот первым делом нас всех допросил поодиночке. К себе в каюту пригласит, посадит, протокол возьмет и по всей форме пишет: «Вопрос», «Ответ», «Вопрос», «Ответ». И меня допросил. Все, как есть: имя, отчество, фамилию. Откуда родом, родственники какие есть, где учился, где работал...

Потом говорит:

— Расскажите, что знаете по данному случаю?

А что я знаю? Тут все, как есть, осталось без изменений. Знак на месте, фонарь цел, батарея цела, а мигающее устройство сорвано и тут же брошено. Все, как в первый раз.

— Да,— говорит,— почерк у преступника характерный.

Потом капитан вертолет вызвал—облетать весь этот участок и реку, снять все и так посмотреть: не обнаружится ли где чего подозрительного? Ну, шалаш, может, какой, или костер, или человек, например. Да только где там человеку быть, в этой топи? Весной, правда, бывает, приходят туда рыбаки на озера. Ну, да ведь те артелью приходят, открыто, и опять же время не то. А осенью здесь на сто километров живой души не сыщешь.

Вертолет задание выполнил, сообщил по радио: «Ничего не обнаружено». Стали они собираться.

А мы тем временем знак восстановили: поставили заново мигающее устройство, и опять наш фонарь замигал как положено.

Дело уже к ночи было. И как наладили техники маяк, как отрегулировали, я постоял тут, посмотрел. И так мне это стало почему-то удивительно: тундра голая, не пройдешь, не продерешься, а вот стоит такая тренога, как мертвая, стоит, и кругом тишина, только ветер чуть-чуть посвистывает и вдруг зажужжит там тихонько, как пчелка, и сразу такой огонь загорается над тундрой, как прожектор. Погорит сколько нужно, секунда в секунду, и опять: «ж-ж-ж-ж...» и погас. И то сказать — не хитрое, по теперешним временам, устройство, когда на Луну-то лететь собрались. Ну, а все же если задуматься — так диву даешься: до чего же человек умом дошел!

Как пришли в Воронцово, отмылись, почистились. Я опять за акт взялся. Закончил свою писанину, и расчет мне дали. Стал я свой личный сундучок собирать. И тут в третий раз нам сообщение: «Погас тот же знак».

На этот раз отряд раньше нас прибыл, на двух катерах. И за старшего у них майор. Ростом небольшой, в плечах широкий, лицом полный, румяный, волосы ежиком у него и нос чуть с курносинкой.

Веселый такой майор. Все с шуточкой да с улыбочкой.

Пришел он к нам на катер.

— Ну, — говорит, — работяги, задал вам перцу наш диверсант? Но только это уж в последний раз. Больше он вас не потревожит.

— Да ведь это как знать? — отвечает наш командир. — До вас тут двое были, всю тундру вымеси́ли, а не поймали его.

— Где двое были, там третьему не миновать, — смеется майор. — Поймаем, не таких ловили.

Потом к знаку пошли. Картина та же. Майор этот ничего мерить не стал и снимать ничего не стал. Только ящичек этот подобрал, повертел, осмотрел со всех сторон и бросил.

— Долго ли, — спрашивает, — исправлять повреждение?

— На полчаса делов, — отвечают наши.

— Ну давайте орудуйте. А мы пока с папашей (это он про меня) по тундре пройдемся.

Пошли.

— Эх, — говорит он, — до чего же места тут унылые! Это что же, всегда тут так?

— Нет, — говорю, — весной тут очень даже красиво. Цветов много: и незабудки есть, и пушки, и жарки, и саранка...

— И бабочки есть?

— Мотыльки летают.

— И пчелы есть?

— Есть и пчелы.

— Так, так, — говорит. — Ну пойдем посмотрим, может, там уже управились.

А там давно все готово.

— А что же, — говорит майор, — не горит ваш фонарь?

— Светло пока, вот и не горит. А темнеть начнет — загорится.

— А сейчас его засветить невозможно?

— Почему невозможно? Проще простого: вот

это окошечко ладонью прикрыть, фотоэлемент работает, и все.

Постоял он, послушал, как мигалка жужжит, поглядел, как фонарь мигает.

— Ладно,— говорит.— До вечера дела не будет. Диверсанта поймать ли, нет ли? А рыбки хорошо бы половить. У нас там на катере бредешок есть. Может, закинем?

Закинули. Много-то не поймали, а ведра три взяли.

Ну, пока это возились с ловлей да с ухой, тут и вечер подошел. Он из отряда отобрал двенадцать человек поздоровее, ракетницы приказал взять, остальных на катера, и катерам чтобы отойти с километр вниз. Огней чтобы не зажигать, камбуз не топить и ждать сигнала—две зеленые ракеты. А как сигнал—сразу чтобы сюда.

Мы, конечно, во все глаза глядим, допоздна так глядели, но только ничего не дождались. Уж совсем как стемнело, пришли они, до утра проспали, а с утра опять за бредень.

На другой вечер все, как прежде. Они, двенадцать бойцов с майором,—в засаду, а мы—на катера. Ждем. И вот только-только темнеть стало, глядим: две зеленые ракеты. Сигнал. Мы туда полным ходом, а там такое творится. Ну прямо салют. Ракеты красные и зеленые взлетают то там, то тут, только не кверху летят, а понизу, в сторону знака.

Подшли мы, на берег вышли и видим такую картину—медведь. Не так чтобы очень большой, но и не маленький, годов трех. Мечется по тундре по брюхо в грязи и все норовит от берега подальше уйти. А его со всех сторон обступают бойцы, и все уже и уже круг. Вот он туда кинется, сюда, деваться-то некуда, и идет на прорыв. А тут в него прямо ракетой. Он в другую сторону бросается, и там его ракетой встречают. И так, не спеша, прижимают к берегу все ближе и ближе. Мы, конечно, дорогу ему уступили, а те уже совсем плотно сошлись и загна-

ли его прямо в воду — больше-то некуда ему податься. Поплыл он. Одна морда торчит. Тут мы на катер и настигли его. Я петлю соорудил наскоро из пенькового троса, накинули ему, и как раз под мышки пришлось. Потом стрелу грузовую за борт вывели, подтянули его на блоке. Он, конечно, бьется, ревет. Лапищи здоровые у него, когти, как кинжалы. Но мы его скоро обезоружили — на все четыре лапы концы набросили и скрутили беднягу. Лежит он на палубе. Смотрит на нас. Глазки маленькие, сердитые очень. И скалится.

Тут майор приходит на катер, ногой его тихонько пихнул. Мишка рыкнул, глянул на него. А майор смеется.

— Судить, — говорит, — вас, гражданин Топтыгин, будем. Вам, — говорит, — Михаил Иванович, по вашей статье высшая мера наказания полагается, но, принимая во внимание вашу малую сознательность, суд, думаю, найдет возможным заменить вам расстрел пожизненным заключением в зоопарке...

Клетку сбили ему, посадили туда диверсанта. Он сперва бился очень, а как накормили его холодной кашей со сгущенкой, так и успокоился. Совсем ласковый стал. Урчит, облизывается.

Ну конечно, как увидели мы его, так и ясной стала вся картина: осенью в тундре трудно пропитание находить. Вот они и шатаются, до самых холодов все ищут, что бы на зуб положить. А тут знак этот. Понюхал, наверное, Мишка — ничего интересного, а тут, может, и сработало мигающее устройство: жужжит. Он, видно, за улей принял его да лапой-то и сорвал. Сбросил с места, а оно замолчало. Понюхал да ушел. А в другой раз пришел — опять жужжит. Вот так и вышло.

Неделю он у нас на катере пожил, а потом мы вместе с ним и в Красноярск отправились на одном пароходе. Привык я к нему, и он ко мне очень привык. Узнавал меня, как подойду. А уж как в Ленинград его отправляли, я с ним, как с родным, расставался. Он и теперь там, в Ленинграде, в зоопарке. И кличка осталась — Диверсант. А эти мигалки мы повыше поставили, и с тех пор таких происшествий больше не было. Который год горят знаки, и никто их не трогает.

П Е Т У Ш И Н О Е С Л О В О

Кок поставил на стол миску и стал разливать жирный суп по тарелкам...

— Опять говядина...— сказал моторист Вася Грунин и вздохнул так, словно его кто обидел.

— А ты на «Павлова» переходи,— возразил кок,— там на обед курятину дают, а на завтрак глазуньи...

Все, кто был за столом, дружно расхохотались, но тут же занялись супом и до конца обеда никто больше не вспомнил об этой маленькой стычке.

Один я не понял, о чем был разговор, и, когда мы с боцманом вышли покурить на корму, спросил его об этом.

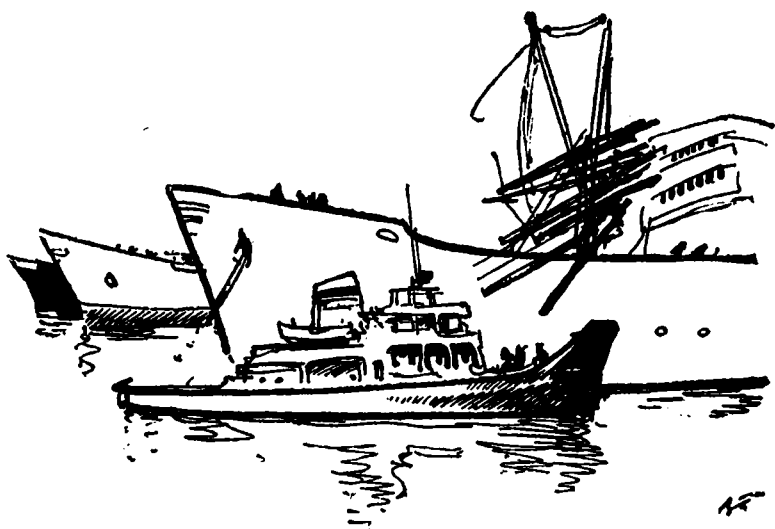
— Ну, посмеялись,— сказал Федор Степано-

вич.— Это ничего. Только смеяться-то мы все мастера, а мозгами пораскинуть — это не каждому дано. Я так думаю, над пароходом тоже смеялись, когда он первый-то раз по реке пошел... А дело тут, если хочешь знать, такое: есть у нас капитан Павлов Илья Парамонович. Человек он затейливый и знания большие имеет. И не так, как иной, — знать-то знает, да при себе держит. Этот что где услышал, что прочитал — сейчас смотрит: к делу как бы применить.

Вот, скажем, баржи. Их сто лет во всем мире за кормой на буксирах водили. А он приспособился носом толкать. Не он первый, конечно, придумал. На других реках тоже пробовали, а у нас тут никто еще такого не применял. Тоже много смеялись тогда. Виданное ли дело: позади воза впрягаться? А дело-то оказалось умное: буксиром ты ее, баржу-то, вперед тянешь, а струей от винта назад отбиваешь. Толкать-то, выходит, выгоднее, экономия большая получается. Теперь все это знают и по всем рекам толкают, а тогда смешно показалось.

Словом, с головой человек. И капитан отличный. Команда души в нем не чает, а вот поди ж ты, по всей реке, как вспомнят Павлова, так и смех. Вроде как анекдот.

Лет этак пять или шесть тому будет — командовал он большим буксиром, вроде нашего. И я боцманом был при нем. Пришли мы в Игарку, плот привели и встали под борт к англичанину. Он прямо с воды грузился. А Илья Парамонович стоял на мостике и наблюдал за погрузкой. И тут — надо же! — строп на весу рассыпался. Бревна мокрые запрыгали, как лягушки, кто куда. И одно торцом прямо в грудь Илье Парамоновичу и к рубке его придавило. Подбежали мы к нему — поднимать, а он и не дышит. Думали, всё, конец. Но фельдшер послушал, говорит: «Живой». Ну конечно, на катер его — и в больницу. Там доктора сперва на месте хотели его ремонтировать, а как просветили,

видят: на этот случай тут в Игарке и мастеров таких нет. И то сказать — крепко его приложило: ребра все, как есть, переломаны и внутри что-то там оборвалось. В общем, авария полная.

Ну, сделали, что на первый случай положено, и тут же упаковали его на носилки, снарядили самолет и прямым ходом в Красноярск. Я его сам провожал, и доктор с нами летел и всю дорогу уколы ему делал.

А там его уже ждут, в Красноярске. Сразу на машину — и в больницу. Занесли, а тут и профессор выходит. Посмотрел он на нашего капитана, головой покачал...

— Да...— говорит. И больше ничего не сказал. Потом еще посмотрел, пощупал, послушал...

— Ну что же,— говорит,— готовьте больного, будем оперировать.

Я сижу жду. Тут и Ольга Сергеевна — супруга его — прибежала. Сидит ни жива ни мертва. Молчит, платочек к глазам прикладывает.

Часа полтора мы так просидели. Тут выходит профессор. Потный весь, руки дрожат.

— Вы супруга? — спрашивает. — Так вот, повезло вашему мужу. Еще бы час промедлить, остались бы вы вдовой. А теперь будет жить и работать будет ваш муж, но только не сразу. Года два ему лечиться. Ему еще три операции сделать нужно, а сразу нельзя. Хотя он у вас и богатырь, а все равно никакой организм не выдержит. И вы приготовьтесь: вам нелегко достанется. Уход за ним нужен будет, как за маленьким, и усиленное питание — куриные бульоны каждый день, яички всмятку, белое мясо... Вот так...

Жили Павловы не больно богато. Из вещей — только что на себе, и на книжке не ах какие тысячи. Племянница у них — вдова с тремя детьми; они ей помогают. Да и так кто попросит, он всегда без отказа дает... Домик, правда, у них на правом берегу возле затона. При домике садик, и там Ольга Сергеевна цветы разводила. Бывало, как в рейс — такие букеты она ему приносила, что весь флот завидовал. А тут, раз такое дело, прикинула — выходит: не до цветов теперь. Мужа на ноги нужно ставить. На неделю, посчитай-ка, — три курочки да яичек две дюжины... Снабжение у нас тогда неважное было. Значит, с базара все это. Так за два-то года все, что есть в доме, — все на базар и перетаскаешь.

Вот она цветы свои совсем оставила, купила инкубаторных цыплят сорок штук, кормов достала. С курами Ольга Сергеевна никогда не занималась — из городских она. Ну, да ведь, может, и лучше, что не занималась. В наше-то время никакое дело не секрет. Женщина она грамотная — в институте английский язык преподает. Взяла в библиотеке книжек по куриному вопросу, обставила все по-научному, и так-то славно дело у нее пошло.

Когда Илья Парамонович первый раз из больницы домой пришел, у нее уже целая птицеферма на дворе.

Очень он слаб был тогда. И одышка, и боли, и ходить сам не мог. Вот она выведет его, на лавочку посадит, зерна ему даст кулечек и уйдет куда по хозяйству: а ты, мол, Илюша, сиди здесь, с курочками занимайся.

Ну он бросит им зерна горсточку: «Цып-цып-цып». Они, понятно, сбегутся, клюют, петушки молодые дерутся... А ему развлечение. И так-то куры привыкли к нему: бывало, он на порог, а они со всего сада к его скамеечке наперегонки.

После второй операции он уже покрепче стал. И ходил, и руками кое-чего мог работать. Другой раз и курятники почистит, и корму птице задаст. За два-то года так к этому делу приспособился, будто всю жизнь только курами и занимался.

А тут его и с инвалидности сняли. Выходили его врачи. И Ольга Сергеевна, конечно, не последнее слово в этом деле сказала. Опять стал молодец молодцом, еще крепче прежнего.

Пошел он к начальству.

— Как,— спрашивают его,— на берегу тебе работу подыскать или в рейс?

— Мне бы,— говорит,— в рейс. Очень я по реке скучаю.

А дело уже к лету. Флот в плавании. И команды укомплектованы с весны. Ну, посмотрели, поискали и подобрали ему буксирчик — «Академик И. П. Павлов». По весне он пробойну получил и тут как раз из ремонта вышел.

— Возьмешь? — спрашивают.

— Возьму,— говорит.— Почему не взять? Пароход «И. П. Павлов». И капитан И. П. Павлов... Чего же лучше-то? Нарочно не придумаешь.

Посмеялись начальники, и он посмеялся. Взял пароход. А пароход, прямо сказать, не завидный. Прежде-то, когда имя ему давали, числился он в первых рядах буксирного флота. И красавцем считался, и силачом... Ну, да ведь это когда было-то? С тех пор столько воды утекло в океан... И флот теперь не тот, и грузы не те... Ну, однако, списывать тоже рано. Прибыль дает и план выполняет. Приспособили его разгонным, на побегушках: там баржонку прихватит, там плотишко отведет, там на палубу возьмет сотню-другую тонн случайного груза. Беспокойное дело, конечно, ну, зато веселое: нынче здесь, завтра там, как в песне поется... Все время в заботах, все время с народом... Не заскучаешь, одним словом.

Илье Парамоновичу это как раз по душе пришлось. И то сказать — засиделся человек на берегу: два года то в палате, то с курами.

Вот он месяц поплавал и два. Попривык, вошел в колею и тут чувствует: не хватает ему чего-то. Все будто ладно. И команда подобралась хорошая, и с планом порядок полный, а все чего-то недостает.

Как-то раз привели мы баржонку в Атаманово. Дело к ночи было. Встали под кормой у дебаркадера, а на рассвете проснулся Илья Парамонович от

петушиного крика. Там у начальника пристани курочек с десятков и петух, такой горластый — беда.

Тут и понял Илья Парамонович, чего ему не хватает — кур!

И с тех пор как на стоянке где курицу увидит, сразу в карманы пшено и на берег — кормить: «Цып, цып, цып...» Так и стоит, пока все пшено им не скормит.

И тут запало ему в голову: у себя на буксире кур завести. Да ведь это сказать легко. А где их там заводить? В клетках куры плохо живут, им разминка нужна, а на палубе не больно разгуляешься. Если на берег выпускать — опять не годится: разбредутся, а потом и не соберешь их.

А нужно сказать — человек он дотошный.

Вот он, когда буксир принял, решил поглубже узнать: кто же такой И. П. Павлов, чье имя пароход носит? Знал он, конечно, что академик, большой ученый, а в чем его наука — одним ухом слышал, а толком, конечно, не знал.

Зашел он в библиотеку.

— Так и так, — говорит, — мне бы труды академика Павлова.

— Что это вы, Илья Парамонович, не по специальности книги берете? — смеется Люся, библиотекарьша.

— Ну, как же не по специальности? Пароход-то мой «Академик Павлов».

— Ой, верно, — говорит Люся, — а мне и ни к чему. Ну, сейчас подберу.

И подает ему стопку книг. Стал он их читать на досуге. Сперва-то не больно у него пошло, а потом втянулся и вычитал там много полезных вещей. Узнал, между прочим, что академик над собаками опыты делал и над другими животными, и такую штуку заметил: вот если, скажем, собаку кормить по звонку, так она, как привыкнет, на этот звонок за версту будет прибегать. А в другой звонок позвонишь — она и ухом не поведет.

Иной, может, прочитал бы про такое дело и стороной бы прошел. Мало ли чего там ученые придумают — не нашего ума это дело...

А Илья Парамонович задумался: нельзя ли этот академический опыт к своей затее применить? Прикинул он так и так, обмозговал это дело и решил: построил клетки для кур на корме по всей форме, как полагается, и с кормушками. А как пришли в Красноярск, он к жене:

— Дай, мол, Сергеевна, нам на команду штук двадцать несущек и петушка.

— Возьми хоть всех,— говорит она,— мне не жалко. Да только недолго они пронесутся. Пропадут все без разминки.

— А может, не пропадут,— смеется он.— Я такое петушиное слово придумал, чтобы не пропали.

— Что же за слово?

— Пока,— говорит,— секрет. А ты не скупись, давай.

Ну ладно. Кур мы доставили, поселили на новых квартирах. И тут Илья Парамонович строго-настрого приказал: до второго гудка никакого корма им не давать. Ни корочки чтобы, ни зернышка — ничего. А как второй гудок, тут сразу всем корм засыпать в кормушки, и тут уже вволю. А если ночью случится — все равно: полный свет давать у клеток и при свете кормить.

Вот так поплавали мы с месяц. К режиму куры скоро привыкли. А вот к неволе никак не привыкнуто. Хохлиться начали, иные нестись перестали, иные болеют. И тут решился капитан сделать опыт.

В тот раз стояли мы на малой стоянке — грузили гравий в баржонки. Селенья там нет никакого. Один плавучий кран стоит — грузит гравий прямо из-под воды. А на берегу лесок с подлеском.

Илья Парамонович под самую косу притерся, сходню приказал спустить и, как встали, все клетки открыл и кур выгнал на берег, на прогулку.

Тут, конечно, советчики нашлись.

— Как, мол, ты их собирать будешь? Разбредется ваше жаркое по подлеску, так тут до ночи их не загонишь.

— А я и загонять не стану. Я им петушиное слово скажу, они сами домой прибегут.

Куры разбрелись, конечно. Те червяков клюют, те в траве роются, те в пыли купаются. Засиделись в клетках-то, так им в охотку. А Илья Парамонович на мостике распоряжается погрузкой, дает указания. А на кур и не смотрит совсем, будто его это и не касается. Погрузка к концу подходит. Одна баржа готова. На другую пяток ковшей осталось погрузить. Тут подходит к нему скипер с баржи.

— Ну что ж,— говорит,— Парамоныч, говори свое петушиное слово. Сейчас отходить.

А тот на часы посмотрел.

— Нет,— говорит,— не сейчас. Пока догрузим да пока подчалим — это минут сорок верных. Придет время — скажу.

И дает первый гудок...

Куры, как слышали гудок, встрепенулись было, головки подняли, дослушали сигнал до конца и опять за свои дела.

Тут кран поднял последний ковш, бросил в трюм и отошел. Я кликнул матросов и пошел со скипером буксир заводить. А когда мимо мостика шли, скипер опять:

— Ну, где же твое слово-то петушиное?

— А вот сейчас,— говорит,— скажу. Ты иди, чаль.

И только мы на шлюпку спустились, смотрю, за сигнальную ручку взялся, будто и равнодушно, а сам, вижу, одним глазом на берег глядит. Вот он длинный гудок отсигналил. Вот два коротких.

И тут куры, как одна, подхватились, все свои дела на берегу бросили, бегут, спешат, крыльями машут. Подбежали к сходне и по сходне вверх, только что не летят. И каждая к своей клетке, и сразу носами в кормушки. И уж тут их полный

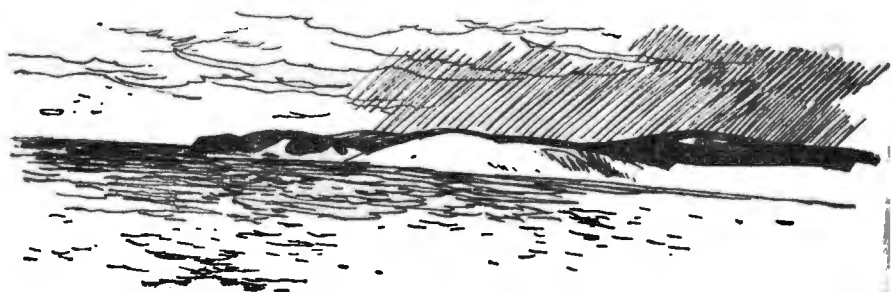
обед ожидает: на этот случай особенно постарались — вареной рыбы им накрошили, зерна напарили, хлеба.

С тех пор так и повелось. Вот уже третий год у Павлова целая птицеферма на корме. И теперь где-нигде, как стоянка, клетки настечь и кур на берег — гулять. А как второй гудок — все по местам.

Ну конечно, смеется народ. Куроводом прозвали Павлова. А на буксире так очень даже довольны: по утрам яичницы жарят, в обед куриную лапшу едят и капитана похваляют. А я так думаю: был бы жив академик Павлов, и он бы однофамильца своего похвалил...

Ну, а так, конечно, смешно, кому доведется увидеть. Уж больно они на судно торопятся. Особенно отстанет которая — точь-в-точь опоздавшая пассажирка... Ну, да ведь смех-то не грех. Вот Павлов-то, академик, пишет, что от смеха тоже польза — и аппетит повышается, и работоспособность, и настроение...

МЫ БЫЛИ НА ДИКСОНЕ

Есть в Сибири большая река Енисей. Она начинается в самом центре Азии, там, где высокие горы Саяны подпирают небо белыми шапками. Из-под вечных снегов сбегаются там ручейки, стекаются в бурные горные речки. Речки сливаются вместе, и дальше широкой серебряной лентой течет одна большая река — Енисей. А потом тысячи километров, где среди гор, где среди равнин, бежит Енисей на север, к Ледовитому океану, с каждым шагом становясь сильнее и многоводнее.

Я очень люблю Енисей, часто бываю там и, вернувшись, подолгу вспоминаю бурые скалы крутых берегов и белые разливы утренних туманов, тихие плесы и бешеную толчею порогов. Вспоминаю людей, которые трудятся там, грохот стройки на берегах и удивительную тишину тундры. И каждый раз, вернувшись с Енисея, мне хочется рассказать о том, что я видел.

Я не раз прошел Енисей из конца в конец. Но, пожалуй, лучше всего запомнился мне рейс из Красноярска на остров Диксон.

Остров этот лежит далеко за Полярным кругом, в Енисейской губе. Там и летом прохладно, а дол-

гой полярной ночью такие морозы трещат на Диксоне, такие дуют ветры, что с непривычки кажется человеку, что жить там невозможно.

Но живут и там наши люди. Живут, работают и любят свой маленький остров.

Казалось бы, что там делать среди льдов и скал? Но есть и там дела у советских людей — они сторожами стоят у великой морской дороги.

Вдоль северных берегов нашей родины с запада на восток и с востока на запад ледовыми морями каждый год идут караваны кораблей с грузами. Смелые люди ведут эти корабли.

Но как ни отважны эти люди, одним им не справиться со своим трудным делом. Полярным морякам помогают полярные летчики — отыскивают между льдами дороги для кораблей. Помогают им и зимовщики на полярных станциях. Днем и ночью следят они за погодой, предупреждают капитанов кораблей, откуда ждать бури, когда ударят морозы, когда падет туман...

Если в борьбе со льдами истратит корабль топливо, повредит винт или руль, нужно помочь такому кораблю. И всегда нужно знать: где какой караван идет, все ли там благополучно, все ли здоровы, не нужна ли помощь?

Вот для этого и живут наши люди на полярных станциях. Таких станций немало на Северном Морском пути. Но самая большая станция устроена в порту Диксон.

Там, на Диксоне, есть радиостанции, которые в любое время могут говорить с любым кораблем, с любым городом мира. Там есть маяки, которые показывают верный путь кораблям и самолетам. Есть там и больницы, и склады, и мастерские... Есть там и школы, и ясли, и детские садики... Все полярники знают Диксон и недаром зовут его «столицей Арктики».

В былые годы нелегко было жить в этой «столице», нелегко было и добраться туда. А сейчас обыч-

ные пассажирские теплоходы ходят из Красноярска на Диксон. Бери билет и поезжай, если хочешь.

Пришлось и мне побывать в тех местах. Много интересного повидал я в этом рейсе, а вернувшись, написал о том, что пришлось увидеть.

КАПИТАНСКАЯ ПРИВЫЧКА

Нас, пассажиров на Диксон, набралось на теплоходе «Чкалов» больше двухсот человек. Кто возвращался из отпуска, кто впервые ехал туда на работу, кто в гости к родным, а кто, вроде меня, просто так: отдохнуть, съездить на Север, посмотреть, как там люди живут.

В Красноярске, откуда начинался наш рейс, мы запаслись путеводителями и, пока наш теплоход стоял у причала, все отмечали, где что снять, где побывать, что посмотреть.

Я тоже сидел у себя в каюте и помечал в книжечке, где сойти на берег, где что повидать, а что можно и пропустить. Вдруг через щелочку в деревянной шторке заглянул в каюту солнечный лучик и выманил меня на палубу. Я вышел, зажмурился от нестерпимого блеска реки, и почему-то мне стало не по себе. Столько удивительного кругом! Куда ни посмотришь — чудеса, а я забрался в каюту и ставлю галочки в книжке: это интересно, это неинтересно... А вдруг самого-то интересного в книжке нет? Тогда как быть?

Вот написано в путеводителе, что непременно нужно посмотреть «Столбы». Это около Красноярска, скалы такие, очень красивые. Там есть скала «Дед». Говорят, она похожа на старика. И будто бы этого «Деда» просто нельзя не повидать.

Собрался и я ехать на «Столбы». А тут передумал. Ну, увижу я каменного деда, рукой до него

дотронусь и в книжечке помечу: «Видел». А дальше что? Каменный дед не одну тысячу лет здесь стоит и молчит. И еще столько же простоит и слова не скажет.

А вон живой старик вышел на палубу, сел на солнышко, смотрит на Енисей. С этим и поговорить можно.

Старик, видимо, здешний, речник. Капитанская форма на нем. А сам длинный, стройный не по летам. Глаза у него зоркие, а кожа на лице выдублена ветрами и солнцем. Уж он-то все здесь, наверное, видел не раз и знает, на что обратить внимание.

Он смотрел влево, в сторону порта. Там, на рейде, на самой середине реки, возле низкого песчаного островка стояли на якорях груженные баржи. На них какие-то бочки лежали, ящики, паровые котлы... А на одной — чуть ли не целый поезд — вагонов десять. Только не в затылок, как на железной дороге, а бок к боку, во фронт. И тут же на правом фланге, как командир, стоял новенький, блестящий локомотив.

Я извинился и спросил:

— Куда же это поезд везут, не знаете? Или привезли?

— Нет, везут, — сказал старик. — В Дудинку повезут...

Я заглянул в книжку: далеко ли Дудинка и что там? А Дудинка, оказывается, на последней страничке. Это за Полярным кругом, за семидесятой параллелью. И там у меня отмечено: «Тундровая растительность... В музее хорошо сохранившаяся часть скелета мамонта, одежда шамана... собачьи и оленьи упряжки...»

И только я хотел расспросить у старика, зачем в тундру, к оленям да к шаманам, везти поезд, на мостик вышел наш капитан Степан Иванович — большой, молодой, румяный, веселый. Он поискал глазами и окликнул негромко:

— Василий Васильевич! Можно вас на минутку?

— Есть,— отозвался старик и по-молодому взбежал по трапу.

Я остался один на палубе. Посмотрел направо: там, точно великаны, брели на ту сторону Енисея «быки» нового, не построенного еще моста. На той стороне — дома, корпуса заводов, трубы... Между ними, как журавли на болоте, похаживали строительные краны, поднимали что-то и бережно опускали. С коромыслами на плечах, гуськом шагали вдаль опоры электропередачи...

— Смотрите, как город наш растет? — сказал кто-то за моей спиной.

Я обернулся. Оказалось, это наш второй штурман, еще молодой паренек, комсомолец.

— Смотрю,— согласился я.— А вы, случаем, не знаете, что за старик сейчас на мостик пошел?

— Ну, как не знать,— сказал штурман.— Старик замечательный, один из старейших речников Енисея, можно сказать, ветеран здешних мест, капитан Ильинский, Василий Васильевич.

— А на «Чкалове» он что делает?

— И на «Чкалове» капитаном.

— А Степан Иванович?

— И Степан Иванович — капитан,— засмеялся штурман.— У нас, как в книжке, два капитана. Степан Иванович — просто капитан, а Василий Васильевич — капитан-наставник. Непонятно? Ну, я вам так объясню: вот вы с нами идете в рейс... Можно считать, весь наш край увидите. Встретитесь и со строителями, и с шахтерами, и с рыбаками, и с пастухами... И обратите внимание: почти сплошь у нас молодежь. Можно считать, молодежный край. Мы здесь и работаем, мы здесь и хозяева, мы здесь, можно считать, главная сила. А у стариков — у них знания, закалка... Вот и поправляют нас, когда нужно, наставляют на путь, если, бывает, собьемся.

— А не обидно молодым-то? Тому же Степану Ивановичу не обидно?

— Чего же обижаться? Я бы не обиделся, например. Рейс сложный... А у Ильинского опыт. Степан Иванович, можно считать, пешком под стол ходил, а Василий Васильевич уже Нижнюю Тунгуску обратал. Трудная река — пороги, камни, мели... Быстрина сумасшедшая, а он еще в двадцать седьмом году до самой Туры ходил, провел туда баржу «Дудинка»...

— Кстати,— перебил я,— вон те вагоны, говорят, в Дудинку везут?

— Везут. Ну и что?

— А зачем туда поезд?

— Приедете,— улыбнулся штурман,— увидите зачем... Много чего увидите... Простите, я на вахте.— И он, козырнув, заторопился на мостик.

На другой день, с утра, наш теплоход заревел веселым баском, потом еще раз прогудел и еще... Отгудев все гудки, сколько положено при отходе, «Чкалов» еще постоял у пристани, но где-то в глубине корабля — точно сердце билось — самым малым ходом уже работала машина. Степан Иванович, склонившись с высоты мостика, смотрел вниз, на пристань.

Убрали трап. Стальные канаты с петлями на концах упали в воду. Звякнул машинный телеграф на мостике. «Чкалов», набирая ход, отвалил от пристани и широкой дугой пошел на фарватер.

Как будто на огромной карусели понесло нас посредине реки. Закружились в хороводе речной вокзал, дома над рекой, мост, высокие сопки на правом берегу.

Проплыли справа краны грузового порта. В последний раз мелькнула за кормой белая часовенка, забравшаяся на вершину Караульной горы. Над ней, набирая высоту, пошел в дальний путь большой самолет...

Какие-то поселочки показались впереди, какие-то заводы. Они всё реже и реже пробегали вдоль бортов. Все чаще подступала к берегам тайга.

Я много рек прошел на своем веку, и от каждой реки осталось в памяти что-то свое, главное. Так остается в памяти лицо человека.

А тут показалось мне, что Енисей свое лицо прячет. То прикинется Волгой с широкими поймами, поросшими тальником, с золотыми пляжами, то обернется Амуром с мохнатыми сопками по берегам, то, вроде Белой, высокими скалами отгородится от всего мира.

До позднего вечера я так и не понял: какой же он, Енисей?

Стало прохладно. Туман поднялся над водой. Пассажиры один за другим разбрелись по каютам. Собрался и я на покой и, когда взялся уже за ручку двери, увидел Василия Васильевича. Он стоял, облокотившись на поручень, и всматривался в темноту.

— Спокойной ночи,— сказал я негромко.

— Спокойной ночи,— откликнулся он,— давно пора.

— А вы?

— А я все смотрю, не нарадуюсь. Я-то помню, какая тут глушь была. А сейчас какое движение, видите? — И он показал на судовые огни, тут и там светившиеся на темном просторе реки.

А утром мы поближе познакомились с капитаном Ильинским. Вот как это было.

Наш теплоход шел полным ходом. Теперь не только поселки, отдельные домики и те стали в диковинку. Они все реже и реже проплывали вдоль бортов, потом их совсем не стало.

Зелеными стенами стояла тайга по берегам. Зелеными пятнами распластались поросшие тальником острова, поймы зеленым ковром стелились у ног зеленых сопкок... И оттого, что столько зеленого было вокруг, вода тоже казалась зеленой.

Потом как-то вдруг, словно тучи набежали, выросли по берегам мрачные коричневые скалы — «щеки». Сошлись, с двух сторон обступили могучую реку, и Енисей заторопился, словно поскорее решил пробежать это невеселое место.

Так узко стало впереди, что двум кораблям уже и не разойтись. И даже немножко страшно показалось: войдем так, с полного хода, а вдруг оттуда, снизу, караван? Что тогда? Ведь течение там сумасшедшее...

Но тут слева на берегу показалась сигнальная мачта. На ней две фигуры висели, качаясь и поворачиваясь на ветру. Сверху — красный конус, под ним — черный цилиндр. Это значило, что путь нам закрыт и нужно ждать.

Теплоход заревел протяжным гудком и, пока еще было место, пошел на разворот. А эхо не повторило гудка, а подхватило его и стало швырять с берега на берег, и он долго еще метался между скалами, почти не утихая, как звук органной трубы.

Должно быть, на этот звук и вышел Василий Васильевич. Вышел, глянул кругом, прошел на корму и вскинул бинокль.

Впереди, как муравьи возле непомерно тяжелой ноши, суетились вокруг огромной, с верхом груженной баржи три крохотных катерочка. Перекликаясь тоненькими голосками, они так и этак подступались к барже. Иногда казалось, что не справиться им, что вот сейчас развернет баржу боком, бросит поперек реки и заклинит, запрет эту узость. Но катерки одолели все же и течение и ветер, поставили баржу как нужно, потом два катерка встали под бортами у баржи, точно под руки взяли ее, а один уперся в корму, и все втроем, весело посвистывая, дружно вывели тяжелое судно из узости.

Мне показалось, что как-то по-особенному бьет вода из-под кормы одного из этих храбрых

катерков. Я спросил Василия Васильевича, отчего это так.

— Так ведь это же водомет, — сказал он. — У него ни винта, ни плиц — все равно как реактивный самолет. А тянет хорошо. По мелям лазать — лучше нет судна. И хороший ход развивает.

— А откуда же здесь такие катерки? — спросил я.

— Как — откуда? Наши, красноярские. Здесь придуманы, здесь и построены. А сейчас они по всему Союзу работают, по всем рекам.

Вот с этого и началась наша беседа, только пошла она не по тому фарватеру, в который я думал ее направить. Мне хотелось, как очевидца, допросить Василия Васильевича о прошлом. Все-таки семьдесят с лишним лет человеку. На реке с незапамятных, можно сказать, времен. Амундсена и Нансена знал лично, встречал и провожал их здесь, на Енисее... Есть что вспомнить...

А он все вперед забежал, все больше о том говорил, что здесь будет завтра, через пять лет, через пятьдесят. И говорил-то так, будто ему своими руками строить весь каскад гидростанций на Енисее. Будто ему самому ставить домны; на час сойдет на берег, возьмет электропилу и пойдет валить лес в тайге.

Потом всю дорогу обгоняли мы караваны, проплывали мимо встречных. И если доводилось нам с Василием Васильевичем оказаться рядом, он каждый раз непременно говорил:

— Легковую машину везут. Чуете? Вон зеленая под брезентом. А баржа-то вниз идет, за Полярный круг. Это понимать нужно. Там на моей памяти тундра была непроходимая. А еще десяток лет пройдет — по всему берегу проложим автомагистраль. Вот тогда и приезжайте...

Или так:

— Посмотрите: баржонка с виду невзрачная и груз невзрачный, а ему цены нет — графит! Сейчас вывозить его трудно. Ну, да научимся лет через пяток. Тогда развернем разработки.

Или так еще:

— Видите белую баржу? Это — горе наше, бензинка. Приходится жидкое топливо к нам завозить. Ну, да помяните мое слово, найдут и у нас свою нефть. Край-то ведь еще и не исхожен как следует. Быть этого не может, чтобы в таком краю да нефти не нашли...

Вот так он все время о том говорил, что будет. А я все тянул его в прошлое, к тому, что было. И наконец не выдержал Василий Васильевич.

— Ну было, — сказал он почти сердито. — Мало ли что было. Дело прошлое. А коли вам интересно, я так скажу: при мне за всю навигацию по Енисею меньше грузов перевозили, чем теперь перевозят за сутки. Понятно вам? Вот что было. Так чего же об этом вспоминать?

Он помолчал, улыбнулся и сказал поласковее:

— Вы уж не обижайтесь. Я больше полвека все вперед смотрю. Наше дело такое, капитанская привычка.

Тут по левому борту из-за поворота реки показался встречный буксир с «возом» за кормой.

Василий Васильевич вскинул бинокль, пробе-

жал взглядом по баржам и сказал совсем уже мирно:

— Бывает, конечно, если так-то с возом идешь, другой раз и оглянешься... не без того. Ну, да мы-то, слава богу, «корпусом» идем, без воза...

П Е Г И Й

Ночью, часа в два, ко мне в каюту постучал первый штурман.

— Хотите на берег? Сейчас пойдет шлюпка за хлебом,— сказал он.

— Конечно, хочу. Сейчас! — крикнул я, оделся и вышел на палубу.

Шлюпка уже качалась под бортом. Я спустился по трапу, потом и штурман пришел.

— Поехали? — спросил я.

— Сейчас,— сказал штурман,— подождем минутку: тут один пассажир хотел собаку купить.

Скоро и пассажир этот явился. На нем был морской бушлат, морская фуражка, но по тому, как ловко он спрыгнул в шлюпку, и без того можно было узнать в нем моряка.

— Это вы за собакой? — спросил я.

— Я, а что?

— Да ничего...

Мы разговорились. Пока четверо матросов с трудом выгребали против ветра, я узнал, что пассажир этот — рыбак с Диксона, что живет он на берегу, далеко от порта, и зимой, когда стоят льды, только на собаках и добирается до поселка.

— Упряжка у меня добрая,— сказал он,— да вот вожак стар. Хочу сменить. А здесь, говорят, хороши собаки.

Причалили мы неудачно: пришлось прыгать прямо в воду и брести к берегу. А на берегу уже ждали нас чьи-то псы, огромные, мохнатые, с гу-

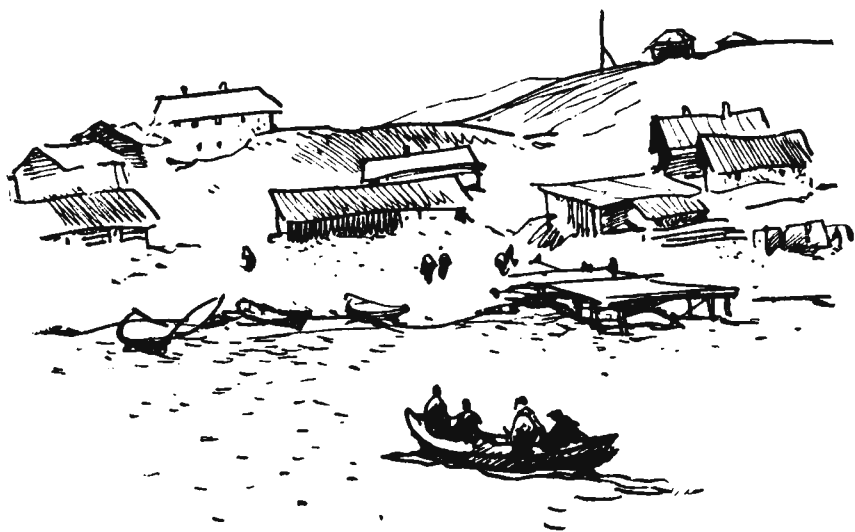
стыми гривами. И морды у них были такие, что мы сразу увидали: эта вот поумнее, эта попроще, эта хитрющая, а эта веселая, но глупая совсем. И немножко боязно стало: вцепится вот такая дурочка, а за ней другие возьмут в клыки. Тут и ног не унесешь. А клыки у них громадные, острые.

Но они, конечно, не тронули нас. Только обнюхали, переглянулись между собой и, решив, должно быть, что мы народ неплохой, оставили в покое.

Матросы вместе со штурманом пошли в пекарню. Я полез на гору — там стоял ненецкий чум, а пассажир этот, даром что ночь, пошел стучать по окнам — спрашивать, не продаст ли кто собаку.

Впрочем, ночь-то была только на часах. А так и светло на небе. Солнце хоть и не высоко стояло, но выше берега и даже грело заметно. А на той стороне Енисея вставала над утесом огромная, круглая луна. И люди в поселке не все спали. Над домиками курились дымки, а на одном крыльце возились ребята.

В чуме тоже не спали. Старый ненец, пристро-

ившись на высоких нартах, чинил оленью сбрую. Тут же, прямо на траве, ребята играли в школу и спорили о чем-то между собой. Я посидел с ними полчаса, поговорил и пошел не спеша к берегу.

А пассажир наш тем временем сторговал себе пса — огромного, черно-пегого красавца с веселой, добродушной мордой. Хозяин-ненец расхваливал собаку, а наш пассажир соглашался и на все похвалы одно отвечал:

— Да я вижу...

Потом мы все втроем пошли к берегу. Пес послушно побежал за нами, неслышно ступая по гальке широкими лапами. На берегу он понял, должно быть, что придется расстаться с прежним хозяином, загрустил и стал боком тереться об ноги ненца.

Тот потрепал его по загривку, и пес заскулил потихоньку. Тогда со всего берега стали сбегаться собаки. Сбежались, легли полукольцом, смотрят на Пегого, повизгивают.

И Пегий тоже потрется, потрется об ноги хозяина, посмотрит на друзей и взвизгнет тихонько.

Наш пассажир запустил руку в шерсть Пегому, почесал ему брюхо, тот глянул на нового хозяина, улыбнулся, но сейчас же опять заскулил.

Тут пришли матросы, принесли пахучий хлеб в мешках. Тогда ненец достал из кармана тонкий ремешок, завязал морду Пегому. А тот не зарычал, не огрызнулся даже. Покорно дал себя обезоружить, только молча, с укором посмотрел в глаза хозяину. И другие собаки тоже молчали, свесив на сторону языки, да иногда грозно лязгали огромными зубищами, отгоняя назойливых комаров.

Пришло время грузиться. Наш пассажир на поводке потянул Пегого за собой. Пес прыгнул в шлюпку, устроился под банкой и даже не посмотрел на берег. Только лапой все тер морду, будто утирал слезы. А на берегу собаки долго еще стояли, смотрели нам вслед и негромко поскуливали.

На теплоходе Пегого привязали на корме. Новый хозяин развязал ему морду, дал кусок сахара. Но Пегий сахар есть не стал. Он свернулся клубочком и спал, наверное, целые сутки, повизгивая и вздрагивая во сне.

А пассажир наш все радовался:

— Знатный будет вожак! Вы смотрите, какая грудь, лапы какие!

На другой день Пегий стал брать рыбу из рук нового хозяина, и когда тот приходил на корму, пес радостно вилял коротким хвостом.

Когда мы пришли на Диксон, наш пассажир вышел с чемоданом в руке и зашагал по деревянному причалу. А Пегий без намордника, без поводка даже бежал рядом, с удивлением глядел на встречные грузовики и грозно рычал на них, отпугивая от нового хозяина.

Н Е Р П А

Нам совсем недалеко осталось до Диксона — полсутки хода, не больше.

С вечера все приготовились. Кто надолго ехал туда — связывали вещи, а кто с тем же теплоходом обратно, те, наоборот, доставали из чемоданов что потеплее, заряжали фотоаппараты. Все приготовились, чтобы как причалим, так сразу на берег, без задержки. И даже распрощаться успели с вечера. За дорогу-то все перезнакомились, а в порту, как придем, в спешке и попрощаться некогда будет.

Ко мне тоже приходила прощаться соседка — черноглазая Кэтино. Она с мамой ехала к папе погостить до осени. Дорогой я показывал ей фокусы; она мне по-своему пела песенку про то, как мак расцвел в поле. Так и подружились. И, конечно, грустно стало, что утром расстанемся и неизвестно, когда еще встретимся. Я в Москве живу, она в Кутаиси.

По-моему, она даже всплакнула, когда уходила. И мне тоже как-то неуютно стало. Я задернул окна, чтобы свет не мешал, но все равно заснуть не мог и долго еще читал. До поздней ночи.

Вдруг слышу: замолчала машина. Загремела цепь. Значит, отдали якорь. Встали.

Сразу захлопали двери в каютах, защелкали замки. Потом застучали каблуки по коридорам,

и пассажиры кто в чем стали выбегать на палубу. Вышел и я. И Кэтино тоже вышла...

Было очень тепло. И когда узнали, что стоим из-за льдов, не хотелось верить этому. Но по радио сообщали: «...севернее острова Сибириакова сплошной лед. Заход Диксон невозможен...»

И вот интересно: давно ли казалось — еще бы денек так прожить. И тепло, и народ хороший кругом. Привыкли друг к другу, и к теплоходу, и к Енисею... А тут, как узнали, что придется еще, может, день, а может, и всю неделю стоять, всем стало к спеху туда, на Диксон. И все стали ворчать, ходили к капитану, надоедали:

— Долго ли простоим?

Кэтино и та пошла.

— Степан Иванович, — сказала она, — скоро ли пойдем?

А капитан только улыбнулся да развел руками:

— Я бы, Кэтино, хоть сейчас, да сама видишь: лед не пускает.

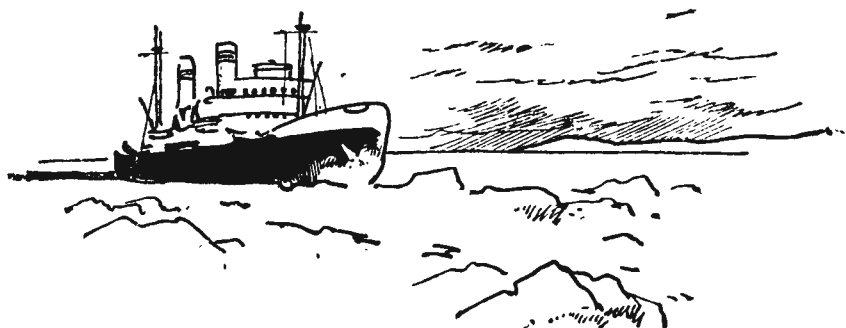
А мы только и видели: голубое, чистое небо, незаходящее полярное солнце, голые сопки да изглоданные дочерна ветрами домики на берегу.

На третий, кажется, день прогудел гудок, запустили машины — и пошли.

И опять все стали прощаться, и опять грустно сделалось, что расстаемся.

И погода испортилась. Разом нахлынул откуда-то туман, набежали тучи. Ветер порывами налетал сверху и черными пятнами бежал по воде.

Пришлось одеваться потеплее. Но все равно никто не уходил с палубы — всем хотелось увидеть, как ледокол поведет нас сквозь льды.

Но пока что ни ледокола, ни льдов — ничего этого не было. Только черные волны, да белые гребни, да низкие тучи. И вдруг кто-то крикнул:

— Лед!

И все сразу увидели маленькую, метра в два, не больше, льдинку. Ее всю изъело водой, она уже как кружево стала, как сахар, когда его вынешь из чая. Она на глазах разваливалась в воде и скоро совсем пропала. Но тут же кто-то заметил другую льдинку и третью. Потом проплыла льдинка побольше, и скоро столько их стало, что, куда ни глянешь, везде льдины, и льдинки, и целые ледяные поля. Иные совсем свежие, белые как мрамор и как мрамор крепкие, а другие, как та, — желтые, израненные теплом, мягкие, должно быть, как вата. И как будто скульптор потрудился над ними: из той сделал барашка, из той — грибок, из той — зайчишку... А из иной сразу и не угадаешь что...

Мы с Кэтино стояли и разгадывали вместе эти загадки. И она, оказывается, хоть и первый раз была на Севере, но всех здешних зверей знала и в ледяных скульптурах узнавала их без ошибки.

— Мама, вон тюлень, — кричала она, — а вон морж! Видишь, мама, клыки. Ну, как же ты не видишь? А это медведь. Он лапой нос закрыл. Это

чтобы нерпа его не увидела. Ну смотри же: он к к нерпе подбирается! А это морской заяц. Видите: ушки у него.

И мы все тоже смотрели и видели вместе с ней и тюленя, и медведя, и морского зайца. И правда, похоже было. Я не удержался, спросил:

— Откуда же ты их, Кэтино, всех знаешь?

— Какой вы смешной! — сказала она. — У меня ведь папа полярник все-таки...

И вдруг среди льдин я увидел настоящую живую нерпу. Высунула морду, смотрит на нас, провожает большими глазами. Ну конечно, нерпа. И только я хотел показать ее Кэтино, она на весь теплоход закричала:

— Мама, мама, смотри, собачка купается!

Нерпа нырнула, и никто, кроме нас с Кэтино, так ее и не видел.

И вдруг, растолкав туман, высокий, как колокольня, встал перед нами огромный черный корабль. Размахивая над головой волшебным зеркальцем локатора, он смело прошел мимо нашего борта, и на высоких, чуть впалых скулах, украшенных тонкими сережками якорей, мы прочитали название корабля: «Индигирка». Корабль заревел могучим гудком...

Пассажиры стали спорить: ледокол это или ледорез, и сколько в нем тонн, и сколько сил...

А Кэтино долго не могла успокоиться.

— Вот ты не веришь, мама, — не унималась она, — а я своими глазами видела: настоящая собачка купалась. Такая красивая...

ГДЕ НОЧЬ ЖИВЕТ

В дальней дороге всегда много нового видит человек и, видя новое, по-новому учится понимать мир. И вот что удивительно: путешествуя вместе, люди видят-то, в общем, одно и то же. Но каждый

из того, что увидел, с годами многое позабудет, растеряет, но что-то, самое, наверное, дорогое, на всю жизнь сохранит в памяти.

Как-то раз я путешествовал по Северу. По широкой реке плыли мы на большом теплоходе... Одни любовались скалами, похожими на развалины замков, других радовала стройка на берегах, третьим хотелось насмотреться на здешних жителей — оленьих пастухов и охотников. А один мальчик ехал с нами, совсем маленький; его почему-то интересовало, где кто живет.

Купили осетра на берегу у рыбаков. Все обступили огромную рыбину; удивлялись, какой он жирный, осетр, какой сильный. А Володя — так звали мальчика — протолкался поближе, потрогал колючую кожу осетра, посмотрел на нас серыми глазами и спросил:

— А где он живет?

Ему объяснили. Потом кто-то увидел в небе речного орла. И опять все смотрели, как стройная птица, выглядев рыбу, камнем упала с высоты, зарылась в волну, отряхнулась и тяжело замахала крыльями, унося сверкающую добычу.

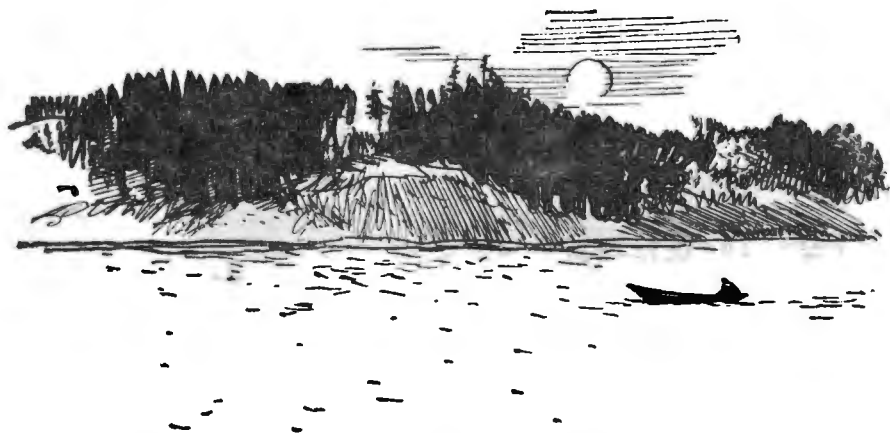
Все опять говорили, какой он зоркий и какой ловкий, речной орел, а Володя поднял голову и спросил:

— А где он живет?

Потом видели катер-водомер. Он то задом, то передом сгонял бревна, которые вырвались из большого плота. Вместе с нами смотрел и Володя. А когда все бревна загнали на место и плот починили, Володя спросил про катер:

— А где он живет?

Он и про солнце так спрашивал, и про нашего капитана. И пришлось капитану пригласить Володю в гости к себе в каюту. Володя сидел там чинно на диване, рассматривал картинки на стенах, потрогал пушистое одеяло на кровати, потом поблагодарил капитана и, довольный, пошел на палубу.

Это было уже за Полярным кругом. В то время мы вступили в царство вечного дня, и впервые в тот раз у нас совсем не было ночи. Это для человека, который не бывал на Дальнем Севере, конечно, очень странно: как это совсем нет ночи? И когда заговорили о пропавшей ночи, Володя опять обвел нас глазами и спросил:

— А где ночь живет?

Раньше, бывало, мы как умели отвечали на его вопросы: осетр, мол, в реке живет, орел — в гнезде, солнце — за горой, катер — в затоне... А когда он про ночь спросил, никто ничего ответить не сумел, только все засмеялись.

Володю обидел этот смех. Но потом, когда шли между льдами, мы ему объяснили, где тюлени живут и где белухи, и Володя простил нас. Мы думали, что он совсем забыл про ночь, но она, оказывается, не давала ему покоя.

Так пришли мы на остров Диксон. Тут показали Володе, где живут ездовые собаки и где живут вездеходы. Потом наш теплоход пошел назад, на юг, и опять мы шли по той же реке. А потом настал такой день, когда за сопки спустилось солнце и ночь, настоящая черная ночь завладела миром.

В тот день Володя нас ни о чем не спрашивал. Но утром, когда мы собрались на передней палубе, он пришел, гордо нас осмотрел и сказал:

— А я знаю, где ночь живет!

— Где же, где, Володя? — подхватили со всех сторон.

— В лесу, — сказал он очень серьезно и рукой показал на тайгу, теснившую берега.

Все, конечно, опять засмеялись. Засмеялся и я. А потом, подумав, решил, что смеяться тут нечего.

Мы смотрели по сторонам и все подряд, без разбора, собирали в памяти. А Володя работал, искал. Он и так и этак прикидывал, сравнивал то, что видел, во всем спешил разобраться, все хотел понять.

И по-своему прав был Володя: на той реке летом, как раз там, где кончается лес, начинаются светлые ночи.

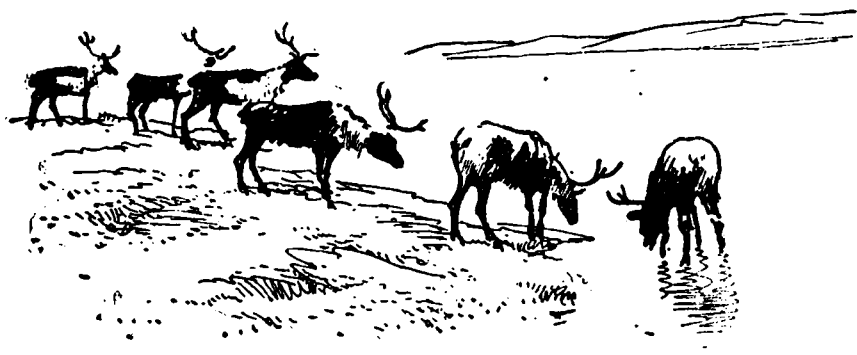
Я очень тогда позавидовал этому мальчику. И, может быть, из всех богатств, собранных тогда, дольше всех сохранил в памяти эту хорошую зависть к четырехлетнему малышу.

О Л Е Ш К И

Мы, когда шли на Диксон, и по радио и так, в разговорах, часто слышали: «Олени... олени...»

И рога оленей часто видели. Их там множество валяется на берегах. А вот живых оленей долго не пришлось повидать. Шли-то мы летом, а в это время пастухи отгоняют оленьи стада подальше на север, где поменьше оводов и мошкар. Там олени пасутся на тундровых пастбищах, нагуливают жир, а когда зима наступает, тогда гонят их поближе к югу, где снег не такой глубокий, и сами пастухи, конечно, тоже кочуют вместе со своими стадами.

И мы уже думали, что совсем не увидим их на этот раз. Но однажды наш теплоход пристал к низ-

кому берегу — взять рыбы у рыбаков. И вдруг видим: стоят у воды шесть оленей. Маленькие, не больше ослика ростом. Два безрогие, а у четырех на голове рога вроде сучьев, поросших мохом. Шерсть на оленях висела клочьями; у того бок голый, у того спина. Ножки тоненькие, а глаза огромные, как сливы. Олени стояли рядком, грустно смотрели на наш теплоход и тихонько качали головами.

— Ой, противные какие! — сказал кто-то, и все дружно согласилось: некрасивые звери.

И мне тоже в тот раз они совсем не понравились. То ли дело — собаки: ловкие, красивые, веселые. Носятся по берегу, играют, резвятся...

И вдруг вспомнилась мне одна история, в которой участником был я сам...

Это тоже на Севере было, только зимой. Полетели мы с другом по делу на маленьком самолете. Полетели и заблудились в тумане. Час целый плутали, весь бензин сожгли и сели прямо на снег.

Сидим мерзнем. Хорошего ждать не приходится: есть нечего, костер бы развести. А из чего? Кругом снег один, ни деревца, ни кустика.

Вдруг смотрим: едет кто-то. В бинокль поглядели — пара оленей. А за ними узкие сани, а на санях человек с длинной палкой. Подъехал. Шуба на нем из оленьих шкур, и сапоги из оленьих шкур,

и рукавицы такие же. На санках мешок из оленьей шкуры. Он достал из мешка оленьего мяса, накормил нас, посадил на санки и повез к себе домой.

А дом у него вроде большой круглой палатки и тоже из шкур. И постели в доме из шкур, и ковры на полу — тоже шкуры. И прямо на шкурах стоят глиняные плошки, и в них, как свечки, теплятся огоньки. Это жир олений горит в плошках, оттого и тепло.

Улеглись мы, закрылись шкурами, заснули. Проснулись, глядим — еще трое пришли, тоже все в шкурах. Это олени пастухи оказались. Они тут жили среди снегов, а кругом паслось их стадо — оленей триста, а может, и больше. Их зимой и кормить не нужно: они сами разрывают снег копытами и достают себе пищу. А если волки нападут — становятся в круг и рогами защищаются от волков.

Нас опять угостили горячим мясом, а потом мы рассказали о своей беде.

— Ничего, — сказали пастухи, — небольшая беда. Олешки выручат.

Потом один оделся потеплее — на оленью шубу надел еще шубу, — запряг в сани шестерку самых резвых оленей и укатил по снегу. А на другой день приехал и привез нам бензин.

Мы опять сели на сани и поехали к самолету. А провожать нас со всей тундры съехались оленьи пастухи. Мы все вместе взялись, сгребли снег с крыльев, залили бензин, завели мотор и полетели.

А олешки смотрели нам вслед умными глазами и тихонько качали головами, будто прощались.

Вот так нас олешки выручили. Это давно было, но и сейчас в тундре многих они выручают: и одежду дают человеку, и дом, и пищу, и тепло, и возят по снегу.

Вспомнил я этот случай, рассказал друзьям, и

тут многие заспешили в буфет за хлебом и побежали кормить оленей.

Они не испугались людей. Как стояли, так и остались стоять. Жевали вкусный хлеб, моргали большими глазами и качали тихонько головами, будто благодарили за угощение.

А я смотрел и думал: «Вот сейчас некрасивые они, ленивые от жары... А к зиме отдохнут от назойливых оводов, обрастут новой шерстью, опять красавцами станут. А кому доведется — так пронесут по снежной целине, что дух захватит...»

М А К И

Диксон встретил нас ветром и льдом. Тут в заливе лед сбился так плотно, что наш теплоход не мог как следует подойти. Его придавило боком к углу причала, и капитан боялся, как бы не проломило борт.

Мы с товарищем успели вскарабкаться на деревянную стенку. За нами еще хотели лезть пассажиры, но тут подбежали матросы и больше никого не пустили. Теплоход отработал машинами и отвалил. А мы так и остались на берегу.

Остались и пожалели. Было очень рано, часов пять утра, и порт еще спал. Спали огромные краны, вздрагивая во сне от холодного ветра. У причала, весь белый от инея, посапывая парком, спал большой пароход. Укутавшись теплым капотом, спал у ворот грузовик-самосвал.

В заливе над ледяной кашей клочьями поднимался пар, ветер подхватывал его и уносил куда-то... Холод был страшный. Может, зимой нам и не так холодно показалось бы. Но до зимы еще далеко было. А мы прямо из жаркого лета приехали сюда. Еще вчера слушали по радио, что в Красноярске тридцать градусов тепла. А тут уши щиплет и лу-

жицы на причале все замерзли. Да еще ветер этот — только что с ног не валит.

И людей, как назло, никого.

Мы постояли, померзли и пошли в поселок. Не пропадать же тут. А в поселке авось кто-нибудь приютит, обогреет. Идем, смотрим по сторонам. Ну и места! Прямо в море срываются ржавые скалы. И в поселке тоже: куда ни глянешь — словно нарочно набросаны бурые глыбы. И дороги пробиты в скалах, и домики приютились на каменных косогорах. А тротуары, точно бесконечные мостики, бегут вдоль улиц, и кажется: перебирают, как сороконожки, сотнями высоких деревянных ног.

А главное — ветер. Налетит, ударит, да так, что скалы дрожат под его ударами. И люди точно вымерли все.

И вдруг видим: навстречу нам девочка лет восьми. В теплом красном платочке, в новых ва-

ленках, в нарядной зеленой шубке. Увидела нас, побежала бегом, встала — краснощекая, голубоглазая, белозубая. Стоит, а руки держит за спиной.

Наконец она отдышалась.

— Дяденьки,— спрашивает,— вы с теплохода, со «Чкалова»?

— С «Чкалова»,— говорим.

— Ну, вот тогда вам...— говорит эта девочка и сразу выкинула руки из-за спины, и в каждой руке по букетику желтых цветочков.

И как будто сразу теплее стало на диксонской земле: вон там труба дымится, там чистое белье трепещет на ветру. И здесь, значит, живут люди, да еще такие вот краснощекие.

Мы хотели спросить эту девочку, чья она и как ее зовут. А она засмеялась, повернулась и побежала. Мы было за ней, да где там. Разве такую догонишь? Убежала. А букетики так и остались у нас в руках.

Стали мы рассматривать, что за цветы. А цветы интересные: желтые, как лепестки подсолнуха, только нежные, тоненькие, как папиросная бумага. На каждом цветке по четыре лепестка, вроде маленьких сердечек, а в середине зеленая ягодка поменьше рябины. И стебелек тоненький, гибкий, как зеленая веревочка.

Мы пошли дальше и, пока шли, все об этих цветах говорили: где их эта девочка достала, да как они называются, да есть ли где еще такие?

И вдруг видим — тут же на улице, между двух каменных лбов, на голой земле такие же вот цветы. Тут и травы-то нет, а они выросли и расцвели. Зацепились тонкими корешками, желтые головки прижали к холодной земле и ждут: может, ветер утихнет, может, солнце проглянет меж тучами?

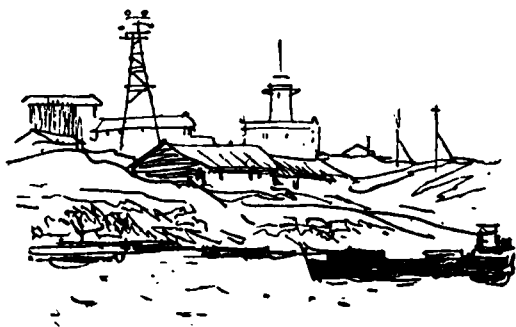
И тут как раз на полминуты, может быть, пробило голубое окно в небе, и ветер стих немножко. И эти цветочки сразу подняли головки навстречу

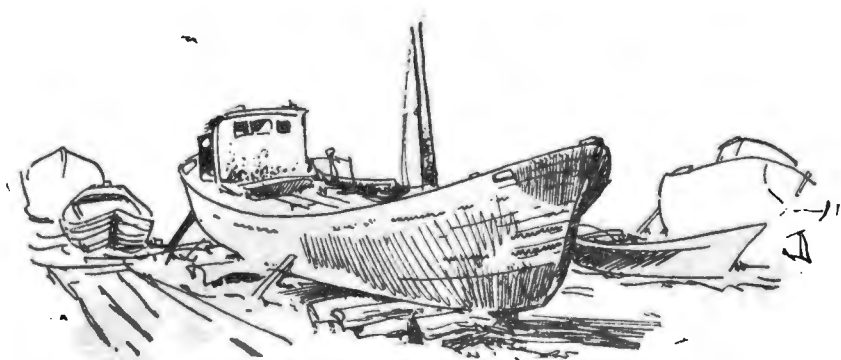
солнцу и гордо так выпрямились: «Мы, дескать, первые здесь».

— Вон, видишь,— сказал мой товарищ,— держатся. А ты говоришь: «Человека сдует...»

Тут опять задул ветер, и солнце спряталось в тучах, и цветочки опять притаились.

А мы пошли к себе на теплоход. Он уже причалил. На теплоходе знающие люди нам сказали, что цветочки эти — здешние подснежники, а называются они «полярные маки».

СУДЬБА КОРАБЛЯ

П о в е с т ь

ЧЕРНЫЕ ПАРУСА

Бывает так: встретишь человека и пройдешь мимо, а потом вдруг узнаешь о его делах, о подвигах, о приключениях, одним глазком заглянешь в беспокойную его судьбу, и обидно станет, что не рассмотрел, не узнал поближе этого человека.

Вот такой случай вышел как-то и у меня, только не с человеком, а с кораблем.

Было это на Каспии. На грузовом пароходе «Терек» я, как было записано в документах, «следовал» в Астрахань на положении единственного пассажира.

Нет ничего хуже такого положения. На грузовом судне в пути жизнь идет своим чередом, размеренно и строго. Тут каждый на месте, каждый при деле, а пассажир, обреченный на праздность, бродит как неприкаянный по палубам, по коридорам, по каютам, и, хотя всюду встречают его приветливо,

все равно, куда бы ни пришел пассажир, кажется ему, что он лишний.

Из Баку мы вышли засветло. Давно проторенная, не раз исхоженная морская дорога не сулила мне ничего нового, и, чтобы не мешать людям, занятым делом, я пораньше улегся спать. Зато и проснулся я рано. Поворочался с боку на бок и, поняв наконец, что сон не вернется, оделся и вышел на палубу.

Солнце еще не вставало, но было уже светло. Над морем стоял полный штиль. Густой туман лежал на воде широкими пятнами, похожими на отары спящих овец. В глубине судна мерно вздыхала машина. По бортам, вздымаясь и падая, шумела, как водопад, поднятая форштевнем вода.

Вдруг где-то слева послышался нарастающий стук двигателя, потом неясным силуэтом обрисовался корпус небольшого суденышка, и, раздирая клочья тумана, вышел прямо на нас одномоачтовый баркас старой постройки. В Каспийском море сотнями промышляют такие баркасы, и я без всякого интереса провожал его взглядом.

Не больно нарядный, но исправный и чистый, он торопился куда-то, и за ним, как собака за возом, высунув черный нос из-под рыжей копны дубленых сетей, чуть рысая, бежала на буксире большая лодка.

Упрямо расталкивая сонную воду, суденышко прошло у нас за кормой, раза два лениво качнулось на нашей волне и пошло дальше своей дорогой навстречу утру.

«Комсомолец», — прочел я выцветшую надпись на кормовой доске.

В это самое время легким вздохом пролетел над водой ветерок, туман налился теплым розовым светом, заворочался пышными клубами, море проснулось, и, еще не увидев солнца, мы поняли, что, поднявшись над горизонтом, оно шлет нам свой утренний привет.

Тогда на палубу баркаса вышел стройный парень в полосатой тельняшке. Он осмотрелся кругом, прошел на корму и на коротком флагштоке поднял красный советский флаг.

Я взошел на мостик, а когда обернулся, суденышко уже растаяло в тумане, и только частые вздохи двигателя еще несколько минут напоминали об этой мимолетной встрече.

— За селедкой? — безразлично спросил я, взглядом указав туда, где скрылся баркас.

— За килькой, — подняв седые брови, ответил наш штурман Петр Петрович, писавший что-то на поле ходовой карты. — За килькой... Килька тоже рыба... А между прочим, — добавил он, — славный корабль.

— Корабль? — удивился я.

— А что же вы хотите — корабль. Сейчас-то, конечно, труха трухой. Сами видели — гнилушка с мотором, только что не светится. А я-то помню: и выпел носил, и пушка на нем стояла.

— Вот как? Значит, старый знакомый?

— Мне тут все знакомо, — сказал Петр Петрович, отложив карандаш. — Я тут каждую чайку по имени-отчеству знаю, а уж посуду-то как не знать?

— Вы здесь тоже, значит, давно?

— Я-то? Да как вам сказать, давно ли? Тут и родился, на Каспии, тут поседел, тут и помирать буду. За всю жизнь два года только и был в отлучке, да и то сказать — не в самовольной. В шестнадцатом году по призыву попал я на флот, на Балтику. В море выйти ни разу там не успел, ну да зато на берегу пошумели... На штурм Зимнего, врать не стану, не ходил, не пришлось... А в Смольном стоял на часах и Ленина видел вот так, как вас. Потом пулеметчиком был на бронепоезде, а в девятнадцатом году, в январе, как направили в Астрахань товарища Кирова, так и мы с ним прибыли.

Тут, конечно, не то, что в Питере, было, совсем другая картина, но тоже жарко пришлось. С Дона шел на нас Деникин, из Сибири — Колчак, а здесь на море хозяйничал английский адмирал Норрис.

Конечно, свои корабли англичане сюда перегнать не сумели, зато Каспийский флот крепко прибрали к рукам. Было тут несколько боевых единиц, да на торговых пароходах поставили пушки, так что сила у них собралась заметная. Море заперли на замок, грозили ударить на Астрахань, и нам без флота пришлось бы туго.

И вот как прибыл Сергей Миронович Киров, так сразу и поставил перед нами задачу: строить флот.

А это легко сказать — строить. Время-то какое было. Тиф... Голод... В церквях и то вповалку лежали больные. Хлеба мы по неделям не видели. Чилим — знаете, водяной орешек? Им теперь в приморских колхозах свиней кое-где кормят, а нам тогда на паек выдавали... А тут еще кулачье зашевелилось. В то время это тоже сила была, и не малая. У них и хлеб, и деньги, и оружие осталось еще с войны. Того и гляди, поднимут мятеж. Так что маузер и гранаты не для украшения у нас на поясах болтались, а были, так сказать, предметами первой необходимости. В общем, голодно жили,

трудно и тревожно. А флот все-таки строили. Понимали: без флота Астрахань нам не удержать и Волгу не уберечь.

А строили как? Новый корабль заложить — об этом мы тогда и мечтать не могли. А вот, скажем, баржу-грязнуху поднять — это другое дело. Поднимем, залатаем, поставим пару пушек-трехдюймовок — вот вам и плавучая батарея. На буксирном пароходе обобьем рубку стальным листом — крейсер. Рыбницу вооружим пулеметом — дозорный катер, а то десантное судно, как придется. Пестрая получилась флотилия и небольшая, ну, а все же до сорока вымпелов подняли к открытию навигации. И в бой ходили на своих кораблях и немало побед одержали... В общем, было время...— вздохнул Петр Петрович и замолчал.

Помолчал и я, с новым интересом присматриваясь к штурману. Высокий, чуть сутуловатый, седой как лунь. Несмотря на форменный китель с галунами и на фуражку с «крабом», казался он штатским, домашним, добродушным стариком, и, сколько я ни старался, так и не смог представить его молодым «братишкой» в бушлате, перепоясанным пулеметными лентами, с гранатами и маузером у бедра.

— Да, трудное время,— согласился я и, опасаясь, что рассказ оборвется на этом, спросил будто бы и без особого интереса: — Ну, а этот баркас тоже бывал в боях?

— Этот? Бывал, наверное... Впрочем, точно вам не скажу, но с ним особая вышла история. Он не нашей постройки, не астраханской. Строился он в Баку, и, понятно, не для нас его строили.

Было это в девятнадцатом году. В Баку тогда сидели англичане. Сидели крепко. Зубами вцепились в нашу землю. Да и понятно — лакомый кусочек бакинская нефть. Иным казалось, что осели они тут прочно, навек. Но они-то сами понимали, что сидят, как воры в чужой квартире: вот-вот

придет настоящий хозяин. И нервы у них пошаливали.

Нам тогда не сладко жилось, а тем, кто остался в Баку, и того хуже. Канадской муки, шоколаду, рому — этого всего было там вдоволь. Да только не каждый на это зарился. Честному человеку их шоколад вставал поперек горла, и английской контрразведке хватало работы: то заговор откроется, то диверсия.

Англичане ввели там чрезвычайные строгости. Вешали людей без суда, расстреливали. Ну, да ведь правду-то не расстреляешь. И чем больше вешали, тем яснее понимал народ, где она, эта правда, и тем смелее за правду шел.

Но, конечно, нашлись и в Баку такие, что верно служили новым самозванным хозяевам. Был в том числе один хитрый грек, по фамилии Триандифилиди. Я еще знал его, когда он бегал по базару в рваных шлепанцах и торговал рыбой вразнос. Даже весов собственных не нажил — занимал у соседей. А потом, году в пятнадцатом, как-то сразу вдруг раздобрел: поставил ларек, с полгода прошло — купил магазин, вышел в купцы, а потом завел собственный флот и стал промышлять в море. Промышляли-то, конечно, рыбаки, а сам господин Триандифилиди ездил по городу в роскошном лаковом экипаже, на лысине вместо лотка носил модную шляпу, в глазу монокль, а на брюхе золотую цепь с якорьками. После открылось, что англичане к нашей нефти принюхивались давно, и грек, оказывается, еще с царских времен снабжал их разведку не селедкой, а донесениями. И, должно быть, успешно снабжал. Заслуги его не забыли. Сам адмирал Норрис принял грека, и, хотя выход в море был тогда под строгим контролем, его баркасы и рыбницы ходили на промысел, как в мирное время. А рыба в ту пору была в цене, и такие пошли у грека дела, что решил он строить новые посуды.

Вот тогда и спустили на воду этот баркас. По-

строили его по-хозяйски, прочно. Судно по тем временам получилось красивое, ходкое. Имя дали ему «Тритон», а шкипером грек назначил своего любимчика Николая Бичевина.

Николая я тоже знал с мальчишек. На моих глазах вырос он красавцем моряком. Ростом выше меня, в плечах — косая сажень, кудри — как манильская пряжа, а глаза голубые с зеленью, как весенний лед. Голову, бывало, поднимет, посмотрит, и такая гордость, такая сила во взгляде — орел!

Рос Николай сиротой. Морскую службу начал он лет с восьми, и, конечно, немало линьков об него пообтрепали — лупили хозяева здорово. Но зато годам к семнадцати море он знал, как другой до седых волос не узнает, и службу знал. В мореходные классы ему ходить не пришлось, но грамотный был паренек, читал много и думать умел. В один и тот же год вступил он в партию и получил диплом шкипера-двухсоттонника.

А с греком свел их нечаянный случай. Как-то с пьяной компанией отправился тот покататься на шлюпке. Как там случилось — про это не знаю, только шлюпка перевернулась, и хоть был тот грек жирный, как хороший кабан, но только гвоздем пошел ко дну.

А Николай оказался тут рядом на рыбнице. Он нырнул прямо с борта, вытащил грека за штаны, и с тех пор Триандифилиди души не чаял в Бичевине. Принял Николая на службу, дал лучшее судно, и такая дружба пошла у них с хозяином, что бывшие товарищи стали обходить Николая стороной. Прошел слушок, что проданся Коля Бичевин.

А он и вел себя соответственно: на судне жал пот из команды, на берегу распивал холодное пиво с английскими унтерами, в петлице стал носить английский флажок и у английских властей числился в списке благонадежных русских. В общем, славу сумел заслужить незавидную. И, конечно,

нелегко было коммунисту носить такую славу. Умом-то он и сам понимал, что так нужно, ну, а сердцем принять это трудно, и он не раз просил партийный комитет дать ему настоящее дело. Но ему строго-настрого разъяснили, что таких, как он, немного в бакинском подполье, что, как нужно будет, дадут ему дело, а пока что конспирация должна быть полная, и дорогу в комитет приказали забить.

Нелегкая роль. Но он эту роль, говорят, играл отлично. Иные удивлялись даже: порядочные люди руки не подают парню, бывшие товарищи плюют ему вслед, а он хоть бы что: с утра в порту, вылизывает своего «Тритона», готовит к выходу в море, а как вечер — оденется почище и в обнимку с томами да с джеками до поздней ночи шатается по кабакам.

И как раз в это время провалилась десятка бакинских подпольщиков. Не скажу точно и врать не хочу, что у них там получилось с англичанами, но только дело обернулось круто. На бакинской земле места им не осталось, и вышло на выбор три дороги: либо на виселицу, либо в глубокое подполье и скучать там без дела до лучших времен, либо морем, к нашим берегам. И, конечно, выбрали они этот путь. Путь нелегкий и небезопасный. Но ребята все, как один, подобрались горячие, молодые, а в то время чего-чего, а смелости у молодежи хватало.

Вот эту операцию и поручили Бичевину.

Дело было срочное. На всю подготовку Николаю дали три дня. Маловато, конечно. Судно-то, впрочем, стояло готовое, хоть сейчас в рейс, только с сетями получилась заминка: их еще только готовили на берегу, а без сетей выходить в море было рискованно, — это и у хозяина, и у англичан могло бы вызвать подозрения.

Но Николай раскинул мозгами и выдвинул свой встречный план, как теперь говорят.

Задача была вывезти этих ребят. А он взялся заодно и бакинский подарок доставить к нам в Астрахань. Свел хозяина с каким-то персидским купчишкой, и тот предложил греку отвезти в Пехлеви бензин в бочках. Груз небольшой и барыш небольшой, но Николай убедил хозяина, и тот согласился: чем так, без дела, стоять у причала да тратиться, лучше хоть немного да заработать — денежки грек любил...

Заодно и с экипажем уладилось дело. На такое судно промысловой команды полагалось в то время человек двенадцать. А на транспортный рейс всего пятерых нужно было найти. Матросов, моториста, механика — этих подобрали в партийном комитете. Нашли и помощника капитана, но, прежде чем его оформлять, пришлось убрать того, что числился на «Тритоне». Но и с этим делом справились без большого труда: помощника угостили в кабаке, затеяли драку и так наломали ему бока, что он накануне отхода и головы не мог поднять.

В общем, все устроилось. «Тритон» получил отход и так же вот утречком, на рассвете, с полным грузом бензина вышел в свой первый рейс в Пехлеви. Так было записано в документах, но, понятно, в Персию Николай не пошел: там ему делать было нечего. Он отошел миль сорок на юг, объяснил команде задачу и тут же в море стал готовить судно к операции.

Команда взялась за кисти. Рубку и борта заляпали охрой пополам с сажей, новенькие паруса расстелили на палубе и прямо из садовой лейки полили черной краской. Словом, постарались и к вечеру так отделали нарядного «Тритона», что его сам грек и тот не узнал бы.

Под вечер запустили двигатель и пошли не спеша обратно с таким расчетом, чтобы к ночи встать под паруса и выйти к Артему. Там прямо в море была назначена встреча, только остров, конечно, не Артемом тогда назывался, а Святым.

Те ребята должны были на гребной шлюпке выйти в море и ждать. Нелегкое это дело — ночью в море искать шлюпку, но с берега брать людей было опасно, и другого выхода, как ни искали, не нашли.

В назначенный час Николай пришел на место, но, сколько ни смотрели и в бинокли и так, шлюпку не нашли.

Ну, понятно, тревожились. Мало ли что могло случиться? Не достали лодку, заблудились, сбились с пути, арестованы. Тут всякое лезет в голову... Но Николай твердо решил держаться до последней крайности, сам не терял надежды и у команды поддерживал веру в успех.

Час за часом «Тритон» ходил, как призрак, крутился на месте. А время шло. После полуночи ветер стал спадать. Николай приказал разогреть мотор, а сам все шагал по палубе. Ну и знаете, как бывает: когда не к спеху, тогда и время идет не спеша. Ночь другой раз как год тянется, а тут не успели оглянуться — и звезды погасли. Стало светать. С каждой минутой опаснее становилось дело, но Николай и не думал отступать. Шлюпки надо было дождаться. Такое время было, что с опасностью считаться не приходилось. В те годы и робкие люди совершали геройские подвиги, а Бичевин железный был человек.

И вот, когда совсем уже рассвело, тут, наконец, и увидели шлюпку. Только шла она не с берега, откуда ждали, а с моря. И за ней сплошной стеной наступал на берег туман.

Получилось-то все очень просто: не рассчитали ребята сгоряча, в темноте проскочили подальше, чем нужно, и всю ночь проплутали в море. А под утро, как назло, накрыл их туман. И чуть не пропали ребята: пока разбирались, куда плыть и как плыть, тут и ночь прошла. Ну, конечно, устали, наволновались и руки намахали так, что еле весла держали. Но тут, как увидели, что ждет их «Три-

тон», налегли из последних сил. Зря, конечно. Ветерок еще тянул помаленьку, и Николай, как заметил их, сразу взял круто на борт, повернул им навстречу и, пока совершал поворот, увидел такое, что сердце у него упало: из-за острова, огибая мель, шел английский дозорный катер с пулеметом на носу.

Раздумывать было некогда. Николай рванул сигнальный шнурок, горячий двигатель завелся сразу, и «Тритон» пошел, набирая ход. На шлюпку с ходу бросили конец с кошкой на конце, взяли их на буксир и в тот самый момент, когда катер миновал косу, врезались в туман. В море так часто бывает: чуть-чуть не сгубил их всех этот туман, а тут туман же и спас. Ушли.

Ну конечно, радости тут было без меры. Молодежь. О ночных тревогах сразу забыли, поздравляли друг друга. Им казалось, что теперь все страшное позади, и, пожалуй, один Николай понимал, что и дальше придется несладко. Но и он молчал, не хотел портить праздник ребятам. Молчал, а сам гнал полным ходом на север.

Такому баркасу по прямой идти тут часов девяти. Но Николай выбирал путь подальше от морских дорог. Где полуднее — шел ночью, под парусами, и смотрел, конечно, в оба: чуть дымок — сразу в сторону, подальше от греха, и только на шестые сутки, как стемнело, вышли к Мангышлаку.

Ночь выдалась безлунная, бурная. Это было им на руку. Приглушили мотор, встали под паруса и взяли курс прямо к рейду.

Вот где было самое опасное место. От берега до берега, через все море днем и ночью ходили тут английские корабли, и рассчитывать, что удастся проскочить незаметно, не приходилось, конечно.

Но пока что Николаю везло, и «Тритон», ни с кем не встречаясь, миля за милей приближался к

нашим берегам, и с каждой милей ребята крепче верили, что все сойдет хорошо.

Вдруг прямо по курсу взвилась над морем зеленая ракета, и сразу в трех местах, отсвечивая на гребнях волн, зашевелились лучи прожекторов. Не спеша, шаг за шагом, как на ученье, англичане просматривали море, и казалось, вот-вот нашарят, возьмут вперекрест, и тогда, конечно, несдобровать бы «Тритону».

Но Николай и об этом подумал еще на берегу.

Он спокойно, без паники, приказал поднять из трюма две бочки бензина и погрузить на шлюпку. Ее от самого Святого так и вели под кормой, только нос подтянули повыше, чтобы не захлестнуло волной. А тут, конечно, буксир потравили, и шлюпка встала на ровный киль.

Николай для этого случая еще в Баку припас моток бикфордова шнура. Он достал его из каюты и, пока грузили бочки, отмерил кусок минут на пятнадцать горения. Потом, когда люди все поднялись на борт, сам прыгнул в шлюпку, открыл горловины на бочках, сунул в одну конец шнура, другой конец обмотал вокруг гребной банки и запалил. А сам не спеша поднялся на палубу, ножом отхватил буксир и встал к рулю.

Шлюпка закачалась за кормой и сразу пропала в темноте. «Тритон», распустив паруса бабочкой, пошел на прорыв... А прожекторы все шарили по воде. Раза два совсем близко вспыхивали в их лучах пенные гребни волн, и, будь на «Тритоне» белые паруса, не уйти бы ему от глаз английских сигнальщиков. Знаете, как от гребней отсвечивает. А белый парус — и говорить нечего: так бы и нарисовало в отсветах, как на картинке. А черные — другое дело. Черные не заметили, пронесло. И теперь секунды решали дело.

На баркасе все столпились на корме и смотрели назад, в темноту. И, наверное, долгими показались им эти пятнадцать минут. Но как ни долго тяну-

лось время, а все-таки прошло. Вспыхнул за кормой робкий огонек, стал разрастаться вширь, в вышину, а еще минут десять прошло, и уже на полмили кругом, освещая бурное море, запылывал роскошный факел.

И сейчас же с трех сторон кинулись к нему лучи прожекторов, скрестились, осветили черные клубы дыма и стали медленно сокращаться, точно пламя втягивало их в себя. Три корабля спешили разгадать ночную загадку, которую загадал Николай. А он тем временем под всеми парусами шел прямой дорогой вперед, к заветной цели.

Я в ту ночь был в дозоре, на катере. Мы тоже видели далекое зарево и поспорили еще: чему бы там гореть? Пospорили, да так и не решили.

А под утро, в самую собачью вахту, — тут, знаете, спать смертельно хочется, глаза слипаются, и лезет в голову всякая чертовщина — вижу, идет с моря этакое чудище с черными парусами.

Думал, померещилось. Нет.

Ну, дал для острастки очередь из пулемета. Они обронули паруса, закачались на волне. Я подхожу, гляжу и глазам не верю — Колька Бичевин!

Расцеловались, конечно, поделились новостями. Дал я им пропуск, и разошлись. Они прямо в Кутум — являться к Сергею Мироновичу Кирову. Он как раз над пристанью жил, где теперь Дом пионеров, и штаб его там же помещался. А я для продолжения службы — в дозор.

Ну конечно, к месту пришелся нам этот бакинский подарок. И ребята к месту пришли. На другой день надели они бескозырки со звездами, взяли в руки винтовки и пошли воевать. Бензин заприходовали — он в то время был для нас дороже хлеба. А баркас тут и стал кораблем: подняли на нем красный советский флаг и вымпел подняли. На баке поставили пушку, зачислили в дивизион и через всю корму написали: «Комсомолец».

В то время слово это было тут еще в новинку. Но уже тогда знали мы о героических делах молодых коммунистов, вот таких же, как наш Коля Бичевин.

А сам Николай с месяц еще плавал командиром на «Комсомольце», а потом получил повышение — комиссаром на эсминец. На нем и погиб. В разведке нарвались на англичан, приняли бой, и снарядам снесло ему голову. А жаль, большой бы вырос человек...

Петр Петрович глянул на часы и на полуслове оборвал рассказ. Вахта подходила к концу, а он еще не успел сделать запись в журнале.

Я не стал мешать и спустился в каюту. Но какое-то беспокойство снова выгнало меня на палубу, и, глядя на синие волны, на тающие в небе облака, на больших белых птиц, сотнями круживших над морем, я все думал об этой истории.

И тогда же решил я узнать: что же дальше случилось с этим маленьким славным суденышком?

ФОРС-МАЖОР

Все утро Петр Петрович спал в своей каюте. Другие, к кому бы я ни обращался, только руками разводили.

— Вон вы чего захотели. Да тут их тысячи, этих баркасов,— говорили мне.— Все-то разве упомнишь?

А пароход тем временем шел миля за милей, упрямо перемалывая винтом мутную воду, и к тому времени, когда старший помощник снова заступил на вахту, мы уже миновали двенадцатифутовый рейд. Выбирая дорогу между буйками и вежами, «Терек» шел по рыбному Каспию, узким судоходным каналом приближаясь к Бахтемиру.

Кругом, сколько хватает глаз, маячили в море цветные флажки плавных сетей, торчали из воды голые частокоты ставных неводот. Повсюду, куда ни посмотришь, шли баркасы и сейнеры, прорези, полные рыбой, реюшки с огненно-оранжевыми дублеными парусами, моторные катера и буксирные пароходы. У каждого было здесь свое дело, своя дорога, своя судьба. И, наверное, были тут корабли, о славных делах которых можно было больше услышать и больше рассказать, но меня из всех этих судеб в тот раз волновала одна — судьба корабля, о котором услышал я в это утро.

Я снова поднялся на мостик. Петр Петрович стоял на левом крыле мостика возле машинного телеграфа. Он то и дело оглядывался по сторонам.

Я подошел. Петр Петрович не обернулся даже. Мы постояли так несколько минут. Наконец я не выдержал.

— Петр Петрович, — сказал я, — а после что же было с этим баркасом?

Петр Петрович глянул на меня дальнотзоркими глазами, дал тревожный гудок рыбакам, зазевавшимся на фарватере, отмахнул белым флажком встречному буксиру и, осмотревшись по сторонам, проворчал сердито:

— Какие теперь рассказы... Сами видите: покурить некогда...

Так до конца вахты я и не вытянул из него ни слова. А когда наш пароход встал под разгрузку и я, собрав чемоданчик, уже шел по палубе к трапу, Петр Петрович остановил меня, взял за локоть и протянул мне листок бумаги, сложенный вдвое.

— Вот, — сказал он, — тут адресок. Вы зайдите во двор, на втором этаже найдете Бабаева Виктора Захаровича, у него и спросите. Да от меня привет не забудьте. Вот так...

Мы распрощались, а на другой день под вечер я пошел разыскивать Бабаева. Прошел под стенами древнего астраханского кремля, по деревянному

мостику пересек шумный Кутум, тесно забитый рыбацкими судами и суденышками, миновал нарядно белый Дом пионеров, тот самый дом, в котором жил и работал Киров.

Наконец отыскав нужный номер, я зашел во дворик и по узенькой лесенке, похожей на пароходный трап, поднялся на галерею, увитую густым виноградником.

Навстречу мне вышла чистенькая седая старушка с книжкой в руках.

— Витечка в Москве,— сказала она сокрушенно,— вчера только уехал, вызвали к начальству. А вы, простите, по какому делу к Виктору Захаровичу?

Трудно было объяснить мое дело, но старушка неожиданно быстро поняла, что мне нужно.

— Ну как же, знаю,— перебила она,— только тут мне вам трудно помочь... Однако постойте...

Следом за хозяйкой я прошел в большую прохладную комнату. Старушка открыла ставни и, усадив меня в глубокое кресло, принялась рыться в ящиках стола.

— Ведь это как вышло,— приговаривала она, пробегая глазами какие-то бумаги.— Тогда строили тракторный завод в Сталинграде и со всей России набирали туда комсомольцев. Ну, мой Витя и товарищ его Володя в один голос: поедем да поедем... А они в ту весну только закончили мореходное. Володя судоводителем, а Витя механиком, как отец. А тут как раз передавали на стройку кое-какой флот. Вот они и пошли вместе на том баркасе. И команду набрали одних комсомольцев. Да вот стойте-ка, будто оно. Оно и есть—двадцать девятое мая тысяча девятьсот двадцать девятого года. Время-то как летит,— вздохнула старушка и протянула мне плотную пачку исписанных убористым почерком, пожелтевших от времени листков, вырванных из тетради.

Вот оно, это письмо.

«29 мая 1929 года»

Здравствуй, сестренка!

Ты все просишь писать подробные письма, а мне и открытку опустить было некогда.

Ну, да не было бы счастья, да несчастье помогло. «Комсомолец» стоит в капитальном ремонте, на берегу, а я в больнице. Да спасибо, что так, могло быть хуже.

Как мы шли сюда, ты знаешь. Только я забыл описать один случай, над которым мы много смеялись.

Мы ведь шли без лоцмана. И вот как-то ночью идем, держим на огонек, думали — перевальный знак. Подошли поближе — вроде судно стоит на якоре, и вдруг прямо с ходу влезли в кусты. Конечно, мы бросили якорь, а я заглушил мотор. И когда стихло, слышим: собака лает и как будто корова мычит. А утром, когда рассвело, увидели такую картину: торчит прямо из моря... Конечно, не из моря, а из реки, но это все равно. Тут Волга сейчас разлилась миль на двадцать, только течение тут сумасшедшее, так что никакой разницы и нет, только хуже еще, чем в море.

Так вот, торчит из воды изба. Волны плещут прямо в окна, а на крыше целое стадо: корова, шесть овец и псинка, которая ночью нас облаяла. Кругом вода, берегов не видно, а где встали — макушка ракиты. Это мы на нее и напоролись в темноте.

Оказалось, тут обстановочный пост. Бакенщик со всем семейством и со всем хозяйством, пока половодье, живет на чердаке, а скотина на крыше. Так уж тут заведено...

Мы причалили прямо к хате, выпили свежего молока, расспросили дорогу и пошли дальше.

Ну, теперь про стройку...

Что тут делается — это ни описать, ни рассказать невозможно. Мы встали у бережка, рядом с пассажирской пристанью. Народу тут повсюду, как

на Больших Исадах в базарный день. Все с котомками, с узлами, с сундуками. Тут и варят, тут и бреются, тут и стирают. На берегу костры, балаганы, палатки. А когда мы пришли на строительную площадку, тут и вовсе глаза разбежались: бьют сваи, копают канавы, проводят какие-то трубы. Стоят готовые корпуса, а рядом роют котлованы и тут же разбивают цветники. Со всех сторон пыхтят паровые копры, трещат трактора, гудят паровозы. Верблюд в упряжке испугался трактора, сломал оглобли и побежал по газону. Садовник бросил шланг — и за ним. А верблюд, как нарочно, бегаёт кругом и топчет траву. Володя догадался: поднял шланг и из брандспойта прямо по верблюду...

Одним словом, столпотворение. Все куда-то спешат, всем некогда, и сначала нам показалось, что мы тут лишние.

Но оказалось, что нас тут давно ждут, и нам сразу дали наряд. Мы вернулись на судно и в тот же день начали работать. Первые дни больше буксировали плоты, раза три ходили на левый берег, во Владимировку, брали баскунчакскую соль навалом в трюм, возили рыбу, зерно, один раз ходили вверх по Волге в Дубовку и привезли арбузный мед в бочках. Вот уж вспомнил я мамины коврижки!

Ну, а нам тут не до коврижек. Тут очень плохо с обработкой грузов — не хватает рук. Все люди на стройке.

Мы с Володей обдумали это дело, и наша команда всю погрузку и выгрузку обязалась производить своими силами. Простои у нас уменьшились, но зато нам пришлось туго: день и ночь в работе. Только и отдохнешь, когда в ходу. Спасибо, мой помощник Сеня Лавров — парень старательный. И на двигатель жаловаться не приходится. Он хоть и старенький, по паспорту ему пятнадцать лет, но он почти и не работал. Ведь наш «Комсомолец» участвовал в гражданской войне, а потом, как война

кончилась, так и стоял на приколе, на базе флотилии.

Зато уж теперь за все годы пришлось ему поработать. Другой раз по трое суток не остывал мотор. Тут ведь тоже как на войне: все срочно, все скоро, все боевое задание, и скучать по тебе, сестренка, некогда.

Вот так мы и «воевали» до двадцать пятого числа. В тот день, с ночи, опять ходили на левый берег за фуражом. Взяли полный груз прессованного сена в кипах, и, не будь этого сена, не видать бы тебе братика.

А получилось все это так: с утра в тот раз была такая тишина, что мы с Володей ждали шторма. Ну, да ведь нам, морякам, к штормам не привыкать. Мы и на Каспии не раз штормовали, а уж тут на речке как-нибудь не укачаемся... Это мы так думали, а получилось вот как.

Как раз в обед вышли мы из Ахтубы и пошли к нашей пристани. Груз, как всегда, срочный, у нас тут не срочных не бывает. Еще вчера обозные коняги подъели все сено, и начальник транспорта сам нас провожал: «Не подкачайте, мол, комсомольцы, проявите хорошее отношение к лошадям».

Ну мы и гнали полным ходом, на сто десять оборотов, и, конечно, я сам стоял в машине. Следил, чтобы ничего не случилось. Мы же первые взяли комсомольское обязательство работать без аварий и простоев и до того дня держались.

Вдруг слышу, Володя вызывает на палубу. Поднялся.

— Видишь,—говорит Володя и показывает на солнце. А вокруг солнца круги вроде сияния.

— Это что же такое? — спрашиваю я.

— А я у тебя хотел спросить,— отвечает он.

Ну, постояли, посмотрели, и я пошел назад в машину. А еще через полчаса началось. Сначала я услышал, как заплескало за бортом, потом стало заметно покачивать. Я даже обрадовался. Давно

нас не качало. Потом Володя дал стоп. Я заглушил мотор и слышу: ветер наверху свистит уже как следует. Потом отдали якорь, а мне сигнал «отбой».

Раз отбой, значит, и отдохнуть можно. Я вышел на палубу подышать. А на реке ад крошечный. Воды не видно совсем, зыбь небольшая, но крутая и все бурлит, как в котле, а пена клочьями летит, стелется, хлещет по бортам, а кое-где закрутит и рюмками поднимается в небо.

Пароходы, баржи, катера, всё, что есть на реке,— все повернулись на якорях и низко кланяются левому берегу. А оттуда, с берега, как туман, стеной идет горячая пыльная мгла. Солнце стало красным, зловещим, а ветер все крепчает. Тут какой-то неуклюжий катерок стоял рядом с нами, так он вдруг сорвался с якоря, повалился на борт, будто присел, и, как на салазках, понесся и выкатился на берег боком, как чурбан.

Мы с Владимиром переглянулись: говорить-то все равно было бесполезно — ничего не слышно,— и я пошел запускать двигатель. Запустил, и сначала отработывали малым ходом, потом довели до среднего, потом дали полный, но все равно едва держались. Якорная цепь все время была натянута, но, конечно, машиной мы здорово разгрузили якорь и держались хорошо. А другие, кто вовремя не успел завестись, и особенно несамоходные баржи стали ползти, полезли друг на друга, и такая заварилась каша, что я уже тогда понял, что тут наломают дров.

Справа от нас стояла большая стальная баржа со станками-тяжеловесами. Этих станков тут на стройке ждали целый месяц, из-за них все дело стояло, и в то утро они, наконец, пришли. Канаты на этой барже были надежные; она стояла крепко, пожалуй, и устояла бы, но тут на беляне с лесом лопнул канат, она с ходу навалилась на баржу. Тут, конечно, и у баржи канаты не выдержали.

Сначала один оборвался, потом другой, и обе баржи, сцепившись, двинулись к берегу. Сначала они пошли не спеша, потом начали набирать ход, и ветер постепенно разворачивал их бортом к волне. Несло их прямо к новой эстакаде. А там, справа от эстакады, забиты железные сваи для пирса. Пирс еще не готов, и свай этих не видно в полую воду, но мы-то знали о них, сами раз чуть не распорол днище на этих сваях. И вот мы видим, что баржа скулой ударится в стенку, развернется и кормой сядет на сваи. И конечно, пропорет днище, баржа пойдет ко дну, и тогда разгружать станки придется уже водолазам.

Вот как мы с Володей оценили положение. Переглянулись и поняли друг друга. Я мигом нырнул в машину, взял зубило, молоток и ползком, чтобы ветром не сдуло, пробрался на нос. А там уцепился покрепче, лег на палубу, ногами уперся в борт и стал рубить звено. Зубило ли попало хорошее или цепь была плохая — не знаю, только она подалась очень быстро, скользнула в клюз, и ветром стало разворачивать «Комсомольца» влево. Я кинулся в машину и тут почувствовал, что мы перешли линию ветра — накренило нас градусов на сорок. Вот тебе и Волга!

Ну, а потом что было, я не видел. Ты же знаешь: что бы ни было, куда бы ни шло судно, мы, механики, всегда идем либо вперед, либо назад. Вот так же и тут: я гнал полным вперед, а как там маневрировал Владимир, не знаю. Но, видимо, маневрировал он наилучшим образом, потому что то, чего я ждал, случилось, и очень скоро: что-то стукнуло в днище, потом крякнули борта, я закрыл подачу, мотор встал, и больше я ничего не помню.

Потом я узнал, что все так и случилось, как мы задумали. Володя как раз вовремя ввел «Комсомольца» между баржей и сваями. Весь удар мы приняли на себя, и «Комсомольцу», бедняжке, здо-

рово досталось: пробило борт в двух местах, и если бы не сено, он скорее всего пошел бы ко дну. И я бы с ним пускал пузыри, потому что в момент удара лопнула стойка и меня оглушило.

Очнулся я минут через сорок. К этому времени шквал промчался, ветер утих так же внезапно, как и начался, и первое, что я услышал, был крик начальника транспорта. Он сгоряча отругал Владимира за то, что мы подмочили сено, а потом стал хвалить за то, что мы спасли эту баржу. Как вообще «Комсомолец» выдержал — это просто чудо. Ведь баржа-то сорок тысяч пудов!

Вот и все, сестренка. Потом меня отвезли в больницу. Рану на голове зашили и через неделю обещают выписать. Маме пока лучше ничего не говори, хотя теперь-то все благополучно. Станки разгрузили, а «Комсомолец» мы непременно восстановим и еще поплаваем на нем.

Вот такие у нас дела.

А у вас что? Пиши почаще обо всем. Маму поцелуй, всем ребятам кланяйся, а в горькоме скажи, что, мол, астраханцы не подкачали.

Жду писем, с комсомольским приветом твой брат Виктор.

P. S. Сейчас зашел ко мне в палату Володя. Он шлет тебе привет, а главное, он принес важную для нас новость: нашу аварию разбирала аварийная комиссия, и нас оправдали полностью. Авария признана стихийной. У нас в морском деле это называется «Форс-мажор».

Виктор».

— Вот видите, какая история, — сказала старушка, когда я дочитал письмо. — Тогда дочка все это от меня скрыла, и я уже много позже узнала подробности. А шрам у Вити так и остался, хотя под волосами не видно. Вот посмотрите. — И старушка, сняв со стола большую фотографию в рамке, с гордостью протянула мне.

С фотографии глядел на меня мужчина в морском кителе с орденом Ленина на груди. Широкое лицо избороздили морщинки, темные волосы на висках посеребрила ранняя седина. Видно было, что этот человек много пережил, много трудился и много сделал в жизни. И если бы не глаза, веселые, чуть-чуть с хитрецей, с юношеским задором, трудно было бы поверить, что это и есть тот самый Витя, механик с баркаса «Комсомолец».

НАША ВЗЯЛА

Странное дело, неделю назад я не знал, что есть на свете баркас «Комсомолец», а вот теперь, чтобы я ни делал, о чем бы ни думал, мысль об этом суденышке, как гвоздь в башмаке, не давала мне покоя. И чем больше узнавал я о старом баркасе, тем больше хотелось мне узнать о его судьбе.

Но Петр Петрович ушел в рейс. Старушка Бабаева все, что знала, уже рассказала мне, а в порту, куда я пришел в надежде навести справки, долго рылись в каких-то папках, гоняли меня от стола к столу и свели, наконец, с человеком, который, по отзывам сослуживцев, знал на Каспии каждую щепку.

Он выслушал меня, помолчал, подумал.

— Есть такой баркас,— сказал он наконец,— это точно, но только он не нашей приписки, и здесь вы вряд ли что толком узнаете. А впрочем, стойте,— вернул он меня, когда я, распрощавшись, шел к двери.— В ту пору, помнится, часть флота передали колхозам. Так вот, разыскать бы вам Хаме-

това из «Маяка революции». Не к ним ли попал тогда «Комсомолец». И вроде даже какая-то история вышла там у Хаметова с этим судном. Точно, было что-то...

Так я снова напал на след «Комсомольца». А вот с Хаметовым встретиться оказалось труднее.

В колхозе «Маяк революции», куда я добрался с попутным катером, сказали, что Хаметов с утра выехал на рыбозавод. На рыбозаводе объяснили, что он час назад собрался в город в управление МРС. В управлении главный инженер, замещавший начальника, от души посочувствовал мне:

— Ну как же, только что был у меня Хаметов. В дверях разошлись вы с ним. А теперь, пожалуй, не скоро его поймаете. Новую тонь им дали, так он с ночи хотел побывать там. А утром зайдет туда за ним рыбацкая, и Хаметов на всю путину выходит в море.

— А где же эта тонь? — спросил я.

— Тонь? Да вот она.— Инженер показал мне безымянную протоку на карте.— Вот тут. Добираться туда нелегко... А впрочем,— он взглянул на часы,— скоро пойдет в Чертомбай наш катер, и, если хотите, я дам команду и вас забросят туда по дороге. Тут крюк небольшой. Только имейте в виду, что там ничего еще нет. Трактор нынче забросили туда, а так ни палаток, ни балагана. Голый берег. И людей никого — один тракторист. Бригада утром прибудет... Ну как, решаетесь, не боитесь, что комары заедят?

Я решил. А час спустя маленький катерок, пыхтя движком, уже пробирался по узким протокам и ерикам, а я стоял в тесной рубке и тщетно пытался представить, каков он собой, что он за человек, этот Хаметов, для встречи с которым принял я это плавание, и что там случилось у него с «Комсомольцем».

А катер шел, петляя по бесчисленным рукавам волжской дельты. И время шло. Тени высоких ка-

мышей, стоявших, как стража, по берегам, с каждой минутой становились длиннее, и когда, наконец, круто повернув к берегу, катер уткнулся носом в песок, было уже совсем поздно.

Я вышел на берег, отпихнул нос катера, проводил глазами разноцветные огоньки, скрывшиеся за поворотом протоки, и огляделся.

Звезды, большие и яркие, гляделись в зеркало неподвижной воды. В скупом их свете темные камыши казались таинственным, первозданным лесом, полным чудес. Трактор «СТЗ», уставший за день, стоял на берегу, словно допотопное чудовище, заснувшее у водооя.

Рядом с трактором спал тракторист. Я разбудил его. Он зябко потянулся, расшевелил угасший костер, подбросил туда охапку сухой травы и сел на песок. Сел и я рядом. Мы обменялись десятком слов и замолчали. Стало совсем тихо. Чуть слышно шелестела вода, о чем-то невнятно шептал костер. Изредка всплескивала рыба. Теплый ветерок, едва тянувший с моря, заботливо обволакивал нас плотным пологом пряного дыма, и комары, налетающие со всех сторон, отступали назад, в темноту.

Вдруг слышались чьи-то шаги. По тому, как хрустел песок, можно было догадаться, что идет человек большой, спокойный, уверенный в своей силе.

— Он,— сказал тракторист, прислушавшись, и обгоревшим обломком весла копнул в костре.— Точно, он!

Встревоженным роем взметнулись искры и пропали в языках жаркого пламени, сразу в нескольких местах пробившего толстую шапку тлеющей травы. Темнота расступилась, и мы увидели человека, широкими шагами идущего к берегу.

Это был плотный мужчина лет сорока, в высоких рыбацких бахилах, в стеганой ватной куртке, в кожаном картузе, сдвинутом на затылок. Его нерусское лицо, изрытое оспой, в неровном свете костра казалось коричневым.

Он взглянул на меня. Искорка удивления на секунду вспыхнула в его узких глазах и сейчас же погасла. Не сказав ни слова, он подошел и встал рядом с нами.

— Это к вам, Александр Командирович,— сказал тракторист и обернулся ко мне.— Вот и дождались. Это и есть наш председатель, товарищ Хаметов.

Мы познакомились.

Хаметов присел на корточки, достал из картуза треугольный листок бумаги, свернул козью ножку в палец толщиной и, затаившись душистой махоркой, внимательно выслушал меня.

— Ну что же,— сказал он,— рассказать это можно, ночь длинная. С чего только начать? Чтобы понятно вам было... Ну вот так: вы, говорите, к нам в «Маяк» заезжали. Видели наше хозяйство, и клуб наш видели, и школу, и сад? Может, слышали — ловим мы неплохо, в прошлый год рыбы взяли по семьсот два пуда на человека. В этот год думаем больше взять. И возьмем. Почему не возьмем? Рыбы в море хватает, только лови, не зевай,

а сила у нас растет. Вот, к примеру: прежде сорок человек урез на неводе тянули, а теперь,— Хаметов показал на тракториста,— один управляет на своем «СТЗ». Улов разгружать — рыбососы есть, рыбу в море искать — самолеты посылаем. Почему же не взять? Прежде руками ловили, теперь головой начинаем ловить.

Ну, а в то время ничего этого не было. Тогда и вовсе горбом ловили, горб-то ломали не для себя.

Ведь тут как: крупных-то хозяев, тех, что миллионами ворочали, их, конечно, сразу Советская власть спихнула.

А кулак, тот держался, долго еще держался. Построит кулак невод, заведет бударку и сосет рыбака, как паука. Знает рыбак, что его сосут, а стряхнуть паука тоже сил не было. Как стряхнешь? Рыбу-то голыми руками не возьмешь. Судно нужно, невод нужно, бочки, соль — все нужно. Бедному рыбаку это все поднять не под силу, а кулак Тит Титыч какой-нибудь тут как тут, да еще и с поклоном:

— Вот тебе, рыбачок, бабайка в руки, вот тебе лямка на шею — гребь да тягай... А улов пополам, по-божецки...

И впрягался рыбак, и греб, и тягал. А что делаешь? Без снасти рыбак как без рук.

Вот, бывало, выйдет ватага душ в пятьдесят. Возьмут рыбы, допустим, сто пудов. Тит Титыч «по-божецки» свои пятьдесят сольет в байдю — и в город, на продажу. А рыбак со своим паем посидит, посидит на тоне да бух весь пуд в котел.

Ну конечно, уха рыбацкая жирная получалась,

да ведь одной-то ухой сыт не будешь. К ухе хлеб нужен. А Тит Титыч тут как тут, с поклоном:

— На-ка те, мужичок, хлебушка, бери, не скупись. Платить не спеши, опосля рассчитаемся...

К ночи холод ударит. А Тит Титыч опять:

— Выпил бы, мужичок, чарочку, за мое здоровьечко.

Ну, выпили, обогрелись. Затемно невод посыпали, до свету притонили. Намаялись — легко ли? Стали рыбу делить...

Тит Титыч стоит пальцы загибает:

— Это мне за невод, это за бударку, это по уговору, это по условию, это за хлеб, это за вино... Выходит, рыбак, с тебя еще причитается. Давай-ка не ленись, закидывай. День-то нынче короткий, смотри, не рассчитаешься...

Вот такая была у кулака арифметика.

В революцию, как поднялся народ, рыбак свою арифметику предложил в два действия: отнять и разделить.

И отняли и разделили. Невода, посуды — все забрали у кулаков. Ну, да опять ничего не получилось. Народ в то время был темный. Каждый к себе тянет. И досталось одному весло, другому багор, тому руль, тому уключина. Невода порезали на куски, арканы расплели. Каждый сам себе хозяин, а ловить все равно нечем.

Поглядел кулак на такое дело и давай потихоньку все добро скупать за гроши. А как скупил, так опять голову поднял.

— Без меня, мужички, все равно не справитесь. Давайте по-божецки. Я на вас не в обиде. Вот вам байда, вот вам невод...

Вот тогда — а было это в тридцатом году, весной, — вызвал нас секретарь окружкома партии.

— Вот что, — говорит, — ребята. Все вы рыбаки, все комсомольцы. Песни здорово поете — это я слышал. А работать вы можете?

— А чего же, — говорим, — можем и работать.

— И воевать не боитесь?

— Не боимся...

— Ну, тогда не пойму: чего вы ждете? У вас на шее паук сидит, а вы терпите. Самое время понатужиться да его и стряхнуть. Только тут, ребята, старая арифметика не годится. Отнять и разделить — это сейчас не выйдет. А вы так попробуйте: сложить и умножить. Понятно? Действуйте, а трудно будет — поможем.

Обсудили мы эту беседу и решили сколотить комсомольский колхоз. У кого что было — все сложили вместе. Кто сети кусок принес, кто старую байду пригнал, кто балберу, кто грузило.

Сшили сети, построили неводок-волокушу, взяли тонь, промышляем.

Колхоз свой назвали «Маяк революции», а жили сперва, как цыгане, на берегу: кто под лодкой, кто в шалаше. Бедно жили, а весело.

Старые рыбаки, на нас глядя, посмеивались. Кулаки приглядывались, а мы ловили своей волокушей да ловили. Ловили-то не больно хорошо, сноровки рыбацкой не хватало, ну, да зато старались, силы не жалели — на себя работали, и сила у нас прибывала.

И вот как-то встречает меня секретарь окружка, а я тогда был бригадиром на неводе.

— Слушай,— говорит,— Хаметов, как воюете? «Маяк»-то ваш еще светит?

— Да пока,— говорю,— не погас.

— И деньжонки есть?

— Маленько скопили...

— Так вот,— говорит,— сходи-ка ты на Кутум да посмотри там моторный баркас. Называется «Комсомолец». Если подойдет, по дешевке можно вам устроить, и деньги не сразу. Я посодействую.

Нас, конечно, сомнение взяло. Ведь тогда не то что теперь было. Сейчас и посуды и снасть — это все не наше. Это нам государство в аренду дает. Только лови.

А в те годы все это приходилось доставать и за все нужно было платить. А моторный баркас — это не бударка, тут какие деньги нужны. Словом, мы тогда о моторном баркасе и мечтать боялись.

Ну, а все-таки посмотреть пошли. Почему не посмотреть? Пришли. Разыскали баркас «Комсомолец». Конечно, баркас так себе: мачта срезана, парусов и в помине нет, корпус побит, залатан — видать, поработал. Послужит, конечно, и еще, и двигатель послужит, но труда много нужно вложить. В общем, кораблик незавидный. Ну, зато цена подходящая. За такую цену и байду не купишь. Для нас-то, конечно, и эти деньги собрать нелегко, но решили так: босые будем бродить, чилим будем грызть, а «Комсомольца» выкупим.

Война с кулаком только-только тогда начиналась, и кто думать умел, тот понимал, что в этой войне такой вот баркас дороже линкора.

Ну и взяли. Механик у нас нашелся, я за шкипера. Вытянулись из Кутума, запустили мотор, пошли. Идем, и сердце радуется: свой моторный флот завели! Держись, Тит Титыч, теперь нас голыми руками не возьмешь.

Пришли на тонь. Ребята глазам не верят, руками борта щупают. Девчата сшили красный флаг, палубу надраили с песком. В кубрике, в трюме, в машине как языками вылизали.

А мне не терпится ловить. Набрали волокушу на корму, дали ход, посыпали сеть... Бывало, веслами-то помахашь, а тут не успели оглянуться — урез на берегу. А балбера лежит на воде, как по циркулю положена. Душа радуется.

Ну потом взялись разом, притонили. И в первую же тонь нам счастье: взяли икряную белугу пудов на сорок.

Кое-как завалили ее на байду, залили водой, старой сетью опутали — и в город, на рыбозавод. Живьем. Как раз той белуги хватило нам купить лесину на мачту и холст на паруса.

Достали шаровой краски. Борта отожгли, пропемзовали, покрыли в три слоя,— блестит наш баркас, как серебряный. Отойдешь посмотришь — ну, куда там, нет корабля красивее «Комсомольца» на всем Каспии.

И совсем по-другому пошли у нас дела: под катер взяли ссуду в банке, купили новый невод. И в народе совсем другой пошел разговор. То «ха-ха» да «хи-хи», «цыганский табор», а тут ничего не скажешь — хозяева.

На нас глядя, еще сбился в районе один колхоз — «Заветы Ильича», а там и еще... Пошло дело. Поверил и старый рыбак в колхозы, не идет на поклон к кулаку. У тит титычей закачалась земля под ногами, и сами они начали понимать, что наша берет. Но кулак-то, он — как кабан.

Вам не приходилось на кабана здесь охотиться? Ведь он, кабан-то, какой — свалишь его, думаешь, все, готов, а он, гляди, вскочил да клыком.

Вот так и кулак — понять-то понял, а клыки наготове держал.

Свои люди были кое-где и у них. Пробрались в колхозы, и пошла у нас тайная война. В то лето частенько приходилось слышать: там арканы подрезали, там колхозный невод сгноили, там соль посадили на мель, а пока снимали — зеленая муха весь улов погубила.

Ну, да мы-то не боялись. У нас в «Маяке» все свои, комсомольцы, все друг друга не первый год знаем и все ребята такие, что тронь — горло перервут.

К осени встали мы крепко, так крепко, что старые рыбаки и те нас признали — по имени-отчеству стали величать. Вот тогда и я стал Командировичем. Я татарин, по паспорту Искандер Кемлетдинович. Имя-то еще с мальчишек переделали, а отчество до той поры никто и не вспоминал.

Вот однажды пошли мы в город вдвоем с мотористом. Привели две прорези с рыбой, сдали на

завод и встали в Кутуме. А дело осеннее — того и гляди, сало по реке пойдет. Я моториста оставил, а сам пошел на Большие Исады, на базар. Купил фонарь «летучая мышь», шесть пешней да три топора для подледного лова. Зашел в кузню к другу, пешни заправил, топоры наточил и домой собрался. Тут догоняет меня один рыбак из Красного Яра.

— Стой, — говорит, — Александр Командирович, ты домой порожнем?

— Порожнем, — говорю.

— Не прихватишь керосин к нам в кооперацию?

— Много ли?

— Шесть тонн.

А я такой: просит человек помочь — надо помочь.

— Давай, — говорю, — грузи.

● Погрузили. Крепкие бочки в трюм, две худые — на палубу, на нос. Принайтовили их покрепче стальным концом и пошли. Этот друг тоже с нами. В Красный Яр пришли к ночи, встали у рыбной пристани. Тот рыбак ушел.

— Сейчас, — говорит, — пришлю людей керосин выгружать.

Час прошел, другой. А темь страшная — ни звезд, ни луны, и холодно, как зимой.

Наскучило мне такое дело. Я говорю мотористу:

— Сходи-ка, поторопи там.

И только ушел моторист — слышу, кто-то гуклет:

— Хаметов, это ты, никак?

— Ну я, — говорю.

— Иди-ка, слушай, сюда, подмогни малость?

Как тут не пойти? Вылез на пристань, пошел. Иду аккуратно, а то оступишься, ногу ломаешь.

А тот опять:

— Идешь, что ли?

— Да иду.

Тут что-то мне показалось. Обернулся, гляжу: там, где «Комсомолец», вроде огонек. Я назад, бегом. Зацепился за трос, упал, вскочил, подбегаю — носовая палуба вся в огне. Из худой бочки бьет керосин фонтаном и горит на лету. Того гляди, и пристань займется. Подожгли, дьяволы.

«Э,— думаю,— баркас теперь все равно пропал, пристань нужно спасать».

Прыгнул на корму, отдал кормовой, а до носового не доберешься — огонь. Топор бы... Тут вспомнил: у меня их три штуки в рубке лежат. Схватил, примерился, как шагнуть, как ударить, шапкой закрыл лицо — и прямо в огонь. Волосы, слышу, затрещали на голове. Ну, пускай. Рубанул с плеча, отступил, огляделся. Вижу, попал как надо, обрубил конец, и уже чуть-чуть отвалило баркас течением. Бушлат на мне тлеет — левая пола и рукав. Шапкой притушил огонь, схватил багор и отпихнулся подальше от пристани.

Тут опять осмотрелся: огонь по палубе ползет

все шире, подбирается к рубке. Доберется до трюма — тогда конец, рванет.

Нужно бы бочки эти сбросить. Топор не возьмет — трос-то стальной, сам вязал... И такая досада, такая злоба меня взяла. «Ну, — думаю, — останусь живой — посчитаемся».

А огонь наступает. Тут не баркас спасать, тут самому спастись впору. «Ну, — думаю, — однако, воевать так воевать». Обвязал конец вокруг пояса, схватил топор, конец закрепил на кнехт, а сам за борт. Вода как лед, но я сначала и не заметил. Повис за бортом, только грудь чуть-чуть над водой, — и давай борт рубить у самой воды. Зло рубил, так рубил, будто это самый враг и есть. А борт крепкий, дубовый, да спасибо острый топор. И рубить неудобно — руки сводит от холода, а рублю — не сдаюсь. И успел все-таки — прорубил в борту окошко. Слышу, вода побежала, сперва тихонько, потом ходом пошла. И вижу, садится уже «Комсомолец». Ну, я конец над головой обрубил, топор с размаху всадил в борт — не пропадать же топору — и поплыл к берегу.

Отплыл сажень пять — обернулся. Нет «Комсомольца». Только будто костер на воде — горит керосин. Погорел, погорел и погас. И сразу темь кругом, и холод такой, что думал, не доплыву.

Тут кто-то меня багром по плечу. Я думал, топить, а это спасать меня вышли. Весь Красный Яр на берегу, без малого.

На берег вынесли меня, отогрели, а к утру я встал как был — не чихнул даже.

А еще через день весь наш колхоз сюда собрался. Поставили ворот на берегу, завели концы, взялись всем миром тянуть. Так и подняли «Комсомольца» на берег с топором в борту. Тут же на берегу перебрали двигатель, борт залатали и пошли домой. А того поджигателя тоже потом нашли. Их тут банда была — всех повывели на чистую воду.

А «Маяк» наш все светит. Пообстроились, сами повыросли. У других уже и внуки есть. А живем по-прежнему дружно. И песни поем старинные, комсомольские.

А баркас так и плавал у нас. Потом сдали его в МРС, но он все равно в здешних местах промышлял. А в сорок первом году забрали его на войну. С войны, я слышал, он вернулся, а где плавает — не скажу. Надо думать, на юге — здесь он нам ни к чему: на реке работать — велик, а в море теперь на сейнерах ходим, но думаю так, что без дела не должен он стоять...

Александр Командирович посмотрел на звезды, свернул новую сигарку и закурил.

— Однако и отдохнуть пора, — сказал он. — К рассвету приедет бригада, посмотрите, как ловим, а сейчас спать будем.

Он положил под голову сухой травы, надвинул картуз на лицо и заснул в ту же минуту.

ПЕРЕПРАВА

С капитан-лейтенантом Южным мы встретились в офицерском клубе.

Небольшого роста, худой, подвижной, он был еще очень молод, и черные усики бантиком не делали его старше.

Парадная морская форма, украшенная ленточками боевых орденов, удивительно ловко сидела на нем. Он, видимо, сам понимал это и носил ее со вкусом.

Мы познакомились. Назвавшись, я без всяких предисловий попросил его рассказать мне о «Комсомольце».

— «Комсомолец»? — переспросил он. — Ну как же, помню. Служил на «Комсомольце». Ровно двадцать четыре часа. Вот, — сказал он, тронув мизин-

цем ленточку ордена Красной Звезды,—это за «Комсомолец».

— Ну, а поподробнее? — спросил я.

— Можно и поподробнее, — согласился он.— Случай действительно интересный, исключительный случай... Но тогда давай-

те уж присядем где-нибудь. Рассказывать долго придется.

— Так вот,— продолжал он, когда мы, найдя тихий уголок, уселись в глубокие мягкие кресла.— Было это тут же, на Волге, в сорок втором году. Я тогда в звании мичмана служил на бронекатере. Знаете, низкие такие красавцы корабли? Броня надежная, ход прекрасный, маневренность отличная, и артиллерия неплохая.

Пришли мы туда в самое горячее время. Что там творилось в те дни, рассказывать бесполезно. Кто там был, тот сам знает, а кто не был, тому все равно не понять. Не может человек, не видя, представить себе эту картину. Ведь там, если со стороны посмотреть, все шло тогда кувырком, наизнанку, против всяких человеческих представлений.

— В каком смысле? — не понял я.

— Да вот, к примеру. Ночью было светло, как днем. Пожары, ракеты, прожектора. Днем темно, как ночью, от дыма и копоти. Когда мы пришли, еще горела нефтебаза, с неба хлопьями валила сажка, как черный снег. По реке плыла черная пена, а кое-где вспыхивала нефть на воде.

Заберешься куда-нибудь повыше, посмотришь в бинокль на город— дома словно притаились, пригнулись под артогнем. Другой домик дрожит от страха, а держится, стоит. Другой тает на глазах, как сахар в стакане, а тот, глядишь, не выдержал,

подпрыгнул целиком и лег плашмя. Был домик и нет. Только пыль столбом.

Небо темное, тяжелое, как броня. Посмотришь — кажется, из пушки не прошибешь. А самолет пробуравит тучи, как черная молния, спикирует к самой земле, взмывает вверх свечой... Глядишь, полыхнуло зарницей, и встает над домами черный столб с шапкой, как у гриба. Растет, расползается, а потом ухнет так, что стекла в окнах дрожат.

Наша база стояла в Ахтубе за Волгой. У нас потише было. Зенитки, конечно, и у нас били день и ночь, но ведь это свои. А там всюду грохот, огонь, кровь, смерть...

Мне до тех пор в боях не приходилось бывать, и в первые дни показалось страшновато. Но ко всему, оказывается, можно привыкнуть. Обтерпелись и мы. Сперва, конечно, кланялись каждой пуле, а потом запросто стали ходить через Волгу туда и обратно, больше ночью, конечно, но, бывало, и днем. Вроде парома.

На правый берег доставляли боеприпасы, продовольствие, людей, а оттуда всегда только раненых.

Немцы каждый раз встречали нас и провожали ураганным огнем, и потери у нас во флотилии были значительные. Но нашему катеру везло: две недели ходили без единого попадания и стали уже верить в свою неуязвимость. Но чудес не бывает — пришел и наш черед.

Как-то раз отвезли мы туда отряд санитаров и двух девушек-врачей. Одна-то постарше, а другая совсем молоденькая, восторженная такая, с комсомольским значком на груди. Страшно, конечно, было ей. Кому же не страшно с тихого берега ехать в этот ад? Но больше всего боялась она показать, что ей страшно.

Вышли. Снаряды прыгают по воде, знаете, как мальчишки «блинчики пекут» на речке. Другой раз мина рванет совсем рядом, осколки громяхают по броне, как дождь...

Мы-то к осколкам и к пулям привыкли в то время, а ей в новинку. Лицо зеленое от страха, губы дрожат, а сама все тянется к смотровой щели: «Мичман, можно посмотреть?»

Но, в общем, довезли их благополучно, высадили, попрощались, а на обратном пути минометы взяли нас вперекрест и двумя попаданиями так украсили рубку и бронепалубу, что катер пришлось ставить в ремонт. К пулям можно привыкнуть, а к прямому попаданию не привыкнешь.

Можно было, конечно, и нам пойти со своим кораблем, но в то время кто же по доброй воле покидал фронт? Мы всем экипажем подали рапорта. Вечером подали, а наутро я уже получил назначение механиком-дизелистом на новый корабль.

После нашего катера этот новый «корабль» показался мне, прямо скажем, грязной лоханкой. Корпус деревянный, все насквозь пропахло рыбой. Борта латанные в трех местах. Двигатель допотопной конструкции, с запальным шаром. В общем, кораблик не молодой, имя только молодое — «Комсомолец».

Во флотилию он попал случайно, сверх комплекта. Еще до того, как тут это все началось, привел он баржу с рыбой из Астрахани. Привел и остался. А тут кстати пришелся. Флотилию нашу в то время изрядно уже потрепали, а это, как ни говори, все-таки самоходное судно, плавучая единица. Как-нибудь дотопает на тот берег, и ладно. Ведь в то время без различия рангов все корабли там служили перевозчиками, и важнее этой для нас задачи не было.

Да. Принял я «Комсомольца». В то время я и сам был комсомольцем, и командира мне дали комсомольца — мичмана Ласточкина. Экипаж: два старшины рулевых, два пулеметчика, два моториста — тоже все молодежь... Подняли мы на своем корабле боевой флаг, поставили пулемет на носу и в тот же день пошли на задание.

Нам дали полный груз пулеметных лент, посадили взвод пехоты и пожелали счастливого плавания.

«Захождение» не сыграли, но ручкой дежурный все-таки на прощание помахал.

Я так думаю, что особой веры в успех нашего рейса ни у кого не было. Кораблик тихоходный, высокий, как плавучая мишень. Но тут расчет был какой? Пройдет — хорошо. А не пройдет — по крайней мере на себя оттянет огонь, отвлечет внимание, а в это время другие пройдут. В общем, рейс невеликий. Но мне мичман Ласточкин с утра объяснил, что на деревянных кораблях должны плавать железные люди, и мы сами напросились на этот рейс.

И, представьте, дошли. Вместе с нами вышли три бронекатера, веером разбежались по реке; огонь противника рассредоточился, и нам немцы попросту не смогли уделить внимания. А когда схватились, мы уже укрылись под бережком и благополучно прибыли к месту назначения чуть ниже Тракторного.

Высадили свой, с позволения сказать, «десант» и под прикрытием собственной артиллерии силой в один станковый пулемет стали выгружать боеприпасы.

Обычно нас встречали на берегу. Если не команда, то хоть связной, а тут — никого. Но мы, признаться, особого значения этому обстоятельству не придали... Стоим, разгружаемся...

Вдруг: та-та-та... — зацокали пули. И видим, с горки прямо к нам спускается группа немцев-эсэсовцев, человек двадцать. Все в новых мундирах, сапоги начищены, блестят, пилотки у всех засунуты под портупей, и у каждого автомат на ремне. Мичман Ласточкин дал команду. Пулеметчик припал к «максиму», но тут сбоку откуда-то стеганул чей-то еще пулемет, и немцев как ветром сдуло. Разбежались в секунду, но двое остались тут на земле. Один так и не шевельнулся, а другой полежал, полежал, вдруг приподнялся, дал очередь, не целясь, и — нужно же! — угодил мне в левую ногу, пониже колена.

Наш пулеметчик пришел его к месту, а я добрался кое-как до катера, сделал перевязку, сижу. Кость, судя по всему, цела, но, должно быть, задела — боль невыносимая.

Вдруг бежит слева наш связной. Кричит, машет пилоткой. Подбежал, отдышался, доложил. Оказывается, две свежие роты СС прорвались тут к самой Волге, а у наших ни патронов, ни живой силы.

Мичман Ласточкин сразу принял решение: сняли пулемет с «Комсомольца», подхватили коробки с лентами — и со всем экипажем все туда бегом.

А я остался на корабле. Нога болит. Скучно. Да и тревожно, признаться.

Бой где-то рядом, здесь, за домами, но мне с палубы ничего не видно. Только шальные пули фыркают иногда поверху.

Слушаю: наши пулеметы молчат. Винтовки

бьют редко, должно быть на выбор. А немцы стрекочут, как сверчки. Потом наш «максим» заговорил. Другой откликнулся, третий... «Видимо,— соображаю,— подошли наши ребята».

Вовремя, выходит, ленты подвезли. Не зря старались. Ну и повеселее стало, и боль вроде меньше. А потом слышу: «Ура!» А раз «ура», значит, все в порядке. Скоро, значит, вернутся наши, и мичман вернется, а там, глядишь, и домой.

Я кое-как забрался в машину и стал греть мотор.

Разогрел, выглянул, вижу, идут наши девушки-санитарки, и у каждой на буксире вроде маленькой лодочки. Я тогда эти лодочки-волокуши в первый раз увидел и сперва не понял, что это за сухопутная флотилия. Ну, а потом-то вижу, раненых привезли в этих лодках. Одиннадцать человек. И та, молоденькая, военврач, которую вчера сюда доставили, и она тоже с ними. Только я ее не сразу и узнал: обмундирование в пыли, лицо черное от копоти, а сама серьезная, строгая. Нелегко, видно, достались ей эти сутки.

Ну, а она-то меня сразу узнала, конечно, но даже и не поздоровалась толком, будто мы и не знакомы. Козырнула только и сразу:

— Как скоро можете отойти?

— Отойти-то,— говорю,— можно хоть сейчас, только торопиться, по-моему, некуда.

— А это, мичман, не ваше дело,— говорит она.— Грузите, девушки, раненых — и сейчас же назад. Сопровождать мне самой придется. А вы, мичман, готовьте судно к отходу.

Так и сказала — «судно». Понимаете?

— Вот что, милая девушка,— говорю я.— Грузить раненых — это вам разрешаю, но только мы пока никуда не пойдем.

— Для вас,— отвечает она,— я не милая девушка, а старший начальник. Я вам приказываю, а вы выполняйте, мичман.

А сама чуть не плачет.

— Успокойтесь,— говорю я,— все равно ваше приказание я выполнить не могу. Вот придет командир корабля мичман Ласточкин, даст команду, тогда и пойдем.

— Мичман Ласточкин не придет,— говорит она и показывает на свою волокушу.

— Так,— говорю я,— тогда, конечно, другое дело... А куда же его?

— В голову, тяжелое,— отвечает она, а сама торопит санитарок с погрузкой.

— Но идти-то все равно нам нельзя,— говорю я,— вот вернутся матросы...

— Матросы не вернутся,— говорит она,— никто из вашего экипажа не вернется... Готовьте судно!

— Судно-то готово,— отвечаю я,— да без рулевого не могу же я идти.

— Я сама встану к рулю...

— А вы хоть раз за рулем стояли?

— Нет,— говорит.

Посмотрел я на Волгу. Представил, как нам идти... И такой широкой показалась мне Волга. Сейчас-то тихо на воде, и солнышко светит. А выйдем из-под горы, и сразу закипит все от разрывов. Ну как в такой обстановке ставить ее к рулю? Накроют первым же снарядом.

— Ну, вот что,— говорю,— подождем до вечера, а как стемнеет, попробуем. Может, и прорвемся.

— Нет, нет,— говорит она,— это невозможно. У меня здесь все тяжелые. Всех нужно срочно оперировать. Я на час не могу оставить их без хирургической помощи. Не имею права.

— А под огонь подставлять людей и судно — это вы имеете право?

Она подумала секунду, потом говорит:

— Мичман, миленький, может, как-нибудь, может, чудом вдруг проскочим? Ведь тогда всех можно спасти.

— Так-то так,— говорю я,— дело, конечно, большое, но ведь чудеса-то не часто бывают. На чудо надежда плохая.

— Ну, плохая, а все-таки есть? Есть, скажите?

— Вот сюда не надеялись, а прошли,— говорю я.

— И обратно пройдем. Только давайте скорее. Ну, поехали?

— Ну, поехали,— говорю,— если так.

Подвел ее к штурвалу.

— Так — вправо, так — влево... Понятно? Ехать нам вон туда, видите кустики? А правее воложка. Понятно? Если доберемся туда, тогда метров за тридцать от берега дергайте этот шнурок. Это сигнал, я остановлю машину... Понятно?

Она кивает: понятно, мол.

— Ну,— говорю,— раз понятно — пошли.

Нога у меня распухла, болит, стоять невозможно. Но я кое-как доковылял, взял багор, отпихнулся, развернул «Комсомольца» носом от берега.

— Ну,— говорю,— капитан, теперь держитесь, не зевайте. В случае чего поминать-то вас как?

— Валя,— улыбнулась она,— а вас?

— А меня Илья,— и пошел в машину.

И только вышли из-под берега — началось. Я в то время был уже хорошо обстрелян: две недели переправ — стаж по тем временам немалый.

Но, знаете, и мне как-то стало не по себе — все время в кольце разрывов. Как ухнет, как даст под бортом, ну, кажется, все. Наш корабль прыгает, кренится. Вот-вот либо на дно нырнем, либо на воздух взлетим. Но пока что идем, держимся.

И, представляете, пришли благополучно. Не совсем, правда...

Зашли уже в воложку. Это я понял, потому что разрывы вокруг сразу прекратились. Такая тишина, только двигатель стучит. У меня рука на регуляторе, ухо повернул к колокольчику, жду сигнала. Но сигнала нет пока — значит, идем вперед. На

всякий случай я сбавил все-таки обороты и только сбавил — слышу: бом-бом-бом! Набат, а не сигнал. Повернул рукоятку, закрыл подачу и не успел мотор заглушить — закрихтело, застонало днище. Чувствую, лезем на берег носом, но сделать уже ничего не могу. Встали. И, видимо, прочно встали — полкорпуса на мели. Хорошо еще, песок там, а то бы и вовсе полная авария. Ну, вылез кое-как из машины. Оказывается, не выдержали нервы у моего капитана. Как вошли в воложку, опасность миновала, так и забыла Валя про сигнал. За два метра от берега только и вспомнила. А сама стоит в рубке, держится за штурвал и плачет горькими слезами.

— Слушайте, Валя,— говорю я,— чего же плакать теперь-то? Ведь все хорошо.

— Да,— говорит,— все хорошо.

И вижу: хочет улыбнуться, а не может, слезы так и катятся ручьями.

А по берегу уже бегут к нам краснофлотцы. Гляжу, и адъютант бежит.

— Что случилось? — кричит на ходу.— Мичмана Ласточкина к контр-адмиралу.

— Никак нет,— говорю,— товарищ капитан-лейтенант, мичмана Ласточкина сперва к хирургу, нужно.

Он посмотрел на меня.

— И вы,— спрашивает,— ранены?

— Так точно, и я ранен.

— Доложить можете?

— Так точно, доложить могу...

Да... Ну, доставили меня к адмиралу. Доложил я. Адмирал посмеялся. А потом и мне друзья доложили, как это вышло.

Баркасы эти вертлявые, рыскливые, особенно на течении да порожнем. Удержаться такой баркас на курсе и вообще-то не легко, а если в первый раз стал к рулю человек, то, сами понимаете, какие кренделя начнет выписывать.

Валя старалась, конечно, как могла. Ну да ведь это еще хуже. Тут навык нужен, а не старанье. Короче говоря, такой сложный курс выбирал наш «Комсомолец», такие петли выделял, что на берегу только диву давались. При таком беспорядочном курсе целиться практически невозможно. Ну и получилось, что идем мы сами не знаем куда, а снаряды и мины ложатся кругом, но все мимо.

А контр-адмирал в это время сам оказался на НП и, как увидел нашу джигитовку, спрашивает:

— Кто командир?

— Мичман Ласточкин.

— Ну, знаете,— говорит,— Ласточкин этот мастер. Как придет—сразу давайте его ко мне. Молодец... представляю...

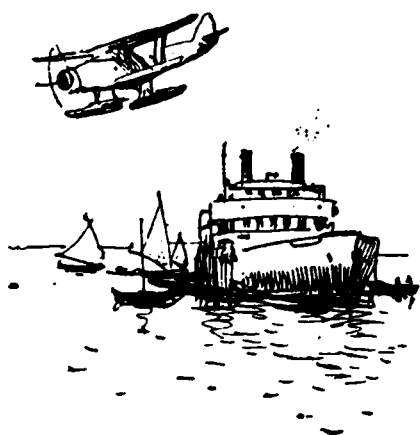
Перевязку мне Валя сама сделала. Ночевал я на «Комсомольце», а утром списали меня в госпиталь...

Что потом с «Комсомольцем» стало, не знаю. Ласточкин выжил, вернулся в строй. Сейчас на Балтике. А Валя в Ленинграде в академии. Она мне пишет, но редко. Все некогда. У них там экзаменов очень много...

МАШИНА ВРЕМЕНИ

За месяц как на ладони встала передо мной вся жизнь маленького суденышка. И вот, услышав столько о прошлом славного кораблика, я решил познакомиться с ним лично.

Не без труда мне удалось узнать, что приписан он к порту Махачкала. Гидросамолет за два часа пронес меня над синими волнами Каспия и бережно опустил на маленький аэродром, густо заросший полевыми цветами. Потом я добрался до города, побывал в порту, отыскал рыбозавод и к вечеру увидел, наконец, «Комсомольца».

Он стоял на якоре посреди бухты и лениво качался на спокойной волне, не спеша катившейся с моря. Рядом с ним стояли три большие порожние лодки...

А на берегу, как назло, лодок не было, и я из конца в конец бегал по берегу, пока старый лезгин

в ватной куртке и черной мохнатой папахе не взялся доставить меня на судно.

Я уселся в уютную лодочку, едва не затопив ее. Мы отчалили и медленно поползли по сверкающей бухте.

Перевозчик мой не спешил. Едва ли такая тяжелые весла в согретую солнцем воду, он рассказывал что-то про давние годы, про Терек, про Дагестан. Вероятно, рассказ был интересный, но я не слушал. Заметив это, старик замолчал, глянул вперед через плечо и сказал укоризненно:

— Ишь как скоро нужно... Не спеши, завтрашний день не догонишь, а сегодня поспеешь.

Я и сам знал, что теперь поспею. Но мне не терпелось, и я еще издали крикнул, как кричат моряки:

— На «Комсомольце»!

— Есть на «Комсомольце»! — откликнулся женский голос.

Светловолосая девушка в ярком ситцевом платье не спеша вышла из рубки. Заслонившись от солнца рукой, она посмотрела на нас и спустила с борта маленький трапик.

Наш ялик мягко подвалил к борту. По узким ступенькам я поднялся на палубу и осмотрелся.

Так бывает в музее: смотришь на простые ма-

ленькие вещи, а видишь большие, необыкновенные дела.

Вот тут, в рубке, плакала Валя, закончив свой беспримерный рейс... Там, на полубаке, Искандер Хаметов один на один воевал с огнем... На этой лебедке Виктор рубил якорную цепь... Отсюда с палубы Николай Бичевин всматривался в тревожную темноту бурной ночи...

И вдруг мне стало обидно за маленький славный кораблик. Как-то слишком обычно, слишком просто выглядел он сегодня: в рубке на штурманском столике спал раскормленный рыжий кот. Беспомощно раскинув полосатые руки на спицах штурвала, сохла чья-то штопаная тельняшка. На компасе, прямо на стекле, лежала раскрытая книга...

Девушка поймала мой взгляд и почему-то смутилась. Она туго скатала тельняшку, бесцеремонно спихнула кота на палубу и, захлопнув книжку, положила ее на стул.

«Машина времени», — прочел я на обложке и невольно подумал, что вот и я, как на чудесной машине времени, вернулся в прошлое, на тридцать необыкновенных лет... Удивительно ясно встали передо мной эти героические годы и эти люди, связавшие с «Комсомольцем» свою беспокойную судьбу. И такой простой, такой не похожей на этих людей показалась мне светловолосая девушка, стоявшая возле рубки...

— Командир на судне? — спросил я наконец.

— Все внизу, вы спуститесь, — ответила девушка.

Внизу, в тесном кубрике, все четыре круглых окошечка были открыты настежь, и солнечные зайчики, отраженные морем, весело играли на койках, укрепленных по бортам.

За столом сидели шестеро мужчин и одна девушка.

Молодые, загорелые, взволнованные, склонив-

шись над грубо набросанным чертежом, они спорили о чем-то так горячо, что даже не заметили моего прихода.

Я прислушался. Станный у них был спор.

Чем дальше я слушал, тем труднее было поверить, что спорят рыбаки. Так могли спорить инженеры перед пуском электростанции, студенты-электрики перед защитой диплома, десятиклассники перед экзаменами по физике...

Наконец меня заметили. Все разом замолчали. Из-за стола поднялся рослый парень в голубой майке. Ни одеждой, ни возрастом он не отличался от остальных, но почему-то я сразу понял, что он здесь главный.

Мы познакомились. Я узнал, что фамилия его Рыбаков, а зовут Гришей. Рассказал, зачем я приехал.

— Так,— сказал он, выслушав меня,— значит, все-таки разыскали нас? Это хорошо. Ну что ж, будьте гостем. Посмотрите на наши дела. А пока посидите тут с нами или на палубе... А то, может, отдохнуть хотите? — добавил он.— Вон там свободное место...

Отдохнуть мне очень хотелось. Две ночи почти не пришлось спать. Сняв сапоги, я с удовольствием растянулся на мягкой койке. Спор тотчас же возобновился, и, засыпая, я слышал:

— Вольты... амперы... кабель...

Потом сквозь сон я услышал возню на палубе, топот сапог, грохот якорной лебедки.

Потом запыхтел двигатель, заскрипели штуртросы, зашумела вода под бортом.

«Комсомолец» пошел куда-то, и, убаюканный легкой качкой, я снова заснул, на этот раз крепко и надолго.

Когда я проснулся, двигатель молчал. В кубрике, освещенном маленькой лампочкой, никого не было. Я натянул сапоги и поднялся на палубу.

«Комсомолец» стоял на якоре. Над морем ле-

жала ночь безлунная и темная. Чуть тянул влажный теплый ветерок.

В свете лампы, подвешенной на мачте, скупно перебрасываясь словами, четверо рыбаков спускали на лодку тяжелую катушку с толстым резиновым кабелем. Потом один за другим все четверо пропали за бортом. Слышно было, как они рассаживаются по местам.

— Ну, все? — сказал кто-то. — Отдавай.

И, всплескивая веслами, лодка пошла в темноту, унося на себе крошечный огонек «летучей мыши».

В такт ударам весел взвизгивали на оси катушки, разматывая за корму кабель.

Возле рубки я увидел Гришу.

— Как таинственно, — сказал я, — точно клад поехали откапывать.

— Клад и есть. Вот увидите, — сказал Гриша.

Потом из темноты, оттуда, где плясал над волнами огонек, кто-то крикнул:

— Порядок... Давай.

И Гриша, обернувшись к той девушке, что первая встретила меня на «Комсомольце», сказал негромко:

— Давай, Тамара, только нагружай постепенно, не сразу.

— Да знаю, не в первый раз, — капризно сказала Тамара, спускаясь в машину. На ней был просторный комбинезон с блестящими пряжками.

Потом что-то со свистом вздохнуло под палубой, захлебнулось, чихнуло... И вдруг, как пулемет, затрещал на холостом ходу какой-то мотор... Почти сейчас же он сбавил свой неистовый темп и застучал с каждой секундой солиднее, с каждым разом реже, вколачивая в тишину ночи четкие удары отсечки.

— Смотрите, — сказал Гриша, указав рукой на море, — начинаем.

Сначала я ничего не увидел. Потом едва разли-

чимая прерывистая полоса млечного света длинным пунктиром прочертила море. Она разгоралась все ярче, все светлее. Казалось, из глубины всплывает бесконечная гирлянда голубых звезд. Вот-вот вынырнут из воды и засияют во всю силу своего света.

Но звезды так и не всплыли, а мотор, найдя наконец нужный темп, застучал равномерно, по-деловому.

Гриша взглянул на море, прислушался к работе мотора и, посмотрев на часы, отметил время в журнале. Было десять часов двадцать минут вечера.

— Теперь до утра будем качать,— сказал Гриша.— Вот, смотрите.

Он вынес из рубки обыкновенную электрическую лампочку, укрытую тяжелой металлической решеткой, и на длинном резиновом проводе опустил ее за борт. Потом, откинув крышечку штепселя, укрепленного на стене рубки, он сунул туда вилку, и лампа вспыхнула в глубине. Широким полукругом расплылось под водой сияние, похожее на свет луны.

— Вот и вся наша техника,— сказал Гриша.— Внизу в машине движок и динамо-машина, а там,— он показал на море,— вот такие же лампы.

Я склонился над бортом и сначала увидел только этот зеленовато-голубоватый свет, едва видные переплеты решетки да часть подводного борта, обросшего мягкой зеленой «бородой».

Вдруг что-то блеснуло серебряной искоркой. Еще... еще... Со всех сторон из темной толщи воды плыли на свет маленькие сверкающие рыбки.

Вокруг лампы их собралось уже сотни, и новые сотни, а может быть, и тысячи выплывали из темноты и упорно стремились к свету, тесня и отталкивая друг друга. Вся масса воды под бортом уже сверкала живым серебром.

— Вот и вся наша техника,— повторил Гри-

ша,— и это не мы придумали. Так у нас на Каспии уже не первый год ловят кильку. Это выгодно, но не очень. Слишком сложно: вешают конусную сеть, часа два собирают рыбу на свет, потом поднимают сеть, потом в темноте выгружают. Сложно и долго. Так ловят, но больше-то все же ловят ставниками. Вы знаете, что такое ставник?

Я, конечно, знал это.

— По всему Каспию — всюду, где позволяют глубины, — стоят эти ловушки для рыбы. Устроены они просто: сплошная стена из тонкой сети на длинных кольях, вбитых прямо в дно, тянется в море на шестьсот, восемьсот, а когда и на тысячу метров. Косяки рыбы, наткнувшись на такую стену в поисках свободного пути, сворачивают в сторону и заходят во «двор» — огромный ящик из сети, установленный на кольях и якорях. Заперев узкий вход двора, рыбаки сгоняют рыбу в угол и, приподняв сеть, «сливают» улов в лодки.

Так вот, — продолжал Гриша, — нашу бригаду с самого начала поставили на ставники. И мы ловили неплохо... Но, знаете, в наше время, по-моему, стыдно работать неплохо. Нам хотелось работать хорошо, хотелось отлично работать, так, чтобы другие с нас брали пример. Ну вот... Я сам на войне был электриком, связистом. Здесь и воевал, на Кавказе, еще мальчишкой, добровольцем пошел. И, конечно, мысль об электролове давно не давала мне покоя. И не только мне. Вся наша бригада ухватилась за эту мысль, но не так-то просто оказалось загнать рыбу в ставник.

— Ну, а если повесить во дворе такой вот фонарь? — спросил я.

— Думали, — ответил Гриша. — Да что толку? Больше того, что придет по стенке, все равно не загонишь, а та рыба, что придет по стенке, и без фонаря зайдет.

— Ага, понимаю, — сказал я. — Вы освещаете стенку и так собираете рыбу?..

— Нет, и это не годится,— перебил Гриша.— Вы смотрите, она же никуда не уходит от света, стоит тут на месте, а погасишь свет, разбредется во все стороны. Мы думали осветить стенку, но это не то... Не получилось толку. Тут нужно было так придумать, чтобы сплошным потоком гнать ее в невод. Качать из моря...

— И придумали?

— Придумали. Но не сразу, конечно. Больше года ломали головы, чуть не переругались. Бумаги одной извели на проекты чуть не центнер, и все напрасно, пока не нашлась одна светлая голова.

— У кого же?

— Да у Тамары, у нашей мотористки. И знаете, как это вышло? Она у нас отчаянная болельщица— больше за тбилисское «Динамо». Вот как-то мы стояли тут же, в Махачкале. Тамара пошла в город. Идет, вдруг слышит— передают матч. Ну конечно, остановилась послушать у репродуктора. Да не одна она— целая толпа собралась. Тут, в Дагестане, народ горячий. Знаете, как болеют? Вдруг что-то случилось— замолчал репродуктор. Этот замолчал, а рядом, на другом углу, говорит. И тогда все, кто тут стоял, и Тамара, конечно, тоже, так толпой и бросились на тот угол. Но только Тамара не добежала. С полдороги свернула в порт и про матч забыла. Прибежала, встала на мол, машет нам, кричит. Мы думали, несчастье какое случилось, подали скорее шлюпку, а она на все вопросы одно: «Нашла, ребята, našла». И ведь правда našла.

— Не понимаю,— сказал я.

— Вот и мы сначала не поняли,— согласился Гриша.— А она усадила нас за стол, взяла лист бумаги и нарисовала десять кружочков в ряд. «Это, говорит, лампы». Потом наставила точек вокруг кружочков. «Это, говорит, килька». А потом зачеркнула крайний кружочек. «Эту лампу я погасила. Куда рыба денется?» — спрашивает.

Тут и нам стало ясно: ну конечно, рыба вся перекочует к соседней, горящей лампе, а если и эту погасить — пойдет к третьей... Так можно сплошным нарастающим потоком вести рыбу куда угодно, хоть прямо на завод.

— Да,— сказал я,— счастливый случай.

— Нет,— возразил Гриша,— тут не случай главное. Тут все дело в том, что мы все время думали, искали. А случай, если его не ждать, а искать, непременно придет...

Гриша поднял лампу из-за борта и выключил свет.

— Часа два ничего интересного не увидите,— сказал он.— Может, вниз пойдем, выпьем чайку?

— Ну, пусть случай,— сказал Гриша, выпив кружку горячего чаю.— Но мы за этот случай ухватились. Потом по случаю нашли разбитый движок, случайно достали сгоревшую динамо-машину, случайно добыли проводов... Раз случай, два случай, но когда-нибудь и настойчивость. А получить разрешение, думаете, это просто было? Ведь мы на службе, у нас план, все часы на счету, а риск был, конечно, огромный. Но мы доказали, что должно получиться, и нас поддержали. Ну, а теперь вот ловим, как видите.

Когда мы поднялись на палубу, в море по-прежнему лежал длинный световой пунктир, но как раз посередине в нем не хватало нескольких точек. И по мере того как шло время, эта брешь медленно передвигалась слева направо.

И я, глядя в море, представил себе огромный клубок кильки, сгрудившейся вокруг крайней лампы. Вот она, сверкая чешуей, рвется к свету со всех сторон... И вдруг свет гаснет. Полная темнота кругом, и только где-то вдали едва заметные отблески света. И тогда весь клубок плотным косяком торопится туда, окружает, расталкивает рыбу, кото-

рая прежде собралась тут, и так, от лампы к лампе, растущий косяк приближается к воротам двора.

А позади уже снова одна за другой загораются лампы, и новые клубочки кильки собираются и разрастаются вокруг них.

Всю ночь работал движок. Всю ночь темным силуэтом сновала шлюпка в море. Рыбаки гасили и снова зажигали лампы, и снова гасили и опять зажигали... без конца.

А потом наступило утро, волшебное, как все морские утра.

Чуть заметно позеленел далекий горизонт на востоке. Потом так же незаметно появилась там розовая полоска... Темнота стала растворяться, уступая место прохладному полумраку. Потом обозначились волны, сначала близкие, потом далекие, и вдруг высоко в небе вспыхнули розовые шапки дагестанских гор. И мне вдруг вспомнился первозчик...

«Вот и догнали завтрашний день», — подумал я.

— Шабаш! — крикнул Гриша в машину, и мотор замолчал.

Тамара, с руками, перепачканными маслом, вышла на палубу. У нее было лицо человека, хорошо сделавшего свое дело, — немножко усталое, с искоркой гордости в глазах.

Потом я один остался на палубе. Весь экипаж «Комсомольца» поехал брать рыбу. С судна был хорошо виден длинный ряд черных кольев электрической «стенки» и частый забор «двора».

Я видел, как тянут там тяжелые тали, как поднимается над водой серое полотнище сети и рыба сверкающим водопадом льется в просторные лодки... Потом лодки принялись на буксир, сматывали провод на вьюшку, и Тамарина сменщица Оля стала заводить двигатель. Он долго не слушался, не хотел заводиться, наконец пошел все-таки, и «Комсомолец», подняв якорь, полным ходом двинулся

к берегу. Умывшись тут же на палубе, рыбаки, проработавшие всю ночь, один за другим пошли спать.

— Как улов? — спросил я у Гриши, вставшего за руль.

— Нормально, — ответил он. — Если так дальше будем ловить, скоро придем в следующий год.

Я не понял, и Грише пришлось объяснить.

— Мы с тех пор, как придумали это дело, здорово перевыполняем план, — сказал он. — За позапрошлый год все поймали, за прошлый поймали, а теперь кончаем свою пятилетку. Так что, если хотите, наш «Комсомолец» — это, в некотором роде, наша «машина времени».

Два часа спустя лодки с уловом сдали на рыбо-завод, а меня доставили прямо к пристани. Двигатель молчал; слышно было, как Оля в машине ручным насосом качает горючее.

— Готово! — крикнула она наконец, и я распрощался.

Но уходить не хотелось, и я, стоя на стенке, еще говорил с Гришей.

— И это не все еще, — сказал он напоследок. — Мы еще кое-что придумали. Вот закончим свою пятилетку, начнем новые опыты.

— Где? — спросил я.

Гриша хотел ответить, но в это время двигатель, который до того только сопел да хрипел с заливом, выстрелил в небо тугим кольцом белого густого дыма и торопливо, все чаще и чаще забормотал: там, там, там, там...

Гриша скатал штурвал на борт, дернул сигнальный шнурок.

Баркас грузно двинулся с места, бортом досуха выжал толстый веревочный кранец, взмылил соленую воду за кормой и солидно, переваливаясь с борта на борт, пошел в открытое море.

Скоро его мачта с выцветшим флагом скрылась за молом.

У КАМИНА

Недавно судьба снова забросила меня в Астрахань.

Много лет не был я в этом городе, и, конечно, многое тут изменилось.

Люди, которых я знал,— одни выросли, другие возмужали, третьи постарели. Десять лет — срок большой.

А сам город помолодел за эти годы. Принарядились дома, разгладились морщины на мостовых, новый стройный мост перекинулся через Волгу, вдоль берегов встали новые заводы...

Дело было ранней весной. Лютые морозы еще держались в те дни, а солнце уже по-летнему ярко сверкало над заснеженной Волгой, и по всему было видно, что вот еще немного — и зазвенят веселые ручейки, посинеет набухший лед и ветер, налетевший с моря, разбудит заснувшую Волгу.

И жил город по-весеннему, по-молодому.

Люди спешили куда-то, на ходу потирая окочевшие руки. В рыбном порту с урчавших моторами машин сгружали сети и клепку, консервную жесть и морские канаты. Корабли рыбного флота, большие и маленькие, стояли вдоль берегов, готовые с первой водой пуститься в новую путину.

В затоне день и ночь синими молниями вспыхивали огоньки электросварки, длинными трелями заливались пневматические молотки. Новые промысловые суда, как в сказке, «не по дням, а по часам» росли на глазах, готовясь встать в строй.

И здесь же в затоне, сгрудившись веселыми стайками вокруг кораблей, давно отслуживших свой век, молодые ребята-ремесленники, безжалостно орудуя топорами, кувалдами и пилами, разбирали на дрова их корпуса, насквозь просоленные морской водой.

Возле одной из таких стаяк я заметил высокого моряка. Еще издали что-то знакомое показалось в

его фигуре, а подойдя поближе, я сразу узнал Петра Петровича, штурмана с парохода «Терек».

Он был такой же, как десять лет назад. А я... я, должно быть, сильно изменился. Петр Петрович не узнал меня, и мне пришлось напомнить ему нашу прошлую встречу и наш разговор на мостике «Терека».

— Так,— сказал он, вспомнив меня наконец.— Опять, значит, к нам? Хорошее дело. Верно пословица-то говорит: «Гора с горой не сходится...» А где же остановились?

— В гостинице.

— Вот и напрасно. Ко мне бы, милости прошу. Каюта у меня просторная, а живу бобылем, по-стариковски. Я ведь год как не плаваю, на пенсию вышел.

— Вот как? А что же, здоровье? — спросил я.

— Здоровья-то еще хватает,— улыбнулся Петр Петрович.— Не жалуюсь. Да вот доктора не пускают. Им разве докажешь?

— А сюда по каким делам забрели?

— Да больше от скуки. Здесь как-никак морем пахнет. Да и по хозяйству — дровишек привезти. Холода, дров не напасешься. А у нас в этот год много корпусов пошло на списание. Ну, и на мою долю пришлось кое-что. По старой памяти не обижает начальство. Да вы, правда, хоть зашли бы. Тогда-то, помнится, было мне недосуг, а теперь чего-чего, а времени вдоволь. Вечерами я всегда дома. Посидим у огонька, чайку попьем, побеседуем. Так как, ждатель?

— Ждите обязательно, Петр Петрович, сегодня же зайду,— сказал я и в тот же вечер навестил старого штурмана.

Жил он в старинном купеческом доме, в комнате с тремя окнами на Волгу. И хотя комната была просторная и высокая, она и в самом деле чем-то напоминала каюту.

Морская койка с бортиком ютилась в углу.

Большой пароходный стол на одной ноге стоял посередине. Вдоль стен висели длинные полки; на них рядом стояли отлично сделанные модели каспийских танкеров, пузатых рыбниц, стройных сейнеров и парусных реюшек.

А в углу, украшенный цветными изразцами и причудливыми лепными фигурами, до самого потолка возвышался широкий камин. В нем чуть теплились под слоем серого пепла угольки.

В комнате вкусно пахло свежим деревом, краской и чуть-чуть дымком.

Петр Петрович встретил меня, как радушный хозяин, усадил в глубокое кресло, подвинул его поближе к камину, а сам захлопотал по-хозяйству. Мне даже неловко стало, что старый человек так суетится из-за меня. А он, не обращая внимания на мои протесты, быстро, по-хозяйски накрыл стол, достал бутылочку вина, включил электрический чайник. Потом надел старый бушлат, принес большую охапку дров и аккуратно сложил их в ящик возле камина.

Странные это были дрова—не ровные куски, не обломки даже, а скорее осколки потемневшего от времени дерева. Местами виднелись на них следы смолы и краски. Кое-где черные пятна гнили глубоко въелись в ветхую древесину, в иных торчали обломки ржавых гвоздей.

Петр Петрович старательно отобрал какие-то особенные дрова, уложил их грудкой над тлевшими угольками и, наконец успокоившись, пригласил меня к столу.

Он расспрашивал меня о Москве, о Ленинграде, где я был недавно. Я его—об общих знакомых, о море, о путине... Но сначала как-то не клеился разговор.

Потом я спросил о моделях.

— Да занимаюсь от скуки,—сказал Петр Петрович,—у нас ведь тут, на Каспии, флот особенный. Есть такие суда, что в целом мире нигде не

найдешь. Ну вот я и решил от нечего делать построить модельки. Сдам в музей — пускай молодые поучатся, посмотрят, на чем деды в море ходили. Вот, к примеру...— Он показал на рабочий столик, где стоял неоконченный корпус модели.— Помните, мы «Комсомольца» встретили в море? Вот такой же точно он и был.

— А теперь где же он?

— А теперь? Да где же ему быть? Исключен из состава флота вроде меня. Вот вы видели нынче, как корпуса на дрова разбирают. Вот так же и с ним: двигатель на завод куда-нибудь отвезли, разбили на переплавку. А корпус — на дрова, да в печке сожгли...

— Ну как же так? — перебил я.— Корабль с таким прошлым — и на дрова? Это же памятник своего рода.

— Э, батенька, памятник... Этак весь флот придется на память беречь — места не хватит. А прошлое,— Петр Петрович обернулся к камину, где дрова уже дымились и потрескивали тихонько,— прошлое у любой чурки есть.

— Но нельзя же и прошлое забывать,— не сдавался я.

— Нет, зачем забывать? Помнить нужно. У нас, слава богу, помнить есть чего. Только слиш-

ком-то в прошлое упираться тоже, по-моему, не стоит. Ну вот мне, старику, мне бы вроде, кроме прошлого, ничего и не осталось. В переплавку нас не берут, в печках не жгут. Благо кормят—сиди да вспоминай. И вспомнить есть что, конечно. Я все сорок лет с Советской властью в ногу про-

шел. Ну да ведь теперь сорок, а там пятьдесят будет и сто... Я-то не доживу, а вперед смотреть все равно и мне нужно. Книжек я писать не умею, вот и строю модельки, памятники эти самые. Молодежь придет, посмотрит и тоже, глядишь, задумается, оглянется назад и вперед посмотрит. А им-то и вовсе на тысячи лет вперед нужно смотреть.

— Так-то так,—согласился я,—ну, а все-таки жаль «Комсомольца». Сжечь такой корабль...

— А чего жалеть? — не сдавался Петр Петрович.— Пршлое наше никаким огнем не выжжешь, дела никакой резинкой не сотрешь, а гнилушка — что так догниет, что в печке сгорит, так в печке-то лучше, по-моему. Тут хоть с пользой. А горят они как! Вот сейчас разгорится — посмотрите.

Я обернулся к камину. Там еще дымили дрова, но вдруг они вспыхнули жарким пламенем. Только это было не простое, а сказочное какое-то пламя: то выбивались из него ярко-зеленые, то желтые, то фиолетовые языки. То красный пунцовый свет, как раскаленная лава, вырывался из топки камина.

Петр Петрович встал, погасил люстру, и разноцветные отсветы забегали по стенам, догоняя и сменяя друг друга.

— Вот как горят,—сказал Петр Петрович.— Я бы сам не прочь так-то сгореть. Фейерверк, салют, а вы говорите — жалко. А знаете, почему так го-

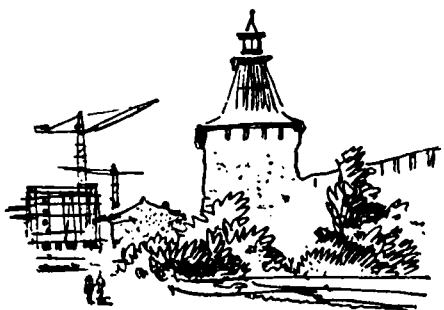
рят? Морская вода. Тут и кальций и стронций — вся химия в них впиталась, все их прошлое, так сказать. Для камина самые лучшие дрова: английские лорды такими топят. Ну да ведь мы-то не лорды. Им сидеть, да в камины смотреть, да о былом величии помнить только и осталось. А у нас еще столько дел впереди...

Мы долго еще сидели у камина. О чем думал Петр Петрович, я не знаю. А я, каюсь, весь вечер думал о прошлом.

А когда, наконец, догорели цветные огни и судовые часы, висевшие на стене, пробили восемь склянок, я спохватился: с утра у меня было много важных дел, а идти далеко...

Я распрощался с хозяином и зашагал по ночному городу.

Улицы были пусты, свет в окнах давно погас, а над затоном по-прежнему вспыхивали голубые молнии электросварки, и дробный гром молотков нарушал морозную тишину.

ДВЕ ПОБЕДЫ

ДВЕ ПОБЕДЫ

Много лет назад на Дальнем Востоке у меня был друг Алеша Мордвинов.

В то время я плавал третьим помощником капитана на маленьком зверобойном боте. Мордвинов поступил к нам механиком и как-то сразу «пришелся» и к людям и к кораблю.

Алеше было лет двадцать, не больше, но он многое знал, и, если брался за что, все у него получалось. Начатое дело он доводил до конца и этим сразу завоевал уважение товарищей.

К тому же он был веселый парень. На палубе и на берегу не прочь был и подурачиться и пошутить. Но стоило Алеше спуститься в машину, как он становился другим человеком. Там, в машине, это был властный хозяин, спокойный, рассудительный, требовательный к другим и к себе.

В первый же день он осмотрел наш старенький двигатель, выслушал, выстукал его, как врач больного, и приказал разобрать до основания. Две недели, пока мы стояли в порту, он буквально не вылезал из машины. Его помощники поворчали,

конечно, но зато с тех пор я не помню случая, чтобы машина на нашем боте хоть немного заикалась. Она работала безотказно и слушалась Алешу, как живая. Впрочем, это и неудивительно: Алеша Мордвинов был потомственный механик-дизелист, из Сормова родом, а там, в Сормове, в дизелях понимают толк.

Два года мы с Алешей плавали на одном судне, жили одним делом, спали в одной каюте, голова к голове, ели за одним столом и, конечно, стали друзьями. Мы многое пережили, вдоволь натерпелись от моря, но зато много видели и хорошего, такого, что и сейчас вспоминается, как чудесная сказка...

Одни льды чего стоят! Бывало, летом заберешься на мачту, посмотришь: до самого горизонта ровное поле, светлое, как серебро, да кое-где изумрудные жилки изломов. Простор необъятный.

А зимой! Холодные, грозные льдины обступят со всех сторон. В непроглядной черноте полярной ночи льды стоят, как темные стены. Вот-вот сомкнутся, раздавят... И вдруг всполыхнет сияние, все вокруг заискрится, засверкает, заиграют хороводы цветных огней, точно кто-то щедрой рукой сеет по льду самоцветные камни...

А тайфуны, а бури! Разве мало в них своей мужественной красоты? Стоишь вот так на палубе, среди бушующего океана. Хлещут волны. Ревет, надывается холодный ветер, грохочут льды...

Порой трудно, ой как трудно бывает в море! Вот-вот, кажется, сомнет, опрокинет, сотрет в порошок хрупкое суденышко... А ты стоишь и знаешь: ты не один, рядом товарищи. И руль в надежных руках, и путь выбран верно, и машина не сдаст. И знаешь еще, что в тебя тоже верят. И как бы ни злилась буря — пусть злится, все равно не сдадимся, не отступим, победим!

Вот эта вера в победу так поднимает в трудную минуту, что потом на всю жизнь такая минута остается в памяти как большой праздник.

Таких минут мы вместе с Алешей тоже пережили немало. И, должно быть, поэтому нам казалось тогда, что дружба наша навек.

Но случилось так, что пути наши разошлись. Мы, конечно, писали друг другу. Сначала часто и помногу, потом все короче и реже. Потом как-то случайно встретились в чужом далеком порту. Обнялись, посидели вечерок, вспомнили старину, а наутро он ушел со своим кораблем на запад, а со своим — на восток.

После слышал я, будто он в Сормове, инженером на заводе. А потом мы и совсем потеряли друг друга.

И вот однажды я оказался на сборе дружины в одной сормовской школе. Там я увидел пионера с двумя нашивками на рукаве. Что-то в нем показалось мне очень знакомым, и я мучительно стал вспоминать: где же мы встречались с этим мальчиком? Тут он поднял руку, требуя внимания, и я вдруг вспомнил: узкая полынья, забитая молодым льдом, и у края ее, в воде, Алеша с поднятой вот так же рукой..

Это было в Шантарском море. Целый день мы били тюленя на льду. Под вечер на мачте подняли «сбор». Я дал команду возвращаться на судно. Но Алеша увлекался: стрелял он отлично, и пока мы, собирая добычу, стягивались к судну, его винтовка то и дело бухала где-то у нас за спиной. Вдруг она замолчала. Мы сначала не заметили этого. Потом старик Малыгин, тюленебоец из Архангельска, обернулся назад, приложил ладонь к козырьку, постоял так, обводя горизонт глазами.

— Вроде механика не видать, — сказал он.

Тогда обернулся и я. На ослепительно-белом поле узкими фиолетовыми языками лежали длинные вечерние тени льдин — ропаков. Темными пятнами выделялись туши убитого зверя. Кое-где над ними еще клубился розовый пар. Алеши нигде не было видно.

— Пошли,— сказал я, и мы, торопясь, зашагали назад по хрустящему насту...

Наконец в маленькой полынье мы увидели Алешу. Левой рукой он держался за лед, правую поднял над головой. Губы у него посинели, щеки побелели, он словно похудел за эти минуты и постарел. Только глаза были те же, Алешины,— молодые, веселые глаза.

— Сапоги,— сказал он, когда мы подбежали,— тянут, не вылезешь!

Пройти он смог шагов двести, не больше. День был морозный. Мокрую одежду схватило. Она затвердела, как саркофаг, и мы на лямках едва живого приволокли Алешу на судно...

В тот же вечер он сказал мне:

— Знаешь, скверная это штука — отстать от товарищей...

Эта сцена, давно забытая, мгновенно промелькнула в моей памяти, и пока мальчик с нашивками говорил что-то обступившим его пионерам, я спросил у старшей вожатой:

— Кто это?

— Это? Это Сережа Мордвинов.

— Мордвинов? — удивился я. — А ну-ка, расскажите мне о нем.

В тот же вечер я услышал рассказ про своего старого друга и про его сына.

Рассказ этот лучше всего начать с прошлого года, с того самого дня, когда инженер Алексей Алексеевич Мордвинов прощался с сыном Сережей.

Это было как раз перед зимними каникулами. В этот день Сережа принес домой дневник и с гордостью раскрыл его перед отцом: ровными столбиками одна под другой там стояли пятерки.

— Молодец, — сказал Алексей Алексеевич. — Ну что же, Сергей, поздравляю. А теперь давай побеседуем. Завтра я уезжаю, ты знаешь?

— Знаю, папа. Надолго? — спросил Сережа.

— Надолго, сынок. На год, может быть, больше. Вот пойдем-ка. — И, взяв Сережу за плечо, Алексей Алексеевич привел его в свой кабинет и поставил перед большой картой.

— Это какая река? — спросил он.

— Енисей.

— А это?

— Это Иртыш.

— А это?

— Это Обь, — ответил Сережа.

— Так, — сказал Алексей Алексеевич. — Ну вот, слушай!

Он уселся в кресло и, играя маховичком крошечного дизеля, украшавшего письменный стол, помолчал немного.

— Помнишь, — спросил он наконец, — ты был у нас на заводе?

— Помню, — кивнул Сережа.

— Так вот, — сказал Алексей Алексеевич, продолжая крутить маховичок. — Мы тут, в Сормове,

делаем корабли. А плавают эти корабли по всем рекам нашей Родины. Будущим летом решено целый флот провести на сибирские реки. А дорога туда для кораблей — одна. Какая, по-твоему?

— Великим Северным морским путем, папа, да? — выпалил Сережа и посмотрел на карту.

— Правильно, — сказал Алексей Алексеевич, — только для нас это трудный путь. Речным кораблям там тяжеленько придется. Льды, туманы, штормы...

— Папа, а белых медведей вы там увидите? — перебил Сережа.

— Медведей? — переспросил Алексей Алексеевич. — Медведей вряд ли... Медведь — зверь робкий, на проезжей дороге не живет, а Карское море стало вроде проезжей дороги...

— А тюленей, папа?

— А тюленей увидим, — сказал Алексей Алексеевич и помолчал, задумавшись. — Тюленей увидим обязательно, — повторил он. — Так вот, Сережа, мы обещали, что все корабли приведем на место и ничего с ними не случится... А ты можешь мне обещать, что и у тебя ничего не случится, что в седьмой класс ты перейдешь с хорошими отметками?

— Постараюсь. Нет, не постараюсь, а обещаю. Могу! — твердо сказал Сережа.

— Ну, смотри, Сергей, держись... И вот что запомни: самая скверная штука — отстать от товарищей...

Он еще что-то хотел сказать, но тут мама заглянула в дверь и сказала:

— Мальчики, чай пить!

На другой день папа уехал, а у Сережи начались каникулы. Скучать было некогда. Все двадцать четыре часа в сутки были заполнены удовольствиями.

С утра всем отрядом ребята собирались на Волге. Они съезжали на лыжах с гор, поднимая тучи снежной пыли, тормозили на полном ходу и неслись дальше, расставив руки, как крылья. Днем нужно было попасть в кино, потом на каток — готовиться к спартакиаде, потом на елку, а с елки опять на каток... И когда, наконец, набегавшись досыта за день, Сережа приходил домой, постель казалась ему такой уютной, что и предстоящий сон он считал одним из праздничных удовольствий. А утром, хотя и можно было бы поваляться лишний часок, Сережа вскакивал и, наскоро позавтракав, убегал до обеда, потому что ни в чем не хотел отстать от товарищей, а товарищи у него были народ беспокойный.

Потом каникулы кончились. Замелькали дни, как две капли воды похожие один на другой и в то же время такие разные, такие не похожие друг на друга дни. Они были заполнены задачами, примерами, правилами, законами, упражнениями... Но каждый раз это были новые задачи, новые правила, новые законы...

В феврале пришло письмо от папы из Архангельска. Он писал, что много работает, так много, что некогда даже писать. «Все минуты у нас на счету. Зато все мы верим, что слово свое сдержим...»

Сережа ответил на двух страничках, а в конце написал: «А насчет нашего договора будь спокоен, папа, я тоже уверен, что сдержу свое слово».

Потом он сел за папин стол учить английский, поиграл папиным дизелем, раскрыл учебник, но буквы почему-то расплывались, глаза упрямо закрывались, в голове шумело, и страшно хотелось спать... Еще час он боролся с этим желанием, наконец не выдержал, опустил голову на руки и заснул тут же за столом...

А утром его увезли в больницу. Он заболел скарлатиной.

...Через несколько дней жар спал. Сережа был уверен, что он уже совершенно здоров, и то, что приходится лежать в постели, казалось ему страшной несправедливостью. Столько дел, важных, значительных, необходимых дел, которые не могут совершиться без него, осталось за стенами палаты, что было непостижимо, как это и завтра, и послезавтра, и еще неизвестно сколько дней можно оставаться здесь.

Это было похоже на скверный сон. Казалось: вот затрещит будильник — проснешься, и опять все будет хорошо... Но будильник не трещал. Дурной сон продолжался, и тревожное чувство не оставляло Сережу.

Это чувство не давало ему спать. Он просыпался раньше всех в палате и, глядя на окно, занавешенное белой марлей, старался хоть мыслями вырваться из своего плена.

Неба Сережа не видел, что делается под окном — не знал. Весь его мир был теперь ограничен стенами белой палаты и светлым четырехугольником окна.

В палате стояло еще пять таких же, как у него, белых кроватей с тумбочками. За окном виднелась стена высокого дома с пожарной лестницей. На лестнице, нахохлившись, сидели вороны. Большие, тяжелые снежинки медленно падали куда-то. Иные прилипали к стеклу и ползли вниз, превращаясь в прозрачные капельки.

«Значит, оттепель», — подумал Сережа и закрыл глаза. Ему приснилось, что он дома. «Выйду пораньше, — решил он, — скатаю пару снежков, и только Юрка высунет нос из парадного, так влеплю, что ой-ой!»

Вот Юрка отряхивает снег, хохочет... Сережа тоже смеется, и прохожие улыбаются, глядя на них. Вот они с Юркой не спеша идут в школу, на ходу обсуждая дела физического кружка: модель паровой машины почти готова, осталось собрать и

пропаять котел. Можно бы поручить это Игорю, но лучше не стоит. Он, того и гляди, схватит тройку по истории. А это они здорово с Юркой придумали: поставить отчет кружка на сборе дружины! Доклад поручили Сереже. Он решил так и начать: «Все члены физического кружка учатся только на пять и на четыре...»

Вдруг отворилась дверь. Сережа проснулся. Тихо шаркая туфлями, вошла в палату старенькая, седая, вся белая, в белом халате, палатная сестра тетя Нина. Ласково глядя сквозь стекла больших очков, она раздала термометры.

Еще один больничный день начался!

И, зажимая под мышкой холодное как сосулька стеклышко, Сережа со страшной ясностью понял вдруг, что сегодня ребята без него будут играть в снежки, завтра без него испытают машину, а в субботу без него соберется совет отряда...

Сережа представил, как Василий Михайлович откладывает в сторону его тетрадку, возвращая контрольные по геометрии, как Юрка на сборе дружины собирает листочки конспекта, закончив доклад...

Там без него продолжается жизнь. Там каждый день полон новой борьбы, новыми победами.

А тут... тут тетя Нина, высоко подняв термометр, посмотрела на шкалу и с похвалой в голосе сказала:

— Тридцать шесть и шесть. Молодец, Мордвинов.

И от этого «молодец» Сережа, который терпеть не мог слез, чуть не расплакался.

Скучно тянулись эти трудные дни. Две койки в палате пустовали. На трех лежали малыши: два второклассника и первоклассник. С ними даже поговорить было не о чем. И только «письма с Большой земли», как про себя называл их Сережа, внесли разнообразие в монотонные больничные будни.

«Поправляйся скорее, сыночек», — писала мама и сообщала о маленьких домашних новостях.

«Поправляйся скорее, Серьга, мы тут без тебя горим», — писал Юрка и подробно перечислял все школьные происшествия.

«Поправляйся скорее, Сережа», — писала старшая вожатая Нина Сергеевна.

Точно сговорились! Все требовали: «Поправляйся скорее», а он и не думал поправляться. Наоборот, с каждым днем яснее становилось, что час освобождения отодвигается все дальше и дальше... Опять поднялась температура, по ночам «стреляло» в ухе, раскалывалась от боли голова.

Сережу перенесли в другую палату, и главный врач, Денис Лаврентьевич, похожий на Тараса Бульбу, все дольше задерживался у его кровати и, шевеля седыми бровями, говорил укоризненно.

— Плохо твое дело, казак, придется еще погостить.

И Сережа «гостил».

Он пролежал весь февраль, пролежал март. В апреле два раза у его кровати собиралось сразу по нескольку врачей. Они передавали друг другу Сережин температурный листок, подолгу слушали сердце, осторожно щупали за ухом и спорили о чем-то тихими голосами, произнося непонятные слова.

И только перед самыми майскими праздниками Денис Лаврентьевич, подмигнув так, будто сообщает важную тайну, сказал:

— Пора, брат Мордвинов, и честь знать, загостился...

Еще через две недели Сереже принесли его лыжный костюм, белье и башмаки.

Держась за перила, он спустился по лестнице, прошел какую-то комнату, заставленную шкафчиками. Незнакомая няня открыла дверь, и вдруг он увидел маму.

Она смотрела на него и, шагнув навстречу, сказала:

— Сережа, мальчик мой... одни скулы остались.

Потом она достала из сумочки теплую шапку, надела Сереже на голову и туго завязала уши.

— Ну, пойдем,— сказала она и взяла сына под руку.

По городу они ехали на «Победе». Деревья уже оделись молодой листвой. Древ-

ний Кремль стоял высоко над рекой, как дорогая игрушка на зеленой бархатной подставке. Прохожие были одеты по-летнему, а под мостом, перекликаясь гудками, торопились куда-то буксиры с плотами и баржами.

Когда приехали в Сормово, Сереже показалось, что он вчера только ходил по родным улицам. И непонятно было, почему нет снега, почему все окна открыты настежь, откуда так сразу пришло лето?

Дома Сережа подсчитал: оказалось, что он пробыл в больнице девяносто девять дней.

— Папе я о тебе ничего не писала, не хотела его огорчать,— сказала мама.

Вечером пришел Юрка. Он уже успел загореть, нос у него лупился. Увидев Сережу, он порывисто схватил его руку, крепко пожал и, глянув в исхудавшее Сережино лицо, радостным баском сказал:

— Здорово, Серьга, наконец-то явился... Заждались мы тебя... У нас тут такие дела...

И Юрка начал рассказывать, что их класс лучший в школе по успеваемости, а сейчас, перед экзаменами, они всем отрядом решили, что ниже четверки ни у кого отметок не будет.

— Ну и понимаешь, решить-то решили, а дис-

циплина кое у кого хромает. Тепло, уже купается народ, и футбол, и все такое. Вот и приходится друг друга подтягивать. Достали билеты, проверяем все прямо по билетам, чтобы уже без ошибки. В общем, за пятерки не поручусь, а на четверки всех до одного вытянем, это точно.

— А я? — спросил Сережа.

— А ты? — сказал Юрка. — А ты не в счет. — Он вдруг осекся и, помолчав, добавил: — С тобой разговор особый.

— Ну, а кружок как?

— Кружок сейчас свернули. Не до того. А до весны работали. Недавно выставку устроили, ходили на автозавод и к нам на «Красное Сормово». Смотрели, как новый танкер спускают.

— А машина пошла тогда? — спросил Сережа.

— Машина? Какая машина? — удивился Юрка. — Умформер, что ли? Так его еще перематывать надо, это уж на тот год.

— Паровая, — сказал Сережа. — Помнишь, мы тогда строили?

— Ишь чего вспомнил! Ну конечно, пошла. А мы с тех пор еще турбину и реактивный глиссер построили, только глиссер не испытали пока. В лагере испытаем... Ну ладно, Серьга, ты давайправляйся, а я пойду, у меня еще дела сегодня!.. А ты в школу скорей приходи, в субботу совет отряда...

Юрка снова крепко пожал руку Сереже, вылетел в дверь и быстро пошел куда-то...

Сережа посмотрел ему вслед и вдруг понял, как далеко шагнула жизнь за эти три месяца...

«А ты не в счет», — вспомнил он и понял, как трудно бывает человеку, который отстал от жизни...

«Не отставай от товарищей», — сказал тогда папа, а он вот отстал. Не по своей вине отстал. Отстал всего на сто дней, и уже «не в счет», уже на год позади... На целый год жизни!

...В субботу Сережа пошел в школу. Он пришел к концу уроков, и ребята, увидев его, веселым табунком кинулись навстречу.

— Мордвинов явился, ура! — крикнул Игорь и, вырвавшись вперед, первый схватил его за руку.

Потом его обступили со всех сторон и громко, ничуть не стесняясь, стали обсуждать его вид.

— Ох, похудел-то!

— А бледный, ребята, смотрите, бледнящий какой! Прямо желтый...

— Да что ты, Сергей, вырос, что ли? Выше Ленки стал, глядите, ребята!

Потом посыпались вопросы:

— Все так и лежал? Надоело, наверное?

— Ну, а там еще кто был или один?

— А читать дают, Сергей?

— А радио есть?

— А гулять пускают?

Сережа едва успевал отвечать и сам ничего не спросил у ребят. Да и о чем было спрашивать? По обрывкам разговоров он понял, что товарищей волнуют вещи, для него непонятные. Какие-то формулы, о которых он и не слышал, большой барьерный риф, головоногие моллюски... Ничего этого Сережа не знал.

Он пошел в канцелярию. Первым, кого он увидел там, был Василий Михайлович.

— Мордвинов! — удивился он, и ласковые искорки засветились в его глазах. — Вернулся, ну вот и прекрасно... Кстати, Сережа, одну минутку...

Он раскрыл свой огромный портфель и, немного порывшись в нем, достал тетрадку.

— Вот последняя твоя контрольная по геометрии, третьего февраля... Ну и как всегда у Мордвинова — пять! — сказал Василий Михайлович и протянул Сереже раскрытую тетрадку.

— Василий Михайлович, — сказал Сережа, — а как же теперь со мной?

...1

— С тобой, Сережа? Плохо, дружок, с тобой. Придется, видимо, остаться на второй год.

— А если я догоню? Василий Михайлович!

— Думали мы и об этом, Сережа,— сказал Василий Михайлович.— Видишь ли: по математике ты догонишь легко, в этом я уверен... Но ведь одна математика дела не решает. Программа большая, трудная, а тебе необходимо поправиться, отдохнуть... Не знаю, Сережа... Мы тут и с мамой твоей говорили. И она так считает. Лет тебе немного. Ты ведь младше всех в классе? В конце концов лишний год в твоём возрасте...

— А если я догоню? — упрямо перебил Сережа.

— Подумай, Сережа. Конечно, жалко терять год, но так, от души, я не советую,— сказал Василий Михайлович и посмотрел на часы.— Ты еще хорошенько подумай, посоветуйся с мамой.—И, застегнув портфель, Василий Михайлович пожал Сереже руку.— Мне, к сожалению, пора на урок. Но мы еще поговорим с тобой, подумаем,— сказал он и вышел.

Вслед за ним пошел и Сережа. В дверях он встретился со старшей вожатой Ниной Сергеевной.

— Сережа, голубчик, вернулся! — обрадовалась она.— Ну вот и хорошо! Ты, главное, теперь отдыхай, поправляйся. Вон ты какой! А уж с осени опять за работу! И ты не горюй, в пятом «Б», там ребята тоже — знаешь какие? Еще лучше ваших.

— А если я догоню? — перебил Сережа.

— Ну, где же теперь догонять, за полгода? Тебе отдыхать надо. А ты, главное, не расстраивайся, ведь ты не виноват... Ты в лагерь-то собираешься?

— Не знаю...

— Ну вот, собирайся в лагерь. Завод нам катер дает. Будем в походы ходить, загорать, купаться... А про это не думай...

Мама тоже сказала:

— Год — это пустяки. Здоровье гораздо важнее... Отправлю тебя в санаторий, на Черное море.

Будешь там крабов ловить, дельфинов увидишь, настоящие морские корабли. В горы поедешь, на парусной лодке будешь кататься. А осенью я сама возьму отпуск и за тобой приеду. Виноград будешь есть прямо с ветки. Ну как, решено, сынок?

Столько соблазнов вставало за мамиными словами, что Сережа готов был сдаться. Черное море властно манило его. Он пытался представить себе это теплое море, и дельфинов, и корабли...

Вдруг зазвонил звонок. Сережа пошел открыть, но за дверью никого не оказалось, только в ручку засунут был конверт. Сережа взглянул на адрес и сразу узнал почерк. Это было письмо от папы. Он давно не писал. Присылал только телеграммы: «Жив, здоров, целую. Алексей».

Когда мама открывала конверт, руки у нее чуть-чуть дрожали. Она вынула целую пачку мелко исписанных листочков, быстро просмотрела их и часть протянула Сереже.

— Это тебе,— сказала она,— а это мне,— и улеглась с ногами на диван.

Как только Сережа прочитал первые строчки, очарование Черного моря сразу пропало. Другое, холодное Белое море целиком завладело его мечтами.

Папа писал, как они там живут, в Архангельске, как готовятся к трудному делу. Они уже приспособили к морю все речные корабли, заварили стальными листами иллюминаторы, закрыли щитами окна. Машины проверены, топливо погружено. Осталось запастись продовольствием — и можно трогаться в путь. Но летчики, вылетевшие на разведку, говорят, что еще рано: еще очень тяжелые льды стоят в океане, и приходится «сидеть у моря и ждать погоды».

«У вас уже все в цвету,— писал папа,— а у нас только-только началась весна. Еще холодно, и снежок бывает, но зато ночи светлые, и мы иногда поздно ночью гуляем по городу или ловим рыбу

на Двине... Скоро льды разойдутся, тогда поднимем якоря и отправимся в путь. Трудный путь, но мы свое слово сдержим. Как обещали, так и будет,— что бы ни случилось, все корабли в целости доставим куда нужно.

Ну, а твои как дела, сынок? Как успехи, чем порадуешь папку? Пиши мне на Игарку. Сюда письмо уж не успеет. Поцелуй мать, не скучай и помни: я на тебя надеюсь...»

Сережа посмотрел на маму. И пока она, дочитывая письмо, то и дело улыбалась чему-то, он все решил...

Когда она перевернула последний листок и подняла глаза, Сережа сказал:

— Мамочка, я не поеду в санаторий. Отпусти меня в лагерь, с ребятами. Ладно, мамочка, отпусти?

Мама посмотрела на Сережу долгим внимательным взглядом.

«Вылитый отец»,— подумала она и сказала:

— Ну что ж, поезжай.

Если вы жили в лагере, вы лучше меня понимаете, как трудно остаться дома, когда весь отряд отправляется в поход.

Если летом вам приходилось учиться, вы, конечно, знаете, сколько веских причин можно найти для того, чтобы отложить в сторону книжку.

Если вы любите спорт, вам не нужно объяснять, как обидно отказаться от соревнования, когда знаешь, что твое участие поможет команде добиться победы...

Сережа был хорошим спортсменом. Он мог бы найти тысячи причин, чтобы в любую минуту закрыть учебник. И когда отряд с Юркой во главе рассаживался в катере, Сереже очень не хотелось отставать от товарищей. Но именно поэтому каждый раз, когда начиналась игра на футбольной

площадке, Сережа с книжкой в руках уходил в дальний угол сада. Именно поэтому он просто стряхивал с книжки диковинного зеленого жука, упавшего с дерева, даже не пытаясь поймать его и посадить на булавку. Именно поэтому, отдав швартовый конец, он провожал катер глазами и тут же, на пристани, усевшись в тени, один за другим решал бесконечные примеры.

Он не хотел отставать от товарищей и поэтому упрямо наворачивал тот путь, который товарищи прошли без него.

Это был трудный путь. Иногда Сереже казалось, что он не выдержит, сдастся...

Однажды, например, Юрка разыскал его в саду и крикнул издали:

— Слушай, Сергей, сегодня глиссер будем испытывать. Поедем, а? Один-то день, я думаю, ничего?

Сережа захлопнул грамматику, поднялся. На секунду и ему показалось, что один день ничего не значит... Но тут же он понял, что стоит один только раз отступить — и весь его замысел рухнет.

— Ты мне лучше расскажешь потом, — твердо сказал Сережа и снова сел на траву. — Я не поеду, Юрка...

Никаких чудес храбрости Сережка не показывал. Он никого не поражал своей силой и ловкостью. Он просто шел по намеченной дороге, не сворачивая и не отступая. Только и всего.

Но идти вот так, не сворачивая с пути и не отступая, — это ведь тоже подвиг!

И товарищи, которые любили Сережу и дорожили его дружбой, с первого дня поняли это.

Горькое чувство, которое Сережа испытал тогда в школе, ушло навсегда: он снова стал полноправным членом отряда, и стоило ему сказать слово, как сразу находились добровольцы, готовые пожертвовать любым из лагерных удовольствий, чтобы помочь Сереже разобрать теорему, повторить

правило, устроить диктант. А больше всех помогал Сереже Василий Михайлович. Он жил с ребятами в лагере и всегда находил время спросить Сережу, проверить его тетради, объяснить ему непонятное.

И когда короткие лагерные дни пронеслись, как в сказке, Василий Михайлович, прощаясь с Сережей, сказал:

— Поработал ты хорошо. Нужно только закрепить знания. Но теперь я уверен — ты справишься...

Сережа и сам понимал, что главное, самое трудное уже позади, а впереди еще немного усилий — и победа! И вот эта вера в победу так подняла, так преобразила его, что мама даже удивилась, когда он вошел загорелый, возмужавший, с восторженно горящими веселыми глазами.

— Ну, как отдохнул, сынок? — спросила она.

— Чудно, мама, чудесно! — сказал Сережа и ничуть при этом не покривил душой. Он и в самом деле чувствовал себя прекрасно.

...В один из летних дней Алексей Алексеевич Мордвинов стоял на мостике парохода. На флагманском корабле экспедиции поднялись два сигнальных флага. Один из них означал порядок построения, второй был приказом к отплытию.

Выполняя приказ, корабли с баржами на буксирах встали каждый на свое, заранее назначенное место, и весь флот, перекликаясь гудками, двинулся на север.

Впереди были льды, туманы, бури. Впереди лежал суровый океан... Но и льды, и туманы, и бури Алексей Алексеевич не раз видел в молодости. Он и поехал сюда потому, что лучше других инженеров знал, что ждет их сормовский флот в этом трудном походе. И теперь, проработав полгода, он был уверен, что к любой неожиданности арктического плавания и люди и корабли готовы.

Ему, собственно говоря, больше нечего было делать. Он оставался тут на случай чрезвычайного

происшествия, а никаких чрезвычайных происшествий — он это знал — в экспедиции не должно быть и не будет. Он стоял на мостике, в бинокль оглядывал горизонт, любовался сверкающим морем и вспоминал молодость.

Зато у флагманов, капитанов и летчиков началась боевая пора. Рыча моторами, серебряные самолеты стремительно уносились на север и на восток; воздушные штурманы «засекли» движение ледяных полей, синоптики каждый час исправляли прогнозы погоды. Радисты на самолетах, на кораблях, на далеких полярных станциях, разбросанных во всех концах Арктики, выстукивали ключами длинные очереди сигналов. А на флагманском корабле, склонившись над картами, прижатыми к столу свинцовыми гирьками, опытные полярники сличали сводки, обсуждали обстановку и выбирали тот единственно верный путь, который должен привести к победе.

Белое море осталось позади. По правому борту проплыл в тумане мыс Канин Нос, и слева на горизонте открылся остров Колгуев.

Стоя на мостике, Алексей Алексеевич беседовал с молодым капитаном. Вдруг он заметил в море узкие, как кинжалы, черные плавники касаток. Касатки неслись куда-то, обгоняя друг друга. Иногда, играя, они выбрасывались из воды, как черные торпеды, и, блеснув на солнце белым брюхом, снова пропадали в волнах...

Проводив глазами стаю морских хищников, Алексей Алексеевич обернулся к капитану.

— Разыгрались, — сказал он, — будет буря.

— Ну что ж, — ответил капитан, улыбаясь. — Мы поспорим и помужествуем с ней!

И вот буря началась. Вода потемнела. Холодный ветер засвистел в снастях. Шквал за шквалом понеслись над морем, закручивая белые гребни на волнах. Волны росли с каждой минутой. Они упрямо, неумолимо накатывались на низкие борта, хо-

лодными потоками рушились на палубы, грозя раздавить корабли. Они валили корабли с борта на борт, высоко поднимали их на гребнях и бросали в провалы, кипящие соленой пеной... Тяжелые баржи кланялись за кормой и дергались, грозя обрвать стальные канаты. Грозное море шумело. Птицы тучами носились над волнами, а с чистого неба на весь этот хаос бушующего океана лились потоки лучей незаходящего полярного солнца...

Но как ни злилось море, как ни свистел ветер, красные флаги по-прежнему гордо развевались над кораблями и караван в прежнем строю шел, упрямо пробиваясь вперед. И когда ураган, выдыхаясь в неравной борьбе, словно собрав последние силы, еще яростнее заревел над волнами, корабли уже пересекли открытое море и один за другим укрылись в просторной бухте, под защитой острова Вайгач.

За Югорским Шаром стоял сплошной лед. Даже ледокол не смог бы пробиться сквозь него. Но там, где нельзя идти напролом, человеку помогает знание.

Синоптики выследили легкие ветерки, дувшие откуда-то с юга. Они знали, что эти ветерки окрепнут, превратятся в шторм, и, как ни крепки льды в Карском море, ветер сломает их, прогонит на север и откроет путь каравану.

И люди ждали. И день, и два, и неделю. Ждали и знали, что все равно дождутся победы...

Наконец лед тронулся. Снова взвился сигнал «К походу». Круто взяв на север, корабли двинулись в последний переход. И тогда побежденный океан бросил в бой свой последний резерв — туман. Сплошной пеленой он спустился на море и ослепил людей.

Но люди знали: впереди, за туманом, есть лед. Вчерашний враг превратился в союзника. Осторожно, перекликаясь гудками, корабли вплотную подошли к кромке, забросили на лед якоря и медлен-

но поплыли вместе с ледяным полем. А когда туман рассеялся и снова засверкало море, они построились в походный порядок и пошли дальше, к проливу Малыгина... Впереди открылись Обская губа, Енисейский залив. Льды и штормы, туманы и метели остались далеко за кормой. Впереди была победа.

Когда Сережа сдал последний экзамен, Алексей Алексеевич вместе со своим кораблем проходил мимо Дудинки. В Игарке его ждала телеграмма: «Перешел седьмой класс. Сережа».

В этот день, отправляясь в школу, Сережа в дверях встретился с почтальоном:

— Мордвинову Сергею Алексеевичу, — сказал почтальон, протягивая телеграмму.

Сережа прочитал скупые слова, пролетевшие тысячи километров, через тундру и горы, через тайгу и реки, слова, написанные сильной папиной рукой всего несколько часов назад: «Поздравляю, желаю успехов, всегда был уверен в тебе. Собираюсь домой...»

В тот же день Сережа прочитал в газете другую телеграмму: правительство поздравляло коллектив экспедиции с образцовым выполнением задания.

И хотя, конечно, к Сереже Мордвинову эта телеграмма прямого отношения не имела, ему почему-то казалось, что в этой большой победе есть скромная доля и его труда.

КОМСОМОЛЬСКИЙ ЭКИПАЖ

Я ехал один на сереньком, выдавшем виды «Москвиче». Лето было в разгаре, и я боялся, что за Уралом встретят меня выжженная трава, тучи горько-соленой пыли и нестерпимый зной. Но как раз перед моим приездом обильные дожди досыта

напоили степь, и все кругом радовало глаз по-весеннему свежей зеленью.

Наезженная грунтовая дорога, плотная и гладкая, как ремень, мягко ложилась под колеса. День кончался. Длинная тень, обгоняя машину, бежала впереди. В небе кое-где кружили хищные птицы. Суслики, стоявшие на часах, заслышав мотор, с тревожным свистом бросились в густую траву.

Вдруг впереди у дороги я заметил что-то вроде высокой буквы «Т». Вспомнилась война. В те годы мне много приходилось плутать по задонским и приднепровским просторам, и такие вот знаки, поставленные чьей-то доброй рукой на степных перекрестках, не раз помогали мне выбирать верную дорогу.

«Но здесь-то,— подумал я,— не из чего выбирать: дорога одна...»

И чем ближе подъезжал я к знаку, тем больше разбирало меня любопытство: какую же новость сообщит мне этот скромный степной маячок?

Новость оказалась не из приятных: на суковатой доске, кое-как прибитой к кривому столбику, расплывшимися буквами было выведено: «Мост на ремонте. Объезд 40 км».

«Сорок километров туда, сорок обратно. Это лишний бензин, лишнее время... Нехорошо...» — подумал я. Но спорить все равно было не с кем, и я покорно свернул туда, куда показывала стрелка.

Так я проехал часа полтора. Совсем стемнело. Одна за другой зажигались звезды. Казалось, конца не будет этой дороге. Вдруг вместе с прохладным ветерком донесся откуда-то чуть различимый горький запах костра.

Стало веселее на душе. Я прибавил газ и почти сразу увидел внизу, впереди, слабенький огонек. Осторожно съехав по крутому спуску, я затормозил у самой воды и выключил мотор.

В наступившей тишине стало слышно, как шеп-

чутся о чем-то высокие камыши. Широкий паром, приткнувшийся к берегу, казался спящим морским чудовищем. Под бочок, словно детеныши, прижались к нему две лодки. В неровном свете костра шалаш, сложенный из камыша, был похож на огромную задремавшую птицу.

Лунная дорожка, золотым мостиком перекинувшись через речку, манила на тот берег.

Неожиданно появился откуда-то хозяин степной переправы.

Поскрипывая деревянной ногой, он вышел из темноты и закурил, чиркнув спичкой. Я успел разглядеть изрытое глубокими морщинами, обросшее седой щетиной лицо, жилистую шею, огромные мохолистые руки.

— Здорово, дед! Переправиться можно? — спросил я, не выходя из машины.

— Почему нельзя? Можно, сынок, — ответил он, улыбнувшись беззубым ртом. — Только я бы не посоветовал. Лучше okazji подожди. Дороги здесь не асфальт, а конь-то твой не больно надежный.

— Оно так, — согласился я, — да ведь что поделаешь, спешу.

— Это я понимаю, что спешишь. У нас теперь все спешат. Да спешить-то, однако, тоже нужно с умом, верно говорю: отдохни, ухи похлебаешь, а подъедет кто, вместе и тронетесь. Давай распрягай коня. — И старик опять улыбнулся так приветливо, что я, больше не раздумывая, вышел из машины.

Над костром в самом деле висел чугунный котел с ухой. Старик подал мне чистый солдатский котелок, подал ложку.

— Хлеб-то есть? — спросил он, когда я принялся за наваристую уху.

— Да я так, без хлеба...

— Без хлеба какая еда, — возразил старик. — Ты постой, я схожу... — И он заковылял к шалашу.

Когда старик вылез из шалаша с ломтем хлеба в руке, следом за ним вышел, потягиваясь, стройный парень лет семнадцати.

— Мой старший внук и помощник, Воронов Федор Иванович, — представил старик. — А третий, тот спать у нас мастер, того не скоро разбудишь. А вы кто же будете?

Я назвался.

— Так, — сказал старик. — Значит, про целину написать. Хорошее дело. А я, стало быть, тоже Воронов, Павел Антонович.

Мы помолчали.

— Тихо тут у вас, — сказал я наконец.

— Да ведь как сказать — тихо... — возразил старик.

— У нас, я так думаю, — перебил Федор, — тихих мест совсем не осталось. Уж на что тут была тишина, а поедете, сами увидите, какой звон по степи идет... Как раз к уборке поспеете.

— Да нет, — сказал я, — я не про то. У вас-то тут тишина какая.

— Опять как сказать, — не согласился старик. — С весны, правда, было тут спокойно. Гурты другой раз переправим, случайный какой обоз. По три дня, бывало, стояли. А сейчас дожди... Мост наверху сорвало, понтоны разнесло. Когда еще их соберут, а хлеб на целине не ждет. Вот и тянутся все через нас. Тут другой переправы на сто верст нет.

— Не скучаете, значит?

— Где скучать! Это нынче вот так что-то, а то и днем и ночью как челнок. Другой раз и не поспишь. Да вон, легки на помине, едут. С запада... Слышь, Федя?

— Точно,— сказал Федор, прислушавшись.

Прислушался и я, но в степной тишине ничего не расслышал.

— Ты, Федор, давай Леньку буди да факелы готовь. Похоже, колонна,— сказал старик и, обернувшись ко мне, добавил: — Вот вам и оказия. Сейчас поглядите, как мы тут скучаем.

Федя забрался в шалаш. Минуту спустя он вернулся к костру вместе с мальчиком лет девяти. Спросонья тот тер кулаками глаза и переминался с ноги на ногу.

— Вот теперь вся моя команда в сборе,— сказал Павел Антонович.— Это младший мой внук. Тоже Воронов. Звать Ленькой. Однако уже пионер... Ты давай-ка, Ленька, лодки отчаль да к берегу переставишь. Да глянь, нет ли воды в трюме. А ты, Федор, фонарь зажигай, да будем канаты набивать.

И сразу все ожило на переправе: с треском разгорелся камыш в костре, запылали два ярких факела у спуска, застучали, заплескали весла, фонарь «летучая мышь» яркой звездочкой поднялся к вершине короткой мачты.

Потом все вместе мы навалились на рукоятки ворота, врытого в землю, и пошли по кругу. Ворот заскрипел жалобным скрипом. Тяжелый стальной канат змеей пополз из темноты, виток за витком ложась на толстую колонну барабана, и вдруг, с шумом прорезав реку, взметнулся и закачался снизу вверх, рассыпая звонкие брызги. Потом натянули другой, тоненький ходовой трос, а когда все опять умолкло, в наступившей тишине стало слышно что-то вроде далекого-далекого грома. И словно отсветы заблестали где-то над степью. Гром нарастал, приближался. Потом нетерпеливый, требовательный сигнал прозвучал совсем близко, откликнулся другой...

Мы поднялись на откос и увидели целую вереницу парных огней, бежавших по степи.

Минуту спустя пышущие жаром новенькие, тяжело груженные железными бочками машины уже стояли гуськом у спуска.

Из кабины один за другим выскакивали на землю уставшие от дальней дороги, запыленные, но шумные, веселые и все, как один, молодые шоферы.

Из передней машины вышли двое. Один из них, парень лет двадцати пяти, в ладном комбинезоне, с планшетом на ремне, должно быть старший, шагнул к нам навстречу, властным голосом сказал:

— Начальник колонны Басов. Кто тут хозяин у вас?

— Я тут хозяин,— в тон ему ответил старик.— Шкипер переправы Воронов.

— Переправа готова?

— Готова...

— Тогда грузи, дед, раз готова. Рейс-то сколько у тебя выходит, туда и обратно, по часам? И по сколько машин грузишь?

— Со всем — с причалом, с выездом и с заездом — минут двадцать пять, а то и все тридцать. А грузить по одной.

— Не пойдет,— сказал начальник колонны.— У меня тут тридцать две машины. Это что же, мне до вечера здесь загорать? А ну, пойдем посмотрим...

Он уверенно зашагал к парому, деловито осмотрел въезд, причал, ударил рукой по канатам, из

конца в конец два раза прошагал по палубе, громко стуча каблуками.

— Не пойдет,— повторил он,— по две будем грузить.

— Ишь ведь ты как,— сказал Павел Антонович,— по две... Да кто же тебе по две-то разрешит, гражданин Басов?

— А я и спрашивать никого не стану,— сказал тот беззлобно и, повернувшись к берегу, звонко скомандовал: — А ну, заезжай по две, первая — к носу, вторая — к корме! Пошел!

Головная машина фыркнула и, брызнув по черной воде светом фар, осторожно пошла под гору. Следом за ней двинулась вторая...

— Леня, ты лодки-то подчаль под корму,— тихонько сказал дед и обернулся к Басову: — А ты, милый человек, тут не командуй. Тут я в ответе, я и командир.

Павел Антонович с удивительной быстротой оказался на берегу. Вприпрыжку, смешно взмахивая руками, он заковылял навстречу машинам и вдруг с неожиданной силой в голосе закричал:

— Отставить!

И так решительно, так властно прозвучал этот окрик, что передняя машина, взвизгнув тормозами, стала на откосе как вкопанная.

— Вот я тебе отставлю! — с угрозой в голосе сказал Басов. Шагнув следом за стариком, он повторил еще громче: — По две заезжай, первая — к носу, вторая — к корме!

Машины снова тронулись. Старик, обернувшись к Федору, стоявшему у борта, молча кивнул на лебедку.

Федор без слов понял деда. Небрежным, но точным ударом ноги он сбросил причальную петлю, неслышно подошел к лебедке и закрутил рукоятку. Тонкий ходовой трос натянулся. Паром плавно отвалил и медленно отошел от причала.

— Паром! — крикнул кто-то на берегу.

Басов одним прыжком вернулся к речке, но было уже поздно: метра три темной, глубокой воды отделяло паром от причала.

— Ну подожди ж ты, старый ворон! — в сердцах проговорил Басов.

— И подождем,—невозмутимо ответил старик.— Нам не к спеху...

— Силен!—возмутился начальник колонны.— Смотрите на него: на целине хлеб поспел, там комбайны стоят без горючего, минуты на счету, а ему «не к спеху»! — передразнил он.— Да ты понимаешь, что говоришь?

На берегу зашумели. Со всех сторон, с угрозами надвигаясь из темноты, тесной толпой обступили паромщика здоровые молодые парни. Казалось, вот-вот они сомнут старика. А он спокойно переждал, пока стих шум, и сказал рассудительно:

— Я-то все понимаю, а вот ты, видно, молод все-то понять. Ну, погрузим мы по-твоему, по две. Встать-то они встанут — палуба широкая,— да ведь груз-то какой! Хорошо, как по-хорошему, а ну как неладно выйдет со спешкой-то с вашей! Посуда валкая, чуть качнет — и сыграет машина за борт. Потопим паром, и будете вы здесь стоять. Да не вы одни... Тут теперь магистральная линия. А там хлеб поспел...

— Первый раз, что ли, нам на пароме? Авось не потопим,—сказал Басов.

— На авось в таком деле надежда плохая,—возразил старик.— Тут расчет требуется. Спешить-то, парень, тоже нужно с умом...

— Брось-ка ты демагогию разводить! Скажи проще: шкуру свою бережешь?..

— Моей шкуре цена небольшая. Я, сынок, тут как часовой у моста. Я не шкуру берегу, а коммуникацию.

— Ишь какие слова знает! — усмехнулся Басов.— Ну ладно, дед, давай налаживай свою «коммуникацию». Не век же нам тут стоять.

— А как ладно-то? По-твоему или по-моему?

— Выходит, по-твоему. Не драться же с тобой. Эй, парень, как тебя, Федя, что ли, давай причаливай!

— Постой, Федор,— крикнул старик,— постой, не спеши! А ты мне, Басов, давай по всей форме слово. Вот тут и товарищ из центра, корреспондент, послушает. А то ведь ты, видать, горячий: причалим, а ты опять скажешь: «По две!»

— Ладно, честное комсомольское: по одной! Только, старый грач, как начнешь икать, так и знай: это мы тебя не добрым поминаем. Это же восемь лишних часов!

— Ну давай, Федя, чалься! — негромко крикнул паромщик.— А икать буду ли, нет ли, мое дело. Мне икать не привыкать. Всем-то не угодишь...

— «Всем»!..— с досадой сказал Басов.— Мы разве «все»? Мы не «все», мы комсомольская колонна. Понятно? Да где тебе такое понять! Ты и молодым-то не был. Так небось без зубов и родился.

— Ты зато больно зубастый! — усмехнулся старик.— Давай, зубастый, грузи, да потихоньку, не горячись...

Грузовик медленно вкатился на причал. Заскрипели толстые горбыли, паром мягко осел под тяжестью груженной машины. Старик сам командовал, где встать, сам подложил колодки под скаты и снял причальные петли.

Взявшись вчетвером за рукоятки, мы стали крутить лебедку. Мокрый трос побежал, похрустывая, по блокам. Берег медленно отступил. Там, на берегу, толпились люди, красным коптящим пламенем полыхали факелы, догорал костер...

— А насчет комсомола ты зря,— сказал Павел Антонович, не бросая рукоятки.— Тебя еще и в помине не было, а я уже комсомольский билет носил. И с белыми сражался комсомольцем, и ногу в боях

потерял. Федор вот — внук он мне — тоже комсомолец. А там, глядишь, и Ленька подрастет, комсомольский значок получит. Долго ли? Так что, выходит, не вы одни, Басов, комсомольцы-то. У тебя комсомольская колонна, у меня комсомольский экипаж, только и разницы.

— Ишь какой комсомолец отыскался! — усмехнулся начальник колонны. — Разве такие, как ты, комсомольцы-то? У нас знаешь как: риск, напор, раз, два — и готово! А с твоей «комсомольской» командой мы сутки тут проболтаемся. Рискни, дед, а? Тряхни стариной!

В это время паром подвалил к причалу. Старик сам набросил причальные петли, вынул колодки и, подняв руку, скомандовал:

— Давай не спеша!

Машина скатилась на берег и, тяжело урча, полезла в гору. Скоро она пропала из глаз. Только красный сигнальный огонек был виден в густой темноте. Потом и он погас. Мотор замолчал, и шофер спустился к парому.

И опять заскрипела лебедка, и опять, чуть поплескивая, пополз по воде паром.

Поднеся руку поближе к фонарю, Басов взглянул на часы.

— Первый час, — сказал он, ни к кому не обращаясь. — По тридцать минут... Это к вечеру только управимся... Эх, дед, — хлопнул он старика по плечу, — кровь в тебе остыла! Рискни: возьми по две! Тряхни стариной. Риск — благородное дело!

Старик ничего не ответил. Бросив рукоятку, он проковылял по палубе взад и вперед, глянул за борт, посмотрел на берег, на другой.

— Буксирных тросов много у тебя? — спросил он неожиданно.

— На всех машинах. А что? — не понял начальник колонны.

— А вот что: сейчас, как подойдем, давай разгружай бочки прямо в воду. Свяжем их и возьмем

на буксир. А машины порожнем можно и по две поставить. Ясно тебе?

— Дело! — сказал Басов. — Ишь ты, старый грач, что удумал! Молодец! А не утопим, не растрясем?

— А это не твоя забота: чалить Федор будет. Он не смотри, что молодой, он с головой парень. Ты ему двоих в помощь дай, больше и не надо... Четверых на разгрузку поставь, шестерых на погрузку, туда. — Дед рукой показал на тот берег. — Двоих на расчалку. Это, выходит, двенадцать. А остальным, чтобы под ногами не толкались, кашу варить. Харчи-то есть у вас? А котел я дам.

Когда паром причалил, Басов быстро распорядился.

Съехав к воде, машины одна за другой разворачивались, потом на них раскрывали борта, скатывали тяжелые бочки в реку и, набросав стальные петли, чалили под корму парома. Дело спорилось. Две порожние машины осторожно въехали на паром. И снова закрутилась лебедка, и снова поплыл назад берег, отступая в темноту. А за кормой неясным пятном, вроде большого редкого плота, тянулись на три четверти затонувшие бочки.

А у костра копошились повара. И не прошла еще короткая летняя ночь, все свободные от рабо-

ты уже сидели кто где с котелками, полными горячей, дымившейся на холодке каши.

Потом над тем берегом загорелся рассвет. Потом встало солнце. В дневном свете растаяла вся сказочная прелесть степной переправы. Истоптанная сотнями ног и колес, земля казалась страшной раной на спокойном зеленом берегу. И повсюду на этой земле, раскинув руки, лежали утомленные работой сильные, молодые, здоровые люди. Басов тоже вздремнул под утро.

А старик так и не сомкнул глаз. Он придирчиво проверял, так ли наброшены петли, так ли встали машины, сам подкладывал колодки под колеса, сам вынимал их...

Когда вкатилась на паром последняя машина, примостил рядом с ней и я своего «Москвича».

На том берегу бензин уже погрузили. Машины, готовые к дальнему рейсу, стояли одна за другой. Шоферы ждали сигнала.

— Вот у нас какая тишина,— сказал Павел Антонович, протянув мне руку на прощание.

Я не успел ответить: с передней машины раздался сигнал. И вдруг, раскрыв дверцы кабин, встав, как один, на подножки, в тридцать три глотки шоферы дружно гаркнули:

— Комсомольскому экипажу шкипера Воронова спасибо!

Потом тридцать две sireны трижды прокричали хором.

Одна за другой машины с полным грузом горячего дружно тронулись на восток, на комсомольскую целину.

А на борту парома стоял весь экипаж Вороновых. Только Федя и Ленька были очень серьезные, должно быть устали за ночь, а Павел Антонович приветливо махал, как флагом, красной от ржавчины огромной рукой и широко улыбался.

САМЫЙ МАЛЕНЬКИЙ

Костя Великанов и годами и ростом был меньше всех в отряде, и поэтому жилось ему в лагере совсем плохо.

Никто, конечно, Костю не обижал. Не в этом дело. Наоборот, каждый старался приласкать его, пожалеть, услужить ему чем-нибудь, и особенно отличались в этом старшие девочки. С утра до ночи они носились с Костей, как с куклой, тормошили его, будто он не живой, а когда в лагерь приезжали гости, девочки выводили Костю за ручку, гладили по головке и приговаривали:

— А вот это Котик Великанов, самый маленький наш пионер. Мы все его очень любим...

А Костя стоял, насупившись, как молодой бычок, и, чтобы не расплакаться, упрямо молчал. Уж очень не любил он всякие нежности. А нежности, как назло, так и сыпались на него со всех сторон.

И только после отбоя, когда лагерь затихал до зари, Костя становился самим собой — то смелым разведчиком, то лихим моряком, то отважным летчиком-испытателем... И тогда один за другим совершал он смелые подвиги, но только, конечно, во сне.

А утром опять начиналось все сначала: под надежной охраной заботливых друзей Костя шел умываться; он долго и упорно чистил зубы, старательно мылил шею, еще старательней смывал мыльную пену и поскорее вытирал насухо, опасаясь, как бы кто-нибудь из старших товарищей не взялся помогать ему и в этом деле.

Потом Костя аккуратно застилал свою маленькую кроватку, по всем правилам завязывал галстук и, когда горн созывал пионеров на линейку, покорно становился на левый фланг.

Стоять на левом фланге и без того обидно. Но еще обиднее стоять на левом фланге и слушать, чем отличились старшие ребята. А в лагере, где жил

Костя, каждый день непременно кто-нибудь чем-нибудь отличался. И Костя каждый день смотрел, как герой твердой поступью подходит к мачте и поднимает флаг...

Вот вчера, например, заблудилась в лесу чья-то девочка. Андрюша Старосад встретил ее, утешил и вывел на дорогу. Третьего дня Марина Орехова отличилась — набрала больше всех грибов... А сегодня, еще только день начался, еще до зарядки, девочки упустили бадейку в колодец, а Миша Кротов из первого отряда сделал «кошку» из проволоки вроде якоря, достал бадейку, и теперь только и разговоров в лагере, какой Миша молодец.

А думаете, Костя не вывел бы девочку из лесу? Вывел бы сколько угодно, дороги он не хуже других знает... а пойдика выведи, если тебя самого целый день водят, как пленника, да еще приговаривают на каждом шагу:

— Котик, не оступись... Котик, не поскользись... Котик, не утомись!

А грибы... Много их наберешь, когда тебя каждую секунду окликают:

— Смотри, Котик, какой красивый грибок!.. Погляди, Котик, какой интересный жучок!.. Понюхай, Котик, какой цветочек я нашла!..

И бадейку достал бы Костя. Он бы и в колодец слазил, не испугался бы... Лазают он, как кошка, и ничего на свете не боится. Да кто же его пустит к колодцу? Он и подойти туда не смеет. Хотел как-то раз помочь ребятам воды принести, так еще и подойти не успел — со всех сторон закричали:

— Осторожно, Котик, не свались, утонешь! Смотри, сандалики не промочи, там сыро!

«Вот тут и совершай подвиги», — грустно думает Костя и смотрит, как Андрюша Старосад, ловко перебирая загорелыми руками белый шнурок, поднимает лагерный флаг.

Вот и посудите сами, каково жилось Косте в лагере. А тут еще случилось так, что собрались ребята в поход, на речку Горетовку, туда, где баржи строят. Решили там, на речке, искупаться, сварить обед на кострах под горой и к вечеру вернуться домой. Поход небольшой, но как только заговорили о нем, так сразу и вспомнили:

— А как же Котик? Все-таки семь километров туда да семь обратно... Устанет, чего доброго, не дойдет...

Даже заспорили ребята. Одни говорят:

— Ничего, дойдет как-нибудь.

Другие кричат:

— Не дойдет, где ему!

А Костя молчал, кусал губы, смотрел в землю и ждал, чем кончится этот, такой обидный спор...

А кончился он все-таки правильно. На счастье, нашелся у Кости настоящий защитник — преподаватель физкультуры Константин Георгиевич.

— Это как же получается? — сказал он. — Как пирамиду строить, так Костю Великанова на самый верх, а как в поход, так, значит, и без Котика можно? Никуда это не годится. Зря вы моего тезку обижаете. А по-моему, так, ребята: Костя пионер? Пионер! Поход пионерский? Пионерский... Значит, и говорить не о чем. Ну, а если уж очень устанет, я его, в крайнем случае, сам донесу. Весу-то в нем тридцать килограммов.

В тот же день Константин Георгиевич распорядился, чтобы готовили рюкзаки, походное снаряжение, чтобы маршрут хорошенько изучили и послезавтра чем свет — «в дорогу дальнюю, дальнюю...»

И вот в воскресенье, еще затемно, запел горн.

Ребята вскочили, как на пружинах, быстро умылись, сделали зарядку, перекусили в столовой и построились по-походному — кто с тяжелым рюкзаком за плечами, кто с ведром в руке, кто с топором, кто с большой кастрюлей. Один Костя в белой панамке, как всегда, стоял на левом фланге и держал руки по швам. Из всего походного снаряжения на его долю пришлось одна зеленая кружечка, да и ту он привязал к поясу ремешком...

Константин Георгиевич вышел на крыльцо, скомандовал:

— Колонна, смирно!

Встали смирно. Константин Георгиевич еще раз окинул глазами ребят и спросил:

— Все ясно? Вопросов нет?

Он хотел было уже скомандовать: «Шагом марш!», — но тут заметил, что Костя поднял руку.

— Что у тебя, Великанов? — спросил Константин Георгиевич.

— Ничего, — сказал Костя, — мне бы дали чего-нибудь еще, Константин Георгиевич, а то все вон сколько несут, а у меня никакой общественной нагрузки.

— И то правда, — улыбнулся Константин Георгиевич, — да только что же тебе дать? А ну-ка, вот что... — Он достал из кармана коробок со спичками и протянул Косте. — Вот тебе нагрузка. Держи, неси и храни как зеницу ока. И не смотри, что в ней весу немного: мал золотник, да дорог! Это, брат, самый важный груз... — И, глянув на ребят, которые начали было улыбаться, добавил серьезно: — А вы как же думаете? Пропадут спички, нечем будет огонь развести. Огонь не разведем — костры не разожжем, костры не разожжем — обед не сварим, голодные домой придем... Это такой груз, что с ним шутить не приходится. Почетный груз, можно сказать. Ну, все теперь? Запевалы — вперед! Шагом марш!

И зашагали ребята в походном строю.

Сначала шагали по дороге, потом по лесной тропинке, потом вышли в поле...

И Костя шагал не хуже других. И совсем ему нетрудно было идти под веселую песню, и очень было приятно, что тут в походе никто к нему не пристает ни с какими заботами. А еще приятнее было то, что идет он не просто так, а несет важный груз.

«И что бы ни случилось,— думал Костя,— а уж я его донесу, оправдаю доверие, покажу, что мне и не такие дела можно поручать...»

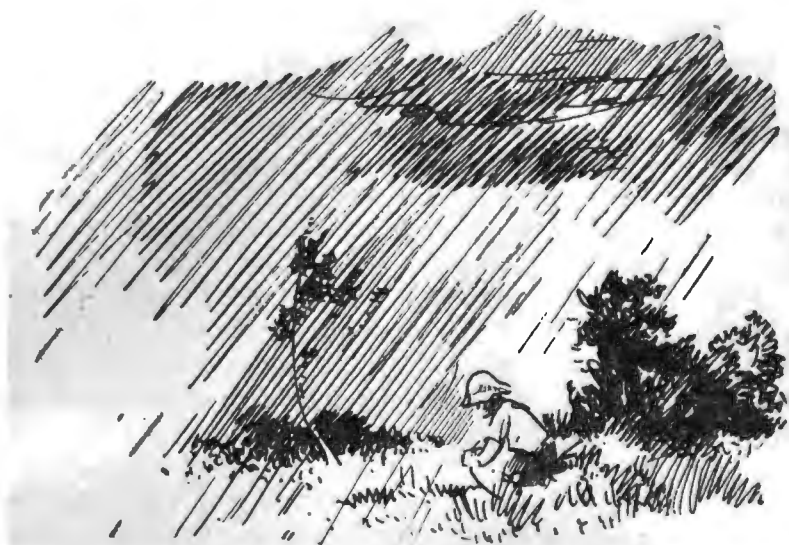
И пока шли, совсем размялся Костя. Представилось ему, что это не спички, а секретный пакет особой важности, а на дороге не кусты стоят, а притаились враги... Или вот так: он летит на самолете и везет, только не спички, конечно, а что-то очень важное, и тут случилось что-то очень страшное, а он не растерялся... Или вот так еще: он на подводной лодке, и ему приказано прорваться сквозь все заграждения...

«Эх,— думает Костя,— когда же все это будет? Да и будет ли когда-нибудь?.. Вот я всю жизнь прожил, а ничего такого, особенного со мной ни разу не случилось. Ну, вот теперь дали мне поручение... Хоть бы напал на меня, что ли, кто-нибудь, а то ведь опять, наверное, ничего не случится».

И вот когда Костя додумал до этого места, тут как раз и случилось. Да такое случилось, чего Костя никак не ожидал.

Уже и берег Горетовки показался впереди, уже и баржи стало видно. Уже близился к концу поход...

Вдруг сразу налетела из-за леса тяжелая низкая туча, закрыла солнце. Потом ослепительным блеском сверкнула молния, и одинокая береза, стоявшая у самой дороги, раскололась пополам и вспыхнула, как свечка, и такой грохот прокатился по полю, что ребята бросились врассыпную, кто куда, в кусты... А потом такой дождь хлынул с неба,

что сразу промочил на Косте и панамку, и курточку, и штаны, и полминуты спустя на нем сухой ниточки не осталось.

Он сидел, скорчившись комочком, выглядывал из-под мокрой панамки и смотрел, как ребята напрасно стараются спастись от дождя под редкой листвой кустов. И хоть очень неудобно ему было, и мокро, и холодно, он сидел, не шевелясь и так просидел до тех пор, пока не прошла черная туча, не выглянуло солнце и не сбежались со всех сторон мокрые насквозь ребята.

— А ну, быстро становись! Бегом марш! — скомандовал Константин Георгиевич.

И ребята, продрогшие от дождя и от холодного ветра, весело побежали вперед, шлепая босыми ногами по сверкающим лужам. И Костя тоже бежал, только он бежал очень осторожно, все время глядел под ноги и скоро стал отставать...

Впрочем, и бежать-то осталось совсем недалеко, и минуту спустя самые быстроногие уже добежали до берега и стали раскапывать груды стру-

жек, сваленных под горой. Там, под мокрыми стружками, почерневшими от непогоды, оказались совсем сухие, золотистые стружки. И к тому времени, когда подтянулись к речке тылы похода с ведрами и с кастрюлями, под защитой горы уже сложено было четыре больших костра. Только костры эти не горели, и ребята, сколько ни искали, так и не могли найти ни одной сухой спички.

Были спички у Андрюши Старосада, да так размокли, что у них даже головки расплылись... Были спички у Марины Ореховой, да она, как ударил гром, все растеряла с испугу, а потом все нашла, а спички так и не нашла...

И когда Константин Георгиевич подошел и посмотрел на эти сухие, готовые пылать и греть костры, он тоже полез было в карман, да вспомнил, что отдал спички Косте, и только рукой махнул. А тут и Костя подошел. Подошел, встал и молчит.

— Вот, брат, видишь! — сказал Константин Георгиевич. — Плохо наше дело. Теперь были бы и сухие и сытые, а то будем, голодные да холодные, зубами лязгать, как волки. Не уберегли мы спички...

— А я уберег, кажется... — сказал Костя и протянул Константину Георгиевичу сухой коробок.

Константин Георгиевич посмотрел на Костю, посмотрел на спички, открыл даже коробочку, опять посмотрел на Костю и, наконец, спросил:

— Да как же ты их уберег-то?

— А я коробочку засунул в кружечку, а снизу прикрыл ладошкой. Вот так, — сказал Костя. — Сперва неловко было, у меня кружечка на ремешке висела, а потом я отстегнул, а тогда уж было совсем ничего...

— Эй, костровые, — весело крикнул Константин Георгиевич, — давай разжигай, спички есть! А Костя наш, ребята, молодец, просто золото! Смотрите, какая смекалка!

Минут через пять жарким пламенем пылали

высокие костры и пар валил от мокрой одежды ребят. Всем стало тепло и весело, и не верилось, что так недавно все дрожали от холода и не могли придумать, чем разжечь огонь...

А еще через час, когда все основательно высохли и плотно пообедали, никто уже и не вспоминал о недавнем дожде, о страшной молнии и о черной туче...

Только утром, на линейке, вспомнили все это, когда старший вожатый громко, на весь лагерь, произнес:

— Пионер четвертого звена шестого отряда Великанов Костя — на флаг!

И Костя гордой поступью подошел к мачте, и, послушный его маленьким умелым рукам, побежал к вершине мачты алый пионерский флаг.

А с двух сторон дробным громом гремели барабаны, и горны звонко пели о том, что даже самый маленький пионер может сделать большое дело.

РАССКАЗ УЧИТЕЛЯ

Лето я провел на каспийских промыслах и теперь на попутном катере возвращался с моря. Жестокий шторм, бушевавший четверо суток, стих, и с ночи стоял полный штиль.

Пробираясь протоками волжской дельты, мы все утро любовались сочной зеленью берегов, а в полдень, распрощавшись с попутчиками, я сошел

с катера и по раскаленной солнцем земле зашагал к пристани.

Тут, в знойном мареве, стоявшем над рекой, показалась корма уходящего парохода. Я прибавил шаг, но сразу понял, что спешить уже некуда, сбросил с плеча тяжелый вещевой мешок и устроился в тени могучего осокоря, чтобы обдумать свое положение.

Следующий пароход — так значилось в расписании — придет через сорок восемь часов. Невеселое дело — скучать двое суток. Но «нет худа без добра»: мне давно хотелось выкроить денек-другой, чтобы побродить по лабиринту узких протоков волжской дельты.

Буханка хлеба, соль, спички, табак, пара лесок с крючками, полог от комаров — все это было в моем мешке, и, не раздумывая больше, я пошел добывать лодку.

А час спустя на маленьком остроносом кулесе я уже плыл по узкой протоке, все глубже и глубже забираясь в глушь прикаспийских джунглей.

Узловатые, кривые ветлы с пышными кронами молча стояли по сторонам. В две шеренги, как на параде, выстроились вдоль берегов высокие густые камыши. Беззвучно парили коршуны в синей вышине, беззвучно вышагивали по отмелям серые цапли... Удивительная, неправдоподобная тишина царила вокруг. И только весла поскрипывали и всплескивали, погружаясь в неглубокую теплую воду, заросшую широкими красноватыми листьями водяного ореха. Листья нехотя расступались, пропуская кулас, но тут же сходились вновь и плотно затягивали водную дорожку за кормой.

Так, лениво шевеля веслами, я плыл, медленно продвигаясь вперед. Вдруг вечерний бриз прошумел в камышах и напомнил мне, что пора подумать о ночевке.

Я приналег на весла. Вода забурлила вдоль бортов. Один за другим оставались за кормой заливы,

мыски... Наконец я облюбовал круглый, как курган, островок, заросший деревьями, и направился прямо к нему. Выбирая, куда бы лучше пристать, я заметил, что островок уже занят: у подножия высокой ветлы дымился костер.

Я было свернул в сторону, но передумал: кто бы ни оказался хозяином костра, делить нам нечего, а места для ночлега хватит и на двоих.

Я взял круто к берегу. Кулас с разгона врезался носом в камыши. Бросив на траву маленький якорь, я придавил его ногой, подошел к костру и сел, поджидая хозяина.

Скоро он показался.

В старой брезентовой куртке, в коротких резиновых сапогах, с ружьем в руке, он шел, уверенно ступая по косогору. Когда он подошел поближе, стало видно его уже немолодое лицо, короткие светлые волосы, мелкими колечками лежавшие на голове, тонкие пальцы рук. Он снял дымчатые очки в роговой оправе и взглянул на меня добро-

душно-удивленными светлыми глазами. Повесив ружье на сучок, он достал из кармана портсигар, молча предложил мне папиросу и только после этого сказал:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, — ответил я, и мы закурили.

Так, дымя папиросами, мы посидели у костра, помолчали, внимательно поглядывая друг на друга, и вдруг заговорили сразу обо всем: о погоде, о путине, о Москве, о новых книгах, о Волге...

Тут какая-то птица протяжно прокричала резким голосом. Мы замолчали и посмотрели вокруг. День кончался. Наш островок обступили причудливые черные тени. Со всех сторон быстро надвигался полумрак. И только высоко в небе еще горели розовым светом легкие перистые облачка.

— Будет шторм, — сказал мой собеседник, посмотрев на небо.

— Да, будет шторм, — согласился я и почему-то вспомнил случай, свидетелем которого мне пришлось быть совсем недавно.

...Десятка полтора рыбацких парусных лодок — реюшек — длинной колонной стояли за кормой плавучего рыбозавода. Ветер крепчал. Волны с каждым ударом злее кидались на маленькие кораблики, и с каждой волной реюшки все ниже кланялись мачтами, дергаясь на якорях.

Вдруг одна из них поклонилась особенно низко, потом выпрямилась и понеслась по ветру, набирая ход. На палубе стояла девушка. Больше там никого не было.

Со всех судов кричали что-то, но девушка растерялась. Она не слышала или не понимала сове-

тов и, крепко держась за мачту, смотрела вперед, в открытое море.

А мы столпились на корме рыбозавода и ничем не могли помочь. Мы знали, конечно, что девушка не погибнет. Но прежде чем разогреют мотор на катере, прежде чем догонят реюшку и возьмут ее на буксир, пройдет немало времени.

Вдруг на палубе задней реюшки что-то произошло. Все обернулись туда. Посмотрел и я.

В бинокль хорошо было видно, как мальчик лет пятнадцати, не больше, сбросил курточку, снял сапоги, вниз головой кинулся в море и, далеко выбрасывая руки, поплыл саженками наперерез уходящей реюшке.

Сначала казалось, что мальчик не успеет. Реюшка уже поравнялась с ним, а ему еще оставалось проплыть метра три-четыре. Но он продолжал плыть вперед и, поймав конец каната, тянувшийся по воде, ловко вскарабкался на борт и сразу же начал распоряжаться, как настоящий капитан.

Девушка помогала ему. Вдвоем они подняли парус. Мальчик встал в руль и двумя галсами умело подвел суденышко к борту завода. Сверху бросили прочный канат. Мальчик завязал его крепким узлом. Реюшка качалась рядом с другими, а мальчик по канату перебрался на палубу завода. Его окружили. Он стоял все еще взволнованный, но старался улыбаться...

Я рассказал этот случай. Мой собеседник внимательно выслушал рассказ, помолчал, закурил папиросу.

— Да, конечно,— сказал он наконец,— поступок мужественный. Но мужество — понятие широкое. Взять хоть этот случай. Хорошо, что все так получилось: и успех, и зрители... Ветер... море...— добавил он, помолчав.— Ведь иногда сама обстановка располагает к мужеству. А бывает и так, что ничего как будто хорошего и не сделал человек, а разберешься, подумаешь... Тоже, знаете, мужество необходимо.

Вот, позвольте, и я вам расскажу случай. Только уж разрешите сначала представиться: Казаков Степан Павлович, здешний учитель... Будем знакомы.

Так вот: есть у меня два ученика — Власов и Овчинников. Оба Иваны, и оба прекрасные, должен сказать, ребята. Власов очень способный, живой такой мальчик, двух минут не посидит на месте. Вечно взволнован чем-нибудь. Вечно тысячи сомнений у него в голове, тысячи планов, тысячи вопросов на языке. Читает запоем, память отличная, к тому же изобретатель и музыкант... Но рассеян, не без того.

А Овчинников — этот совсем в другом роде. Положительный, рассудительный ученик. В классе сидит солидно, двигается спокойно, у доски лишнего слова не скажет. Он и фигурой покрепче Власова, и ростом много выше. Ну, а недостаток живости ума восполняется у него завидной работоспособностью. Впрочем, и тот и другой идут на круглых пятерках, и так уже не первый год.

А летом оба, конечно, рыбалят. Они и сейчас в море, а прошлым летом промышляли на реке. Взяли бударки, получили задание и, нужно сказать, отлично провели путину. Даже слишком, пожалуй... Ведь рыба, если ловится хорошо, другой раз так увлечет, что и голову потеряешь, все забываешь — только бы поймать. Да вот хоть я: заберусь сюда отдохнуть, и, смешно сказать, на уху мне пару лещей всего и нужно. А ведь целый день сижу

с удочкой. Поймаю леща и выпущу, поймаю и выпущу. Для чего, спрашивается? Я вам скажу, в чем тут дело: азарт... А там тем более: план, соревнование. Не мудрено, что и вовсе затянет.

Мои мальчуганы работали на самовниках. Это длинный такой перемет с сотнями крючьев.

Сначала Овчинников шел впереди. Оно и понятно, силенки у него побольше.

Но скоро Власов стал поджимать. Пронюхал где-то уловистые места, чего-то «колдовал» с наживой, поджаривал, кажется, саранчу... Но так или иначе, к концу лета он вышел на первое место в колхозе и получил переходящий вымпел. Это и для взрослого рыбака лестно, а для мальчика и по-давно.

Представляете: идет такая фигура к приемке, поднимет вымпел на мачте, и—милости просим!—сдавайте улов вне очереди, получайте расчет и премию... Почет лучшему рыбаку...

И загордился наш Власов. Эдакий гонор у него появился. И вот этот гонор с путины он принес прямо в класс. Всюду хотел быть первым, и часто без достаточных оснований.

Тут случилось, что в Астрахани на зимних каникулах решили провести слет юных математиков. Нам выделили два места, и кандидатов на эту поездку должен был отобрать педсовет.

Для наших ребят такая поездка — великий праздник. И, конечно, старались все, как один. Даже те, которые обычно не вылезали из троек, не хотели терять надежды. И тетрадки стали чище, и чертежи аккуратнее... Про Власова и Овчинникова и говорить нечего. Но была и у них конкурентка — Тоня Орлова, тихая такая девочка, с отличными способностями по математике.

Эти трое уверенно шли впереди, и так ровно, что мы стали просить область дать нам еще одно место на слете. Уж очень не хотелось нам кого-нибудь из них обидеть.

Зимой почта к нам ходит не особенно скоро. А тут еще были заносы. Но мы терпеливо ждали ответа из области и пока что не выносили решения. И вот тут случилось происшествие, которое заставило меня порядком и подумать и поволноваться.

Я назначил контрольную по алгебре в седьмом классе. Как всегда, перед уроком написал на доске задачи для «левых» и для «правых», раздал тетради и сел у окна.

Прошло минут двадцать — Ваня Власов поднял руку и первым сдал тетрадь. Потом Тоня Орлова, потом другие ребята, а Овчинников, как всегда, перед самым звонком положил тетрадь на стол и, не торопясь, вышел из класса.

А дома я раскрываю работы... и не поверите: у Власова в ответе в знаменателе вместо « $a + v$ » стоит « $a - v$ ». Проверил. В решении все верно... Ошибкой, конечно, считать нельзя. Скорее описка, но описка существенная. Результат небрежности. А за небрежную работу не могу же я поставить пять. Ставлю четверку и представляю, какой это будет удар для Власова...

Утром раздал тетради... Вдруг после урока подходит Власов.

— Степан Павлович, — спрашивает, — а почему у меня четверка?

— Не помню, Ваня, — говорю я, — ну-ка, покажи.

Он подает мне тетрадь, раскрывает, и вижу: в знаменателе плюс...

— Прости, — говорю, — Ваня, я, вероятно, ошибся, — и тут же ставлю жирную пятерку. Ставлю, а сам чувствую, как краснею от обиды и от стыда...

А Ваня стоит, хочет улыбнуться, но губы у него дрогнули, и вместо улыбки получилась жалкая такая гримаска...

Весь день я ходил сам не свой. Такое было чув-

ство, точно потерял близкого человека. Только не верилось, что это навсегда. Ведь мальчик-то хороший, неужели сам не поймет, что он сделал? Видно, и ему было не легко... Он как-то сразу завял, посерел... Или это казалось мне?

Как раз в этот день пришел и ответ из области. Нам дали третью путевку, и Власов все равно поехал бы со своей четверкой — теперь этот балл ничего не решал.

Но он-то не знал об этом. Наоборот, кто-то из ребят сказал, что едет Орлова и один из мальчиков. И тут, конечно, всем стало ясно, что пошлют Власова, как лучшего математика и лучшего рыбака... Я все ждал: вот сейчас подойдет. Но он до конца уроков даже и не взглянул на меня.

Домой я пошел в самом скверном настроении. Вышел из школы. Темно, снег скрипит под ногами. Вдруг слышу: кто-то сзади догоняет меня. Обернулся: Ваня Власов. Нам с ним не по дороге, но он зашагал рядом и спросил:

— Можно с вами, Степан Павлович?

— Пойдем,— говорю.

Прошли так молча с полкилометра. Я вижу — мучается мальчик. Вот этого самого мужества не хватает — сказать горькую правду. И так, знаете, захотелось помочь ему, подсказать, подтолкнуть. Но я удержался, и хорошо сделал, а то бы на всю жизнь осталось это пятно на его совести...

До самого дома он так и не сказал ни слова. А когда я уже отпер дверь и шагнул в сени, он вдруг взял меня за рукав и сказал как-то слишком даже спокойно:

— Степан Павлович, плюс я подставил... — сказал и заплакал, как маленький...

Степан Павлович подкинул веток в костер.

— Вот вам случай,— сказал он, помолчав.— Вот вам человек, так сказать. А чего в нем больше: мужества или малодушия — это решайте сами...

Костер затрещал, пламя взметнулось кверху,

осветило черные стволы. Снова какая-то птица прокричала в камышах, и все умолкло. Мы развесили пологи и легли спать.

А неделю спустя я узнал, что мальчика, который кинулся за реюшкой, звали Ваня Власов.

КАК Я ПИСАЛ РАССКАЗ

Недавно одна редакция предложила мне написать морской рассказ. Я согласился, сел к столу и начал:

«Эсминец несясь вдоль каменной гряды. Серый океан безмолвствовал. Блистали береговые огни. Лавируя среди подводных скал, лейтенант Калинин обогнул Елизаветинскую косу».

Тут затрещал телефон. Звонили опять из редакции и просили... Знаете что? Начать рассказ с буквы «М». У них там, оказывается, художник нарисовал очень красивую буквицу, и почему-то именно «М».

Сначала я возмутился. Как это, в самом деле, начать рассказ с буквы «М»? Конечно, могучий и гибкий русский язык таит в себе неограниченные возможности. Но язык нужно уважать. Можно бы, например, написать: «Миноносец несясь...» Но смотрите, что получается: «...носец несясь». Некрасиво, нехорошо...

Ну, а если: «Миноносец мчался...»? Так, пожалуй, лучше. И я написал: «Миноносец мчался...»

Вот с этого все и началось.

Вместо «вдоль» я написал «мимо». Вместо «каменной гряды» — «мола». Получилось неплохо: «Миноносец мчался мимо мола...» А дальше пошло совсем хорошо: «Мутное море молчало. Мелькали маяки. Маневрируя между мелями, мичман Малинкин миновал мыс Марии...»

Я поставил точку, покурил, прошелся по комнате. Потом прочитал все сначала, и, знаете, мне

понравилось: «Мутное море молчало...» Просто здорово!

Я снова сел к столу... Просидел час, два, три. Мрачные мысли метались в моем

мозгу. Слова на «М» толклись перед глазами, как мухи, и ни одно из них не влезало в рассказ.

Утром, злой и усталый, я сел завтракать. Жена заботливо налила мне крепкого кофе, но я отодвинул стакан и мрачно произнес:

— Маша, можно мне молока?..

Со мной творилось что-то неладное. Я понял, что медленно схожу с ума. Жена, должно быть, тоже это заметила. Я поделился с ней своим горем.

— Какие пустяки,— сказала она.— Брось этот рассказ, напиши другой. Помнишь, ты хотел про то, как сын не дает покоя родителям?

Я с радостью согласился, немедленно сел к столу и начал:

«Мария Михайловна моет маленькую Машеньку. Митя мешает матери.

— Мама,—мычит мальчик,—мама, мамочка...

Мария Михайловна молчит.

— Мамуля,—мурлычет Митя, можно мне маленькую морковку?

— Можно, милый.

— Мамуля, морковку моют?

— Моют, Митя.

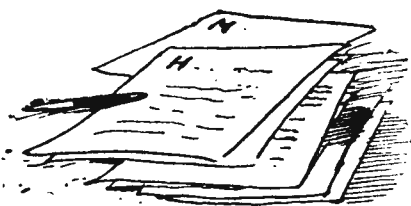
— Мылом?

Мария Михайловна мрачнеет.

— Митя, мальчик мой милый, молчи...»

Я встал, покурил, а когда вернулся к столу, с ужасом обнаружил, что опять весь рассказ получился на «М», и опять, как вчера, заплесали перед глазами мухи, мотыльки, малиновки, «мессершмитты», мошь...

«Довольно,—решил я,— не буду про маленьких

мальчиков... Напишу лучше про большого зверя. Вот, например:

«Матерый медведь молча мотал мохнатой мордой...»

Я вовремя остановился. «Нет,—решил я,—и про медведя нельзя. Лучше что-нибудь о природе, о луне... Это успокаивает...»

И я написал:

«Мельница. Молодой месяц мелькнул между мрачными...»

И здесь это «М»! Напишу-ка лучше про насекомых. Я обмакнул перо и твердо вывел заглавие:

«Мужественный муравей...»

Бросил ручку, надел пальто, вышел на улицу.

Морозило. Молодой мужчина мел мостовую. Миновал Москворецкий мост, мечтал милиционер. Мимо меня мчались машины, мотоциклы...

Я бросился домой...

Медный маятник мерно мерял минуты.

— Мама, Мурка мучает мышку!— кричала дочка из кухни.

Я окончательно растерялся. Столько слов на «М»! Неужели из них ничего нельзя склеить?

Я решительно взялся за перо, и все слова на «М» мгновенно разбежались. Я застонал.

Встревоженная жена посоветовала заглянуть в энциклопедию.

Полчаса спустя, в библиотеке, я выдавил из себя:

— Энциклопедию!

— Вам Большую Советскую? — вежливо спросила библиотекарьша.

— Малую! — закричал я на весь зал. — Мне Малую!

Должно быть, меня приняли за сумасшедшего... Но это ничего. Зато я выписал все слова на «М» и вечером во всеоружии сел к столу. Злосчастный рассказ быстро подвигался вперед. Хотите прочитать отрывочек? Пожалуйста:

«Миловидный мохнатый мальчик мешал молодому математику мерить медным меридианом Москворецкий мост. Мучая могучего мамонта, мертвые мухи махали мушкетами... Малиновая мартышка миролюбиво мяукала:

— Мудрец, миленький, можно мне мухомора? Мелодично мычали морские млекопитающие...»

Что, скажете — плохо? А попробуйте напишите получше. А потом, ведь вы же не знаете, чем это кончится...

Впрочем, и я не знаю: вчера опять звонили из редакции... Подходила жена. Она говорит, что у них там вышла ошибка: художник нарисовал не «М», а «Н»!

Пришлось бросить этот рассказ... Но неужели нужно начинать новый, на «Н»?

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАПИТАНА ВРУНГЕЛЯ. Повесть.	
<i>Рисунки К. Рогова</i>	5
МОРСКИЕ САПОГИ. Рисунки Л. Фалина	171
Морские сапоги	172
Золотой зуб	183
Шестьдесят четвертый	198
Костяная коробочка	214
Белушонок	227
Бутылка с «Красного якута»	236
Потомок викинга	249
Счастливый старик	260
Бандит	271
Мыс Мухтыль	289
РАССКАЗЫ СТАРОГО ВОЦМАНА. Рисунки В. Богаткина	311
Стрелок	312
Диверсант	320
Петушиное слово	328
МЫ БЫЛИ НА ДИКСОНЕ. Рисунки В. Богаткина	338
Капитанская привычка	340
Пегий	348
Нерпа	352
Где ночь живет	355
Олешки	358
Маки	361

СУДЬБА КОРАБЛЯ. Повесть. Рисунки В. Богаткина . .	365
ДВЕ ПОБЕДЫ. Рисунки В. Богаткина	426
Две победы	—
Комсомольский экипаж	446
Самый маленький	458
Рассказ учителя	465
Как я писал рассказ	474

Для младшего и среднего возраста

Некрасов Андрей Сергеевич

П О В Е С Т И И Р А С С К А З Ы

Ответственные редакторы

Т. В. Жарова и С. Е. Миримский

Консультант по художественному оформлению

П. И. Суворов

Технический редактор

Р. М. Кравцова

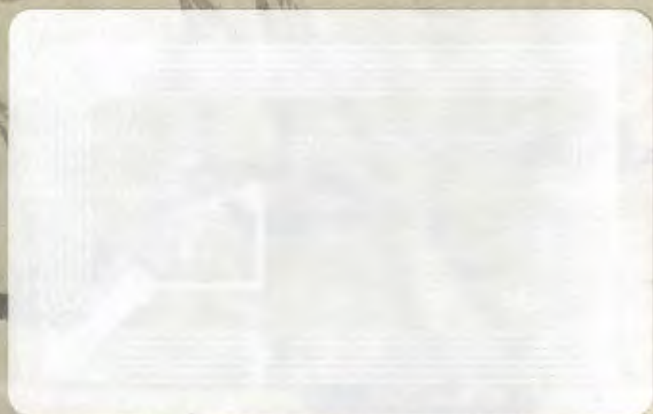
Корректоры

Г. В. Русакова и Э. Н. Сизова

Сдано в набор 4/IV 1967 г. Подписано к печати 12-VII
1967 г. Формат 60×90¹/₁₆. Печ. л. 30. (Уч.-изд. л. 23,08)
Тираж 75 000 экз. ТП 1967 № 243. Цена 94 коп.
на бум. № 2.

Издательство „Детская литература“. Москва,
М. Черкасский пер., 1. Фабрика „Детская книга“
№ 1 Росглавополиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров РСФСР. Москва, Сушевский
вал, 49. Заказ № 505.

2

94 коп.